

Институт философии РАН
Сектор философских проблем междисциплинарных исследований

НА ПУТИ
К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИМ
КОНЦЕПЦИЯМ
УПРАВЛЕНИЯ

Москва – 2005

УДК 100
ББК 74.226.3

На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. — М.: Институт философии РАН. 2005. — 266 с.

ISBN 5-89353-188-4

Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис, глубоко проникший в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование. Для этого нужны специальные технологии и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов и интеллектуальным силам России, которые оказались не готовы к их решению и уступили в очередной раз чиновникам права бесконтрольного управления страной. Российская наука имеет опыт успешной мобилизации для решения стратегических проблем в трудные для страны времена. Однако в те времена наука и государство были союзниками, а сегодня имеет место планомерное разрушение отечественной науки и в первую очередь Российской академии наук. Тем не менее, не уместны ссылки на объективные и субъективные трудности, надо брать на себя ответственность, разрабатывать и внедрять научно обоснованные технологии консолидации всех сил общества для возрождения России.

В сборнике предпринята попытка поиска новых подходов к развитию концепций управления на основе представлений о постнеклассической науке, предопределяющих концентрацию внимания на «человекоразмерных системах» (В.С.Степин), а также идей и наработок рефлексивного подхода в рефлексивно-субъектном аспекте (В.А.Лефевр) и в рефлексивно-деятельностном аспекте (Г.П.Щедровицкий).

Сборник носит проблемный характер и содержит промежуточные результаты проводимых исследований. Авторы статей и редакторы исходят из того, что они не владеют окончательными ответами на все возникающие вопросы. Однако, они надеются, что данный сборник внесет конструктивный вклад в движение на пути создания постнеклассических концепций управления.

ББК 74.226.3

Сборник подготовлен и издан при поддержке РГНФ, исследовательский проект 05-03-03473а

ISBN 5-89353-188-4

© ИФ РАН, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Лепский В.Е.</i> Преодоление бессубъектности – стратегическое направление развития системы управления в России	5
<i>Лепский В.Е.</i> Эскиз субъектно-ориентированной концепции социального управления (на пути к воплощению идей постнеклассической науки)	10
<i>Аршинов В.И., Буров В.А., Лепский В.Е.</i> Навигация, рефлексивные площадки и каналы реальности постнеклассического управления обществом	56
<i>Буров В.А.</i> Постнеклассическое знание навигатора. Управление генетическими программами автопоэзиса	70
<i>Аршинов В.И.</i> Синергетика как сетевое мышление	78
<i>Аршинов В.И., Буданов В.Г.</i> Синергетика постижения сложного	95
<i>Малинецкий Г.Г.</i> Инновационное государственное управление. Моделирование, мониторинг, риски	118
<i>Кононов Д.А., Кульба В.В., Малинецкий Г.Г.</i> Информационное управление и рефлексия	133
<i>Анисимов О.С.</i> Государственное управление и условия порождения стратегической элиты в России	149
<i>Реут Д.В.</i> Принцип субъектно-парциального дуализма в постнеклассической теории управления	212
<i>Куликова Н.В.</i> Субъект-субъектные отношения и модельные миры	226
<i>Савельзон О.</i> Постнеклассическая идеология и стабильный электоральный успех в России и Израиле	231
<i>Рабинович В.Л.</i> Небокнига и тенекнига (Дела управленческие)	254
Приложения	
<i>Степин В.С.</i> Глобальные научные революции: от классической к постнеклассической науке	259
<i>Лефевр В.А.</i> О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании	262

ПРЕДИСЛОВИЕ

Динамичные условия социально-политической и экономической обстановки в России резко повышают требования к оперативности и адекватности анализа ситуаций и принятия обоснованных решений на всех уровнях управления. Надежды на повышение качества управления в связи с использованием новых информационных технологий оправдались далеко не в той степени, которую ожидали. Основная причина в том, что в центр внимания до сих пор не поставлены конкретные субъекты управленческой деятельности.

Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств и действий с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности. То есть – с тем, что называется самоопределением и индивидуальной идентичностью. Эти проблемы все более обостряются в управленческой практике. Возникает все больше индивидов, характеризующихся «размытой идентичностью»; это – те, сознание которых оказывается фрагментированным. Отсутствие единства сознания влечет за собой отсутствие целостности в управлении.

Проблема индивидуальной идентичности и целостности лиц, принимающих решения, оказывается неразрывно связана с культурой и является ключевой в организации управления. Лишь при наличии свободы и единства сознания возможна ответственность за поступки, которая немислима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для традиционных культурных реальностей. И эти проблемы становятся важнейшими в социальном управлении. Их игнорирование приводит к бессубъектности социальных систем, культу примитивной рациональности при игнорировании морально-нравственных аспектов принятия управленческих решений, социальных норм и др. Все эти негативные явления ярко проявляются в условиях современной России.

Сегодня актуальна проблема, создания философских оснований, которые определяли бы базовые требования к концепциям научных областей знания, связанных с проблематикой управления, и которые позволяли бы преодолеть указанные выше негативные явления. Основой для решения этих проблем являются определенные В.С.Степиным представления о постнеклассической науке, предопределяющие концентрацию внимания на «человекообразных системах», а также идеи и наработки рефлексивного подхода в рефлексивно-субъектном аспекте (В.А.Лефевр) и в рефлексивно-деятельностном аспекте (Г.П.Щедровицкий). Учитывая особую значимость работ В.С.Степина и В.А.Лефевра для понимания статей данного сборника, редакторы сочли целесообразным опубликовать в приложении фрагменты их работ.

Сборник носит проблемный характер и содержит промежуточные результаты проводимых исследований. Авторы статей и редакторы исходят из того, что они не владеют окончательными ответами на все возникающие вопросы. Однако, они надеются, что данный сборник внесет конструктивный вклад в движение на пути создания постнеклассических концепций управления.

*В.И.Аршинов, В.Е.Лепский,
ноябрь 2005 г*

ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕССУБЪЕКТНОСТИ – СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В.Е.Лепский

(Институт философии РАН)

В последние годы властная элита внушает обществу, что она занята решением задачи, самой актуальной для России – построением «вертикали власти». Задумка хорошая, «никто не против», все за то, чтобы государственная машина была хорошо управляема, чтобы были сильными государство и общество. Поступают рапорты об успехах укрепления «вертикали власти», но настроение не оптимистическое. Почему?

Нет реальных изменений в лучшую сторону! Ни во внешней политике: Югославия, Ирак, Грузия, Китай, Украина и далее. Ни во внутренней политике: продолжающееся вымирание россиян, снижение обороноспособности, дальнейший развал образования и науки, отсутствие инновационных проектов, последовательный курс на превращение России в сырьевой придаток развитых стран и многое другое. Как следствие – нарастающая социальная нестабильность, проявляющаяся в высочайших темпах роста забастовочного движения, в протестном голосовании и др. Дистанцирование власти и общества увеличивается, что таит в себе угрозу для ее комфортного существования. Похоже, у власти проблемы с инстинктом самосохранения. Вместо того, чтобы разобраться в причинах складывающейся ситуации и найти адекватные решения, она, как всегда, использует политтехнологов.

Одни политтехнологи вернули политическую систему к привычной однопартийной, превратили Государственную думу в послушную пристройку «вертикали власти». Создали «политическую вертикаль».

Другие – пытаются успокоить общество «каплями демократии», сдувая пыль с реквизитов, в очередной раз ставят спектакль под названием «Общественная палата». Создают «общественную вертикаль» как очередную пристройку к «вертикали власти».

Третьи – пройдя стажировку на Украине, готовятся успокаивать российское общество новыми способами, готовятся к контрреволюционной борьбе. Возможно, они планируют создание новых пристроек к «вертикали власти». Эта группа самых прозорливых готовится к «пиру во время чумы», предвкушая компенсацию ожидаемых потерь от отмены губернаторских выборов.

Четвертые – ... и.т.п.

А глубинные причины лежат в том, что сегодня Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис, глубоко проникший в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны.

Выход из этого кризиса возможен, если Россия, несмотря на все трудности, препятствия и риски, найдет модель своего развития, специфичную ровно в той мере, в какой специфичной является она сама. Чтобы это произошло, потребуются разработать «концепцию бытия» и стратегию развития, понятную и приемлемую для большинства граждан современной России.

Способна ли создаваемая «вертикаль власти» решить эти проблемы: разработать стратегию российского развития, обеспечивающую достойную жизнь населению и могущество государства российского? Способна ли она мобилизовать общество на реализацию стратегии российского развития?

К сожалению, ответ на эти вопросы пока отрицательный. Создаваемая «вертикаль власти» задумывалась для решения тактических задач и поэтому не способна решать стратегические проблемы.

Во-первых, созданная «вертикаль власти» в значительной своей части это вертикаль не власти, а культа денег. И пока этот культ не будет преодолен, «вертикаль власти» будет действовать в его интересах. Зачем что-то менять коррумпированному чиновнику?

Зачем? Лишаться сложившихся персональных финансовых потоков от нефти, газа, металла, леса и других источников «доходов».

Зачем? Ведь развитие потребует высококвалифицированных управленцев, а подавляющую часть действующих некомпетентных чиновников сдует ветром перемен с насиженных мест.

Зачем? Встанет вопрос, кто незаконно обогатился на развале могущественной страны, обнищании и вымирании народа.

Во-вторых, созданная «вертикаль власти» в принципе не способна к разработке стратегии российского развития. В ней просто отсутствуют стратегические субъекты. Они в ней и не предусмотрены, так как они неминуемо порождают «прозрачность», а она совсем не нужна коррумпированным чиновникам. Поэтому, уважаемые идеалисты, радеющие за интересы России, не удивляйтесь тому, что наука полностью отстранена от реальных механизмов управления. А прикормленные политтехнологи — это тактики, а не стратеги. Они нужны для ситуационного манипулирования общественным сознанием.

В-третьих, «вертикаль власти» только кажется управляемой по вертикали. Это иллюзии. В принципе невозможна высокая управляемость по вертикали при высоком уровне коррупции чиновников, ибо в этом случае финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества. То же самое распространяется и на координацию по горизонтали, что мы наблюдаем, например, как в экономике, так и в борьбе с терроризмом.

В.В.Путину пора понять, как бы он ни старался, у него с такой «вертикалью власти» ничего хорошего не получится.

Надо лечить главную болезнь России — *бессубъектность*¹. Общество и страна давно уже поражены этой болезнью, поразившей в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, институты). Главные симптомы этой болезни: блокировка рефлексии, неспособность адекватно воспринять и оценить сложив-

1. Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, №1, 2002. С.5-23. (www.reflexion.ru)

щуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться, отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Эти симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

Уже исследованы и обозначены механизмы появления этой болезни и разрушения государственности. Это – внешний перехват инициатив в реформировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям); затягивания страны в кредитную зависимость; доминирования сырьевой ориентации; создания режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновения в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирования отдельных лидеров российской системы управления и их использования для управления страной «извне»; навязывания либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований, и другие. Приходится констатировать, что после развала КПСС и разрушения, хоть не самых эффективных, но работавших механизмов принятия и реализации государственных решений, новых действенных механизмов управления страной, сложного общественного хозяйства создано не было².

Бессубъектность многолика и по-своему отражается на деятельности всех акторов процесса российской трансформации³.

Несмотря на огромные полномочия, весьма ограничены управленческие возможности у Президента Российской Федерации. В своей активности и инициативности он явно стеснен высочайшим уровнем коррупции во всех ветвях власти, а также очевидной неопределенностью поддержки его реформаторских усилий со стороны властных элит. Сформировано устойчивое мнение, что у В.В.Путина нет управленческой команды единомышленников, поэтому он вынужден часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране. По этой же причине президент вынужден большую часть своих сил тратить не на управление страной, а на урегулирование отношений группировок во властной элите, конфликтующих за различные виды ресурсов. «Политическая вертикаль», созданная при «вертикали власти» в большей степени является инструментом чиновников, а не президента. Основным властным ресурсом прези-

2. Лепский В.Е. Субъекты перестройки и перестройка субъектов / Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В.И. Толстых. - М.: Русский путь, 2005. С.81-88. (www.reflexion.ru)

3. Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. N1. 2003. С.5-27. (www.reflexion.ru)

дента остается пока еще относительно высокий рейтинг среди населения — ресурс важный и мощный, но, увы, переменчивый. Сейчас это позволяет сохранять режим личной власти и ограничивать действия в определенной степени управляемой со стороны «вертикали власти» оппозиции, где «правые» бдительно следят за тем, чтобы политический курс был достаточно «либерален», а «левые» — чтобы он был более «социален». Но отношение населения к первому лицу государства уже иное, чем при Ельцине, которому долго верили, не требуя серьезных аргументов и практических подтверждений. Это отношение стало более рациональным: если обещаешь — выполни, иначе доверие может иссякнуть. Для судьбы российских реформ это обнадеживающий признак.

Администрация Президента, по сути, не представляет собой единой команды. Ни одна из сталкивающихся в ней группировок не имеет собственного «проекта будущего», и потому борьба между ними воспринимается в первую очередь как схватка за властные ресурсы. Отсутствие публичной дискуссии подменяется «сливом» информации и «пиар-акциями» через доверенных журналистов, чтобы поддержать интерес общественности к борьбе за влияние в окружении главы государства. Поэтому вряд ли можно рассматривать эти группировки в качестве полноценных субъектов государственного управления и развития.

Российская бюрократия, бесспорно, могущественна и почти бесконтрольна. В этих условиях чиновничий аппарат, осознав свою автономность и независимость от общества, присвоил себе права и функции господствующего класса и правящей партии. Но такое положение не может длиться вечно. Оно опасно не только для общества, но и для самого государства, так как в силу бесконтрольности чиновничий аппарат стремительно криминализируется и подвержен широкой и глубокой коррупции, что в сочетании с организованной преступностью и мощной «теневой» экономикой создает угрозу окончательной криминализации и государственных, и общественных ключевых структур. Многие чиновники, используя административный ресурс, попали в клан «новых богатых»; они охотно поддерживают союз крупного бизнеса и власти — как в центре, так и на местах. Отсюда утрата чувства социальной ответственности за судьбу реформ и страны. Как мы уже отмечали, бюрократия и сотрудничающие с нею властные элиты не заинтересованы в сколько-нибудь серьезных изменениях и переменах в стране. Для них, выросших в условиях полузакрытой экономики, режима «мутной воды», любые изменения «вправо» или «влево» — угроза нынешнему привилегированному положению. Это хорошо чувствуют и выражают в своей деятельности так называемые «партии власти», вчера цепко державшиеся за Ельцина, сегодня — за Путина. Пагубность их имитации «бурной деятельности» — по сути, на пустом месте (никакой стратегии развития они предложить не могут) — заключается, в частности, в дискредитации и без того малопопулярного понятия «центризма», которому в данном случае придается явно негативный смысл.

В полной мере признаками бессубъектности в контексте российского развития обладают и другие акторы социально-политической сферы трансформа-

ционных изменений в России, о чем неоднократно писалось на страницах журнала. К ним относятся: политические партии, финансово-промышленные группировки, малый и средний бизнес, представители среднего класса, научные, деловые, культурные и другие элиты.

Отдельно остановимся на населении, на поддержку которого опирается В.В.Путин. Бессубъектность населения в значительной степени сформировалась под воздействием государства, в лице коррумпированных чиновников, а в конечном счете под воздействием той самой «вертикали власти».

Во-первых, последовательное принципиальное расхождение реальных действий исполнительной власти с целевыми стратегическими ориентирами, выдвигаемыми Президентом Российской Федерации. Причем именно с теми, которые ожидает и которые одобряет большая часть населения страны: забота о наименее защищенных слоях населения, стимулирование и поддержка становления гражданского общества, возрождение российской науки и перевод России с сырьевого на инновационный путь развития и др.

Во-вторых, государство убедительно доказало населению, что последовательно действует в интересах узкой группы лиц, оно решает свои задачи в основном за счет населения. Эта политика проводилась и проводится планомерно, начиная с первых акций по фактической ликвидации личных накоплений и до сегодняшних дней, постепенно, все более перекладывая на плечи населения основные виды социальных услуг, при этом крайне бережно относясь к присвоенным узким кругом лиц национальным богатствам. Государство вызывающе демонстрирует обществу неприкосновенность лиц совершивших преступления перед народом и беззащитность населения перед государством.

В-третьих, в государственной машине доминирует официально отвергнутая населением идеология неолиберализма, чуждая традиционным российским ценностям, которая проповедует насаждение индивидуализма и культа денег.

В-четвертых, через манипулятивные механизмы политического PR и СМИ планомерно осуществляется оболванивание населения, превращение в бездумные «голосовальные автоматы» за кандидатов и партии, как правило, без обоснованных программ и стратегий.

В-пятых, организация разовых (для галочки) мероприятий по стимулированию механизмов построения гражданского общества, которые приносят намного больше вреда, чем пользы, формируя у населения адекватные представления об истинных целях организаторов этих мероприятий.

Сегодня у большей части населения наблюдаются серьезные сдвиги и изменения субъектного характера. Они образуют сложный и весьма противоречивый сплав качеств и черт «среднестатистического» индивида. Так называемое «протестное движение», в том числе забастовочное, носит спорадический и плохо организованный характер, оно идейно и политически слабо структурировано, и пока не способно оказать серьезное воздействие на течение событий и ход развития, выдвинуть собственную альтернативу нынешнему почти «застойному» курсу.

Несмотря на тяжелый диагноз бессубъектности российского общества и государства, в стране имеется пока плохо организованный, но высоко интеллектуальный и духовный потенциал, который нуждается в поддержке и задействовании со стороны государства и власти, отвечающих «персонально» за необратимость хода реформ, определение целевых ориентиров и принятие стратегических решений. Необходима организация всех созидательных сил общества, готовых принять активное и конструктивное участие в осуществлении Проекта создания процветающей России.

Главная задача в сложившихся кризисных условиях, должна быть связана с построением «стратегической вертикали власти», способной перейти от стихийных действий по развалу страны к стратегической проектной работе по ее развитию. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование. Для этого нужны специальные технологии и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов и интеллектуальным силам России, которые оказались не готовы к их решению и уступили в очередной раз чиновникам права бесконтрольного управления страной. Сегодня крайне актуальна проблема разработки научного обеспечения для создания адекватных технологий социального управления и развития. Российская наука имеет опыт успешной мобилизации для решения стратегических проблем в трудные для страны времена. Однако в те времена наука и государство были союзниками, а сегодня имеет место планомерное разрушение отечественной науки и в первую очередь Российской академии наук. Тем не менее, не уместны ссылки на объективные и субъективные трудности, надо брать на себя ответственность, разрабатывать и внедрять научно обоснованные технологии консолидации всех сил общества для возрождения России.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

**ЭСКИЗ СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОНЦЕПЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
(на пути к воплощению идей постнеклассической науки)**

В.Е.Лепский
(Институт философии РАН)

Введение

Динамичные условия социально-политической и экономической обстановки в России резко повышают требования к оперативности и адекватности анализа ситуаций и принятия обоснованных решений на всех уровнях управле-

ния. Надежды на повышение качества управления в связи с информатизацией не оправдались. Основная причина в том, что в центр внимания до сих пор не поставлен конкретный субъект управленческой деятельности.

Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств и действий с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности, то есть с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Проблема индивидуальной идентичности все более обостряется в управленческой практике. Возникает все больше индивидов, характеризующихся «размытой идентичностью»; это те, сознание которых оказывается фрагментированным. Отсутствие единства сознания влечет за собой отсутствие целостности в управлении.

Проблема индивидуальной идентичности и целостности лиц, принимающих решения, оказывается неразрывно связана с культурой и является ключевой в организации управления. Лишь при наличии свободы и единства сознания и целостности человека возможна ответственность за поступки, которая немислима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для традиционных культурных реальностей. И эти проблемы становятся важнейшими в социальном управлении. Их игнорирование приводит к потере целостности управления, бессубъектности социальных систем, культу примитивной рациональности при игнорировании морально-нравственных аспектов принятия управленческих решений, социальных норм и др. Все эти негативные явления проявляются в условиях современной России.

Сегодня актуальна проблема, создания философских оснований, которые определяли бы базовые требования к концепциям научных областей знания, связанных с проблематикой управления, и которые позволяли бы преодолеть указанные выше негативные явления. Основой для решения этой проблемы являются определенные В.С.Степиным¹ представления о постнеклассической науке, предопределяющие концентрацию внимания на «человекоразмерных системах». А также идеи и наработки рефлексивного подхода в рефлексивно-субъектном аспекте идеологом которого является В.А.Лефевр² и в рефлексивно-деятельностном аспекте – Г.П.Щедровицкий. Ибо, только субъекты, обладающие индивидуальной идентичностью и онтологической целостностью, становятся системообразующими элементами в социальном управлении.

1. Степин В.С. Глобальные научные революции: от классической к постнеклассической науке (настоящий сборник).

2. Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании (настоящий сборник).

Эскиз предлагаемой в работе субъектно-ориентированной концепции социального управления является попыткой сделать первый шаг на пути решения поставленной проблемы и не претендует на завершенную, готовую к практическому использованию работу. Надежды на развитие данной концепции до уровня соответствующего потребностям практики социального управления основываются на уверенности в фундаментальности исходных теоретических оснований, а также на успешности частной версии этой концепции, разработанной автором на основе многолетнего опыта создания автоматизированных систем организационного управления для высших звеньев управления страной³.

Решение поставленной проблемы будет способствовать усилению позиций философии в авангарде современных наук об управлении.

Исходные посылки разработки субъектно-ориентированной концепции социального управления

Проведенный нами анализ основных концепций, подходов, базовых средств и технологий социального управления⁴ позволяет, на наш взгляд, обоснованно утверждать, что основные проблемы неадекватных представлений связаны с тем, что в центр внимания до сих пор не поставлены конкретные субъекты, их деятельность (жизнедеятельность) и взаимодействия.

Сформулируем вытекающие из проведенного анализа базовые исходные положения для постановки проблемы развития представлений о социальном управлении на основе субъектно-ориентированного подхода:

- Ориентация на преодоление доминанты «субъект–объектного» подхода в социальном управлении.
- Ориентация на преодоление доминирования нормативно-деятельностного подхода над субъектным подходом в организации деятельности объекта управления.
- Ориентация на преодоление доминанты выбора готовых решений (альтернатив) над решением проблем.
- Ориентация на преодоление доминанты анализа над синтезом.
- Ориентация на организацию непрерывного развития объектов управления, как субъектов деятельности (жизнедеятельности).
- Ориентация на обеспечение социальной (психологической) безопасности объектов управления, как субъектов деятельности (жизнедеятельности).

Ориентация на преодоление доминанты «субъект–объектного» подхода в социальном управлении. Между исследователем и объектом в естественнонаучном подходе традиционны отношения по схеме «субъект–объект». Такая система отношений нашла свое отражение при постановке и решении задач социального управления.

3. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204 с.

4. Березкин Б.С., Дракин В.И., Лепский В.Е. Проблемы психологического обеспечения автоматизированных систем управления//Психологический журнал. 1984. № 4. С.74-82.

Принципиальным для субъектного подхода является снятие противопоставления между «исследователем» и «объектом исследования». В контексте субъектного подхода появляется возможность перехода от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект», что позволяет, в частности, наметить пути преодоления ограниченности естественно-научной парадигмы с позиций субъектного подхода.

Естественно-научные традиции, которые сложились в первой половине нашего столетия, содержат в себе ряд скрытых постулатов или эвристик.

Постулат первый: «Теория об объекте, имеющаяся у исследователя, не является продуктом деятельности самого объекта» (В.А.Лефевр, 1973).

Этот постулат фиксирует доминирующее положение исследователя по отношению к объекту. Тезис о том, что «природа не злонамеренна», является одной из форм осознания этого постулата.

Постулат второй: «Объект не зависит от факта существования теории, отражающей этот объект» (В.А.Лефевр, 1973).

Второй постулат дает возможность говорить о свойствах и законах, присущих вещам. Они существуют объективно и лишь фиксируются исследователем.

Постулат третий: «Истинно знание, полученное (проинтерпретированное) только на основе естественно-научных методов исследований».

Третий постулат приводит к игнорированию правомерности и специфичности «гуманитарного знания», источником которого могут быть субъективный опыт и представления, искусство и др.

Эти постулаты возникли в основном в рамках физических исследований.

В соответствии с этими постулатами между исследователем и объектом сложились отношения по схеме «субъект - объект». Этот же тип отношений был положен в методологические основы построения кибернетики. Принципиальная ограниченность подхода кибернетики отчетливо проявилась при попытках моделирования социальных систем, конфликтных взаимодействий, процессов общения, социальных и психологических феноменов, в которых поведение объекта оказывалось существенно зависящим от отношений с исследователями, от «модели ситуации, которую строил объект», от целей объекта и исследователя и их взаимных представлениях.

Противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для объектов «не наделенных психикой» (сознанием). В случае, когда исследователю противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отношениях «субъект - субъект» явно происходит нарушение «физических» постулатов. Исследователь становится всего лишь одним из персонажей в специфической системе рефлексивных отношений. Объекты становятся сравнимыми с исследователем по совершенству.

Ориентация на преодоление доминирования нормативно-деятельностного подхода над субъектным подходом в организации деятельности объекта управления.

В социальном управлении долгие годы преобладало представление об однородности и схожести образов мира у субъектов деятельности и, фактически, «навязывание» объектам управления со стороны субъектов управления нормативных представлений о мире и процессах управления. Эти тенденции находили свое отражение и в инженерной психологии, что проявлялось в ориентации на «обобщенного», деперсонифицированного оператора. Современные представления психологии труда и инженерной психологии базируются на необходимости учета принципиальных различий в строении образов мира конкретных субъектов деятельности.

Перед объектом управления, как субъектом деятельности (жизнедеятельности), сегодня возникает ряд принципиально новых личностных проблем, решение которых невозможно решить в рамках нормативного подхода⁵. Эти проблемы порождены:

- высоким темпом обновления знаний, характерным для информационного общества, который влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации;
- тем, что, многие социальные процессы существуют относительно небольшое время, усиливается множественность социальных реальностей и динамика их существования;
- резким усилением в условиях современной России (и на всем постсоветском пространстве) давления техногенной цивилизации на индивидуальное бытие человека, разрушающее установившийся баланс социальной активности и внутреннего гомеостаза индивида, ослабляющее его психическую саморегуляцию;
- усложнением естественной интеграции прошлого и будущего в единую цепь событий, образующей индивидуальную биографию и лежащей в основе личностной идентичности (и без того подверженной весьма тяжелым традиционно выделяемым кризисам);
- все более усложняющейся в современном обществе цепью социальных и технологических опосредований между действием и его результатом, что усложняет рациональное планирование действий как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств и действий с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к

5. Лекторский В.А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова. – М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С.170-205.

той или иной коллективной общности, т.е. с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Проблема индивидуальной идентичности все более обостряется в управленческой практике. Возникает все больше индивидов, характеризующихся «размытой идентичностью»; это – те, сознание которых оказывается фрагментированным. Отсутствие единства сознания влечет за собой отсутствие целостности в управлении. Без единства сознания невозможно существование «Я». Проблема индивидуальной идентичности и целостности лиц, принимающих решения, оказывается неразрывно связана с культурой и является ключевой в организации управления. Лишь при наличии единства сознания и целостности человека возможна ответственность за поступки, которая немислима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для основных традиционных культурных реальностей. И эти проблемы становятся важнейшими в социальном управлении. Их игнорирование приводит к потере целостности управления, бессубъектности социальных систем, культу примитивной рациональности при игнорировании морально-нравственных аспектов принятия управленческих решений, социальных норм и др. Все эти негативные явления проявляются в условиях современной России.

Рассмотренное положение может быть сформулировано в другом контексте как смена доминанты социальной адаптации (социализации) субъектов управленческой деятельности на доминанту создания условий и поддержку всех форм активности субъектов управленческой деятельности.

Анализ развития управленческой деятельности позволяет сделать вывод, что краеугольной проблемой была и остается проблема поиска гармонии нормативного и субъектного подходов. При решении этой проблемы имеет место в большинстве случаев неосознаваемый конфликт двух базовых парадигм: «поддержки управленческих решений» и «поддержки конкретных субъектов управленческой деятельности».

Существенные различия в ориентации подходов на поддержку управленческих решений и поддержку конкретных субъектов управленческой деятельности иллюстрируются в табл. 1.

Важно отметить, что эти подходы (парадигмы) не следует рассматривать как альтернативные, они должны дополнять друг друга. Это возможно при расширении «пространства проблематизации», введении парадигмы, включающей в себя обе упомянутые выше парадигмы как частные стратегии решения отдельных задач. На наш взгляд, это можно сделать в рамках субъектно-ориентированного подхода.

Одной из принципиальных особенностей субъектно-ориентированного подхода должна стать смена объектов исследования, проектирования и управления, которыми становятся как системы деятельности в целом, так и их субъекты, активно участвующие в развитии своей деятельности.

Ориентация на преодоление доминанты выбора готовых решений (альтернатив)

Таблица 1

Принципиальные различия парадигм поддержки управленческих решений и поддержки субъектов управленческой деятельности

Аспекты сравнения	Поддержка управленческих решений	Поддержка конкретных субъектов управленческой деятельности
Отношение к субъекту	Ориентация на абстрактного (обобщенного субъекта)	Ориентация на конкретных субъектов (личность, группа, организация)
Роль субъекта	Принятие решений в соответствии с четко регламентированными целями и нормами; руководитель-исполнитель	Принятие решений в слабо-регламентированных условиях. Активный руководитель
Управленческие ситуации	Ориентация на прогнозируемые и исследованные ситуации (ретроспективный подход)	Ориентация на нестандартные ситуации (проблемный подход)
Основные методы	Нормативные модели, количественный анализ	Дескриптивные модели, качественный анализ
Методы моделирования (ведущие)	Функциональной аналогии; методы, отстраненные от деятельности ЛПП	Структурно-функциональной аналогии; деятельностьно-опосредованные методы исследования и моделирования
Базовые знания	Предметные	Процедурные
Рефлексивные процессы	Формирование представлений ЛПП об объектах управления и системе поддержки	Актуализация и поддержка рефлексивных структур сознания ЛПП
Подготовка субъектов к деятельности	Обучение знаниям и навыкам для использования нормативных методов	Формирование базовых качеств для управленческой деятельности

над решением проблем. Анализ управленческой практики позволяет сделать вывод, что для руководителей типична ситуация «принятия решений» (выбора) в условиях отстраненности от процессов становления альтернатив. Эта ситуация, и ее психологические последствия ускользают, как правило, из поля зрения, как самих руководителей, так и лиц участвующих в обеспечении их деятельности.

Фактически, имеет место редукция творчества к выбору. В процедурах выбора, несомненно, содержатся ключевые предпосылки свободы творчества, воли, совести. Однако нельзя не признавать ограниченность такой трактовки:

ЛПР в большинстве случаев оказывается лишь косвенно вовлеченным в решение управленческих проблем, что отражается на принимаемых решениях (осознанность и прогнозирование последствий, учет этических норм и эталонов, защищенность от манипуляций и др.). Название «лицо, принимающее решения» приобретает буквальный смысл: «принимающее решение», а не решающее управленческие проблемы. Другими словами, редукция творчества к выбору, влечет за собой редукцию субъекта управленческой деятельности к субъекту деятельности по выбору решений.

Ориентация на преодоление доминанты анализа над синтезом. В настоящее время установка на анализ данных продолжает играть ведущую роль в управленческой деятельности, извлекаемых из многочисленных информационных потоков. Этому способствует стимулирующая роль компьютеров, как аналитических инструментов.

Доминанта аналитического способа мышления неразрывно связана с ориентацией на сбор и обработку первичной информации и декомпозицию проблемной ситуации на составные части, на познание фрагментов и деталей, а не целого.

При решении целого ряда задач оказывается недостаточным использовать только одно системное представление и, следовательно, использовать лишь одно членение целого на элементы. Задачу оказывается возможным решить только при использовании различных системных представлений, связанных друг с другом. Объект как бы проецируется на несколько экранов. Каждый экран задает свое собственное членение на элементы, порождая тем самым определенную структуру объекта. Экраны связаны друг с другом так, что исследователь имеет возможность соотносить различные картины, минуя сам объект. Подобное «устройство», синтезирующее различные системные представления, было названо «конфигуратором» (В.А.Лефевр, 1973).

Ориентация на организацию непрерывного развития объектов управления, как субъектов деятельности (жизнедеятельности). Социальное управление – это непрерывный процесс развития деятельности и ее субъектов на основе соорганизации деятельности пользователей, персонала поддержки, разработчиков и других категорий лиц, включенных в такого рода процессы. Нужны новые онтологические схемы, технологии, организации управленческой деятельности, отражающие специфику взаимодействия и «взаимопроникновения друг в друга» всех видов деятельности и субъектов.

Ориентация на обеспечение социальной (психологической) безопасности объектов управления, как субъектов деятельности (жизнедеятельности). В контексте работ по социальному управлению уделяется явно недостаточно внимания потенциально возможным негативным последствиям социального управления для объектов управления как субъектов деятельности (жизнедеятельности). Вместе с тем анализ опыта различных видов социального управления не дает оснований для игнорирования этой проблемы. Бесконтрольные с точки зрения безопасности процессы социального управления могут привести к следующим негативным последствиям:

- использование манипулятивных технологий в социальном управлении;
- снижение творческой активности пользователей в условиях преобладания нормативных решений;
- неоправданное повышение уровня риска принимаемых решений за счет переноса ответственности на субъектов социального управления;
- снижение степени защищенности от манипулятивных воздействий на процессы принятия решений в условиях опосредствованных взаимодействий и не достаточно «прозрачных» для ЛПР процессов подготовки исходных данных и рекомендаций;
- деформация потребностно-мотивационной сферы пользователей;
- деформация мышления;
- психофизические нарушения, возникновение неврозов и многие другие.

Сформулированные исходные положения подчеркивают, на наш взгляд, актуальность и задают ориентиры субъектно-ориентированного подхода к развитию представлений о социальном управлении.

Базовые понятия

Социальные субъекты — носители различных видов деятельности (жизнедеятельности) или взаимодействий: индивиды, группы, организации, государства или иные социальные образования.

Объекты социального управления — социальные субъекты, включенные в разнообразные виды деятельности (жизнедеятельности) и их взаимодействия.

Субъекты социального управления — социальные субъекты, осуществляющие воздействия на других социальных субъектов с целью поддержания и развития выполняемых ими различных видов деятельности (жизнедеятельности), стимулирования и поддержки процессов их развития, взаимодействий и самоорганизации.

Субъекты социального самоуправления — социальные субъекты, осуществляющие воздействия на самих себя с целью поддержания и развития выполняемых ими различных видов деятельности (жизнедеятельности), стимулирования и поддержки процессов развития, взаимодействий и самоорганизации.

Социальное управление — форма взаимодействия субъектов, в которой осуществляются воздействия одних социальных субъектов на других с целью поддержания или развития выполняемых ими различных видов деятельности (жизнедеятельности), стимулирования и поддержки процессов их развития, взаимодействий, самоорганизации, формирования новых субъектов.

Актуализированная система социального управления (позиция внешнего наблюдателя) — W

$$W = \langle S, D, \Omega, \Psi, Q, E \rangle,$$

где: S — актуализированные субъекты, включенные в процессы социального управления; D — функциональные позиции субъектов; Ω — рефлексивная структура актуализированных субъектов. **Рефлексия** — это способность некоторых систем строить модели себя и других систем, одновременно видеть себя

строящими такие модели. На этом пути удастся провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания; Ψ – структура отношений между субъектами; Q – процессы взаимодействий субъектов; E – актуализированная среда обитания субъектов.

Уровни рассмотрения субъектно-ориентированной концепции социального управления

Аналогично приведенному нами в работе⁶ рассмотрению субъектно-ориентированного подхода к компьютеризации управленческой деятельности предлагаются следующие уровни рассмотрения проблемы.

Концептуально-методический:

- субъектно-деятельностный уровень (позиционирование субъектов и методологических схем организации их деятельности и взаимодействия);
- критериальный уровень;
- уровень принципов (структура принципов организации деятельности и взаимодействия);
- методический уровень.

Технологический:

- концептуально-технологический;
- инструментально-технологический.

Реализационный (практический опыт).

Основная направленность концептуального уровня связана с вопросами «Что должно быть сделано?» и «Как это лучше сделать?» В контексте поставленной в данной статье проблемы мы ограничимся рассмотрением только отдельных аспектов концептуально-методического уровня – позиционирования субъектов и методологических схем организации деятельности и взаимодействий субъектов, критериев и принципов, в которых, на наш взгляд, удалось осуществить интеграцию базовых идей Г.П.Щедровицкого и В.А.Лефевра, а также исходных положений постнеклассической науки (В.С.Степин).

Рассмотрим некоторые соображения поясняющие содержание аспектов технологического уровня. Технология организации социального управления представляет собой систему материальных и идеальных (знания) средств, используемых при организации деятельности субъектов, участвующих в процессах управления. Представления этого уровня фактически определяют «Что может быть сделано?» и «Как это лучше использовать?» На технологическом уровне, на наш взгляд, целесообразно ввести два представления (позиции): концептуально-технологическое и инструментально-технологическое.

Под концептуально-технологическим представлением будем понимать порождаемую из концептуальных соображений (вышележащих уровней) системную организацию и логику процессов социального управления.

6. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204 с.

Под инструментально-технологическим представлением будем понимать проекцию концептуально-технологических представлений на сложившиеся технологии, то есть реализацию концептуально-технологических представлений современными инструментальными средствами и требования к созданию новых типов инструментальных средств.

Технологический уровень является связующим между концептуальными представлениями субъектного подхода и представлениями в научном обеспечении и практике сложившихся подходов к социальному управлению.

Технологии социального управления – это не только «испытательный полигон» методологических, теоретических и методических средств, они сами являются источником новых проблем и требований к их решениям для концептуального уровня.

Для технологического уровня центральной является проблема взаимодействия различных компонентов, способов управления. В этой связи, на наш взгляд, первоочередной проблемой является определение базовой модели средств деятельности пользователей, принципов ее организации и функционирования.

В организации управленческой деятельности долгие годы доминировало не только «навязывание» субъектам управления нормативных представлений о мире и процессах управления, но и мнение об однородности и схожести образов мира, у субъектов деятельности. Эти тенденции находили, в частности, свое отражение и в инженерной психологии, что проявлялось в ориентации на «обобщенного», деперсонифицированного оператора.

Современные представления психологии труда и инженерной психологии базируются на необходимости учета принципиальных различий в строении образов мира конкретных субъектов любых видов деятельности, так и представителей разных профессий. Е.А.Климов (1995) ввел представление о субъектных мирах субъектов профессиональной деятельности и заметил: «Нет оснований говорить о том, что профессионалы живут в «едином» (всеми одинаково мыслимом) мире: скорее наоборот – разные профессионалы живут в разных субъектных мирах».

Многообразие включений субъектов управленческой деятельности в разнообразные социальные отношения предполагает организацию сложнейшей структуры субъектных миров.

Позиционирование объектов и субъектов социального управления

Позиционирование объекта управления как субъекта деятельности (жизнедеятельности). Выделение субъектных позиций объекта управления S' является процедурой определяющей базовые функции социального управления и соответствующие им методологические схемы организации взаимодействия субъектов.

К базовым субъектным позициям объекта управления S' отнесем позиции связанные с организацией деятельности (группа 1):

Позиция S' 1.1. Выполнение устоявшихся (нормированных) видов деятельности.

Позиция S' 1.2. Нахождение и действия в точках разрыва устоявшихся видов деятельности (коммуникации).

Позиция S' 1.3. Развитие устоявшихся видов деятельности.

Позиция S' 1.4. Освоение новых видов деятельности.

В состав рассматриваемых видов деятельности S' могут входить деятельности связанные с социальным управлением, если он является его субъектом.

К частным субъектным позициям объекта управления S' отнесем позиции, используемые в базовых позициях (группа 2):

Позиция S' 2.1. Разнообразные рефлексивные позиции, включая позиции использования рефлексивных технологий (рефлексивного моделирования, организации и вскрытия рефлексивного управления, рефлексивного программирования и др.).

Позиция S' 2.2. Самоопределение и идентификация субъектов.

Позиция S' 2.2. Самоорганизация субъектов.

Позиция S' 2.3. Развитие субъектов.

Позиция S' 2.4. Удовлетворение разнообразных потребностей (познавательных, в общении, в отдыхе и др.).

Список частных субъектных позиций может быть продолжен.

Позиционирование субъекта социального управления. В состав базовых позиций субъекта социального управления S'' входят позиции, соответствующие базовым позициям объекта управления и ориентированные на их обеспечение, а также ряд дополнительных позиций.

Позиция S'' 1.1. «Сопровождение» устоявшихся видов деятельности S'.

Позиция S'' 1.2. «Поддержка» S' в ситуационных точках разрыва устоявшихся видов деятельности (коммуникации).

Позиция S'' 1.3. Стимулирование и поддержка «развития» устоявшихся видов деятельности S'.

Позиция S'' 1.4. «Инновационное обеспечение» перехода S' к новым видам деятельности.

Позиция S'' 1.5. «Конструирование» новых видов деятельности S'.

Позиция S'' 1.6. Формирование и поддержание общей для S' и S'' идеологии, обеспечивающей целостность социального управления.

В состав базовых позиций S'' входят также позиции аналогичные S' индивидуальные позиции S'', связанные с организацией своей деятельности.

В состав частных позиций S'' входят позиции, ориентированные на обеспечение частных позиций S', а также аналогичные S' индивидуальные позиции S''.

Заметим, что принципиально важно, предложенная схема позиционирования субъектов и объектов социального управления имеет фрактальную структуру.

Проблема прав и доверия субъектов и объектов социального управления. Права субъектов управления S'' и доверия объектов управления S' могут определять-

ся как различного рода нормативными документами и социальными нормами, так и самое главное, учитывая ярко выраженный проблемный характер управленческой деятельности, наличием общей для S'' и S' идеологии.

Социальное управление в условиях отсутствия общей для S'' и S' идеологии потенциально превращается из управления в манипулирование. Что мы и наблюдаем как типичное явление в условиях современной России.

Общие представления об основных методологических схемах организации социального управления

Основные цели формирования и введения в практическую работу методологических схем организации деятельности и взаимодействия S'' и S' связаны с необходимостью задания определенных технологий обеспечивающих учет разносторонних взаимодействий различных видов деятельности и их субъектов с четкой фиксацией продуктов обмена (нормы, средства, знания и др.) и форм их кооперации. Только при наличии таких методологических схем оказываются корректными задачи обеспечения и поддержки субъектов в системе различных видов деятельности.

Таблица 2

Методологические схемы организации взаимодействий субъектов в социальном управлении

Цели и этапы	Развитие деятельности S'	Внедрение проектов новых видов деятельности S'	Ситуации возникновения «точек разрыва» в устоявшихся видах деятельности (коммуникациях)	Обеспечение на заданном уровне устоявшихся видов деятельности S'
Субъекты				
S'' (социальные инженеры)	<i>Конструирование</i>			
S' и S'' (персонал инновационного обеспечения)	<i>Развитие</i>	<i>Внедрение инновационных проектов</i>		
S' и S'' (персонал поддержки)			<i>Поддержка</i>	
S' и S'' (персонал сопровождения)				<i>Сопровождение</i>

Основаниями для построения таких схем могут служить, с одной стороны, цели и задачи организации деятельности связанные с введенным нами позиционированием субъектов, а с другой – специфические технологии сложившиеся в культуре социального управления.

Выделены следующие базовые методологические схемы организации управленческой деятельности:

- конструирование новых видов деятельности;
- развитие устоявшихся видов деятельности;
- внедрение инновационных проектов новых видов деятельности;
- сопровождение устоявшихся (нормированных) видов деятельности;
- поддержка субъектов в точках разрыва устоявшихся видов деятельности (коммуникации) и частных позициях (группа 2).

Эти схемы не являются альтернативными, более того они дополняют друг друга.

Фрагмент структуры методологических схем организации совместной деятельности S'' и S' (социального управления), соответствующий проведенному позиционированию, представлен на рис. 1.

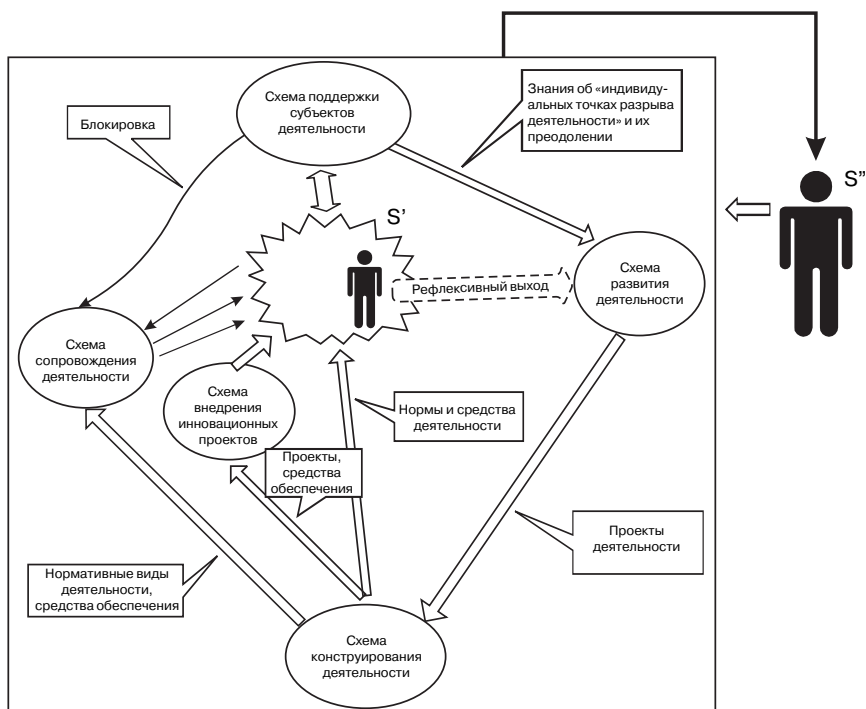

Рис. 1. Структура методологических схем организации социального управления

Рассмотрим особенности двух наиболее технологически сложных методологических схем: схемы развития управленческой деятельности и схемы поддержки субъектов деятельности.

Схема развития устоявшихся видов деятельности

Попытка применить нормативно-деятельностный подход к организации деятельности S' на основе кооперации субъектов включенных в процессы социального управления (в том числе и S'') нашла свое отражение в схеме развития устоявшихся видов деятельности. В качестве методологической основы схемы развития взяты базовые идеи нормативно-деятельностного подхода Г.П.Щедровицкого, а в качестве основы методической базы могут быть использованы организационно-деятельностные игры.

Рассмотрим методологическое описание схемы развития деятельности, при этом в основу рассмотрения положим нормативное описание управленческой деятельности.

«Нормативные» изображения деятельности являются одним из частных видов изображения деятельности, включающих в качестве обязательных компоненты предписания того, что каждый человек должен сделать, чтобы стать членом социальной системы.

Введем следующие компоненты «нормативного» изображения деятельности: социальная среда (E) на фоне которой осуществляется деятельность; норма деятельности (N), определяющая должностную позицию субъекта деятельности⁷; субъект деятельности (S'), в качестве которого могут выступать индивид, группа, организация и др.

Для того, чтобы осуществить развитие деятельности, связанное с переходом на новую норму N^* , субъект должен выйти из своей прежней позиции субъекта (деятеля) S' и перейти на новую позицию S^{**} , внешнюю по отношению к прежней уже выполненной деятельности и по отношению к будущей проектируемой деятельности.

Выход в позицию S^{**} называют рефлексивным выходом, новую позицию S^{**} – рефлексивной позицией, а знания, вырабатываемые в ней – рефлексивными знаниями. Для рефлексивной позиции прежняя деятельность выступает в качестве материала анализа, а будущая деятельность – в качестве проектируемого объекта.

Две деятельности – рефлекслирующая и рефлекслируемая могут выступить в кооперации друг с другом, если между ними будут установлены те или иные

7. Задание нормы предполагает:

- определение задач (функций), для решения которых организована данная деятельность (рабочее место, должность), определение вытекающих из задач обязанностей, возлагаемых на субъектов деятельности;
- определение прав и полномочий, обеспечивающих выполнение задач и обязанностей, а также необходимого оснащения (оборудования, средств и т.д.);
- определение ответственности.

собственно кооперативные связи деятельности и будут выработаны соответствующие им организованности материала.

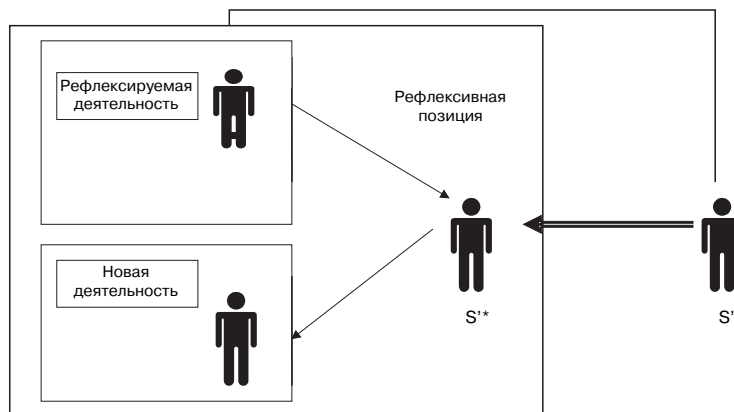

Рис. 2. Схема рефлексивной кооперации для развития устоявшихся видов деятельности

Рефлексирующая и рефлексируемая деятельности не равноправны, они лежат на разных уровнях иерархии, у них разные объекты, разные средства деятельности, они обслуживаются разными по своему типу знаниями. Чтобы преодолеть эти различия и соединить эти деятельности в рамках одной кооперации практического, теоретического и методического типа, нужны весьма сложные и изощренные организованности.

В практике управленческой деятельности, как правило, рефлексивный выход осуществляется коллективами разработчиков, экспертов, системных аналитиков и персонала, обеспечивающего деятельность S' . В этой связи имеют место сложные механизмы рефлексивной кооперации.

При соответствующих модификациях технологий Щедровицкого, рассмотренная схема развития деятельности в наибольшей степени соответствует гармоничному сочетанию субъективных (естественных) представлений S' и нормативных (искусственных, превнесенных извне) представлений специалистов по развитию деятельности S' . Она предназначена преимущественно для обеспечения включенности пользователей в проектирование своей деятельности на основе новых норм и учет корпоративного опыта в нормативно-деятельностном подходе.

Схема поддержки субъектов в точках разрыва устоявшихся видов деятельности (коммуникации) и частных позициях (группа 2)

Проблемность управленческих ситуаций в социальных системах сегодня определяется далеко не только сложностью объектов управления, средств деятельности и окружающей среды, но и рядом принципиально новых моментов, ха-

рактрных для современного этапа общественного развития. Наиболее актуальные из них мы рассмотрели выше в исходных посылках субъектно-ориентированного подхода. Перед субъектами возникает ряд принципиально новых индивидуальных проблем, решение которых невозможно в условиях нормативного подхода.

В управленческой практике все более обостряется проблема индивидуальной идентичности. Отсутствие единства сознания влечет за собой отсутствие целостности в управлении. Проблема индивидуальной идентичности оказывается неразрывно связана с проблемой целостности в управлении. Решить эту проблему можно только в рамках субъектного подхода. Ибо, только субъект, обладающий индивидуальной идентичностью, становится системообразующим элементом системы управления.

Методологическая схема поддержки субъектов носит ярко выраженную субъектную ориентацию, она предназначена для поддержки при затруднениях возникающих у конкретного человека, занимающего должностную позицию, но попавшего в ситуацию возникновения «индивидуальных точек разрыва деятельности». В методологическом плане эта схема наиболее близка рефлексивно-субъектной ориентации Лефевра.

Как ни парадоксально, но Щедровицкий, придерживаясь ведущей методологической ориентации на бессубъектность, тем не менее, ставил проблему возвышения человека над организационными структурами, для преодоления их ограничений, противоречий, в том числе возможных этических нарушений. И это одна из ключевых точек сближения взглядов Щедровицкого и Лефевра.

«Вы никуда не уйдете от развития организационных структур, и выход состоит только в том, что человек победит в этом соревновании с организационными структурами. Единственный способ выскочить из западни – это сделать индивида более сильным, чем эти структуры. Должна наступить эпоха соревнования структур и индивида. И я стою на стороне индивида, поскольку я считаю, что он обманет эти структуры и победит».⁸

В контексте субъектно-ориентированного подхода к организации деятельности, ведущим должно быть представление о проблемной ситуации, исходящее от субъекта деятельности. Наиболее конструктивным, на наш взгляд, является выделение «способа существования» человека (группы) как субъекта деятельности по аналогии с предложенным С.Л.Рубинштейном⁹ представлением о двух способах существования человека как субъекта жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосред-

8. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М, 1997. С.18.

9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир /Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С.253-381.

ственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней.

Можно утверждать, что первый «способ существования» в деятельности должен соответствовать нормативному состоянию деятельности, второй способ существования (рефлексивный) адекватен проблемным ситуациям в деятельности.

Для построения методологической схемы организации деятельности в проблемных ситуациях, а также частичного снятия терминологической неопределенности, предлагается использовать понятие «индивидуальная точка разрыва деятельности (коммуникации)».

Под «индивидуальной точкой разрыва деятельности (коммуникации)» будем понимать ситуацию, в которой у конкретного субъекта деятельности отсутствуют «готовые» алгоритмы (механизмы) организации своей деятельности.

В соответствии с основными причинами возникновения можно выделить два типа «индивидуальных точек разрыва деятельности»:

- деятельностные (отсутствие или несоответствие деятельностных норм специфике сложившейся ситуации: функций, прав или ответственности субъектов, средств, ресурсов и др.);
- субъектные (неадекватность субъективных представлений об окружающей социальной среде, нормах деятельности и др.; несоответствие профессионально важных качеств субъектов требованиям деятельности; возникновение проблем индивидуальной идентичности и самоопределения, несоответствие функциональных состояний субъектов деятельности условиям деятельности и др.).

В соответствии с «инициатором возникновения» можно выделить следующие типы «индивидуальных точек разрыва деятельности»:

- внешние (инициируемые из окружающей социальной среды);
- внутренние (инициируемые самим субъектом деятельности).

Субъективная сложность ситуаций для субъектов деятельности может также служить основанием для выделения типов «индивидуальных точек разрыва деятельности».

Методологическая схема поддержки субъектов деятельности ориентирована на помощь субъектам деятельности в «индивидуальных точках разрыва деятельности».

Фактически речь идет об оказании помощи пользователям в активном освоении или формировании процедурных знаний, на основе рефлексивного выхода за пределы устоявшейся деятельности и их использования в организации своей деятельности.

Основные задачи систем поддержки субъектов деятельности:

- прогнозирование, систематизация, выявление «индивидуальных точек разрыва деятельности»;
- определение путей преодоления «индивидуальных точек разрыва деятельности» (поиск аналогов, формирование сценариев активного освоения или формирования субъективизированных норм деятельности и др.).

Наиболее типичен случай, когда для организации деятельностной позиции «системы поддержки» конкретная задача выступает как культурное образование. Другими словами, в культуре уже зафиксирован способ решения задач этого типа, прикрепление индивида к этому способу осуществляется через поисковые и пробующие действия самого субъекта. Субъект может войти в определенный культурный способ (овладеть определенной деятельностной нормой) только через собственную деятельность (реальную или учебно-ознакомительную).

В отличие от схемы развития деятельности, ориентированной на стратегические вопросы реорганизации деятельности с учетом долговременной перспективы, схема поддержки субъектов деятельности предназначена для тактической, оперативной поддержки ее субъектов в связи с решением конкретных проблем. При этом существенно, что в схеме поддержки субъектов деятельности активность пользователя должна проявляться в еще большей степени чем в схеме развития деятельности, так как при решении конкретной управленческой проблемы вся ответственность ложится на субъектов, включенных в социальное управление.

Схема поддержки субъектов деятельности ориентируется на организацию деятельности в проблемных ситуациях с нечетко определенными нормами деятельности. Предполагается, что для субъекта S' должны создаваться условия, благоприятные для самостоятельного оперативного конструирования (реконструирования) своей деятельности.

В схеме поддержки субъектов деятельности, в силу высоких требований к оперативности решения проблем, открываются новые, видимо, самые главные возможности использования высоких технологий. Важными аспектами оказания помощи пользователям становится не только информирование о предметной стороне проблемы, но и поддержка в организационном плане, для определения поведения в проблемной ситуации, для оценки своих возможностей и путей совершенствования деятельности.

Основная идея схемы (рис. 3) состоит в организации многоуровневого «рефлексивного восхождения» S' . Оказании ему помощи в осуществлении рефлексивных выходов при возникновении трудностей в связи с возникновением «индивидуальных точек разрыва деятельности», в реорганизации деятельности, модификации методов или средств деятельности, консультативной помощи, дополнительной подготовки, коррекции состояния и др. В этом и состоит суть данной формы социального управления, субъектом которого является S'' .

Прокомментируем отдельные элементы схемы.

Рефлексивный выход 1 необходим для осознания S' трудностей возникающих в «индивидуальных точках разрыва управленческой деятельности» и их преодоления в диалоге с активными элементами средств поддержки. При этом специальные процедуры рефлексивного воздействия (управления) должны быть направлены на формирование у пользователя соответствующей рефлексивной структуры. Эта структура должна быть ориентированна на осознание своей де-

тельности и себя, как ее субъекта и как «Я», в практической или модельной ситуации.

Рефлексивный выход 2 необходим для осознанной организации коммуникации (диалога) пользователя со средствами поддержки. При этом могут быть использованы соответствующие технологии рефлексивное управление, ориентированные на обеспечение этого рефлексивного выхода. Потенциально возможны и следующие процедуры рефлексивного выхода.

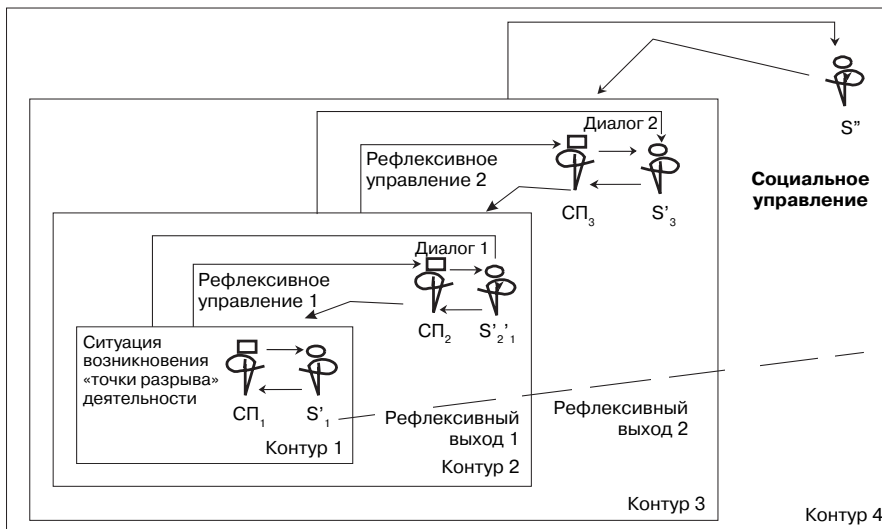

Рис. 3. Вариант схемы организации поддержки субъектов в точках разрыва устоявшихся видов деятельности

Функции средств поддержки субъектов управленческой деятельности могут реализовываться как специальными программно-техническими средствами, так и соответствующим персоналом (системные аналитики, референты, помощники и др.).

Схема поддержки представляет на практике частный подход к решению одной из важнейших задач современной философии – как уравновесить проективно-конструктивную установку современной цивилизации.

Предложенная система методологических схем организации социального управления позволяет интегрировать нормативно-деятельностный и субъектный подходы, интегрировать базовые идеи и методологические установки Щедровицкого и Лефевра. Позволяет интегрировать социальный, корпоративный и индивидуальный опыт (рис. 4).

В контексте современных философских представлений предложенная система методологических схем соответствует исходным идеям постнеклассических наук об управлении социальными системами. Система методологических

схем задает основу (каркас) для постановки междисциплинарных проблем и задач обеспечения социального управления и возможности проецирования на него прикладных областей знаний.

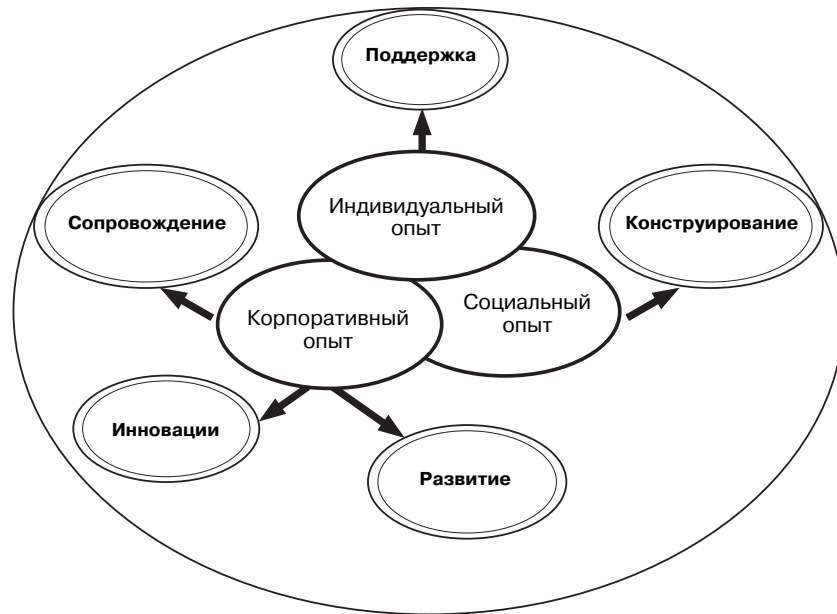

Рис. 4. Интеграция различных видов опыта в системе методологических схем

Структура критериев субъектно-ориентированной концепции социального управления

Критерии системного уровня

Выделим три ведущих системных представления управленческой деятельности: функциональное, структурное и генетическое.

В функциональном представлении рассматриваются, прежде всего, две важнейшие особенности деятельности управления. Первая состоит в том, что деятельность управления имеет активный, преобразующий характер. Вторая связана с тем, что человек строит свою деятельность во взаимодействии (в общении) с другими людьми.

Структурное представление выделяет специфические элементы структуры деятельности: субъекты и объекты управления, средства деятельности, нормы, структуры сознания и др., а также отношения между этими элементами.

Генетическое представление ориентировано на развитие деятельности и ее субъектов, прогнозирование, выявление и нейтрализацию негативных послед-

ствий управленческой деятельности как для S' и S'', так и для других социальных образований, на которых потенциально может оказать влияние социальное управление.

С учетом выделенных оснований определим следующие критерии системного уровня организации социального управления:

- продуктивность социального управления;
- создание условий для развития социального управления и его субъектов;
- социальная (психологическая) безопасность социального управления;
- удовлетворенность субъектов включенных в социальное управление.

Признавая решающую роль субъектов в определении конкретных критериев оценки организации своей деятельности, должен быть предусмотрен механизм индивидуализации базовой структуры критериев социального управления.

Продуктивность социального управления

Оценка управленческой деятельности носит, как правило, качественный характер, и его трудно измерить. Решающим здесь является мнение субъектов, включенных в социальное управление, а также тех, на которых потенциально оказывает влияние социальное управление.

Создание условий для развития социального управления и его субъектов

Перед учеными и разработчиками встают новые проблемы организации развивающей управленческой деятельности. В этой связи имеет смысл развести понятия обучения и развития. Эти понятия могут быть разведены в контексте субъектного подхода.

Обыденное сознание не различает в процессах обучения собственно обучение и развитие, поскольку определяет ее лишь через деятельность преподавателя (преподавание) и/или совокупность транслируемых знаний и методических средств их передачи. Эти процессы могут быть разделены лишь относительно деятельности обучающегося. В обучении последний овладевает тем, чему его учат (предметными знаниями), в развитии — отношению к «овладеваемому» материалу.

Процессы обучения и развития различаются также по своему содержанию. Ряд психических образований (цели, мотивы, эмоции, отношения) не может быть сформирован у человека посредством отработки определенного алгоритма упражнений. Их формирование может совершаться при прохождении ряда специально организованных ситуаций. Существенно, что развитие не совершается над человеком, а совершается человеком.

Организация развития может быть целенаправленным процессом, но, в отличие от обучения, его направленность — второго порядка, направленность на формирование метасодержания. Образующиеся здесь новые неспецифические образования могут быть впоследствии «приземлены» для конкретной деятельности, обращаясь из своей потенциальной формы в актуальную.

В сложную структуру детерминации развития включается и диалектическое противоречивое взаимодействие двух основных внутренних тенденций развивающегося психического - тенденции к устойчивости, к сохранению и воспроизведению уже сложившейся психической системы (ее мотивов, целей, идеалов, ценностей) и тенденции к преобразованию, к качественному ее изменению, к формированию новых ценностей, планов, целей, свойств. Внутренние тенденции развивающегося психического находят свое внешнее отражение (поддержку) в диалектическом противоречии методологических схем организации социального управления.

Из положения о единстве гомеостаза и становления или творчества следует важный вывод о том, что никакое развитие невозможно без механизма обратных связей, без определенных эталонов и норм, существование которых создает направленность развития. Но саморегуляция в форме обратных связей не исчерпывает, по мнению А.В. Брушлинского, сущности творческого процесса развития. Принцип деятельностного преломления внутреннего через бесконечно богатое и каждый раз новое внешнее, в системах которого внутреннее обнаруживает новые непредвиденные свойства, раскрывает механизм порождения новых эталонов и масштабов развития, механизм формирования качественно нового внутри уже сложившегося.

Эти условия и предпосылки развития должны быть обеспечены в организации социального управления.

Социальная (психологическая) безопасность социального управления

Организация социального управления может иметь как позитивные, так и негативные последствия для социальной (психологической) безопасности субъектов, включенных в процессы управления либо зависящих от него.

Особо важное значение для социального управления приобретает обеспечение информационно-психологической безопасности. Это связано с защитой от негативных информационно-психологических воздействий субъектов, включенных в социальное управление, в частности с защитой от различного рода манипулятивных воздействий.

Удовлетворенность субъектов включенных в социальное управление

До недавнего времени удовлетворенность личности выбранной профессией, организацией деятельности, своими результатами практически исключалась из социально значимых критериев. Удовлетворенность рассматривалась как мещанская сытость, психологический тупик на пути стремления личности к новым социальным достижениям. При этом с психологической точки зрения игнорировался важнейший источник дальнейшей активности личности. Если неудовлетворенность производит определенные разрушения, деструкцию в дееспособности человека, то удовлетворенность «питает» силы, повышает жизненную энергию.

Как мы уже отмечали, эффект от социального управления носит качествен-

ный характер, и его трудно измерить. Решающим здесь является мнения конкретных субъектов. В этой связи особое значение приобретает критерий обеспечения удовлетворенности субъектов.

Удовлетворенность пользователей зависит от многочисленных факторов, определяющих включенность средств компьютеризации в их деятельность.

На основе анализа публикаций (S.A.Alter, 1980; Б.С.Березкин, В.Е.Лепский, В.И.Дракин, 1984; В.Деннинг и др., 1984; А.Е.Войскунский, 1985; А.Б.Петровский и др., 1987 и др.), а также личных интервью и анкетирования субъектов управленческой деятельности, можно выделить следующие основные составляющие критерия удовлетворенности:

- осознание продуктивности социального управления;
- *психологическая поддержка* осознания противоречий между индивидуальными возможностями личности и социальными требованиями к субъекту деятельности, а также поддержка в преодолении этих противоречий и снижении «психологической цены» для конкретных субъектов управленческой деятельности;
- *адекватное понимание* ситуаций и проблем, обоснованности принимаемых решений и их последствий;
- *адекватное представление* о возможностях и ограничениях средств обеспечения деятельности (информационных технологий и др.);
- *формирование* у субъектов *активной позиции* исследователей, осуществляющих развитие своей деятельности;
- *включенность* субъектов в кооперативную деятельность по развитию их деятельности;
- *преодоление отрыва от объектов и результатов* управленческой деятельности;
- *индивидуализация* процессов социального управления;
- *повышение «естественности»* процессов телекоммуникационных взаимодействий;
- уверенность субъектов в *информационно-психологической безопасности* их деятельности.
- *минимизация* начального обучения, требуемой адаптации к новым технологиям;
- *увеличение творческого содержания* управленческой деятельности, за счет передачи новым технологиям рутинных операций;
- обеспечение возможностей *удовлетворения косвенно производственных потребностей* (познавательных и др.).

Учет и детализация рассмотренных критериев могут быть осуществлены на основе адекватной структуры принципов организации деятельности субъектов социального управления.

Структура базовых принципов субъектно-ориентированной концепции социального управления

Общие представления о структуре принципов

Высокая степень свободы действий субъектов социального управления, а также требования учета сформулированных критериев системного уровня, определяют целесообразность максимально возможной ориентации на учет индивидуальных особенностей субъектов при организации социального управления. Подобная ориентация может быть закреплена в *принципе конкретных субъектов социального управления*.

Творческий, проблемный характер деятельности, свобода в выборе средств обеспечения деятельности требуют использования в качестве ведущего принципа организации деятельности субъектов социального управления — принципа активного пользователя¹⁰. *Принцип активных субъектов социального управления* определяет их ориентированность на деятельность в условиях непредвиденных обстоятельств.

Активность субъектов социального управления может проявляться в трех основных формах: деятельность, общение и рефлексия. В соответствии с этими формами выделим *принципы обеспечения деятельности активной, коммуникативной активности и принцип рефлексии*.

Сложность и громадные объемы знаний, которыми может располагать и оперировать актуализированная среда обитания субъектов социального управления — Е, лишь незначительная часть которых может быть полезной субъектам социального управления при решении конкретных управленческих задач, определяет низкую эффективность их использования лишь на основе активного оперирования с ними субъектов социального управления. Необходимо встречное «раскрытие актуальных знаний» настройка на конкретные потребности субъектов социального управления, введение *принципа активных средств деятельности и общения*. Представление Е как особого рода активных средств деятельности и общения (коммуникации) субъектов социального управления, на наш взгляд, должно стать определяющим при рассмотрении функциональной и структурной целостности Е и ее оценке. В контексте данной работы в качестве главных системообразующих признаков предлагается рассматривать активность или целенаправленность элементов и фрактальность структурных

10. Лепский В.Е. Инженерно-психологические проблемы организации групповой деятельности операторов /Автореферат диссертации, Институт психологии АН СССР, М. 1978. – 21 с.

Березкин Б.С., Дракин В.И., Лепский В.Е. О проблемах учета человеческих факторов в проектировании информационных систем //Техническая эстетика. 1979. №10. С. 25-27.

Лепский В.Е. Проблема активности пользователей компьютерных систем и технологий //Прикладная эргономика, 1993, № 3. С. 33-40.

образований **Е**. При этом **Е** могут быть представлены как система (сеть) взаимодействующих активных элементов, носителями которых могут быть естественный или искусственный интеллект, а также их комбинации.

Требование соблюдения критерия обеспечения социальной (психологической) безопасности деятельности пользователей **Е** позволяет сформулировать принцип *контроля и коррекции последствий использования Е*.

Требование соблюдения критерия создания условий для профессионального и личностного развития, как пользователей **Е** позволяет сформулировать *принцип развития пользователей*, т.е. создания условий для гармоничного развития пользователей в процессе их взаимодействия со средствами **Е** и субъектами социального управления.

Фрагмент структуры критериев и принципов организации деятельности субъектов системы социального управления представлен на рис. 5.

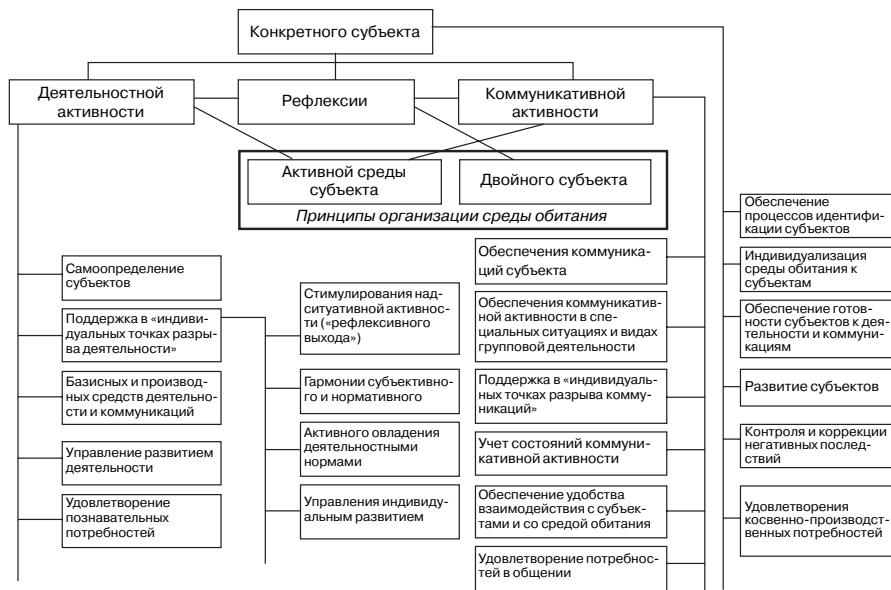

Рис. 5. Фрагмент структуры принципов субъектно-ориентированной концепции социального управления

Принцип обеспечения деятельностной активности субъектов системы социального управления

Принцип обеспечения деятельностной активности субъектов системы социального управления базируется на принципе активности — ключевом принципе для ведущих школ российской психологии. Этот принцип выступает как оппозиция принципу реактивности. Представления о реактивной и пассивной при-

роде человека определяют взгляд на него как своего рода машину. Именно эти представления определяют и в настоящее время позиции бихевиоризма и когнитивной психологии, которые строят свои исследования познавательных процессов, исходя из «компьютерной метафоры». А результаты этих исследований в значительной степени сформировали традиционные подходы к решению задач компьютеризации управленческой деятельности и искусственного интеллекта.

В контексте субъектно-ориентированного подхода основные направления реализации принципа обеспечения деятельностной активности субъектов системы социального управления можно детализировать через наиболее значимые, на наш взгляд, частные принципы:

- обеспечение самоопределения субъектов;
- обеспечение активности субъектов в «точках индивидуального разрыва деятельности»;
- базисных и производных средств деятельности;
- обеспечение управления развитием деятельности;
- удовлетворения познавательных потребностей.

Принцип самоопределения субъектов. Смысл процедуры самоопределения заключается в выработке отношения к наиболее острым, неоднозначным элементам ситуации и в занятии позиции в соответствии с выработанным отношением. Самоопределение предшествует действию. Как можно действовать, не определив самого себя, не выяснив для самого себя отношения к происходящему? Важность этих моментов для понимания деятельности отмечалась в работах многих психологов.

С.Л.Рубинштейн¹¹ утверждал, что «личностью является лишь человек, способный выделить себя из своего окружения для того, чтобы по-новому сугубо избирательно связаться с ним. Личностью является лишь человек, который относится определенным образом к окружающему; сознательно устанавливает это свое отношение так, что оно выявляется во всем его существе».

О.К.Тихомиров¹² пишет: «У человека наряду с пространством “состояний” задачи существует еще пространство состояний его как субъекта, решающего задачу, и оно не иррелевантно по отношению к деятельности по решению задачи».

Я.А.Пономарев¹³ подчеркивал принципиальное значение личностной рефлексии для понимания процессов решения интеллектуальных задач.

Проблема самоопределения субъектов в производственных ситуациях оказывается неразрывно связанной с одной из ведущих проблем психологии личности, с проблемой целостности индивидуальности и личности.

11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х томах. М.: Педагогика, 1989.

12. Тихомиров О.К. Искусственный интеллект и проблема бессознательного //Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Т.III. Тбилиси: МЕЦНИЕРЕБА, 1978. С. 62-67.

13. Пономарев Я.А. Взгляд на рефлексию с позиции структурно-уровневой концепции психологического механизма творчества //Прикладная эргономика. 1994, вып. 1. С. 34-37.

В управленческой практике и повседневной жизни обычна ситуация, когда от нас требуется осуществить действие (и мы его осуществляем), не проделав самоопределения. «Более того, у абсолютного большинства политиков, как и всех управленцев, нет ценности самоопределения в системе деятельности»¹⁴. Это обстоятельство сами люди выражают очень просто: «некогда думать», «нет времени, чтобы думать».

Авторитарная система организации общественной жизни в нашем обществе способствовала формированию отношения к человеку как к объекту управления. В результате чего в сознании многих людей закрепилось представление о себе как об объекте. Сохранился и другой тип людей, которые все же мыслили и себя и другого как активно действующих индивидов, как субъектов¹⁵.

При определении характера поведения субъектов системы социального управления важным является соотношение в его мотивации осознанного и бессознательного. Уровень осознания человеком себя как активно действующего индивида определяется мерой автономизации себя от объектов окружающего мира. Чем ниже эта автономизация, тем ниже уровень сознания, тем более бессознательный (или мистифицированный) характер носит детерминация поведения и состояния личности, тем в большей власти ситуации он находится. Индивид не может осознавать того, от чего он себя не отделяет, по отношению к чему он не может занять рефлексивной позиции¹⁶.

В том, что многие индивиды не могут, не способны и не умеют самоопределяться, частично виновата наука, а точнее научная идеология, которая сложилась за предшествующие десятилетия. Наука не должна ни подменять, ни отменять мировоззренческих актов самоформирования человека, она лишь может определить условия, необходимые для выработки человеком решения¹⁷.

Один из подходов к реализации принципа самоопределения субъектов связан с организацией *специальных диалогов* между субъектами системы социального управления. «Погружаясь» в такие диалоги субъект получает возможность выйти за пределы своей субъективности и сформировать рефлексивное отношение к сложившейся управленческой ситуации.

Принцип обеспечения активности ЛПР в индивидуальных точках разрыва деятельности. Наиболее значимыми для детализации требований принципа

14. Анисимов О.С. Политическое мышление: процессы, моделирование и критериальное обеспечение /Российская академия менеджмента и агробизнеса. Институт предпринимательства и культуры менеджмента. Караганда, 1996. – 160 с.

15. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъект /Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56-74.

16. Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. Ч. 1. М.: АНТИКВА, 1993.

17. Громько Ю.В. Московская методологическая школа: социокультурные условия возникновения, идейное содержание, проблемы развития //Вопросы методологии. 1991, № 4. С. 21-39.

обеспечения активности ЛПР в «индивидуальных точках разрыва деятельности» являются, на наш взгляд, следующие частные принципы:

- стимулирования надситуативной активности («рефлексивного выхода»);
- гармонии субъективного и нормативного в деятельности;
- активного овладения деятельностью нормами;
- управления индивидуальным развитием.

Принцип стимулирования надситуативной активности («рефлексивного выхода») В самом общем виде надситуативность можно определить как способность субъекта выходить за пределы «внешней целесообразности», задаваемые конкретными требованиями поставленной перед ним задачи, и по мере этого – преодолевать границы возможностей собственного актуально действующего «эмпирического Я».

Исследования психологических аспектов надситуативности отражены во многих работах отечественных психологов. В контексте анализа проблемы *надситуативности* и *надситуативной активности* в работах В.А.Петровского¹⁸ и Я.А.Пономарева¹⁹ и др. Принципиальное значение надситуативности в творчестве, определяемое через понятие интеллектуальной активности доказано в работах Д.Б.Богоявленской²⁰, а применительно к изучению личности – в работах А.Г.Асмолова²¹.

Учет надситуативной активности предполагает реализацию специальных процедур диалога, стимулирующих надситуативную активность субъектов. В частности, оказание помощи пользователю процедурными знаниями при диагностике ситуации и выявлении причин возникновения «индивидуальных точек разрыва деятельности», определении типа точки разрыва деятельности (деятельностная, субъектная, инструментальная) и др.

Актуальность и практическое значение методов стимулирования надситуативной активности доказаны рядом экспериментальных исследований, как в условиях индивидуальной, так и групповой деятельности.

Принцип гармонии субъективного и нормативного в организации деятельности. Этот принцип связан с необходимостью гибкого сочетания привычных установившихся норм деятельности и привнесенных извне новых норм деятельности. В методологическом плане этот принцип в более широком контексте рассмотрен в работе В.А.Лефевра, Г.П.Щедровицкого, Э.Г.Юдина²², как принцип единства естественного и искусственного.

18. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.

19. Пономарев Я.А. Взгляд на рефлексивность с позиции структурно-уровневой концепции психологического механизма творчества // Прикладная эргономика. 1994, вып. 1. С.34-37.

20. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-на-Дону: РГУ, 1984. – 172 с.

21. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: МГУ, 1990. – 367 с.

22. Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. «Искусственное» и «естественное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур. Материалы конференции. М., 1965.

Принцип ориентирован на активное формирование представлений и понятий о деятельностных нормах как заимствуемых из прошлого опыта (через поисковые и пробующие действия самого индивида), так и формируемых в процессе деятельности конкретного субъекта и его окружения. Он способствует рефлексивному осознанию деятельностных норм и развитию рефлексивных способностей субъектов.

Успешная управленческая деятельность возможна лишь в том случае, если субъект будет придерживаться культурных норм, с одной стороны, а с другой - сумеет их преодолеть, т.е. внести субъективность. Достижение гармонии нормативности и субъективности связано с проблемой *свободы субъектов* управленческой деятельности, для решения которой требуется задание соответствующей онтологии деятельности.

Недооценка важности учета принципа гармонии нормативного и субъективного в компьютеризации управленческой деятельности явилась одной из причин «отторжения» из управленческой практики средств автоматизации (в частности, разнообразных аналитических моделей).

В субъектно-ориентированной концепции адекватная, на наш взгляд, онтология деятельности задается через сочетание методологических схем сопроживания деятельности и поддержки субъектов деятельности.

Возможности для реализации рассматриваемого принципа заложены, прежде всего, в методологической схеме поддержки субъектов управленческой деятельности. Основная задача средств поддержки (компьютерных или человеко-машинных) должна заключаться в оказании помощи в индивидуальных точках разрыва деятельности при освоении субъективизированной деятельностной нормы, к которой не был приобщен ранее конкретный субъект, решающий конкретную управленческую задачу.

Принцип гармонии нормативного и субъективного в организации деятельности предопределяет создание в структуре актуализируемой среды обитания субъектов специальной И-среды, ориентированной на адаптацию субъектов к новым для них методам и технологиям, с обеспечением «плавного» перехода из ситуаций овладения искусственными методами к решению практических задач.

Создание в структуре актуализируемой среды обитания субъектов Е-среды и И-среды открывает в управленческой практике новые пути решения проблемы взаимодействия личного и социального опыта.

Е-среда – для обеспечения деятельности субъектов по решению задач на основе привычного инструментария.

И-среда – для ознакомления субъектов с социально-нормированным опытом управления, включающим анализ различных типов ситуаций, которые могут быть полезны для субъектов при решении их конкретных проблем и задач. Эта среда выступает как доступное активное хранилище социально-нормированного опыта, как своего рода интеллектуальный тренажер и помощник субъектов.

Организуя процессы овладения субъектом деятельностными нормами, преодоление их, мы закладываем основы развития всей системы деятельности, основы для использования методологической схемы развития.

Принцип активного овладения деятельностными нормами. Важным аспектом реализации данного принципа является наличие у субъектов «технологий» процесса познания, под которыми понимается совокупность мыслительных действий, операций и приемов, которые предпринимаются субъектом при присвоении какого-либо знания (в том числе норм деятельности). При этом мы полагаем, что в процессе усвоения какого-либо знания субъект оказывается перед некоторой проблемно-конфликтной ситуацией. Эта ситуация характеризуется новизной, неопределенностью условий и требований, от субъекта требуется мобилизация его умственных сил, пересмотр используемых мыслительных средств, реорганизация мыслительных действий и т.д.

Принцип управления индивидуальным развитием. Одной из причин возникновения «индивидуальных точек разрыва деятельности» может быть несоответствие индивидуальных особенностей и представлений субъекта специфике конкретной управленческой ситуации. Возникает необходимость самотрансформации личности, либо включения личности в какие-либо процедуры, способствующие требуемой трансформации личности.

В качестве активного аппарата постановки задач и осуществления самотрансформации личности выступают уровни и формы рефлексивного сознания, определяющие присущие только личности высшие формы психической саморегуляции. В.И.Слободчиков и Е.И.Исаев²³ предлагают следующую структуру рефлексивного сознания. Первые уровни рефлексивного сознания – полагающая, сравнивающая, определяющая рефлексия – последовательно отделяют Я от не-Я, оставляя сознание не критичным к своим образованиям и не позволяя еще осуществлять произвольные изменения личности. Уровни синтезирующей и трансцендирующей рефлексии, когда личность обнаруживает не-Я и Я вне своей индивидуальности, становятся «орудием собственно личностного развития».

Принцип базисных и производных средств деятельности. В инженерной психологии известны попытки учета активности пользователей средств автоматизации, в части «перепроектирования» и развития средств деятельности и общения, в частности, в работах В.П.Горяинова, В.П.Зинченко, В.Е.Лепского²⁴, в которых предложена схематизация внешних и внутренних средств деятельности, представленная в виде многоуровневой структуры с выделением базис-

23. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

24. Горяинов В.П., Зинченко В.П., Лепский В.Е. Проектирование внешних и внутренних средств деятельности операторов/Эргономика: Труды ВНИИТЭ. М.: ВНИИТЭ, 1976, вып. 12. С. 125-164.

Лепский В.Е. Инженерно-психологические проблемы организации групповой деятельности операторов /Автореферат диссертации, Институт психологии АН СССР, М. 1978. – 21 с.

ных средств деятельности (задаваемых разработчиками систем) и производных средств деятельности (формируемых самими пользователями и персоналом обеспечения их деятельности). Методические и технологические аспекты реализации принципа базисных и производных средств деятельности рассмотрены в монографии В.Е.Лепского²⁵.

Принцип управления развитием деятельности. Рассмотрим два аспекта реализации принципа управления развитием деятельности субъектов:

- обеспечение непосредственного включения субъектов в процессы развития своей деятельности;
- обеспечение «рефлексивной кооперации» в развитии деятельности.

Обеспечение непосредственного включения субъектов в процессы развития своей деятельности. В ряде исследований²⁶ показано, что успех принятия людьми новых форм деятельности в значительной степени зависит от их непосредственного участия в проектировании и организации этих форм деятельности. Отмечается возрастание роли «эффекта включенности» с возрастанием социального статуса субъектов.

Эти соображения обосновывают значение идеи «выращивания» организационных изменений внутри организации субъектов системы социального управления. Управление развитием деятельности следует понимать как создание условий и стимулирование активности субъектов к развитию (участию в развитии) своей деятельности. «Живая» управленческая деятельность не может быть реализована по заданному извне проекту, а может быть только результатом «живой организации».

Обеспечение «рефлексивной кооперации» в развитии деятельности. Учитывая, что деятельность по развитию деятельности должна быть обеспечена средствами, которыми, как правило, не владеют специалисты по управленческой деятельности, на практике типична ситуация включенности в процессы развития специалистов владеющих методологической культурой по развитию деятельности (методологическая схема развития деятельности).

Принцип удовлетворения познавательных потребностей. Этот принцип ориентирует на создание условий, необходимых для широкого удовлетворения познавательных потребностей, возникающих (или формируемых средой) у субъектов во взаимодействии с актуализированной средой обитания и субъектами системы социального управления.

Вместе с тем следует учитывать, что современные компьютеризированные среды могут как способствовать развитию познавательных потребностей личности, предоставляя человеку такие знания, которые он не может получить самостоятельно, но могут также дать ложный стимул развития внешней, престиж-

25. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204 с.

26. Перлаки Г. Нововведения в организациях. М.: Экономика, 1980. – 144 с.

Пригожин А.И. Организации: системы и люди. М.: Политиздат, 1983. – 176 с.

ной мотивации. Они может служить как средством более полного освоения мира, так и средством ухода из него²⁷.

Принцип обеспечения коммуникативной активности субъектов

В контексте субъектно-ориентированного подхода основные направления реализации принципа обеспечения коммуникативной активности субъектов, можно детализировать через наиболее значимые, на наш взгляд, частные принципы:

- обеспечение коммуникации субъектов;
- обеспечение коммуникативной активности в специальных ситуациях и видах групповой деятельности;
- поддержка субъектов в «индивидуальных точках разрыва коммуникаций»;
- учета состояний коммуникативной активности субъектов;
- обеспечение удобства взаимодействия с субъектами и со средой обитания;
- удовлетворения потребности субъектов в общении.

Принцип обеспечения коммуникации субъектов системы социального управления требует создания условий, в которых все субъекты должны иметь возможность осуществлять через актуализированную среду обитания необходимые им коммуникации в связи с решением своих задач, а также развитием своей деятельности.

Принцип обеспечения коммуникативной активности в специальных ситуациях и видах групповой деятельности ориентирован на создание условий для проявления активности субъектов в процессах координации групповой деятельности, согласования мнений при групповом принятии решений, разрешении конфликтных ситуаций и др.

Можно привести много примеров оригинальных подходов к созданию сред, ориентированных на облегчение коммуникации и рефлексии в разнообразных типах групповых взаимодействий, в частности:

- интеллектуальная среда – инфраструктура коллективного разума для работы экспертов с программами региональной политики²⁸;
- интеллектуальные системы мониторинга международных конфликтов²⁹;
- интеллектуальные системы для разрешения конфликтов³⁰;

27. Тихомиров О.К. Основные психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 67-69.

28. Филимонов В.А. Опыт использования системы и технологии «Экран-2» для коллективной формализации знаний о социальных процессах / Труды конференции КИИ-94. Рыбинск: Ассоциация искусственного интеллекта, 1994. Т. 2. С. 339-341.

29. Бабынин И.В., Кретов В.С., Власов И.Е., Фролов И.В. Подход к построению интеллектуальной системы мониторинга международных конфликтов / Труды конференции КИИ-94. Рыбинск: Ассоциация искусственного интеллекта, 1994. Т. 2. С. 309-313.

30. Kotenko I.V. Conflict Resolution in Computer-Supported Cooperative Design / Proceedings of East-West inter. conf. on human-computer interaction (EWHCI.94). - Russia, S.-Pb. V. 1. P. 1-65 - 1-74.

- компьютерные системы поддержки совместной работы (computer supported collaborative work - CSCW) в виртуальной 3-мерной среде, при этом представления о реальности могут формироваться с учетом индивидуальных особенностей и характера деятельности конкретных пользователей³¹;
- интеллектуальные интерактивные среды поддержки обучения и исследования³² и др.

Поддержка субъектов в «индивидуальных точках разрыва коммуникаций». В процессах общения возникают моменты, когда разрывается их «плавное течение». В таких случаях (ощущаются проблемы недопонимания, непонимания и т.д.) партнерам по общению необходимо сделать «шаг вперед», мысленно выйти из ситуации, осуществить акт рефлексии, чтобы снова с другой позиции решить проблему, восстановить нормальный ход общения, понять друг друга. Рефлексия «поднимает» человека над непосредственной ситуацией общения и через анализ и обобщение человек понимает тонкости общения, выявляет причины разрыва общения и т.д. для того чтобы снова «включиться», но уже обладая необходимыми знаниями, помогающими полноценному общению.

В контексте субъектного подхода важно отметить, что успешность «взаимопонимания» связывалась с двумя аспектами проблемы. Во-первых, — это учет субъектных позиций. Во-вторых, — это учет, имеющихся у субъектов представлений о «формах понимания», заложенных в актуализированной среде обитания (на какие субъектные позиции пользователя и механизмы установления «взаимопонимания» она может быть ориентирована).

Технологические основы реализации данного принципа в коммуникациях со средой обитания задаются, в частности, через принцип двойного субъекта, рассматриваемого ниже.

Принцип учета состояний коммуникативной активности субъектов связан с учетом динамики и закономерностей направленности действий одних субъектов на других, на себя или на восприятие других субъектов. Учет этих характеристик должен способствовать адекватному пониманию партнеров по диалогу и определять «уместную» степень активности актуализированной среды обитания.

Для учета данного принципа можно вводить специальные диагностические процедуры оценки предпочтительных для конкретных субъектов состояний коммуникативной активности, результаты оценок должны включаться в модели субъектов. Эти данные могут быть использованы при организации взаимодействия субъектов друг с другом и средой обитания.

Нами было проведено одно из первых экспериментальных исследований по учету коммуникативной активности пользователей при взаимодействии с

31. Billingham M. et al. Shared Space: Collaborative Information Spaces /Design of Computing Systems: Cognitive Considerations. Vol.21A. Edited by G. Salvendy et al. ELSEVIER.1997, p.7-10.

32. Sykes P., Schaper J., Mayes T., Palmen H., Marcipont V. ISLE: A Collaborative Project to Build an Intensely Supportive Learning Environment. - NATO Advanced Studies Institute Herriot Watt University, Edinburg, Scotland, Aug. 1994.P.503-510.

ЭВМ³³. С помощью инструкции экспериментатор формировал разные состояния коммуникативной активности испытуемых, разные установки на взаимодействие с ЭВМ. В одном случае испытуемый пытался доминировать над ЭВМ, формировать управляющие воздействия для достижения успеха в конфликте, в другом случае — пытался понять (имитировать) действия ЭВМ и на основе сформированных представлений добиться успеха в конфликте. Учет состояний коммуникативной активности испытуемых, при формировании стратегии действий ЭВМ, позволил достигать поставленные экспериментатором цели в конфликтном взаимодействии испытуемого с ЭВМ.

Принцип обеспечения удобства взаимодействия субъектов с субъектами и средой обитания определяет успешность всех видов деятельности субъектов. Методической основой для реализации этого принципа выступают рекомендации эргономики. Необходимо гибко использовать различные виды диалога, особое внимание, уделяя визуализации управленческой информации. Перспективны разработки «Интеллектуальных агентов пользовательских интерфейсов» (Intelligent Interface Agent), которые базируясь на моделях пользователей, помогают им в организации «удобного» взаимодействия с интеллектуальными системами³⁴.

Принцип удовлетворения потребности субъектов в общении ориентирован на обеспечение удовлетворения свойственной любому человеку потребности в общении. При этом следует рассматривать не только общение в связи с решением основных производственных задач, но и общение, которое может организовываться в интересах развития деятельности, ее субъектов и др.

Широкое включение компьютерных технологий в деятельность и процессы общения между людьми не могло не сказаться на коммуникативных характеристиках пользователей. Как отмечает А.Е. Войскунский³⁵, во многих случаях наблюдается актуализация у пользователей потребности в общении.

Многочисленные исследования позволяют сделать вывод, что пользователям присуща персонификация компьютерных программ, они могут воспринимать их как наделенных определенными чертами личность или как одушевленное существо³⁶. Вполне правомерна интерпретация взаимодействующих с

33. Лепский В.Е. Исследование рефлексивных процессов на матричной игре с нулевой суммой // Проблемы эвристики. М.: Высшая школа, 1969. С. 265-270.

Лепский В.Е. Инженерно-психологические проблемы организации групповой деятельности операторов / Автореферат диссертации, Институт психологии АН СССР, М. 1978. — 21 с.

34. Brown S. M et al. User Models, Intelligent Interface Agents and Expert Systems / Embedding User Models in Intelligent Applications / Sixth International Conference on User Modeling (UM97), Chia Laguna, Sardinia, 2-5 June 1997, p. 12-17.

35. Войскунский А.Е. ЭВМ и преобразование общения между людьми / Психологические проблемы создания и использования ЭВМ. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 32-34.

36. Тихомиров О.К. Психологическая структура диалога «человек-ЭВМ» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1984. № 2. С. 17-24.

Gaines B.R., Shaw M.L.G. The art of computer conversation: a new medium for communication. L.: Prentice Hall, 1984. — 214 p.

пользователем компьютерных программ как квазисубъектов (воображаемых партнеров), правомерность интерпретации как «субъект-субъектных» взаимодействий с компонентами, носителями которых выступают образования «искусственного интеллекта».

Принцип конкретного субъекта

Необходимость учета личного опыта субъектов, а также крайне высокая цена ошибочных решений, не оставляют сомнений в необходимости ориентации на конкретных субъектов при организации систем социального управления. Такого рода постановка нетрадиционна для эргономики и инженерной психологии, поскольку практически все методические наработки проводились из ориентации на «среднерасчетного» оператора.

Переход к рассмотрению конкретного субъекта требует изучения широкого круга проблем, касающихся человека как личности и индивида, а также как субъекта труда, общения и познания.

Этот принцип находит свое отражение во всех базовых принципах. Наиболее значимыми для детализации принципа конкретного пользователя, на наш взгляд, являются следующие частные принципы:

- обеспечения процессов идентификации субъектов;
- индивидуализации среды обитания к субъектам;
- обеспечения готовности субъектов к деятельности и коммуникациям;
- обеспечения развития субъектов;
- контроля и коррекции негативных последствий для субъектов от системы социального управления;
- удовлетворения косвенно-производственных потребностей субъектов.

Принцип индивидуализации среды обитания к субъектам. Учет принципа конкретного пользователя в сочетании с требованиями базисных и производных средств деятельности позволяет сформулировать принцип индивидуализации среды обитания к субъектам.

Проблемам индивидуализации процессов взаимодействия пользователей со средствами автоматизации посвящены многочисленные исследования. В основном эти исследования затрагивали аспекты подстройки систем к специфике задач пользователей и учету их индивидуальных предпочтений и особенностей. Крайне важным, но менее исследованным, является аспект учета влияния систем на активность пользователей. В частности, как показал ряд исследований активности личности в условиях обучения, отсутствие в структурах сознания учителя представлений о личности ученика, блокирует активность ученика³⁷.

Ориентация на активных субъектов определяет особенность реализации этого принципа, связанную с необходимостью полной информированности

37. Абульханова К.А. Регресс и утраты личности и возможности психологической поддержки /Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 170-186.

субъектов о рекомендуемых им вариантах индивидуализации, а также предоставления ему свободы выбора этих вариантов.

В основу организации механизмов индивидуализации к конкретным субъектам должны быть положены модели субъектов, отражающие индивидуальный опыт, стиль и методы работы, психологические особенности и др. При построении такого рода распределенных (по актуализированной среде обитания системы социального управления) моделей пользователей целесообразно использовать известный в психологии типологический подход. Этому направлению развития интеллектуальных систем уделяется все большее внимание³⁸.

Анализ первых шагов в решении задач индивидуализации взаимодействий пользователей с компьютерными системами позволил вскрыть потенциальные угрозы безопасности деятельности пользователей, связанные с такого рода процессами индивидуализации. Во-первых, непредсказуемое, непрогнозируемое поведение компьютерных систем и, во-вторых, потеря управления ими со стороны пользователей³⁹. На наш взгляд, решение задач индивидуализации к субъектам должно базироваться на безусловном соблюдении требования «прозрачности». В этой связи вызывает сомнение перспективность использования для решения такого рода задач модных в настоящее время методов нейронных сетей.

Принцип обеспечения готовности субъектов к деятельности и коммуникациям

Становление личности субъектом деятельности есть процесс реорганизации, качественного преобразования включенных в деятельность и обеспечивающих ее осуществление психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности. При этом мышление, память, воля выступают не как характеристики самой по себе личности, как традиционно принято в психологии, а как ее ресурсы, используемые, так или иначе, в деятельности. Это принципиально важные соображения, определяющие специфику субъектного подхода⁴⁰.

Наиболее значимыми для детализации принципа обеспечения готовности субъектов к взаимодействию со средой обитания, на наш взгляд, являются следующие частные принципы:

- мотивации конкретных субъектов к взаимодействию с другими субъектами и со средой обитания системы социального управления;
- поддержки процессов реорганизации психических и личностных свойств субъектов в соответствии с изменениями требований к деятельности;

38. Embedding User Models in Intelligent Applications /Sixth International Conference on User Modeling (UM97), Chia Laguna, Sardinia, 2-5 June 1997.– 58 p.

39. Shneiderman B. Designing the user interface: Strategies for effective human-computer interaction. Reading, MA: Addison-Wesley, 1992.

40. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъект / Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56-74.

- поддержки процессов формирования у субъектов необходимых для успешного взаимодействия знаний, навыков, умений;
- поддержки процессов контроля и управления функциональными состояниями субъектов, при различных видах взаимодействий.

В контексте обеспечения данного принципа важно учитывать, рассмотренные нами ранее, принципиальные различия процессов обучения и развития.

Принцип развития субъектов. Современные представления отечественной психологии и педагогики убедительно доказывают актуальность и возможность решения проблемы организации учебных и производственных развивающих видов деятельности⁴¹. Для управленческой деятельности эта проблема приобретает особое значение, в связи с крайней затрудненностью организовывать развитие субъектов вне производственной деятельности.

Компьютеризация управленческой деятельности создает богатые возможности для организации развивающей деятельности. Необходимо помочь субъектам сделать предмет своего осознания не только управленческую деятельность, но и собственное сознание, а также свободно развивать и то и другое. Формирование этих процессов является необходимым условием становления субъектов управленческой деятельности.

Есть основания полагать, что субъектно-ориентированная концепция компьютеризации управленческой деятельности учитывает основные требования выдвигаемые к развивающей деятельности.

Принцип контроля и коррекции негативных последствий для субъектов от системы социального управления

Разнообразны психологические аспекты последствий от некорректной организации системы социального управления и особенно в связи с использованием новых информационных технологий. Могут возникать условия способствующие повышению психической напряженности деятельности, деформации мышления пользователей, разрушению неформальных структур организаций, нарушению их устойчивого функционирования и т.п.

В качестве примера рассмотрим доминирование нормативного подхода, как одну из причин порождения негативных психологических последствий для субъектов управленческой деятельности:

- неявное (скрытое) формирование у субъектов в качестве эталона формально-логического (алгоритмического) мышления, как следствие доминирования формализованных методов принятия решений;
- создание условий для потенциального возникновения у субъектов стрессовых состояний (избыточность, с точки зрения субъектов, ненужной информации, связанной с обеспечением формальных проце-

41. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.

Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.

дур выработки решений и неполнота той информации, которая действительно необходима субъектам, в конкретной управленческой ситуации);

- регулярная провокация субъектов к переносу ответственности за принятые решения на разработчиков нормативных методов и как следствие потенциальное подавление активности субъектов.

В частности, одним из проявлений психологических последствий компьютеризации интеллектуальной деятельности является деформация мышления пользователей средств автоматизации. Суть в том, что компьютеры очень «логичны», они «привыкли» работать с символьными выражениями. Общение с ними заставляет людей все больше и больше совершенствовать словесно-логический стиль мышления. А наше образование и без того ориентировано главным образом на словесно-логическое мышление.

Принцип удовлетворения «косвенно-производственных» субъектов. Ориентация на конкретных субъектов в сочетании с критерием обеспечения удовлетворенности субъектов требует создания на рабочих местах условий, позволяющих обеспечить гармоничное удовлетворение широкого круга косвенных по отношению к производственной деятельности потребностей. В состав такого рода потребностей могут входить познавательные и эстетические потребности, потребности в общении, развитии, самовыражении и другие. Комплексный подход к удовлетворению которых, мог бы способствовать совершенствованию организации деятельности субъектов и созданию качественно новых подходов к решению проблем обучения и развития.

Принципы организации среды обитания субъектов системы социального управления

Принцип активной среды обитания субъектов системы социального управления

Реализация принципа активного субъекта выдвигает специфические требования к среде обитания субъектов системы социального управления, которая должна быть «готова» к гибкой «настройке» на изменяющиеся цели (потребности) субъектов. Успешное осуществление данного вида «настройки», не требующей от субъектов детального знания самой среды обитания, возможно лишь при условии передачи в среду обитания от субъектов социального управления отдельных «свернутых» форм активности.

Одной из задач на пути решения данной проблемы является выделение типовых активных элементов, способных выступать в роли элементов конструктора при проектировании и оперативном развитии активной среды обитания субъектов системы социального управления.

Элемент — единица системного анализа. Сложность элемента соизмерима со сложностью системы в целом. Только при таком подходе к элементам можно говорить об основных системных свойствах элементов, таких как активность,

коммуникативность, рефлексивность и адаптивность. Именно этими свойствами, как это вытекает из всего предшествующего изложения, и следует в первую очередь наделить активные элементы (АКТЭЛы).

Под АКТЭЛом будем понимать элементы, выполняющие определенные функции и обладающие основными системными свойствами (активностью, коммуникативностью, рефлексивностью, адаптивностью), реализованные на субстратном уровне естественным или искусственным интеллектом, а также их комбинациями.

Под *активностью* АКТЭЛов будем понимать способность к целеобразованию и регуляции своего поведения в соответствии с направленностью на достижение поставленных целей. Для АКТЭЛов, реализованных на искусственном интеллекте, механизмы целеобразования определяются либо разработчиками, либо другими субъектами.

Под *коммуникативностью* АКТЭЛов будем понимать способность вести диалог с другими АКТЭЛами и субъектами в процессе достижения поставленных целей или при инициировании коммуникаций со стороны других АКТЭЛов или субъектов.

Под *рефлексивностью* АКТЭЛов будем понимать способность осуществлять регуляцию своего функционирования (деятельности) с учетом моделей своего функционирования (деятельности), функционирования (деятельности) других АКТЭЛов, моделей субъектов, а также моделей своего функционирования (деятельности), которыми располагают другие АКТЭЛы.

Под *адаптивностью* АКТЭЛов будем понимать способность изменять свое функционирование с учетом изменений в составе и характере деятельности субъектов, а также в ответ на изменения в составе и характере функционирования (деятельности) других АКТЭЛов.

Понятие АКТЭЛов, как элементов архитектуры систем поддержки управленческой деятельности было введено автором и использовано в проектировании конкретных автоматизированных систем организационного управления в начале 80-х годов.

Широко используемое в настоящее время в контексте проектирования интеллектуальных систем понятие «Агент» было введено позднее, чем понятие АКТЭЛ. Понятие «Агент» уже понятия АКТЭЛ в связи с ориентацией на программно-технические компоненты интеллектуальных систем, кроме того оно не предполагает обязательного наличия выделенных нами свойств АКТЭЛов. Следует заметить, что к середине 90-х годов индустрия многоагентных систем (Multi-Agent System) позволила совершить качественный скачок в развитии «компьютерных интеллектуальных систем».

Представление активной среды обитания субъектов системы социального управления как сети АКТЭЛов позволит сделать еще один шаг на пути движения от традиционной ориентации в программировании на логику написания программ для отдельного процессора, к логике многопроцессорных распределенных систем, к логике параллельного программирования. Позволит сменить

основания инженерии знаний в интеллектуальных системах, от когнитивной психологии к прикладной семиотике, все более ориентированной в современном понимании на субъектный подход.

Принцип двойного субъекта как ведущий принцип организации активной среды обитания субъектов системы социального управления

Логика внешнего проектирования активной среды обитания субъектов системы социального управления определяет в первую очередь динамическая структура субъектных позиций (рефлексивная структура). Активная среда для поддержки конкретных субъектов должна актуализировать для диалога адекватный АКТЭЛ (структуру АКТЭЛов). Адекватность АКТЭЛа определяется, прежде всего, соответствием актуализированной у субъекта в данный отрезок времени позиции. Система поддержки должна обладать множеством АКТЭЛов адекватных по составу потенциально возможным структурам субъектных позиций и, кроме того, механизмом актуализации АКТЭЛов.

Осуществление в системах поддержки динамической актуализации АКТЭЛов, адекватных субъектным позициям будем называть реализацией *принципа двойного субъекта*. Это означает, что в процессах взаимодействия субъекта со средой всегда существуют, как минимум, два субъекта: актуализированная субъектная позиция (виртуальный субъект) и актуализированный АКТЭЛ (виртуальный АКТЭЛ) среды, т. е. актуализируются определенные типы рефлексивных структур.

Принцип двойного субъекта определяет важнейшие технологические процедуры среды обитания субъектов:

- процедура рефлексивной декомпозиции субъектов (выявления субъектных позиций);
- процедура идентификации виртуального субъекта;
- процедура актуализации виртуального АКТЭЛа;
- процедура рефлексивного синтеза (построения моделей деятельности, моделей субъектов деятельности, личностных моделей и др.).

Определяя, таким образом, логику функционирования активной среды обитания субъектов мы исходим из примата структурных образований, определяющих свойства и функции отдельных частей, входящих в их состав, фактически мы включаем сознание пользователя в определенную структуру и обеспечиваем ее функционирование.

Заметим, что идеи аналогичные принципу двойного субъекта высказывались в связи с организацией функционирования различных типов систем.

Принцип двойного субъекта позволяет рассматривать компьютеризацию управленческой деятельности как динамическую трансформацию субъектов в виртуального группового субъекта, соответственно как динамическую трансформацию индивидуальной деятельности субъекта в виртуальную групповую деятельность, осуществляемую во взаимодействии субъектов между собой и с активной средой обитания.

Принцип двойного субъекта определяет общую схему организации взаимодействия функциональных систем, их унификацию и подход к реализации на социотехнических компонентах, которые могут рассматриваться и как нормы организационно-деятельностных структур.

С точки зрения обеспечения рефлексивных процессов, принцип двойного субъекта направлен на повышение уровня и адекватности рефлексии за счет актуализации соответствующих АКТЭЛов, вместе с тем, у субъекта появляется возможность организовать «свертывание» рефлексивных структур в соответствующие структуры АКТЭЛов, накапливая в «активной форме» личный опыт в активной среде обитания системы социального управления.

Погружение субъекта в среду позиционно-рефлексивного сотрудничества является конструктивной основой для развития его рефлексивных способностей. Доказательство этого утверждения мы находим в многочисленных экспериментальных исследованиях по развитию способностей к рефлексии в учебной деятельности. на основе «погружения» учеников в учебное позиционно-рефлексивное сотрудничество.

Проблема настройки активной среды обитания на субъектные позиции

В практике управленческой деятельности сложился ряд традиционных системных представлений, которые выступают овеществленной «нормой» человеческой деятельности, и которые как трафарет накладываются на реальный объект, выделяя в нем определенные элементы, необходимые для решения задач управления. Многие представления возникли в результате многолетней практики решения конкретных задач, они стали общепризнанными, канонизировались, и при логическом анализе очень трудно их отделить от самих объектов, опознать, что они являются особым инструментом человеческого познания, необходимым для решения традиционных задач.

Очевидно, что возникновение новых задач управления должно породить новые системные представления. К таким задачам следует отнести разрешение проблемных ситуаций, адаптацию к неисследованной среде, самоорганизацию и др. В этой связи встает проблема дать возможность пользователю формировать (конструировать) на основе доступных средств деятельности необходимые субъектные представления и использовать их в своей деятельности.

Аналогичная проблема встает также в связи с необходимостью «настроить» активную среду обитания на конкретные субъектные представления. Игнорирование важности такого рода «настройки», ориентация на некоторого «обобщенного» пользователя часто приводит к разрушению традиционно сложившихся у субъектов механизмы принятия решений без соответствующей замены «принятыми» ими новыми механизмами.

Динамические конфигураторы как механизмы «настройки» активной среды обитания на потребности субъектов. Сложность и динамичность механизмов синтеза системных представлений субъектов определяет необходимость реализа-

ции механизмов синтеза через активное взаимодействие активных элементов среды обитания, определяющих структуру конфигуратора, т.е. рассмотрения среды как сетевая структура активных элементов, реализованных на естественном, искусственном интеллекте или их комбинациях.

Неподготовленность к постановке и решению такого рода проблем, как со стороны «компьютерных наук» так и со стороны наук о человеке объясняется затянувшейся ориентацией на обеспечение регламентированных видов деятельности. Цели разработчиков состояли в обеспечении оптимального поведения системы в заранее определенных условиях. Причем доминирование этого поведения они брали на себя полностью. При таком подходе к проектированию системные представления, необходимые для выбора оптимального варианта организации системы, являлись сугубо средством разработчика. Сама система выступает как свернутая, экстерииоризированная форма деятельности разработчика.

Переход к компьютеризации управленческой деятельности существенно изменил задачу проектирования – разработчики определяют поведение системы только в отдельных, хорошо изученных ситуациях, а для других допустимых ситуаций они должны обеспечить систему средствами целесообразных форм поведения, т.е. и своим инструментарием, различными типами системных представлений и механизмами их синтеза. Иначе говоря, фактическая деятельность разработчика в непредвиденных ситуациях, о которых он недостаточно информирован, переходит в систему в виде элементов нового типа, и основной отличительной особенностью таких элементов становится «интеллектуальная» активность, носителем которой могут служить естественный или искусственный интеллект.

Проблемы настройки активной среды обитания на семантические пространства конкретных субъектов деятельности. Субъектный подход позволил вскрыть несоответствие традиционных в сфере «искусственного интеллекта» моделей знаний и семантических пространств конкретных субъектов деятельности. Прежде всего, это связано с тем, что познание в гуманитарных науках не может быть отчуждено от познающего субъекта.

Психосемантические методы позволяют реконструировать имплицитные картины, модели мира, присущие субъекту, которые он может сам и не осознавать, но которые актуализируются в «режиме потребления».

Семантические пространства могут рассматриваться как ориентировочная основа для структурирования (в том числе рефлексивной самоорганизации) сознания человека-субъекта, а также для организации совместной деятельности субъектов.

Для практического использования методов психосемантики потребуется проведение весьма трудоемкой исследовательской работы по развитию инструментария и включения этих подходов в организацию деятельности субъектов.

Культурно-деятельностные позиции в технологических структурах активной среды обитания субъектов. В настоящее время господствующей является

ориентация разработчиков на образ субъектов полученный с помощью их классификации по должностям, специальностям, отраслям, задачам, процессам и т.п. Такой образ ориентирует на создание специализированных рабочих мест, стыковка между которыми представляет собой серьезную проблему, снижающую коллективный потенциал субъектов. Субъекты в таких системах - это должностные лица, осуществляющие возложенные на них функции и решающие поставленные перед ними задачи. Должностные лица по определению должны удовлетворять не свои индивидуальные потребности, а потребности системы. Созданные с ориентацией на такие образы субъектов первоначально вызывают одобрение у заказчиков и пользователей, так как у них создается впечатление, что в системе учтена специфика их работы точно и объективно. Однако позднее у субъектов часто возникает разочарование от не вполне ясной для них недостаточности среды обитания. Далее они обычно смиряются с мыслью, что созданную для них среду требуется совершенствовать долгое время, пока она начнет удовлетворять, как правило, многочисленные пожелания субъектов.

Решение проблемы повышения активности субъекта, гуманизация и раскрытие резервов его личностного потенциала возможно только на базе представления о реальном субъекте. При этом в качестве единиц членения образа субъекта должны применяться не рабочие функции, задачи и операции, а деятельностные (субъектные) позиции.

Задача построения системы субъектных позиций может рассматриваться как задача построения конфигуратора системных представлений среды, а идея подобной схематизации образа субъекта является естественным развитием положений о систематике внешних и внутренних средств деятельности.

Субъектная позиция как система представляет собой такую организованную совокупность знаний о своей деятельности, в которой декларативная, процедурная, ценностная, исполнительная и методологическая составляющие внутренне согласованы между собой. Субъектная позиция специально рассчитывается, осознано конструируется субъектом как система-средство на наиболее эффективное применение им имеющихся знаний для осуществления целенаправленного взаимодействия с системой объектом, а также для деловых коммуникаций с другими субъектами.

Такого рода способы организации знаний могут быть погружены в любую профессиональную культуру (административную, хозяйственную, военную, исследовательскую и другие субкультуры) и тогда они образуют определенного типа культурно-деятельностные позиции. Например, в профессиональной культуре решения комплексных, междисциплинарных задач могут быть выделены следующие типы культурно-деятельностных позиций: исследователь операций, функциональный аналитик, конструктор, системотехник, информатик и др.

Представляется, что детальный анализ культурно-деятельностных позиций является сложной, но разрешимой проблемой, а количество типов может быть ограничено разумным числом.

*Методы активного исследования деятельности субъектов
системы социального управления*

Решение проблемы создания активной среды обитания субъектов системы социального управления связано с созданием адекватных оперативных методов исследования деятельности субъектов. И на этом пути возникают большие сложности.

Не вызывает сомнений важность и целесообразность использования базовых компонент традиционной профессиографии, вместе с тем следует указать и на ряд недостатков современной профессиографии существенных в контексте учета принципов активного и конкретного субъекта.

Во-первых, традиционные средства профессиографии крайне *трудоёмки*.

Во-вторых, эти методы ориентированы прежде всего на *активную позицию исследователя*, а не субъекта исследуемой деятельности, что ограничивает возможности их использования для анализа управленческой деятельности в силу высокой степени недетерминированности этих видов деятельности, сильного влияния опыта конкретных субъектов и неформальных отношений в организациях.

В-третьих, слабая проработка вопросов *комплексного использования отдельных методик*.

Ориентация на конкретного субъекта как главный источник сведений о специфике профессиональной деятельности нашел свое отражение в направлении, которое может быть обобщенно определено как методы активного исследования профессиональной деятельности.

Среди отечественных исследований интерес представляет метод «организационно-деятельностных игр», предложенный Г.П. Щедровицким и прошедший апробацию в различных сферах деятельности. Подход оригинален, его основу составляет ориентация на «распредмечивание» специалистов, что принципиально отличает его от деловых игр, на стимулирование творческой активности и рефлексии, организации определенной «дисциплины» рефлексивных процессов и коммуникаций в сложных формах соорганизации групповой деятельности. Подход позволяет не только организовать решение нестандартных проблем развития деятельности, но и развивать самих участников игр.

Вместе с тем следует отметить ряд причин затрудняющих широкое использование этого метода в среде решения задач организации и поддержки управленческой деятельности.

Во-первых, недостаточно методически оформленная технология проведения такого рода игр.

Во-вторых, недооценка роли комплексного использования методов исследования управленческой деятельности.

В-третьих, от субъектов управленческой деятельности, как правило, требуется затраты больших усилий для успешной работы в организационно-деятельностных играх, что вызывает негативное отношение к методу и как следствие его отторжение.

Частичное преодоление указанных ограничений проведено в работах А.В. Карпова⁴². Автор предлагает *комплексную стратегию исследований*, синтезирующую основные преимущества профессиографического (натурного) и экспериментального подходов. В отличие от традиционных подходов эта стратегия направлена не на декомпозицию деятельности до уровня действий или других структурных компонентов, а на определение и анализ системы основных функций, реализуемых *субъектом* деятельности.

Изучение процессов принятия решений осуществляется не в отрыве от деятельности конкретных субъектов, а деятельностно-опосредствованно.

Другим важным аспектом данного подхода является ведущая роль комплексного использования методов исследования с ориентацией на интеграцию результатов в компьютерной среде.

В зарубежной литературе имеется значительное число публикаций отражающих разнообразные подходы к активному включению специалистов-предметников в исследование и развитие своей деятельности на основе специально разработанных процедур, которые позволяют моделировать свою деятельность, ставить и решать задачи ее развития.

В контексте субъектно-ориентированного подхода моделирование деятельности субъектов должно осуществляться в полирефлексивных отображениях его деятельности в системе «представлений» АКТЭЛов. При этом в среде обитания субъектов могут быть включены специализированные АКТЭЛы ориентированные на исследование и развитие их деятельности.

Под активным исследованием субъектов в системе социального управления будем понимать организацию исследований удовлетворяющую следующим требованиям:

- Субъекту доступна вся информация, которой располагает среда обитания о его деятельности и о нем как субъекте деятельности и личности, а также сведения о возможных способах использования этой информации как при организации взаимодействия со средой, так и вне сферы взаимодействия со средой.
- Субъект может организовать процедуры уточнения или расширения состава моделей, провести коррекции этих моделей, санкционировать или отказаться от их использования, уточнить модели.
- Система моделей субъекта и его деятельности полирефлексивна (конфигуратор), что должно обеспечивать возможность интерпретации различных данных строго в контексте фиксированных рефлексивных позиций (отдельных АКТЭЛов или их комбинаций).
- Активная организация исследования деятельности субъекта (по инициативе АКТЭЛов) возможна только с санкции субъекта.

42. Карпов А.В. Разработка психологической теории принятия решений в управленческой и организационной деятельности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 1. С. 172-179.

- Исследование деятельности субъекта должно осуществляться в неразрывной связи с реализацией всех его функций.
- Активная среда обитания субъектов должна содержать специализированные подструктуры (АКТЭЛы) обеспечения интеграции (построения комплексных моделей субъектов) активного исследования деятельности субъектов и его индивидуальных особенностей.
- Активная среда обитания субъектов — это среда, осуществляющая активное исследование деятельности субъектов, формирующая и развивающая модели субъектов и обеспечивающая саморефлексию субъектов.

Заключение

Предложенный в данной работе эскиз субъектно-ориентированной концепции социального управления является попыткой разработки с позиций постнеклассических представлений и рефлексивного подхода варианта «каркаса» для междисциплинарной интеграции при создании современного научного обеспечения социального управления.

Работа носит предварительный характер, не претендует на завершенность. Основная цель автора создать площадку для дальнейшей совместной работы заинтересованных специалистов и группы работающей по исследовательскому проекту РГНФ.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

НАВИГАЦИЯ, РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПЛОЩАДКИ И КАНАЛЫ РЕАЛЬНОСТИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

В.И.Аршинов, В.А.Буров, В.Е.Лепский
(Институт философии РАН)

Базовым методом проводимого исследования является постнеклассическое структурирование (В.С.Степин, 2000 г.) процессов социального управления. Определяются каналы реальности, в которых осуществляется управление, и рефлексивные площадки субъекта, как точки входа в эти каналы. Ставится проблема управления каналами реальности как построения стратегий навигации в пространстве таких каналов.

1. Цивилизационный кризис и кризис научного управления

После распада СССР стало очевидным, что **существовавшая концепция научного управления оказалась несостоятельной**. Множество работавших в СССР научных коллективов не смогли предсказать даже наиболее крупных событий

ближайшего социального развития. Десятки тысяч ученых добросовестно работали в финансируемых государством институтах, но социальные итоги – распад государства, говорили сами за себя.

Однако развивался не просто кризис российской науки об управлении, а общий цивилизационный кризис и кризис всей системы научного знания техногенной цивилизации.

Сегодня наука сталкивается с целым рядом случаев невозможности наблюдать и представлять реальности человека и общества. И это не только оказавшийся ненаблюдаемым наукой и поэтому неожиданным распад системы социализма и Советского Союза. Еще более показательна депопуляция – вымирание коренного населения техногенного мира. Эта проблема повсюду решается ввозом населения из других нетехногенных цивилизационных зон, где население стремительно растет.

Сокращение населения, принадлежащего к традиционным христианским техногенным культурам, происходит на фоне стремительного общего роста населения планеты. За предыдущие полвека оно утроилось. Еще одно утроение ожидается в ближайшие 50 лет. Это не просто демографический, а цивилизационный сдвиг, при котором базирующийся на сумме технологий мир планеты уже не сможет поддерживать и развивать эту сумму технологий. Население, принадлежащее к нетехногенным культурам может благоденствовать только с опорой на производимое техногенными культурами, а не вытеснив их с их пустующих национальных территорий.

Сегодняшние (ноябрь 2005 года) беспорядки во Франции – это цивилизационная реакция ее нового нетехногенного населения, выход последствий депопуляции на очень серьезный политический уровень территориальных претензий нетехногенных цивилизаций, заселяющих пустующий техногенный мир.

Если не изменить магистральный канал реальности, не остановить депопуляцию, то проявившееся здесь давление нетехногенных цивилизаций будет развиваться и структурироваться во все более острую борьбу за территории.

Когда само существование новых важнейших реальностей эволюционирующего человека и общества оказывается ненаблюдаемым для основных классических моделей науки или даже отрицается ими, то это является индикатором недостаточности используемой для управления развитием науки средств и необходимости в создании новых, адекватных новым условиям бытия человека и общества.

Возникла необходимость нового осмысления, прежде всего, гуманитарного знания как важнейшего инструмента управления развитием цивилизации. Элементы такого осмысления уже были созданы в мировой науке и в институтах Российской академии наук, но нуждаются в сборке. Требуется разработка технологий такой сборки.

Сегодня гуманитарная наука становится не столько сферой представления социальной реальности и поиска универсальных истин, сколько самостоятель-

ной реальностью деятельности, средством коммуникации, автокоммуникации и рефлексии субъектов общества. Получение и накопление знания остается одной из ее важнейших функций, но уступает первенство проектной деятельности по синтезу реальностей человека и общества. Такая модель развития проектной гуманитарной науки детерминируется прагматикой целей и ценностей общества.

Современная гуманитарная наука нашей техногенной цивилизации развивается во многих каналах реальности человека и общества, в каждом из которых получаемое знание обеспечивает решение стоящих перед человеком и обществом задач. Знание каждого из таких каналов реальности рационально для этого канала, соответствует онтологии канала (представлениям о сущем) и обеспечивает осуществляемую в нем практику. При этом оно может быть совершенно бесполезно в других каналах реальности и противоречить определяющимся там формам рациональности.

Возникает проблема социальной коммуникации субъектов такого знания и переноса полученных ими результатов для расширенного развития и использования.

На практике эти задачи решаются навигацией субъектов знания — их вхождением в разные каналы реальности человека и общества. Опыт разных каналов реальности оказывается связан через субъекта, использующего этот опыт для решения своих задач.

Зависимость представлений о рациональности от контекста актуализируемого субъектом канала реальности не вызывает каких-либо возражений в практике современной науки и в общей культуре.

Мы всегда имеем дело с таким — контекстуальным и процессуальным рационализмом.

Однако самая широкая и очевидная практика остается в противоречии с основной моделью научного знания — классической наукой. Здесь сохраняется требование бессубъектности знания. Научное знание в этой модели должно образовывать целостную конструкцию, в которой нет субъекта, и быть репрезентировано научному сообществу именно в такой форме.

Такая классическая модель сборки знания и его репрезентации научному сообществу выводит из существующей на практике конструкции ее основную активную составляющую — реального нередуцированного субъекта. Классическая модель ничего не имеет против субъекта, но сведенного к формальному описанию — редуцированного к теоретической схеме. Эта модель позволяет использовать все, что можно описать, а не только почувствовать готовому к этому чувству субъекту.

Требуемая классической моделью редукция субъекта по многим причинам неосуществима. Это можно было бы попытаться сделать для замкнутой, полностью внутренне детерминированной модели субъекта. Но субъект открыт в культуру и мир социальных коммуникаций. Полная формализация таких реальностей неосуществима.

Классическая модель предлагает вывести то, что в нее не вмещается, за границы науки и отнести к другим формам познания. Но это значит, что неосуществима классическая сборка современного научного знания.

В результате продолжающегося использования классической модели сборки, несоответствующей современному состоянию научного знания, его сборка оказывается заблокированной. Примером является то, что креативная экономика оказывается вне науки, креативная педагогика — вне науки, и т.д.

Мы получили ситуацию грандиозного производства, на котором отсутствуют технологии сборки и не выпускаются изделия, необходимые реальному современному обществу для решения его задач.

При этом проблемы человека и общества, требующие своего незамедлительного решения, все более обостряются. А созданный наукой потенциал для таких решений без развития технологий его сборки образует горы неструктурированного материала.

Все более остро вырисовывается проблема создания новых моделей и технологий сборки итогов научного знания. Эти модели и технологии должны соответствовать уже существующим вне классической модели науки практикам и позволять решать неразрешимые в старой модели задачи.

2. Постнеклассическое знание – вход в новый канал реальности

Мы показали, что *являющаяся функцией гуманитарной науки рефлексия общества оказалась заблокированной, и мир ненаблюдаемым*. Но это значит, что и в осознании себя и общества каждый конкретный человек, использующий классическую модель науки как свою рефлексивную площадку, сталкивается с аналогичными границами наблюдаемости важных для него реальностей.

Уже давно нет того, находящегося в единственной универсальной реальности, константного, сотворенного мира, познание которого было первоначальной программой науки и ее все еще действующей классической модели.

Новый открывающийся нам мир существует во множестве каналов реальности. Он оказывается творимым и стремительно эволюционирующим. Эволюция самого человека включает в работу все новые реальности человека и общества. Для работы с ними необходимы языковые средства их осознания. Нужны современные технологии выхода из сложившихся тупиков научного знания. Применение таких технологий позволило бы решать задачи, неразрешимые в единственном канале реальности ныне действующей классической основной модели.

Одним из классов таких технологий является рассматриваемая нами сборка рефлексивных площадок современного научного знания — позиций субъекта, оснащенных специальными средствами для осознания своих отношений с миром и самим собой и своей деятельности.

Определяемое нами понятие рефлексивной площадки субъекта научного знания опирается на два тезиса выделенного новым постнеклассическим этапом развития науки академика В.С.Степина (Теоретическое знание. — М., 2000):

- перенос и проекция теоретических схем и
- включение субъекта в схему теоретического знания.

Основание разрабатываемых нами концепций научного управления, – философия постнеклассической науки, не является каким-то новым изобретенным культурным образованием, а выражает традиционные для российской цивилизации смыслы знания. Знание в российской традиции существует не как дизъюнкция, выход из позиции деятельности в рефлектирующую позицию, а как недизъюнктивная (А.В.Брушлинский) целостность мышления, чувствования и действия. Деятельность неотделима от знания и в российской культуре является способом мышления и чувствования. Рефлексия в российской традиции выражена позицией синтеза всех планов реальности и оснащена средствами такого синтеза.

Рефлексивные площадки постнеклассической науки являются важнейшим классом новых поколений высоких гуманитарных технологий управления.

Рефлексивная площадка – это позиция индивидуального и группового субъекта, оснащенная языковыми средствами для осознания и структурирования им реальности самого себя и своей деятельности. *Такая позиция является пунктом входа субъекта в структурируемый им канал реальности.* В этом канале детерминируется онтология (представления субъекта о сущем) и принимаемая субъектом рациональность (что для него в этом канале реальности разумно) и, соответственно так определенной онтологии и рациональности, развивается и ограничивается его деятельность. Рефлексивные площадки используются субъектом для структурирования и переструктурирования своей деятельности, автокоммуникации и коммуникации с другими субъектами, через согласование принимаемых ими реальностей.

Сборка рефлексивной площадки субъекта постнеклассического научного знания осуществляется нами как сборка множества проецируемых им на свою деятельность теоретических моделей и множества медиаторов, выводящих его в пространства культуры. Такой подход к работе с формальными схемами является трансдисциплинарным и определяется нами как задача гуманитарной математики.

Надо заметить, что рефлексия человека и общества не ограничивает себя наукой. Множество рефлексивных площадок складывается в культурах и субкультурах. Неудовлетворенное ограниченностью классической науки общество открывает для себя эти лежащие вне поля науки рефлексивные площадки. Однако оснащенная наукой рефлексия является важнейшим достижением техногенной цивилизации и должна таковой оставаться, создавая необходимые человеку и обществу средства работы с каналами реальности.

3. Гуманитарная математика и задача сборки новых поколений высоких гуманитарных технологий

Новый постнеклассический период развития научного знания определяется не сегодняшним кризисом техногенной цивилизации, а ее сегодняшним новым духовным подъемом.

Переход техногенной цивилизации во второй половине XX века на постиндустриальные рельсы актуализировал *ресурс творящей свои миры – креативной индивидуальности* с ее уникальными собственными каналами реальности. Именно этот ресурс стал основным для дальнейшего развития общественного производства и новых поколений его высоких технологий. *С выходом на первый план этого ресурса началось бурное развитие обслуживающего креативную индивидуальность гуманитарного знания.* Для коммуникации стремительно растущих объемов такого знания необходимо соответствующее ему развитие основного трансдисциплинарного средства научной коммуникации – математики, теперь уже гуманитарной математики.

Используя образ машиностроения, можно сказать, что *в разных отраслях гуманитарного, естественнонаучного и технического знания и пространстве других форм познания сложилось множество «деталей» будущих высоких гуманитарных технологий. Необходимо трансдисциплинарное средство, позволяющее осуществлять «сборку» таких технологий – «автомобилей» и «самолетов» нового этапа развития нашей цивилизации.*

Именно такими высокими гуманитарными технологиями являются определяемые нами рефлексивные площадки постнеклассического знания. С этих площадок становится возможным такое развитие отраслевого знания, которое позволяет решать неразрешимые вне этих площадок задачи.

В любой отрасли науки в процессе ее развития возникают проблемы осознанного структурирования получаемых результатов и коммуникации и автокоммуникации ее субъектов. Возникает необходимость в выходе на лежащие вне ее предметного поля трансдисциплинарные средства научного познания. Такой выход из предметного поля в позицию осознания самой научной деятельности определяется нами как рефлексивный выход, а позиция, с которой осуществляется осознание научной деятельности и ее предметного поля – рефлектирующая позиция (Г.П.Щедровицкий).

Рефлектирующая позиция должна быть оснащена специальными средствами рефлексии, автокоммуникации и коммуникации субъектов научной деятельности. Формализованные теоретические схемы математики – одно из средств этой позиции.

Математика в системе наук стоит на особом месте. К ней традиционно относят совокупность методов работы с формальными схемами. Эти методы образуют трансдисциплинарную область (лежащую над всеми научными дисциплинами). Получаемые различными отраслями формальные схемы отделяются от эмпирического и теоретического знания этих отраслей, собираются математикой в ее предметном поле, развиваются там, обустройстваются операциональными средствами и форматируются в качестве общенаучного инструментария структурирования реальностей всех отраслей знания.

Чем же *необходимые гуманитарному знанию средства работы с формальными схемами, которые мы будем определять как «гуманитарную математику»*, отличаются от классической математики естественнонаучного периода ее развития?

Здесь можно использовать хороший образ из математики. *Предыдущий этап — это математика константной, универсальной, всеобщей рациональности и универсальных истин.* Это математика истинности бесконечных цепочек логических выводов. Это математика «непрерывных функций» - замкнутых теоретических моделей, где все необходимые детерминации находятся внутри модели. Замкнутые модели хорошо представимы в символических обозначениях, традиционных для математизации науки XX века.

Гуманитарное знание открыто в культуру и в качестве основного средства использует выводящие субъекта в пространства культуры медиаторы. Классическая математическая редукция теряет медиаторы, выбрасывая субъекта и строя замкнутые модели. Такая редукция уничтожает главное содержание гуманитарного знания, что делает классическую математику неприменимой.

Гуманитарная математика — это математика контекстуальной и процессуальной рациональности, истин «здесь и теперь», стабилизируемых субъектами. Она не использует бесконечных цепочек логических выводов. В ней такие ограниченные логические цепочки оказываются связаны через субъекта. Это математика «функций с существенными разрывами» — теоретических схем, открытых в культуру. Такие теоретические схемы содержат разрывы, в которые входят неформализуемые реальности человека и общества и из пространства культуры детерминируют изучаемые этими моделями процессы. Такие модели обращаются к внутреннему опыту субъекта и используют медиаторы культуры, выводящие субъекта в пространство культуры, где он получает дополнительные детерминации собственного канала реальностей. Это открытые модели социологии и антропологии познания.

4. Субъект и информация в канале реальности

Что же такое каналы реальности с позиций строгой математической теории?

В математике представление об информации ввел К. Шеннон. Он рассматривал задачи телеграфии, и основное внимание уделял вопросам кодирования и декодирования сообщений в условиях наличия помех в канале передачи сообщений. Кодировались и декодировались буквы латинского алфавита и другие символы передаваемых текстов. Эти символы и составляли тот набор альтернатив, выбор из которого должен был производить на основе принимаемых сигналов субъект, находящийся у приемника. Надо сказать, что эти альтернативы не были равновозможными: одни символы входят в текст с большей частотой, другие — с меньшей. Естественно было для часто посылаемых символов резервировать короткие кодовые комбинации, а для редко посылаемых — оставшиеся длинные.

Сконцентрировавшись на вопросе кодирования и выбора из альтернатив в фиксированной системе передаваемых символов для задач телеграфии, К. Шеннон не ставил задачи о динамике самой системы альтернатив — процессах структурирования реальности. В таком урезанном виде — теории только информационных для фиксированной структуры реальности процессов

теория информации и пришла в другие науки, приводя их к неправильным выводам.

В классической модели науки объективное знание представляется как некоторая независимая от субъекта информация об объекте познания.

Возвратимся к определению информации у создателя математической теории информации К. Шеннона: информация – это изменение неопределенности выбора из альтернатив при получении сообщения субъектом, осуществляющим этот выбор.

Осуществим постнеклассическое прочтение теории К. Шеннона. Фактически он утверждает, что без субъекта и без его системы альтернатив нет, и не может быть информации. Информация возникает только для внутренней реальности субъекта – системы его альтернатив. Информация возникает как результат структурирования субъектом канала реальности и зависит от этого структурирования.

Что же это дает для постнеклассического управления?

Исследуя теорему о предельных возможностях системы управления, являющуюся одной из основных теорем теории информационного управления, Ю.А. Буров обнаружил, что при переходе с геометрического языка, использованного при ее доказательстве, к топологическому сформулированные в теореме ограничения исчезают: возможности системы управления в большей степени зависят не от информации как изменения неопределенности выбора из альтернатив и пропускной способности информационного канала, а от внутренней для субъекта структуры канала реальности, соответствующей его операциональным средствам, системы альтернатив, из которых он осуществляет свой выбор. Подбирая соответствующую решаемой задаче структуру канала реальности, обеспеченную операциональными средствами субъекта, субъект может сколь угодно упрощать информационную сложность ее решения. Действительно, предельно простой вариант системы альтернатив: «задача решена» и «задача не решена».

Следовательно, надо рассматривать не информационный, а комплексный процесс: структурирование системы альтернатив как собственного канала реальности субъекта, обеспеченного его операциональными средствами, и изменения неопределенности выбора в этой субъектной структуре. Сложность решения будет определяться балансом этих двух процессов и зависеть от операциональных средств субъекта и его внутреннего структурирования канала реальности.

Это открытие Ю.А. Бунова, устраняя отрыв знания от структуры канала реальности субъекта управления, вводит субъекта как носителя этой структуры – системы альтернатив. Математически выделяя структуру канала реальности как субъектную составляющую знания Ю.А. Буров показывает невозможность бес-субъектного «объективного» знания. *В знании всегда зафиксирован субъект с его субъективно структурированным каналом реальности – субъектным миром.*

Отсюда для определения информационной сложности задач в информационной теории управления он делает вывод: информационная сложность зада-

чи как сложность выбора из системы альтернатив зависит от осуществляемого субъектом структурирования канала реальности себя и мира, в котором и возникает эта система альтернатив. *Никакой универсальной для всех субъектов, отделенной от внутренней организации субъекта – независимой от структурирования мира субъектом, существующей вне каналов реальности субъекта объективной информации и информационной сложности управления быть не может.*

Каналы реальности проявляются в своем актуальном для субъекта существовании. Мы имеем дело с актуальными истинами субъекта. Каналы реальности с их истинами оказываются исходно склеенными для субъекта через него самого. Целостная картина мира существует как развертывание и свертывание различных реальностей субъектом. Такая картина реальности не сводится к замкнутой формальной схеме, так как субъект не может быть полностью формализован. *В структуре картины мира присутствует нередуцированный наукой субъект.*

Такой субъект с его каналом реальности присутствует и в математике. Как он влияет на систему знания и как система знания влияет на него? Мы получаем интерактивный характер знания и интерактивный характер гуманитарной математики.

5. Знание, состояния сознания, каналы реальности и их онтологии

Коммуникативная функция классической математики как трансдисциплинарного знания не ограничивается социальной нишей науки, а распространяется на всю культуру. Формируемые в классической математике системы идеализированных объектов через использующее их научное знание и образование входят в общую культуру и оказывают значительное влияние на картины мира и состояния сознания в обществе. Ее редукции становятся общекультурными и определяют пути развития цивилизации.

Как любое средство социальной коммуникации, автокоммуникации и рефлексии классическая математика детерминирует сознание человека и общества, формируя для них канал реальности – возможного и невозможного, истинного и ложного, и открывая одни возможности, неизбежно закрывает другие.

Как телевидение вытесняет чтение, а компьютеры – устный счет, так и коммуникация, автокоммуникация и рефлексия на уровне классических формальных схем, вытесняет другие формы коммуникации, автокоммуникации и рефлексии – непосредственное чувствование человеком реальности себя и мира. Человек перестает верить истинности своего непосредственного чувства реальности и ориентироваться на него, выбирая приоритет отделенного от этого чувства «объективного» знания.

Выполнение математических действий не случайно в древности считалось магией. Эти действия подобно ритуалам шаманов изменяют состояние сознания выполняющего их человека. Изменение состояния сознания в математике было хорошо заметно для непосредственно чувствующего человека

древности. Но не только непосредственно переживающие реальность мира люди древности, а и любой принадлежащий техногенной цивилизации наш читатель многократно на собственном опыте убеждался, что в обычном обывденном состоянии сознания, не отключившись на необходимые мгновения от житейской суеты, невозможно понять математических определений и доказательств теорем. Это очень похоже на изменение состояния сознания в магии и религиозных практиках. В этом изменившемся состоянии сознания человек погружается в мир идеальных образов, живет и действует в таком мире, воспринимает его как данность.

Попробуйте выполнить математические действия (разобрать определение, теорему, решить задачу), и вы физически — всем телом, почувствуете свой переход в другую реальность — реальность действий с идеальными образами. Это ощущение является доказательством того, что в работу включились новые, не задействованные обывденным сознанием области мозга и изменили гормональный статус вашего организма через систему нейрогуморальной регуляции.

Следовательно, все мы в результате техногенного цивилизационного развития оказались участниками грандиозной мистерии науки, широчайшей практики измененных состояний сознания.

Получается, что люди на разных этапах развития цивилизации отличаются физиологической активностью мозга, гормональным статусом, а значит — всей нейрогуморальной регуляцией. Мы имеем дело с вполне измеримыми различиями цивилизационного антропологического типа. А это значит, что антропологический кризис — депопуляция современной техногенной цивилизации, вымирание коренного техногенного населения, — это проблема антропологического типа. Это канал реальности.

Измененное сознание всей нашей техногенной цивилизации было обнаружено замечательным нашим психологом Андреем Владимировичем Брушлинским — выделено, но как состояние сознания до конца им не понято.

Главным трудом жизни А.В.Брушлинского стало понятие недизъюнктивности. К решению нашей проблемы он шел от логики, пытаясь удержаться в ее предметном поле. Всем своим творчеством он боролся за понимание того, что закон исключенного третьего (разделение на А и не-А) и вытекающее из него представление о мире, разделенном на элементы (дизъюнкция человека и мира), не выражают важнейших качеств реальности и тем самым лишают нас возможности решать многие стоящие перед человеком и человечеством проблемы.

Так через классическую логику науки мы попадаем в разделенный на элементы, дизъюнктивный по А.В.Брушлинскому, измененный мир нашего сознания. В этом мире мы отчуждены от других и от природы, а другие отчуждены от нас, наше тело разделено на отдельно функционирующие органы, выполняющие отделенные от друг от друга функции. Здесь и мир, и мы подобны механическим часам рассыпающимся при падении на отдельные мелкие детали. И в этом измененном мире мы можем ставить и решать задачи именно такого измененного дизъюнкцией, разделенного на элементы мира. Мы ока-

зались в канале реальности, где эффекты целостности нас и мира стали ненаблюдаемыми и поэтому объявлены несуществующими.

Приведем пример измененной онтологии и измененного сознания в науке и общей культуре, порожденного классической математикой. Механика дала нам идеальный образ материальной точки и траектории – линии ее движения. Классическая математика развила эту формальную конструкцию и сделала ее средством коммуникации и автокоммуникации в науке и в общей культуре. Этот образ вошел в культуру, и теперь образ движения по траектории используется для понимания жизни человека и общества. Этот образ так канализирует сознание, что человек перестает видеть действительность, где ни он сам, ни общество не являются материальными точками механики и не имеют траекторий.

В социальной науке такое канализированное сознание порождает несоответствующие действительности представления о развитии социальных систем и соответствующие этим представлениям практики социального конструирования и управления.

Коммуникативные возможности основных схем математики XX века были удовлетворительны для развития естественнонаучного знания и технических наук. В гуманитарное знание математика шла очень слабо.

Как мы уже говорили, любые формальные представления что-то теряют из представляемой ими реальности.

Математика работает с формальными схемами. Но такие схемы бывают двух типов – объяснительные и операциональные. Объяснительные дают понимание реальностей, они строятся из медиаторов – входов в каналы реальности пространства культуры. Операциональные схемы строятся как системы операций, позволяющие решать задачи. Схемы из медиаторов являются открытыми (входы в культуру). Операциональные схемы – замкнуты. Классическая математика работает только с замкнутыми – операциональными схемами. Медиаторы – входы в каналы реальности при этом теряются, а закрепленный классический канал реальности считается единственным.

Гуманитарное знание развивается во многих каналах реальности, и медиаторы управляют вхождением в них. Классическая математическая редукция теряет это управление.

Кроме того, мыслящие чувственными образами гуманитарии плохо воспринимают сложившийся во второй половине XX века стиль символических математических записей. Несоответствие задействованных этим стилем модальностей и субмодальностей восприятия представлению реальности теми системами восприятия, которые задействует гуманитарное знание, создало здесь коммуникативный барьер.

Математика XX века существовала как средство коммуникации в области естественных и технических наук, у представителей которых как раз блокировалось чувственное образное мышление.

Развивающееся измененное состояние сознания в науке диктовало свои нормы и свою онтологию познания, по которым знание должно было осво-

бождаться от любых субъективных переживание. В том числе изгонялась рефлексия состояний сознания при переходах в разные реальности мира субъекта. Борьбой против неотделимых от психической активности субъективных переживаний как «ненаучных» эта модель науки блокировала рефлексию работы субъекта с научным знанием, что к концу XX века привело к ненаблюдаемости для науки многих важнейших реальностей действительной жизни человека и общества.

Гуманитарная математика постнеклассической науки открывает заблокированные классической моделью науки каналы реальности, связанные с развитой рефлексией субъекта научного знания. При этом для открываемых каналов реальности формируются новые трансдисциплинарные области работы с формальными схемами, на первый взгляд кажущиеся неукладывающимися в поле классического математического знания с его символикой.

6. Некоторые основные конструкторы и медиаторы рефлексивной площадки постнеклассического управления

Философия постнеклассической науки

Основным подходом нашего постнеклассического исследования является многопозиционное, осуществляемое через нашу социальную активность структурирование реальности человека и общества, выделяющее его неидентифицируемую классической моделью науки креативную субъектность. Важнейшими такими субъектами являются реальности культуры, выступающие как синергетические параметры порядка, вокруг которых происходит самоорганизация человека и общества.

Идентификация синергетических параметров порядка субъектообразования

Процессы субъектообразования в обществе происходят вокруг определяющих их, общих для всех участников такого процесса реальностей культуры и цивилизации – синергетических параметров порядка. Эти реальности действуют как виртуальные субъекты исходной для всех участников структуры мира. В зонах действия таких реальностей с необходимостью начинаются поддерживаемые ими процессы субъектообразования. Идентификация феноменов такой виртуальной субъектности позволяет ставить задачу распределения ресурсов субъектообразования в зонах действия определяющих эти феномены синергетических параметров порядка.

Идентификация структуры коммуникативной среды субъектообразования

Процессы субъектообразования в обществе происходят как возникновение целостности социального субъекта, аккумулирующей энергетику социальной жизни в сети автокоммуникации такого субъекта. Для такой аккумулирующей автокоммуникации необходима некоторая «критическая масса» участников процесса, обеспечивающая замыкание их коммуникаций внутри формирующейся общности. Необходимая для запуска процесса субъектообразования величина этой «критической массы» зависит от структуры коммуникативной сре-

ды и синергетических параметров порядка, вокруг которых развивается коммуникация.

Культура автокоммуникации общества

Аккумуляция энергии социальной жизни в автокоммуникационной сети социального субъекта во многом определяется особенностями автокоммуникативной культуры общества, формируя и развивая которую, вводя в нее новые средства и новые каналы, можно управлять процессами субъектообразования.

Постнеклассическое структурирование — каналы реальности

При этом подходе в познаваемую реальность включена активность познающего субъекта, его цели, ценности, деятельность и состояния. Такая включенность субъекта с его внутренним опытом в реальность определяет первичную, переживаемую субъектом как данность структуру этой реальности — канал реальности субъекта. Для получения знания познающий субъект использует доступный ему набор конструктов науки и культуры и проецирует их на реальность в своем канале реальности. Через резонирующие этим конструктам проекции он вторично, уже на информационном плане, структурирует реальность для организации своей деятельности и определяет себя в этой реальности — решает задачу самоидентификации. Получаемое им знание образует информационную сферу над первично структурированной реальностью — его каналом реальности, и предназначено для решения структурируемых в ней задач.

Онтологии каналов реальности

Важнейшей задачей социального управления является определение онтологий каналов реальности его субъектов. Объекты этих онтологий являются реальностями деятельности и носят актуальный (здесь и теперь) характер. Исследованием особенностей существования таких объектов, их развертыванием, свертыванием, порождением, актуализацией занимается виртуалистика (основатель направления Н.А.Носов) и определяет их как виртуальные (М.А.Пронин, Г.П.Юрьев).

Постнеклассическая склейка знания

Склейка получаемого субъектом знания как разных информационных сфер для разных первичных структур — каналов реальности, осуществляется не путем совмещения этих сфер и создания из них общей теоретической конструкции (которая будет содержать неразрешимые в ней противоречия), а через субъекта, актуализирующего те или иные каналы реальности в своей деятельности. Здесь и теперь реализуется частная актуализированная в деятельности структура реальности и частная актуализированная в деятельности структура самого субъекта. Мы имеем дело с законами актуализированного субъектом канала реальности — субъектного мира.

Баланс информации и структуры

Информационные процессы управления деятельностью (выборы из альтернатив) развиваются над актуальными структурами в каналах реальности, что позволяет балансировать сложность решения задачи и сложность необходимой для такого решения информации за счет актуализации каналов реальности, адекватных решаемой задаче.

Медиаторы культуры

Теоретическая конструкция и соответствующая ей информационная сфера принятия субъектом решений не являются замкнутыми системами, а открыты в культуру. Выход в сферы культуры из пространства теоретической конструкции осуществляется через медиаторы субъекта, открывающие ему эти сферы. В этих сферах он получает дополнительные средства структурирования себя и мира, и из них происходит актуализация некоторых структур реальности.

Синергетическое программирование

Еще один развиваемый авторским коллективом метод — построение синергетического канала. Синергетический канал идентифицируется познающим субъектом как система связанных реальностей, действия в одной из которых приводят к согласованным изменениям в другой. Именно наличие такого согласованного изменения (синергии) позволяет определить наличие синергетического канала, тогда как связанные в канале реальности могут оставаться ненаблюдаемыми. Программирование решений задач в таких каналах имеет глубокие корни во всех традиционных культурах и является основанием всех духовных практик.

Постнеклассическая навигация

Постнеклассический субъект научного знания значительно расширяет для себя спектр допускаемых моделью научного познания позиций. Он уже не только анализирует, но и синтезирует реальность своей деятельности и ее законы. Это уже не идеализированный сторонний наблюдатель, а человек во всей полноте его бытия. Познающий субъект становится навигатором в пространстве позиций, из которых он открывает истины строения мира, в котором сам является активным творящим началом.

Постнеклассическая сборка и гуманитарные технологии

Все рассматриваемые реальности (синергетический канал, рефлексивная площадка, канал реальности и др.) могут быть синтезированы как результат сборки образующих их реальностей. Такой конструкторский подход позволяет технологизировать получение постнеклассического научного знания, постнеклассическую коммуникацию и автокоммуникацию.

Заключение

Рефлексивные площадки постнеклассической науки позволяют разблокировать рефлексию общества и сделать наблюдаемыми и управляемыми его основные каналы реальности. *От управления в каналах реальности мы переходим к*

управлению каналами реальности. Такая возникающая в постнеклассике возможность научного управления каналами реальности делает разрешимыми задачи, недоступные классическим концепциям управления XX века.

Общий план исследований предполагает осуществление комплексной разработки философских оснований постнеклассических концепций управления и гуманитарных технологий их поддержки.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, исследовательский проект 05-03-03473а

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ НАВИГАТОРА. УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ ПРОГРАММАМИ АВТОПОЭЗИСА

В.А.Буров

(Институт философии РАН)

Строится подход к построению постнеклассических гуманитарных технологий управления, основанных на знании и постоянном самосоздании (автопоэзисе) субъекта управления. Постнеклассическое знание определяется как получаемое в каналах реальности автопоэтического субъекта. Ставится проблема сборки постнеклассического знания как навигации автопоэтического субъекта в пространстве каналов реальности и проблема осознанного автопоэзиса.

1. Собственные каналы реальности субъекта – переход от неклассической к постнеклассической модели знания

Рассмотрение сознания познающего субъекта как его операционального средства соответствует определенному В.С.Степиным переходу от неклассической модели знания к постнеклассической.

Активность и деятельность субъекта (индивидуального и группового) *канализируются его операциональными средствами, включая в число таковых и его сознание.*

Такая канализация активности и деятельности определяется нами как собственный канал реальности субъекта.

Канал реальности определяет существующее и несуществующее, возможное и невозможное для субъекта, его контекстуальную рациональность. Это не субъективная кажимость, а субъектная (деятельностная) действительность структурирования активности и деятельности субъекта. Произвольность этого структурирования ограничена операциональными средствами субъекта, в том числе и его сознанием.

Подчеркнем, что получаемое знание и его контекстуальная рациональность будут зависеть от такого операционального средства как сознание познающего

субъекта и различаться для разных типов сознания, как принадлежащее разным каналам реальности.

Будучи порожденным, *собственный канал реальности субъекта является виртуальной развертывающейся и свертывающейся деятельностной реальностью*. Его онтология — это онтология виртуальных деятельностных объектов.

Такие объекты, как и канал реальности субъекта, нельзя «положить в корзину». Но они являются действительностью и воспринимаются и наблюдаются субъектом.

Как возникают в психике образы виртуальных деятельностных объектов канала реальности?

2. Экологические образы канала реальности

Когда во второй половине XX века в нашу жизнь вошли компьютеры и автоматическая обработка данных, восприятие человеком реальности стали уподоблять фотографированию объектов и компьютерной обработке изображений. Многим показалось, что компьютерная автоматизация работы с информацией в технологиях производства открыла нам понимание феноменов сознания. Но это было заблуждением, которое надо было пережить как этап развития науки.

Опровергая наивный механицизм науки шестидесятых годов, Дж.Гибсон экспериментально показал, что и *люди и животные воспринимают не объекты материального мира, а свое взаимодействие с этими объектами и формируют образы именно своего взаимодействия*, а не фотографические образы. Сознание субъекта не уподобляется модели идеального наблюдателя мира со стороны. Оно ориентированно на собственную активность и деятельность субъекта и формирует необходимые, структурирующие эту реальность образы, а не образы бессубъектного мира. Человек действительно оказывается «мерой вещей», а все воспринимаемые им реальности — человекомерными.

Образы виртуальных деятельностных реальностей Дж.Гибсон назвал «экологическими». Но как же тогда быть с «фотографированием» мира органами чувств?

Создатель психологического факультета Московского государственного университета и поэтому учитель большинства наших действующих московских психологов А.Н.Леонтьев, обсуждая опыты по формированию неспецифической перцепции (ощущение рецепторами кожи цвета освещения), показал, что у человека могут формироваться новые системы для восприятия значимых для него реальностей. Что-то вроде экстрасенсорики. При этом образы этих реальностей репрезентируются в привычных образных формах далеких от воспринимаемой реальности — культуральные репрезентации.

В чем же состояло открытие, прочитанное нами с новых постнеклассических позиций в работах Дж.Гибсона и А.Н.Леонтьева, меняющее представления о мире и о построении человеком его деятельности?

В сознании субъекта формируется образ возможного и невозможного, реально-го и нереального — регулирующий деятельность образ канала реальности. Каналы

реальности являются порожденными, виртуальными. Их онтология — онтология порожденных деятельностных и поэтому виртуальных объектов.

Эти порожденные виртуальные деятельностные объекты воспринимаются структурирующимися у субъекта системами восприятия через экологические образы активности и деятельности и репрезентируются сознанию в образах культуры.

Так возникают представления, объективирующие каналы реальности и их онтологии в качестве внешних объектов.

Но зачем сознанию субъекта нужны такие «несоответствующие», культурально репрезентированные образы его активности и деятельности. Какая польза может быть от оперирования сознания с такими «несоответствующими» образами?

3. Синергичный мир и синергетическое программирование действий

Отвечая на этот вопрос, мы открываем синергичное устройство субъекта и мира (синергичный мир по В.И.Аршинову).

Подойдем здесь с позиции удвоения реальности в онтогенезе субъекта, разработавшейся Н.А.Носовым.

Синергия — это согласованное действие субъекта и выносимой им за границу своего Я, отчуждаемой им от себя части действительности — мира. Это действие репрезентируется в канале реальности субъекта как действие двух самостоятельных субъектов, согласованное по внутренней их природе (двойная субъектность по В.Е.Лепскому). И если субъект, решая проблему своей идентификации как отдельного от мира существа, принимает такую двойную субъектность как закон природы всего сущего, то программировать свои действия должен синергично — с сознанием синергичного действия отчужденной им от своего Я части реальности — мира. Это и есть — синергетическое программирование. В этом случае мы можем действовать в любых репрезентациях любых реальностей как в собственных каналах реальности субъекта и получать результаты.

Синергичный канал — это множество синергично согласованных каналов реальности, разделенной целостности. Действия субъекта в одних из них синергично отражаются другими.

В этом случае субъект действует в одном из многих каналов реальности, образующих синергичный канал. Эти его действия становятся синергетическими параметрами порядка, направляющими согласующиеся с ними процессы возникновения порядков в других каналах реальности синергичного канала. Собственная активность отчужденного субъектом от своего Я мира в одних реальностях синергичного канала оказывается согласованной с активностью субъекта в других его реальностях.

Досинергетические модели науки рассматривают реальность механистической, лишенной внутренней направленной активности. Субъект, приходящий в нее, определен однозначно и механически и, решая свои задачи, должен сам «перетаскивать объекты этой реальности на новое место», где они навечно и останутся. Если «перетаскивание» оказывается слишком трудным, то задача по

«перетаскиванию» объектов на новое место считается неразрешимой. Вот тут-то наука и заявляет: задачу решить невозможно.

Совсем другое – синергетическая реальность мира. Она активна. Ничто не будет там дожидаться действий условно отделившего ее от себя субъекта. В такой реальности постоянно формируются и действуют собственные формы активности – аттракторы (притягивающие состояния). Собственные аттракторы такой реальности затягивают ее в определенные множества конфигураций (откуда ее порой трудно вытащить). Примерами таких аттракторов являются постоянно повторяющиеся у конкретного субъекта его жизненные ситуации: успехи и неудачи в отношениях, состояния здоровья или болезни, словно магниты, однотипно притягивающие его по жизни и рассматриваемые им как внешние по отношению к нему события – устройство мира.

Работая в реальности синергетического канала, надо относиться к миру как к партнеру и переводить отношения с ним из зон действия одних его аттракторов в зоны действия других. Всю оставшуюся работу, совершенно непосильную для отделившего себя от мира субъекта, аттракторы мира сделают сами. «Неразрешимые» задачи отчужденного от мира субъекта легко решаются при включении в работу по их решению дополняющей его части реальности, отчужденной субъектом от себя, – мира с его аттракторами.

Главная сложность субъекта – принять то, что при его прикосновении к отчужденной им части реальности – миру, в синергетическом канале рождается новая реальность, в которой заново структурируется и он, и отчуждаемый им мир. Поэтому, когда он начинает работать с какой-нибудь реальностью, она и он сразу попадают в меняющую ее и его реальность коммуникации, реальность партнерства. Если он хочет иметь дело с отчуждаемым им миром как с партнером, надо согласиться на такие изменения, и принимать их как норму отношений с реальностью. Нельзя переделывать мир, не давая ему переделывать самого субъекта.

Синергетическое программирование требует нового понимания работы с формальными схемами – «гуманитарной математики».

4. Гуманитарная математика

Основа этого подхода к работе с формальными схемами состоит в том, что познание осуществляется нередуцированным субъектом путем наложения на реальность различных схем. Такой способ познания имеет целью организацию деятельности для достижения интересующих субъекта целей. Поэтому, если наложение схемы позволяет выстроить необходимый ему для решения задач субъектный мир (мир его активности), то возникающая при этом картина мира вполне его устраивает. Он действует в ней контекстуально-рационально – разумно в ее контексте.

Соединение – «сшивка» разных схем в одну картину мира классическая наука обычно осуществляла в рамках логики: «если ..., то ...» – на одном внешнем по отношению к субъекту «планшете». Сшивка разных схем в новом под-

ходе осуществляется через субъекта: субъект пробует и ищет подходящие ему для работы схемы, не заботясь об их ином соединении, вне реальности его деятельности.

Обычные научные теории определялись замкнутыми и полными: все содержали в себе. Новая модель связывает теорию с культурой множеством самых разнообразных медиаторов (посредников), в качестве которых для пользующегося теорией человека могут выступать любые реальности культуры. Работая с теорией, субъект постоянно обращается к культуре и находит необходимые ему смыслы и аналогии.

Сам субъект, работающий с теорией, не является непрерывно определенным, как это видит классическая наука, фиксированным. Он событиями – проявляется событиями его сборки как субъекта. Такие события в момент их сборки определяют собственную форму субъекта и формы его миров.

В гуманитарной математике невозможность полного формализованного описания реальности компенсируется включением в схемы нередуцированного субъекта и культуры, а недостаточная детализация описаний строения мира – использованием дополняющей действия субъекта собственной активности мира. Хорошо применимой оказывается синергетическая модель согласованного действия в такой «двойной субъектности» – модель синергетического канала.

Здесь начинает работать совершенно новый поворот в отношениях субъекта с формальными схемами. *Схемы в его руках оказываются не описаниями реальности вечного и неизменного мира, а синергетическими параметрами порядка (тем, что управляет возникновением в реальности организации и порядка). Они включаются в коммуникацию с реальностью, и реальность начинает к ним подстраиваться своими структурами и порядками. Даже к самым «глупым и далеким от практики» схемам.*

5. Автопоэзис и его осознание субъектом

В 1974 г. биологи Матурана, Варела и Урибе (Maturana, Varela, Uribe) выдвинули положение о том, что общий текущий продукт активности живой клетки не меньше, чем сама клетка: если суммировать все ее сложные метаболические процессы, – это продолжающееся создание самой себя. Они назвали данный процесс *autopoiesis*, или самосозданием.

Положение об автопоэзисе (самосоздании) можно отнести не только к живой клетке но и к множеству других реальностей. Мы будем говорить об автопоэзисе (самосоздании) субъекта. Продукт активности субъекта, если суммировать все формы его активности, оказывается не меньше, чем он сам, – это продолжающееся создание им самого себя.

Автопоэзис субъекта лежит вне внешнего целеполагания субъекта и вне связанной с этим целеполаганием деятельности. Определяя себя через внешнее целеполагание, субъект уходит от осознания своего автопоэзиса. Определяющие – генетические программы автопоэзиса, оказавшись вне пространства внешних целевых функций субъекта, не наблюдаются и не управляются субъектом.

Ярким примером ненаблюдаемости генетических программ автопоэзиса, является неожиданное прекращение автопоэзиса СССР.

Если рассматривать автопоэзис человека, то психика неизбежно формирует неспецифическую перцепцию по А.Н.Леонтьеву и экологические по Дж.Гиббсону образы генетических программ такого автопоэзиса. Однако, у субъекта, выведенного своими целевыми функциями в систему общественного производства и полностью определяющего себя функцией этого производства, доступ сознания к экологическим образам генетических программ его автопоэзиса должен быть заблокирован. Такой доступ занимал бы ресурсы субъекта, необходимые ему для реализации его внешних целевых функций. С другой стороны, такой доступ приводил бы к разрушительному воздействию проекций внешней деятельности на автопоэзис. Это хорошо видно на многочисленной практике психотерапии. Там болеют не органы, а автопоэзис.

Схема, которую мы попробуем применить к структурированию осознанного автопоэзиса синергичного двойного субъекта, разработана в трансперсональной психологии. Там вводится две составляющих сознания – индивидуальное бессознательное субъекта и отчуждаемое от него коллективное бессознательное.

Трансперсональная психология выделяет 8 контуров сознания – четыре контура индивидуального сознания и четыре контура, связанные с доступом человека к отчуждаемому им от себя коллективному бессознательному. Люди, полностью погруженные в общественное производство, сознательно активны только на первых четырех контурах. Тренинги популяризатора суфизма М.С.Норбекова включают в работу пятый контур сознания – работу с коллективным бессознательным, «руслами» течения психических процессов. Это всегда дает хороший психологический и оздоровительный эффект, но несколько отчуждает человека от его чисто функционального производственного самоопределения. Шестой контур – это контур работы с образами генетических программ автопоэзиса, позволяющий регулировать их работу. У человека многие из таких программ связаны с работой его генного аппарата. На каждом гене возможен синтез до пятидесяти вариантов молекул белка, и управление здесь может давать очень сильные результаты. Но у организма есть свои защитные механизмы от таких вмешательств и сознательное задействование этого контура обычно заблокировано. Блокировка некоторых высших контуров может оказаться снятой организмом при каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Некоторые специалисты трансперсональной психологии считают, что в настоящее время происходит эволюционное снятие блокировки доступа к пятому контуру сознания, что будет иметь социальные последствия и очень изменит нашу цивилизацию. Считается, что шестой контур в обозримом будущем останется заблокированным.

Приведу пример снятия блокирования шестого контура.

Доктор медицинских наук без всякой примеси религиозности. Отсыхала нога. Безнадежный медицинский прогноз. Решил справиться сам - без лекарств. Снял себе обезболивание. В некоторый момент, мучаясь без сна, взмолился: «Господи,

да помощи же ты мне!» Боль прошла, и он выздоровел. Хорошо и давно известное исцеление по молитве — действие глубоко заложенных в наше сознание программ автопоэзиса и их репрезентаций в образах традиционной культуры.

Шестой контур сознания задействуют все эффективно работающие народные целители. А седьмой контур, связанный с управлением каналами реальности, — все шаманы. Шаманы к снятию блокирования седьмого контура приходят через «шаманскую болезнь», тяжелый кризис всех систем организма.

Интересна работа с каналами реальности в практике кандидата медицинских наук Ю.Т.Яценко. Есть пример закрытия канала реальности ВИЧ инфекции у клиента. У А.Б.Чичварина есть пример открытия канала реальности регенерации почки у девочки.

Индукции седьмого контура ярко описаны в популярных книгах К.Кастанеды, есть их примеры и в книгах М.С.Норбекова.

Восьмой контур сознания — это состояние полного выхода из любых каналов реальности, слияние с абсолютным, состояние Будды. На практике я таких состояний не встречал и представить их не могу.

Мне всегда казалось, что преодоление разделения на Я и Мир (двойной субъектности) — снятие блокирования высших контуров сознания крайне нежелательно, как, например, взятие под сознательный контроль дыхания или сердцебиения. Зачем вмешиваться в процессы, идущие сами собой у существующего цивилизационного антропологического типа?

Но с изменением общественного производства и значительным высвобождением из него человека эволюционирует и антропологический тип человека. Мы наблюдаем массовое снятие блокирования высших контуров сознания. Такие люди оказываются более эффективны в современном социуме. Они начинают определять развитие культуры. Культура многоконтурного сознания формирует сознание новых поколений. Мы оказались в ситуации смены основного антропологического типа техногенной цивилизации, что неизбежно окажет влияние на ближайшее развитие этой цивилизации.

Следует ожидать, что при достижении некоторой «критической массы» многоконтурное сознание даст сильную индукцию, и число людей с разблокированными высшими контурами резко увеличится. Если этот процесс ограничится разблокированием пятого контура, то мы получим просто более эффективных и здоровых людей. Но если процесс разблокирования на пятом контуре не остановится, то социум, состоящий из таких людей сегодня представить невозможно. Во всяком случае, предлагаемая сегодня детям культура — это семиконтурная культура работы с образами генетических программ автопоэзиса и с каналами реальности. Оперирование героев-магов с каналами реальности становится частью их картины мира и рефлексивной площадкой для входа в канал реальности разблокированного седьмого контура сознания.

Происходят и изменения в медицине эволюционирующего человека. От болезней органов современный человек переходит к болезням автопоэзиса. Ортодоксальная медицина, не включающая собственную сознательную актив-

ность субъекта в процесс лечения, для этих болезней оказывается неэффективной. Формируются новые, обслуживающие осознанный автопоэзис отрасли медицины.

Начинает формироваться и педагогика автопоэзиса.

6. Рефлексия группового субъекта и экологические образы генетических программ его автопоэзиса

Сегодня сформировалась широкая практика управленческого консультирования, ориентированная на перестройку генетических программ автопоэзиса группового субъекта. Тренер-консультант не дает рекомендаций по работе фирм, а организует процесс переструктурирования сознания группового субъекта, работая на своих семинарах с группой топменеджеров фирмы. В так организованной работе формируется осознание образов генетических программ автопоэзиса фирмы и генерация новых таких программ.

Экологические образы автопоэзиса фирмы необходимо присутствуют в сознании ее группового субъекта, но блокируются каналом реальности внешней функциональности. Поэтому разблокирование канала реальности автопоэзиса требует такого же эволюционного скачка в управлении, как и разблокирование такого канала у индивидуального субъекта.

7. Навигация

Современное знание формируется во множестве каналов реальности его субъектов. Сборка такого знания на «планшете» одной бессубъектной реальности неосуществима. Такую сборку осуществляет не однопозиционный «внешний» универсальный познающий субъект, а навигатор, оперирующий с каналами реальности.

Сборка итогов познания является ключевой проблемой развития современной науки, накопившей множество результатов. Такая сборка осуществляется как выстраиваемая субъектом навигация в пространстве каналов реальности - позиций познания.

Возникает проблема технологий навигации и коммуникации навигаторов.

Знание становится «навигаторным» знанием автопоэтического субъекта, управляющего своим автопоэзисом.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

СИНЕРГЕТИКА КАК СЕТЕВОЕ МЫШЛЕНИЕ

В.И.Аршинов

(Институт философии РАН)

Настоящий текст носит по преимуществу поисковый характер и ставит своей основной целью обратить внимание на некоторые (далеко не все) особенности того способа мышления, который присущ синергетике. Или, что быть может точнее, должен быть свойственен синергетике как субъекту, имеющему дело с самоорганизующимися (саморазвивающимися) системами. Или синергетиком, как творческому коллективу междисциплинарных исследователей, занимающихся познанием и/или конструированием принципов поведения самоорганизующихся систем, а так же разработкой концепции (теории или метатеории) управления этими системами. Забегая вперед, скажу сразу, что используемый здесь союз «или» понимается в соединительном, «фрактальном» смысле.

Разумеется, можно просто говорить о синергетическом мышлении, подобно тому как говорят о физическом, математическом, экологическом т.д. мышлении. Но ведь говорят так же и о системном мышлении, мышлении кибернетическом, а так же о мышлении логическом, теоретическом, ассоциативном, правополушарном и левополушарном, аналитическом и синтетическом и т.д. Вообще говоря, здесь возникает искушение заявить (следуя парадигме диамата), что синергетическое мышление «вбирает в себя» все вышеперечисленные мышления и тем «закрывает тему». Однако закрывать тему рано. Верно как раз обратное. Поэтому я предлагаю использовать в связи с синергетикой термин «сетевое мышление».

Вначале несколько слов о моем понимании термина «сетевое мышление». Я использую его в связи с синергетикой, имея ввиду ее прежде всего междисциплинарный характер, представленный сетью нелинейных круговых коммуникаций, рефлексивно и автопоэтически сопрягающих разные конкретные познавательные и управленческие контексты. Традиционно эти контексты стремятся выстроить в виде иерархически упорядоченной системы соподчиненных. Я не отрицаю этот порядок, исходя из прагматических соображений, а так же исходя из обобщенного принципа соответствия старого и нового уровней знания и познания. Но я этот логический порядок релятивизирую в зависимости от (осознаваемых или неосознаваемых) эпистемологических предпочтений, таким образом, что он не следует строго ни дедуктивному принципу (сверху вниз), ни индуктивному (снизу вверх), а скорее имеет абдуктивный характер. Иначе говоря, сетевое мышление в контексте синергетики включает в себя иерархии логик индуктивного и дедуктивного выводов как некие предельные случаи, между которыми располагаются многоуровневые сети рождения, трансформации и трансляции смыслов, в которых существенным образом задействованы механизмы метафоры и аналогии как инструменты конструирования разных (внешних и внутренних) моделей (репрезентаций) реальности.

Я исхожу из того, что синергетика, будучи существенно междисциплинарным постнеклассическим направлением исследований, может быть последовательно процессуально представлена лишь в таком сетевом междисциплинарном контексте, который ей изначально когерентен. А таковым является так же контекст, порождаемый современной когнитивной наукой, являющейся как и синергетика, новым междисциплинарным направлением изучения разума и познания. Это направление представляет собой организованную по сетевому (циркулярному) принципу взаимосвязанную совокупность таких дисциплин, как лингвистика, нейробиология, психология, антропология, философия. При этом важное смыслообразующее значение для когнитивной науки имеют исследования в области искусственного интеллекта, коммуникативистике, компьютерных сетей, в частности среды Интернет, а так же теория автопоэзиса, связываемая с именами чилийских нейробиологов Франциско Вареллы и Умберто Матураны. Что касается философии, то здесь в фокусе оказываются исследования в области философии квантовой механики, биосоциокультурной эволюции, а так же исследования в области философии науки, ориентированные на идеи личностного знания М.Поляни и феноменологии Гуссерля, Мерло-Понти... Тем самым проблема сетевого мышления синергетики трансформируется в совокупность задач процесса ее когнитивного обоснования, понимаемого в виде процесса многомерного структурного сопряжения синергетики и ее окружения, репрезентированного в многообразии видов субъективного и интересубъективного опыта, его моделирования и соответствующих им коммуникативных технологий их трансляции..

Ту же самую проблему сетевого мышления в синергетике можно сформулировать и несколько иначе. Именно: как проблему становления наблюдателя и процесса наблюдения в качестве составных частей общего интегрального цикла когнитивной коммуникации. Одна из лучших формулировок этой проблемы принадлежит М.К.Мамардашвили. Это сугубо постнеклассическая, как я бы сказал, формулировка представлена в самом начале его известной работы «Классический и неклассический идеалы рациональности», впервые увидевшей свет в 1984 году. «Скращение разных проблем и разных наук, — писал Мамардашвили, — привело к перекрестку, где возникла острейшая необходимость более или менее точного определения понятия наблюдения, хотя бы настолько точного, что бы оно по своей точности и прояснительности приближалось к точности математических и физических понятий. Иначе говоря, став основным в теоретико-познавательной структуре физики, как и, естественным образом, в структуре лингвистики, феноменологии, этнологии, психологии, социальной теории, понятие наблюдения не только поставило формулировку нашего знания физических явлений в зависимость от результатов исследования сознательного ряда явлений, которые всегда сопровождали и сопровождают исследование первых, но и требуют теперь от психологии или от какой-то Х-науки, занимающей теорией сознания, определенных идеализаций и абстракций, способных бросить свет на явление наблюдения в той его части, в ка-

кой оно, сам его феномен, уходит корнями вообще в положение чувствующих и сознающих существ в системе природы» [1].

Комментировать тексты Мамардашвили с точки зрения сетевого синергетического мышления — занятие неадекватное. С его текстами можно коммуницировать, разным образом подсоединяясь к ним, в том числе и посредством указанной X-науки. В частности, если под X-наукой о сознании иметь ввиду синергетически сопряженную когнитологию понимаемую в свою очередь как науку о психических процессах, организованных в виде взаимосвязанных многомерных сетевых циклически устроенных процессах.....

Синергетику часто связывают с именами Г. Хакена и И. Пригожина [2, 3], называя их основоположниками синергетики, что вполне справедливо. При этом, однако, нужно иметь ввиду, что синергетика в глазах Пригожина — это лишь одна из частных формулировок феноменологической теории лазера, которая была в свое время предложена Г. Хакеном, в то время как с точки зрения Хакена теория диссипативных структур И Пригожина — это всего лишь раздел нелинейной неравновесной термодинамики.

Конечно, эти различия восприятий могут быть отнесены к чисто субъективным и в этом смысле случайным аспектам развития науки вообще и становления синергетики в частности. Но такой подход не был бы когерентен сетевому мышлению синергетики. Именно в контексте синергетики, синергетического подхода такое отнесение, такая элиминация личностного начала, были бы равнозначными утрате его специфичности именно как синергетического дискурса, который формируется именно как топос сети интеллектуальных коммуникаций как множества узлов «личностных встреч» [4, 5, 6, 7].

Подчеркнем еще раз: «личностность» в синергетическом контексте — характеристика от этого сетевого контекста неотделимая, более того — она сама этот контекст порождает, она его коммуникативно выстраивает, подчиняет.

И здесь возникает одно из тех новых синергетических различений, а именно — различение между личностным знанием и знанием индивида как такового или тем, что называют еще, следуя декартовой парадигме философствования — знанием субъективным. Для нас это различение состоит в типе коммуникативной компетентности индивида, его, если угодно, коммуникативной образованности, в специфике типа культуры коммуникативной самоорганизации. Субъект Декарта самоопределяется посредством его знаменитой формулы: «Я мыслю, следовательно, я существую». Но мыслю, согласно Декарту, значит сомневаюсь, рефлексирую и, в конечном счете, получаю доступ к самому себе посредством критического интеллектуального автодиалога. Но для нас этот тип автокоммуникации далеко не самый надежный и безупречный именно потому, что в его основе лежит скептицизм, сомнение. Во всяком случае он не единственный личностно-формирующий тип автокоммуникации. Более интересен и существенен диалоговый тип личности, открытой, креативной и ориентированной на доверие к другому, а тем самым предрасположенный к достижению устойчивого интересубъективного согласия.

Однако в переходе к личностному измерению синергетики мне хотелось бы быть более коммуникативным. Этот переход можно осуществить разными путями. С методологической точки зрения здесь удобно воспользоваться как коммуникативным посредником концепцией исследовательских программ Лакаатоша-Поппера, введенное ими для концептуальной репрезентации процессов роста сетей научного знания. Весьма упрощенно, но для наших целей этого вполне достаточно, исследовательскую программу можно представить как своего рода «топологическое произведение» двух концептуальных пространств — жесткого метафизического ядра и пространства непосредственно контактирующих с экспериментом гипотез, моделей, теоретических образов и представлений. Мы назвали концепцию исследовательских программ концепцией Поппера-Лакатоша, хотя она в глазах многих связывается только с именем последнего. Дело однако в том, что сама идея исследовательской программы как структурной единицы представления знания в динамике его роста была впервые предложена Поппером еще в 30-х годах и впоследствии была развита одним из его наиболее известных учеников И. Лакатошем. Но мы упоминаем об этом обстоятельстве не только ради исторической точности, но и потому, что в понимании Поппера исследовательская программа выступает в качестве «среды», в которую погружен исследователь и посредством которой он вступает в контакт с открываемой и создаваемой им естественной и искусственной реальностью.

Исследовательская программа у Поппера 30-х годов, когда он неявно формулировал ее в своей знаменитой «Логике научного открытия», была близка концепции личностного знания Майкла Поляни, но позднее пути этих двух выдающихся философов науки разошлись. Для Поппера однако основным инструментом коммуникативной самоорганизации субъекта познания стал критический диалог и скептический автодиалог в духе Декарта, что же касается Поляни, то здесь дело обстоит сложнее. Поляни сделал смелую и далеко идущую попытку ограничить традицию скептицизма в научном познании в пользу некоторой формы веры (вообще говоря, не обязательно веры религиозной). Не случайно основной труд его жизни — книга «Личностное знание» имеет подзаголовок «На пути к посткритической философии».

Естественно, что попытка Поляни оправдать веру (фидуциарность) в научном познании как один из существенных факторов динамики роста знания у Поппера сочувствия не встретила. Имея ввиду Поляни, хотя и не называя его по имени, Поппер в предисловии к английскому переводу своей «Логике научного открытия» специально отметил тревожную тенденцию оправдания обскурантизма и иррационализма в научном познании.

Но и у Поляни, и у Поппера речь идет о самоорганизующейся коммуникативной активности субъекта познавательной деятельности, находящей свое выражение в его самотрансценденции. Разница однако в том (и на наш взгляд разница существенная), что у Поппера самотрансценденция реализуется по преимуществу в процессе критики, критического диалога и самокритики, в то вре-

мя как у Поляни самотрансценденция осуществляется в особом рода акте у в е р о в а н и я, самоотдачи, самоангажированности системе научного познания, в с т р а с т н о м самоотреченном стремлении к истине. В принципе, с точки зрения результата, а именно: прироста обезличенного, надындивидуального, «объективно-истинного» знания конкретные формы самотрансценденции субъекта н а у ч н о г о п о з н а н и я не имеют значения. Вполне возможно, что так оно и есть, хотя, насколько нам известно, никто соответствующих (мета-) теорем на этот счет не доказывал. Но все дело в том, что прирост обезличенного знания вовсе не единственный результат познания. Другим его результатом я бы считал самоактуализацию личности ученого в это процессе. И здесь формы, средства и способы самотрансценденции, их различения с синергетической точки зрения могут оказаться существенными, поскольку в синергетическом контексте самотрансценденция, самоактуализация и самоорганизация субъектов познания становящегося бытия внутренне (телесно) связаны между собой.

Именно эти различия самотрансценденции собственно и имеются ввиду, когда мы говорим о пространственном измерении синергетики. Точнее, имеется ввиду «топология путей» (само)-трансценденции синергетики, среди которых, при всем ее плюрализме, не все эквивалентны между собой.

Мы уже говорили о различии самотрансценденций у Поппера и Поляни и к уже сказанному добавим лишь, что у Поппера самотрансценденция понимается как выход за рамки, границы, представлений диктуемых доминирующим в конкретной научной программе языком. Для Поппера основная задача в том, что бы «разотождествиться», освободиться из плена языковой тюрьмы, в которую неизбежно заключает себя ученый некритически верующий в метафизические установки той или иной исследовательской программы. Освобождение от приверженности прежним, некритически принятым и догматически применяемым жестким правилам, методологическим предписаниям, нормам и т. д. — вот пафос доктрины критического рационализма Поппера. Но после того как долгожданная свобода обретена, естественно возникает вопрос — а что дальше? Дальше с необходимостью следует новое отождествление, обретение новой языковой онтологии. И здесь в принципе возможны два пути самотрансцендирования — бессознательный и осознаваемый, личностный по Поляни и Маслоу. В своей книге Маслоу выделяет и обсуждает три с половиной десятка различных значений трансценденции, среди которых, пожалуй, наиболее близко к концепции личностного знания Поляни и его принципу фидуциарности находится понимание трансценденции под номером 32. «Мне кажется, - пишет Маслоу — что нужно отдельно выделить трансценденцию особого рода — трансценденцию как интроекцию человеком высших ценностей и идентификацию с ними, подчинение собственных желаний и поступков именно этим высшим ценностям» [8]. Для Поляни такой ценностью является научная истина, ее поиск. Ученый, который пошел этой тропой самотрансценденции в научном познании способен и к отождествлению и к разотождествлению себя с той или иной научной программой

и/или доктриной или учением. Иначе говоря, он более открыт к восприятию, открытию, к становлению нового, чем его коллега, избравший изначально тропу критической рефлексии.

Но, если мы вернемся к первоначальному попперовскому пониманию исследовательской программы как коммуникативной среды, в которую лично включен и в которой развертывает свою активность ученый, то мы можем в границах так определенного контекста отождествить идею жесткого метафизического ядра программы с видом характерной именно для него специфической (само-)трансценденцией. Или, говоря теперь уже языком синергетики, еще раз отождествляя самотрансценденцию с самоорганизацией, а последнюю с концепцией становления параметров порядка в версии синергетики по Хакену.

Иначе говоря, мы исходим из предположения, согласно которому личностная сопричастность укоренена в метафизическом ядре программы, где и «располагается» тот ведущий параметр «трансцендентного порядка», который не просто ориентирует и направляет поиск ученого, но есть средоточие его веры в этом поиске, того, что дает силы противостоять сомнениям в правильности избранного им пути. И здесь мы выдвигаем гипотезу, что метафизическим ядром программы Пригожина является идея переоткрытия Времени, идея возвращения Времени в естествознание, когда то потерянное им на путях «объективного познания истины». Имеется в виду, конечно, Время в контексте его собственных креативных качеств, таких как необратимость, множественность, направленность. Пользуясь другим языком, можно сказать, что в основе программы Пригожина лежит (само-)трансценденция Времени.

Сам Пригожин неоднократно предпринимал попытки конкретно реализовать эту идею средствами формализма аппарата теоретической физики, вводя в рассмотрение оператор времени, идею нарушения временной симметрии на уровне фундаментальных законов природы. Нам важно лишь обратить внимание на личностно-биографический момент вопроса. Именно — метафизики времени, установка на «переоткрытие» времени укоренена в особенностях его личного опыта, в его специфической ориентации на трансцендирование времени, на его переживание как чистой темпоральности, длительности..... И в этом Пригожин внутренне близок Бергсону. Именно отсюда проистекает его страстное стремление к преодолению разрыва между личностным «внутренним» переживанием времени его внешним «объективным» представлением, сведенным классической наукой Нового времени к пространственному образу еще одной добавочной пространственной координаты.

Бергсон здесь фигура, конечно, во всех отношениях ключевая. И не только потому что он философ темпоральности, но и потому что он, как философ междисциплинарности в науке, долгое время противостоял в качестве авторитетного оппонента экспансии физики, претендовавшей в первой половине нашего века на монопольное право выступать носителем парадигмы наиболее развитой научной дисциплины, носителем идеалов и норм всего научного познания в целом.

Само «переоткрытие Бергсона», с сетевой точки зрения есть необходимый момент становления синергетики как кросс-культурного, меж-, и трансдисциплинарного её диалога в качестве научного направления с другими сферами воплощенного бытия человеческого творчества. Здесь уместно дать слово самому А. Бергсону, комментирующему одну из своих первых работ «Опыт непосредственных данных сознанию» (1889). Этот комментарий содержится в его интервью Шарлю Дю Бо, записавшему его в феврале 1922 года. «Мне потребовались годы, что бы осознать, а затем признать, что не все способны с той же лёгкостью что и я жить, вновь и вновь погружаясь в чистую длительность. Когда эта идея длительности осенила меня в первый раз, я был убежден, что достаточно сообщить о ней, что бы пелена спала, и я полагал, что человек нуждается лишь в том, что бы его об этом уведомили. С той поры я убедился в том, что все происходит иначе...» [9].

Итак, восстановить сетевую связанность (в некотором топологическом смысле) темпорального опыта, представленного в его фундаментальных разделённостях и противопоставлениях внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, сконструированного и открытого и т. д., переоткрыть время, осмыслить заново стрелу времени как паттерн различения событий, «которые были», которые «имеют место здесь и теперь», в настоящем, и которые могут быть в будущем, «если...», осознать этот паттерн как единство, как гештальт — таков метафизический контекст исследовательской программы Пригожина, в нашем истолковании естественно.

Синергетическое мышление, понимаемое в качестве сетевого с необходимостью включает в себя инструментально-операциональную компоненту. Эту его особенность лучше всего показать обратившись к базовому прибору синергетики. А именно: к лазеру. Лазер — это прибор, в работе которого сочетаются естественное и искусственное, упорядоченное и неупорядоченное, квантовое и классическое. Синергетика в образе лазера естественно осмысливается в духе инструментализма и неопрагматизма, включая, междисциплинарный конструктивизм концепции автопоэзиса Варелы и Матураны. Последний же, помимо прочего, характеризуется критическим отношением к «молчаливому допущению, скрывающимся за разнообразием формулировок так называемого когнитивного реализма... согласно которому мир может быть поделен на регионы дискретных элементов и задач. Познание состоит в решении проблем и в случае успеха должно соотносить свои результаты в виде элементов, свойств и т.д. с этими предзаданными регионами». [10]

Тем самым синергетика оказывается так же критичной по отношению к классическим и даже неклассическим дисциплинарным границам...

Постнеклассический инструментализм синергетики междисциплинарен по своим интенциям, а потому с необходимостью коммуникативен, конвенционален и открыт для диалога. А диалог требует структурной стыковки, структурного сопряжения, как своей предпосылки. Междисциплинарный инструментализм синергетики предполагает адекватную ему, динамически устойчивую,

самовозобновляющуюся и в то же время эволюционирующую коммуникативную онтологию, такую, например, как онтология автопоэзиса Вареллы и Матураны. Заметим в скобках, что это структурное сопряжение (structural coupling) важно не только для диалога программ Пригожина и Хакена и их симбиоза, но и для использования образов, идей и представлений синергетики в социогуманитарном познании, психологии, политических теориях и т. д. Интересные попытки в этом направлении делает Н. Луман.....

В этом месте наших рассуждений метафизический вопрос переоткрытия пространственности в синергетике трансформируется в вопрос: может ли это быть сделано самой синергетикой, ее методами и средствами?

Или, быть может, необходимо подключение неких «внешних» идей, идей «со стороны»? И если так, то каких? Ответ на этот и подобные вопросы, имеет существенно «сетевой» характер, коль скоро осознается, что такие характеристики как «циркулярность», самореферентность, автопоэтичность, коммуникативность, диалогичность являются для синергетического мышления ключевыми коль скоро оно осознается в качестве мышления неиерархизированного, преимущественно, метафорического, аналогового, модельно-конструктивного характера.

Сам синергетический контекст в принципе предполагает множественность и неоднозначность путей сетевого переоткрытия пространства и времени. В этом тоже одна из особенностей синергетического дискурса как дискурса науки эпохи постмодерна или постнеклассической науки.

Вообще говоря эти пути существуют лишь потенциально в возможности, подобно тому как существует еще не задуманное слово в игре «Да-нет», на примере которой Дж. Уилер показывает различие пониманий измерения в классической механике и механике квантовой.

Эти пути можно условно разметить посредством указания тех исходных сетевых «топосов», мест, с которых мы начинаем разговор. Первое – это место математического, определяемого математическим инструментарием синергетики. Прежде всего это аппарат нелинейных дифференциальных уравнений, фазовые портреты, аттракторы, бифуркации, теория катастроф Тома-Арнольда и прочие интригующие вещи. Подчеркну, что это именно аппарат, инструментарий синергетики, сформировавшийся первоначально в работах А. Пуанкаре в связи с задачами механического движения и, в первую очередь, задачами устойчивости (и неустойчивости) движения небесных тел.

Таким образом, намечается круговой путь: математическое описание с помощью дифференциальных уравнений прилагается к описанию динамики языка, в принципе того же самого языка, на основе и с помощью которого в свое время формировалась математика в образах Евклидовой геометрии, Декартовой системы координат, анализа бесконечно малых Ньютона–Лейбница и подобные им системы представления знания. Сегодня уже не обязательно быть искусственным философом-гносеологом, что бы видеть, что вся эта математика есть лишь одна из коммуникативных конструкций сетевого познания и что вся

она не является репрезентацией внешней по отношению к нам реальности самой по себе, а есть репрезентация нашего специфического отношения к миру в контексте диалога с ним, задаваемого спецификой способа его вопрошания.

Из этого, однако, не следует априорная несостоятельность попыток использования специализированного математического языка в качестве средства познания естественного языка повседневного общения. В конце концов, синергетический смысл как именно сетевой смысл появляется как результат замыкания коммуникаций, в создании и/или воссоздании коммуникативных циклов (гиперциклов, по Эйгену), в которых и посредством которых реализуются исследовательские процедуры. Добавим так же, что и здесь в контексте синергетико- сетевого подхода, применительно к языку, само деление на естественный язык и язык специально сконструированный, изобретенный, искусственный, каковым является язык математики, не носит характера их противопоставления.

Еще один путь к пониманию связи синергетики и сетевого мышления может быть инициирован посредством введения представления о постнеклассическом эпистемологическом пространстве как нелинейной личностноориентированной коммуникативной сети, в котором находит себя синергетический субъект. Необходимость его введения обусловлена, помимо прочего, и тем обстоятельством, что синергетика в качестве междисциплинарного направления включает в себя и философское измерение, коммуникацию философской традиции, сопрягая ее некоторым образом с современной постмодернистской парадигмой, в которой субъект не задан изначально, но становится, не утверждает, а утверждается в разнообразии самотрансценденций, разнообразии коммуникативных практик в широком смысле этого слова.

Существенно, что постнеклассическое эпистемологическое пространство порождается ситуацией междисциплинарности, в которой самоопределяется коллективный «синергетический» субъект. А потому — это коммуникативное пространство, состоящее из узлов — «точек сборки» коммуникаций, воспроизводимых (повторяющихся) различных диалогов-событий-встреч, самоорганизующихся изначально свободно по хаотически выстроенному «фрактально-сетевому» принципу, а не в соответствии с изначально заданной жесткой логической иерархией, в основе которой лежит принцип линейной причинности. Но это «изначально». В конце концов синергетический субъект в качестве некоторой коллективной коалиции познающих и конструирующих разумов и тел самоорганизуется в мире уже «ранее» самоорганизованном, а потому он, с одной стороны, подчиняется уже имеющимся в этом мире параметрам порядка, с другой создает «свои» параметры порядка, которым он так же «вверяет свою судьбу». «Метрика» в таком пространстве задается не степенью «близости к истине», а, скорее, степенью ответственности перед логикой, которая сама по себе является логикой подчиненности будущему, телеологической логикой целевой причинности, которая обуславливает наше осознаваемое поведение как поведение в ситуации «здесь и теперь».

Следует отметить, что классическое эпистемологическое пространство (типа классического декартова) так же является коммуникативным по своей природе пространством, но надо отдавать отчет в том, что это специализированное коммуникативное пространство ориентированное на управление и контроль, а потому — это пространство монологично, пространство, в котором нет места для «другого», а единственным местоположением субъекта как «Я» является точка ноль.. Но синергетика видит своей целью не просто констатировать различия форм организации эпистемологических пространств классики, неклассики и, наконец, постнеклассики. Она видит своей задачей приведение их в топологическое соответствие друг с другом в контексте всего человеческого опыта во всем разнообразии внутренних в внешних (интерсубъективных) форм его представления в языке, символах, вербальных и невербальных коммуникациях.

В постнеклассическом эпистемологическом пространстве, на которое ориентируется синергетика и которое ею же порождается и поддерживается, топология, мера близости и удаленности задается мерой близости и удаленности «Я» и «Другого». В разных случаях для этой пары используются разные имена. Например — «субъект-субъект», «Я-Ты», «Я-Он», «Я-Мы», «Я-Она»....

Соответственно будут иметься ввиду разные типы сетевой коммуникативности, пространственности, символичности, телесности.

Эти и другие различия важны и существенны для переоткрытия пространства как конкретно-сетевой коммуникативной формы существования культуры, художественного произведения, музыки, философии и т. д. Но нас здесь и теперь интересует постнеклассический междисциплинарный субъект, который самоопределяется «внутри науки», находится в ней, «погружен в нее», говорит и пишет ее языком, изменяя в этом процессе и себя самого. И это не наука вообще, а наука, претерпевшая в нашем столетии несколько радикальных парадигмальных сдвигов — прежде всего релятивистскую и квантовую революции, а затем — открытие таких феноменов как динамический хаос, фрактальный рост, переоткрытие принципа самоподобия в природе, большой взрыв и коэволюцию... «Неизбежность странного мира» квантовых феноменов, а потом мира нелинейности в целом поставили проблему единства науки не как отвлеченно теоретическую, а как проблему прежде всего личностную, как проблему самоактуализации личности ученого в ситуации ценностного кризиса и глубоких смысловых расколов в научном знании, ученого, интеллектуальная и нравственная позиция которого все более делокализуется и переопределяется заново динамикой нелинейного междисциплинарного взаимодействия.

Связность сетевого многообразия внутреннего опыта, «путей к себе», переоткрытие себя в новых диалогах-встречах— такого рода ситуация плохо осмысливается одним символом-метафорой трансценденции пространства в образе ступеней лестницы, ведущей все выше и выше. Здесь ближе образ множества выбираемых нами путей, с областями бифуркаций и аттракторов, виртуальных Дао, русел и джокеров (Г.Г. Малинецкий) срединности.... Эпистемологическое пространство, в котором находит себя наш субъект видится (естественно, как

некий желаемый идеализированный образ, как проект) как пространство возможных путей, обретения новых смыслов, открытий и диалогов. Это так же, если угодно, и пространство культуры психосоматического самоисцеления, обретения нового чувства свободы, освобождения; пространства, в котором выражение: культура – это терапия души, обретает свой непосредственно переживаемый смысл.....

Здесь я вижу точку возврата к теме «лазерная парадигма» Хакена, рассматривая ее как новую коммуникативную среду, в которой заново открывается синергетическая связь психического, чувственного, ментального, телесного, материального как подсистем, вовлекаемых в процессы самоорганизации, в совокупности которых собственно и реализуется наше присутствие в этом меняющемся мире, наше становящееся бытие в нем, наше взаимодействие с собой и другими, взаимодействие частью которого является и наша познавательная деятельность.

Как уже отмечалось выше, место Хакена в системе междисциплинарных коммуникаций, его сетевой хронотоп, задается для меня тем, что мы называем лазерной парадигмой, как некоего нового проблемного поля, возникающего в контексте осмысления лазера в качестве инструмента познания, представления и инициирования процессов самоорганизации в средах самых разных по своему «субстратному» составу, но сходных в их поведении «вблизи точек неустойчивости».

По утверждению физика Грэхэма, являющегося коллегой и соратником Хакена, заслуга последнего в доказательстве, что лазер является не только важным технологическим инструментом, но и сам по себе представляет интереснейшую физическую систему, способную научить нас многому. Лазеры занимают очень интересную позицию между квантовым и классическим миром и теория Хакена объясняет нам, как могут быть связаны между собой эти миры.... Лазер можно рассматривать как перекресток между классической и квантовой физикой, между равновесными и неравновесными феноменами, между фазовыми переходами и самоорганизацией, а так же между регулярной и хаотической динамикой. В то же время – это система, которую мы понимаем как на микроскопическом квантово-механическом уровне, так и на макроскопическом классическом. Это устойчивая основа для изучения общих концепций неравновесной физики.

И здесь мы опять еще раз встречаемся с образом лазера как коммуникативного посредника. В этом смысле «лазерная парадигма» вовсе не знаменует собой некую новую научную революцию со всеми ее коммуникативными разрывами и несоизмеримостями старых и новых языков. «Парадигма лазера», напротив, осознается как средство устранения, «залечивания» этих разрывов. «Парадигма лазера», если воспользоваться термином Маслоу, «даоистична». Естественно спросить, а зачем тогда вообще говорить о какой-то новой парадигме, если имеется ввиду нечто нереволуционное, а эволюционное. В принципе, о новой лазерной парадигме можно, конечно, и не говорить, но мы не видим к тому никаких осно-

ваний. Хорошо известно, что понятие «парадигма» у Куна в высшей степени многозначно, что в свое время служило поводом для многочисленных критических замечаний по его адресу. (Его критики насчитали более тридцати значений термина «парадигма» у Куна). Но в перечне этих значений есть по крайней мере одно для нас в данном случае весьма важное, хотя до сих пор остающееся в тени. Именно, парадигма — это коммуникативная среда, языковое коммуникативное пространство, в которую погружено научное сообщество, «подвешено», как любил говорить Н. Бор таким образом, что мы не знаем, где «верх» и где «низ» в этом пространстве. Заметим в скобках, что это высказывание Бора, мы интерпретируем в данном случае как полемически направленное против приоритета логико-эпистемологических пространств классической науки и философии эпохи Канта и в пользу сетевой эпистемологии науки квантово-релятивистской эры; эры, когда на смену теоретико-множественному обоснованию математики пришло теоретико-категориальное.

Конечно, смена одной классической парадигмы монологического знания на другую для ученого, который годами вживался в нее, равнозначна смене места его обитания, смене обжитой им «экологической ниши». А это, как отмечалось выше, предполагает иной тип самотрансцендирования, чем тот, который практиковался им ранее. И переключиться на другой способ самотрансцендирования зачастую оказывается крайне трудно, если не невозможно. Отсюда коммуникативный разрыв разных поколений в науке, раскол, остро сознаваемая драматическая невозможность достижения необходимого intersubjectивного согласия и т. д.

Поэтому вполне понятен разговор о разных несоизмеримых парадигмах, разных языковых онтологиях, разных мирах и \или пространствах, порождаемых употреблением разных языков. Хотелось бы однако дополнительно понять, когда именно этот разговор «уместен», а когда нет.

С этой точки зрения лазерная парадигма в качестве порождающей синергетическую онтологию и претендующей на восстановление коммуникативной связанности парадигм-пространств прежнего коммуникативного опыта познания, несомненно этому пониманию «уместности» могла бы способствовать. Лазерная парадигма создает качественно новую активную среду коммуникации, встраиваемую в некое обобщенное сверхпространство или гиперпространство, а потому уж коль скоро мы занялись языковым творчеством, то уместнее было бы говорить о гиперпарадигме, гиперпространстве и т. д.

«Но мир — не лазер», — как любит повторять Хакен. Универсалистские трансценденталистские притязания и иллюзии классического разума синергетика не разделяет. Она переоткрывает древний принцип «Человек — мера всех вещей».

Мерой знания становится такая его ценностно-качественная характеристика как «вочеловеченность» (Маслоу). Применительно к биологии и медицине он в этой связи пишет: «Размещение в едином, количественно измеримом пространстве человечности всех заболеваний, которыми заняты психиатры и терапевты, всех нарушений, которые дают пищу для раздумий экзистенциали-

стам, философам, религиозным мыслителям и социальным реформаторам, дает огромные теоретические и научные преимущества. Мало того, мы можем разместить в этом же континууме разнообразные виды здоровья, о которых мы уже знаем, в полной палитре их проявлений, как в пределах границ здоровья, так и за пределами оно — мы подразумеваем здесь проявления самотрансценденции мистического слияния с абсолютом и прочие проявления высочайших возможностей человеческой природы, которое раскроет нам будущее».

Но тогда, быть может, мир нами открывается? Или нам открывается? Однозначного ответа, на таком образом формулируемые вопросы, не существует. Синергетическое познание, взятое в контексте истории естествознания нового времени, — это и постквантовое познание. А после квантовой механики говорить об открываемом кем-то вообще, без ссылок на наблюдателя, его место и на те средства-приборы, с помощью которых он реализует само наблюдение, да еще не оговариваясь при этом, что открываемое — это наблюдаемое, сотворенное самим процессом наблюдения — значит быть в плену реликтового языка доквантовой эпохи. Не вдаваясь в подробности эпистемологического сюжета наблюдатель—наблюдаемое в квантовой физике, ограничимся констатацией в синергетическом мире сетей взаимосвязанных событий нет неизменного статичного наблюдателя; наблюдатель становится, возникает в сложноорганизованной сети узлов сборки ответственных актов коммуникации, коммуникативных событий как «встреч с будущим» В этом мире вопрос о существовании объекта познания становится вопросом возможности конструирования специального языка представления реальности, языка, в котором бы следы присутствия человеческого начала были бы в максимально возможной степени элиминированы. Такой язык совершенно необходим, иногда полезен в сочетании с другими языками «от первого лица», а иногда — он попросту вреден, представляя собой инструмент перекалывания ответственности на неких обезличенных «они», «оно» и т.д. В случае научного познания, как отмечает Полани, предпочитают говорить: «Теория здесь ошибается», вместо «Это я ошибся». А потому: знать — значит уметь вести себя ответственным образом в контекстах осознаваемых как «здесь и теперь» и связанных с индивидуальными актами или ко-оперативными взаимодействиями. Эту мысль можно выразить несколько иначе, пользуясь метафорой лазера как коммуникативным познавательным средством. Наш «эпистемологический лазер» освещает своим высокоупорядоченным, когерентным светом не все вокруг в «независимо от нас существующей Вселенной», а селективно выделяет некую кооперативно взаимодействующую область со сложной «топологией вырезания и склеивания», именуемую реальностью и описываемую в соответствующем языке таким образом, что бы это описание могло бы быть воспроизводимо и устойчиво коммуницировано «другому». Но пока лазер для нас выступает лишь как инструмент, хотя и с весьма необычными свойствами. Продвинуться дальше в осмыслении лазерной парадигмы нам может помочь обращение к пока еще мало освоенному наследию Д. Бома, отдавшего в свое время много сил попыткам выстроить ту новую онто-

логию мира, ту новую реальность, которая «скрывается» за кулисами операционально представленного математического формализма квантовой механики. Чтобы нагляднее представить концепцию квантово-механической целостности и ее отличие от целостности, предполагаемой классически ориентированным познанием, начиная с эпохи Галилея и вплоть до Эйнштейна, Бом ввел представление о двух инструментально порожденных парадигмах научного познания: так называемую парадигму линзы и парадигму голограммы (или голографическую парадигму).

Эта инновация не была должным образом оценена философами и методологами науки. Между тем Бом, различая названные парадигмы, сделал далеко идущую попытку учесть познавательные уроки квантовой механики, интегрально представленные в виде принципа целостности форм языка, способов наблюдения, инструментального контекста и теоретического понимания в исторической эволюции науки Нового времени. Это была попытка построить своеобразную «квантовую герменевтику» языка и прибора в ситуации, когда познающий в принципе не имеет прямого и непосредственного доступа к миру квантовых явлений и процессов.

Исходным пунктом его рассуждений была линза как прибор и инструмент познания, который, в свою очередь, породил когерентный ему паттерн мышления, особенностью которого до сих пор, несмотря на огромное число исследований философов и историков науки не полностью осознаны. Это, видимо, обусловлено так же и тем обстоятельством, что сам «линзовый тип мышления» во многом доминирует и на метауровне рассмотрения самой науки. Достаточно тривиально, что линза есть инструмент формирования образа реальности в форме предметов, где каждая точка оригинала с высокой степенью точности соответствует точке образа. Это постулат геометрической оптики (и волновой, в ее геометрическом приближении).

Но не столь тривиально однако, что благодаря своему «поточечному отображению» как базовой гносеологической модели переноса информации от исследуемого объекта к познающему его субъекту—наблюдателю, линза в огромной степени усиливает процесс «краевого» осознания нами разных частей объекта как отдельных и отграниченных друг от друга паттернов и отношений между этими частями, тем самым, существенно затрудняя и /или искажая восприятие целого.

Это обстоятельство усиливает склонность мыслить в терминах классического порядка анализа и синтеза, распространяя этот способ мышления далеко за пределы его применимости.

Но уже теория относительности, а затем, в наибольшей степени, квантовая механика стали обнаруживать ограниченность целостности синтеза образов линзового мышления. Все более стала заявлять о своем, как бы неявном, существовании онтология целостности иной, немеханической, но и неорганической природы мироздания, описание которой невозможно представить в языке, который был бы когерентен инструментальному контексту классического

линзового порядка, анализ и синтеза поточечных элементов, как хорошо определенных частей целостного образа.

Но если дело обстоит таким образом, то возникает естественный вопрос: а какой инструмент мог бы дать нам непосредственное представление о том инструментальном контексте, в рамках которого квантовая целостность могла бы быть представленной самосогласованным образом.

Такое интуитивное представление возникает, если мы обратимся к голограмме как инструменту для записи «целого». Что такое квантово-голографическая парадигма по Бому, становится понятнее из следующего краткого описания функциональной схемы того инструментального контекста, в котором она самоопределяется. Эта схема такова. Луч лазера падает на полупрозрачное зеркало, расщепляясь при этом на два луча. Одна часть непосредственно попадает на фотопластинку, другая — после отражения некоторой целостной структурой-оригиналом. В итоге на фотопластинке записывается, так называемый интерференционный паттерн — сложный и тонкий узор запечатленных событий, запомненный образ-паттерн оригинала, соотносимый с ним уже не поточечно, как в линзе, а некоторым более сложным образом. Это соответствие или соотношение обнаруживается только при освещении голограммы лазерным светом. При этом воссоздается волновой фронт, подобный форме волнового фронта, идущего от исходной целостной структуры, и мы можем в некотором диапазоне возможных перспектив (точек зрения) видеть исходную целостную структуру в трехмерном ее представлении. Мы будем видеть ее и в том случае, если осветить лазерным светом только часть фотопластинки. Интерференционный узор даже в весьма небольшой области фотопластинки имеет отношение ко все её целостной структуре, а каждая часть оригинала имеет отношение ко всему узору на фотопластинке.

Так мы приходим к представлению о голографической парадигме как парадигме синергетической, где по части может достроиться (самоорганизоваться) немеханическое динамическое целое. Мы приходим к образу мира, имеющего свою голографическую память, миру, самоорганизующемуся в виде своего рода суперголограммы, информацию с которой (=познать) мы можем считать лишь с помощью источника когерентного лазерного света, заняв при этом сопряженную с оригиналом познавательную позицию «наблюдателя-участника», с тем, чтобы можно было увидеть «фантомный образ-изображение», практически неотличимый в границах некоторого конуса перспектив от самого оригинала. Вот такая «автопоэтическая» онтология Вселенной, включая и нас самих, с нашей когнитивной коммуникативной деятельностью «внутри неё», в принципе, может быть выведена из соответствующим образом интерпретированных утверждений, что «лазер-маяк синергетики» и что «мир- это не лазер», но лазер — это часть нашего мира. Мы не будем специально говорить о том, что восстановление онтологии по данным в наблюдении операционально-измерительным схемам — задача не имеющая одного единственного решения. Таких онтологий может быть много.

Лазерно-голографической версии синергетической парадигмы наглядно показывает ее сетевую, коммуникативно-конструктивную природу, а так же необходимость когерентного этой парадигме коллективно распределенного сетевого мышления, а так же потому что она дает возможность более наглядно и интуитивно понять специфику конструктивно-синергетического подхода к познанию сложных систем, таких например, как человеческий мозг, а так же показать, каким образом этот подход оказывается как бы в стороне от традиционной методологической дихотомии различения «редукционизм—антиредукционизм», поскольку его коммуникативная интерпретационно-диалоговая природа выступает в данном случае гораздо отчетливее.

Паттерны и узоры активности мозга, в чем бы они не находили свое проявление, существенно нелокальны и для того, чтобы «увидеть» запечатленные в них образы и интерпретировать их, нам необходима не линза, не микроскоп и не когерентный этим инструментам классический порядок процедур анализа и синтеза линзового мышления, а лазер, его когерентный свет с высокой информационной плотностью и место, познавательная позиция, воспроизводимо фиксируемая и сообщаемая «другому» с помощью наличных языковых средств. Круг вроде бы замыкается, хотя и не полностью, поскольку мы еще не знаем вполне определенно то место в ментальном пространстве наших представлений, откуда мы можем распознать тот многомерный образ активности мозга, который формируется, а затем воссоздается заново лазером синергетики Хакена.

Но синергетика отказывается от поиска всякого рода субстратно-локализованных следов памяти (энграмм), ориентируясь на поиск и узнавание форм запоминания и оперирования информацией в ее нелокальном, динамически распределенном, виртуальном виде. Здесь синергетика встречается, с так называемым коннекционистским подходом к нейроноподобным активным вычислительным средам хранения и обработки информации. Но синергетика идет дальше, предлагая более интригующую перспективу познания человеком самого себя в эволюционирующей самореферентной Вселенной, обладающей нелокальной голографической памятью. Для синергетики «мозг в свете лазера» — это так же и мозг как целостная динамическая система в состояниях вблизи точек неустойчивости, где она претерпевает огромное разнообразие качественных трансформаций, «фазовых переходов», сопряженных с процессами самоорганизации информации и возникновением новых параметров порядка (динамических аттракторов), в результате чего возникают новые знаки и символы, а также системы её представления «для себя и для другого».

Синергетика с ее «лазерно-голографической парадигмой» делает наблюдаемым и узнаваемым то, что не наблюдаемо и неузнаваемо с позиций всех подходов к мозгу как системы функционирующей «в норме» по преимуществу в состоянии равновесия, гомеостаза, более того как системы, основная функция которой в том только и состоит, что бы этот самый гомеостаз сохранять и поддерживать.

В своей последней книге, специально посвященной рассмотрению функционирования позиций синергетического подхода, Хакен убедительно продемонстрировал, эффективность лазерной модели самоорганизации — отбор неустойчивых мод, возникновение одного или нескольких параметров порядка, подчиняющих себе остальные моды по принципу самоотбора и «круговой» причинности — для объяснения процессов научения, распознавания образов, принятия решений, процессов достижения конструктивного согласия в человеческих сообществах и т. д. Дело в том, что в процессах самоорганизации происходит качественное сжатие информации, как результат быстро протекающего, а потому часто ускользающего от наблюдения процесса естественного самоотбора, продуктом которого и является становящийся наблюдаемым параметр порядка.

Смысл рождающегося информационного паттерна обнаруживается или, точнее, самоорганизуется в свете замечания Хакена о близости развиваемого им синергетического подхода к мозгу и психике, к идеям и представлениям гештальт-психологии.

Так замыкается круг переоткрытия синергетикой ее собственной сетевой пространственности на пути разговора о ее предметности. Но это лишь один из возможных кругов. Другой круг — путь «Синергетики 2», как мы ее называем, синергетики процессов познания как самоорганизующихся наблюдений-коммуникаций, в этом локусе практически неотличим от первого. Что бы это различие «имело место», можно прибегнуть к сюжету сетевого развития методологических принципов синергетики, отправляясь первоначально от субъектно-объектно интерпретируемых принципов наблюдаемости, соответствия, дополненности, затем переинтерпретируя их как интерсубъективные принципы нелинейной коммуникации, посредством которой и формируется новая синергетическая пространственность как человекомерная, телесно освоенная человеческая среда. Сегодня эта программа имеет перспективы развития в рамках постнеклассического представления реальности как конструировании сети коммуникативно связанных субъектов в саморазвивающейся антропокосмической Вселенной.

Литература

1. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси. «МЕЦНИЕРЕБА». 1984.
2. Пригожин И. От существующего к возникающему. М. Мир. 1984.
3. Хакен Г. Синергетика. Мир. 1981.
4. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика — эволюционный аспект. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления ИФ РАН, Арго, 1994.
5. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М. ИФ РАН. 1999.
6. Буданов В.Г. Делокализация как обретение смысла, к опыту междисциплинарных технологий. В кн.: Онтология и эпистемология синергетики. (Ред. Аршинов В.И., Киященко Л.П.). ИФ РАН. 1997. С. 87-100.

7. Аршинов В.И., Данилов Ю.А., Тарасенко В.В. Методология сетевого мышления. Феномен сетевой самоорганизации. В кн.: *Онтология и эпистемология синергетики*. (Ред. Аршинов В.И., Киященко Л.П.). ИФ РАН. 1997. С. 101-118.
8. Маслоу А.. *Дальние пределы человеческой психики*, Спб., 1997. С. 289.
9. Бергсон А.. *Собр. соч. В 4-х томах. Том 1*. М. 1998. С. 318.
10. Varela F.J., Thompson E., Rosh E. *The Embodied mind*. London, The MIT Press, p.147.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

СИНЕРГЕТИКА ПОСТИЖЕНИЯ СЛОЖНОГО

В.И. Аршинов, В.Г. Буданов
(Институт философии РАН)

Синергетика – наука о процессах развития и самоорганизации сложных систем произвольной природы. Она наследует и развивает универсальные, междисциплинарные подходы своих предшественников: тектологии А.И.Богданова, теории систем Л. фон Берталанфи, кибернетики Н.Винера. Однако в отличие от последних ее язык и методы опираются на математику и точное естествознание конкретных дисциплин, изучающих эволюцию сложных систем. В частности, синергетика учит нас создавать уравнения моделирующие реальность, что ранее было позволительно лишь классикам науки.

История методов синергетики связана с именами многих замечательных ученых XX века. Прежде всего, это великий французский математик, физик и философ Анри Пуанкаре, который уже в конце XIX века заложил основы методов нелинейной динамики и качественной теории дифференциальных уравнений. Он ввел понятия аттракторов (притягивающих множеств в открытых системах), точек бифуркаций (значений параметров задачи, при которых появляются альтернативные решения), неустойчивых траекторий и динамического хаоса в задаче трех тел небесной механики (притяжение Земля-Луна-Солнце).

В первой половине XX века большую роль в развитии методов нелинейной динамики играла советская школа математиков и физиков: А.М.Ляпунов, Н.Н.Боголюбов, Л.И.Мандельштам, А.А.Андронов, А.Н.Колмогоров, А.Н.Тихонов. Эти исследования стимулировались в большой мере решением стратегических оборонных задач: создание ядерного оружия, освоение космоса. Западные ученые также использовали первые оборонные ЭВМ при обнаружении неравновесных тепловых структур: модель морфогенеза (А.М.Тюринга) и уединенных волн – солитонов (Э.Ферми). Эти периоды можно назвать синергетикой до синергетики, поскольку самого термина еще не было.

В 60-70-е годы происходит прорыв в понимании процессов самоорганизации в самых разных явлениях природы и техники: теория генерации лазера

(Г.Б.Басов, А.М.Прохоров, Ч.Таунс, Г.Хакен); первые колебательные химические реакции Б.П.Белоусова и А.М.Жаботинского (основа биоритмов живого) и общая теория диссипативных структур И.Пригожина; теория турбулентности (А.Н.Колмогоров, Ю.Л.Климонтович); неравновесные структуры плазмы при термоядерном синтезе (Б.Б.Кадоццев А.А.Самарский, С.П.Курдюмов); теория активных сред и многочисленные биофизические приложения (А.С.Давыдов, Г.Р.Иваницкий, И.М.Гельфанд, Д.С.Чернавский, В.Эбелинг); открытие динамического хаоса в задачах прогноза погоды (Э.Лоренц), так называемых странных аттракторов (Рюэль, Такенс), это неустойчивость решения по начальным данным, знаменитый «эффект бабочки», когда взмах ее крыльев может радикально изменить дальний прогноз (Л.П.Шильников); теория катастроф (скачкообразных изменений состояний систем) Р.Тома и В.И.Арнольда и ее приложения в психологии и социологии; теория автопоэзиса живых систем У.Матураны и Ф.Вареллы.

Именно в 70-е годы специалист по квантовой оптике, физик-теоретик из Штутгарта Герман Хакен вводит в обиход удачный греческий термин «синергетика» (*син* – совместно, *эрго* – действовать), буквально — теория кооперативных явлений, коллективного поведения множества подобных элементов произвольной природы образующих систему. При этом сами коллективные переменные немногочисленны, их принято называть параметрами порядка, и они управляют, дирижируют поведением всех остальных переменных системы, и именно для них удается записать и исследовать вполне обозримые динамические уравнения. Примеры параметров порядка это и порыв ветра, представляющий усредненное движение молекул, и общественное мнение, и когерентное излучение лазером. Целью синергетики, в большой мере, является отыскание и исследование поведения параметров порядка в зависимости от внешних, так называемых, управляющих параметров задачи, но сегодня круг ее методов намного шире, и именно в этом, расширительном понимании термин прижился в Германии и России. Такой подход интегрирует самые современные математические методы, перечень которых постоянно пополняется. Издательство «Шпрингер» выпустило уже около ста томов серии «Синергетика» под редакцией Г.Хакена, в дополнение к тысячам статей по этой тематике во всем мире.

В 80-90-е годы продолжается изучение динамического хаоса и проблемы сложности. В связи с созданием новых поколений мощных ЭВМ, развиваются фрактальная геометрия (Б.Мандельброт), геометрия самоподобных объектов (облака, кроны дерева, береговая линия), которая описывает структуры динамического хаоса и позволяет эффективно сжимать информацию при распознавании и хранении образов. Обнаружены универсальные сценарии перехода к хаосу (А.Н.Шарковский, М.Фейгенбаум, Ив.Помо). Открыт феномен самоорганизованной критичности в поведении сложных систем, модель кучи песка, с которой непредсказуемо сходят лавинки по мере насыпания кучи (П.Бак), причем, распределение вероятностей схода лавинок (по Паретто) описывает и кризисы на финансовых рынках и землетрясения и аварии на атомных элект-

ростанциях. Моделируется поведение сред клеточных автоматов и нейрокомпьютеров, описывающих активные среды и социальные явления; распознавание образов и процессы обучения, проблемы искусственного интеллекта и медицины, генерации ценной информации и управление хаосом (ДЖ. Хопфилд, С. Гроссберг, Д.С.Чернавский, Г. Хакен, В.Эбелинг, В.С. Анищенко). Развиваются динамические концепции времени И. Пригожина, решающие проблемы необратимости времени.

Укрепляется и философско-методологическое сопровождение синергетики, которое в первую очередь представлено ее идеологами-основателями Г.Хакеном и И.Пригожиным. Сегодня синергетика быстро интегрируется в область не только естественных, но и гуманитарных наук, возникли направления социосинергетики и эволюционной экономики, применяют ее психологи и педагоги, развиваются приложения в лингвистике, истории и даже в искусстве, на очереди создание синергетической антропологии. Велика ее роль в выработке антикризисных стратегий в эпоху бифуркаций, эпоху глобального цивилизационного кризиса.

Междисциплинарность и принципы синергетики

Попытаемся взглянуть на проблему междисциплинарности изнутри, с позиций предметного научного знания. Грядущий век – век междисциплинарных исследований. Методология междисциплинарных исследований это горизонтальная, как говорил Э. Ласло, трансдисциплинарная связь реальности — ассоциативная, с метафорическими переносами, зачастую символическими мотивом, несущим колоссальный эвристический заряд, в отличие от вертикальной причинно-следственной связи дисциплинарной методологии. ***Дисциплинарный** подход решает конкретную задачу возникшую в историческом контексте развития предмета, подбирая методы из устоявшегося инструментария. Прямо противоположен **междисциплинарный** подход, когда под данный универсальный метод ищутся задачи, эффективно решаемые им в самых разнообразных областях человеческой деятельности.* Это принципиально иной, холистический способ структурирования реальности, где скорее господствует полиморфизм языков и аналогия, нежели каузальное начало. Здесь ход от метода, а не от задачи. Тем не менее, так на этапе моделирования внедряется в жизнь математика — язык междисциплинарного общения, но об этом давно забыли, и обычно говорят о естественнонаучных подходах, становящихся междисциплинарными, ну скажем о теории колебаний.

Напомним лишь некоторые из междисциплинарных сюжетов XX века: принцип дополнительности Н.Бора — перенос квантового принципа на сферу творчества, психики, языка и т.д., что удалось лишь благодаря авторитету создателя квантовой механики; гелиотараксия А.Б. Чижевского — поиск ритмических Космо-Земных корреляций в самых различных проявлениях жизни на планете; теория катастроф Р.Тома, очень быстро взятая на вооружение гуманитариями; и конечно же кибернетика и системный анализ, сегодня передающие

эстафету синергетике, которая пытается ассоциировать методологию всех предшествующих течений.

Психология и технология. В чем особенность трансляции междисциплинарной методологии в культуру или науку? Авторы, будучи физиками, многие годы пропагандируют наиболее универсальные методы естествознания и синергетики в среде гуманитарно ориентированных специалистов и студенчества и хорошо знают подводные камни такого рода контактов. Здесь мы встречаемся с двумя основными проблемами: проблемой двух культур в духе Чарльза Сноу, хотя, кое-кто и пытается ее похоронить ссылаясь на давность постановки вопроса, и, основной для нас, проблемой преодоления (но вовсе не подмены) дисциплинарного типа мышления, для которого междисциплинарная методология не просто маргинальна, но и зачастую противоречит цеховой этике, отвлекая внимание от насущных задач дисциплины, так как решает «случайный» задачи, из которых большинство либо уже не интересны, либо еще не интересны, либо никогда не возникнут. Всякий раз это вызывает бурную реакцию отторжения дисциплинарно организованного мышления, ведь отсутствует даже предметная постановка задачи— метод сам «ищет» задачу! Осознано или бессознательно но охранительный корпоративный рефлекс работает и носителя междисциплинарной методологии вполне обосновано обвиняют в дилетантизме, излишних претензиях, подозрение к его словам много больше нежели к словам просто чужака, который пытается стать «своим». Но в том-то и дело что намерения пришельца не внедриться, потеснив цеховую иерархию, но сбросив информацию, пойти дальше, в соседний цех, а в случае возникшего взаимопонимания, сотрудничать и консультировать по применению предлагаемой методологии и языка. Все это напоминает технологии маркетинга в сфере научной методологии (ну а менее приземленно миссионерства), возникает новый тип мобильной коммуникации посредством странствующих среди оседлого населения «коробейников от универсалий», к которой не привыкли, но которая в наш век обвальных потоков информации единственная позволит справиться с ними.. И здесь возникает разделение труда между синтетиками и аналитиками, т.к. методологии находятся в отношении дополнительности друг к другу, точнее, дуальности, — предмет и метод, вертикаль и горизонталь.

Само движение синергетиков с неизбежностью стратифицировано по уровню формализованности и предметности языка, пестро и полифонично, но имеет относительно жесткий каркас методологических принципов, который, к сожалению, сегодня почти неразличим за шелухой амбициозных мотивов и произвольных ассоциаций. Он требует систематической реставрации и обновления, что и могли бы взять на себя периодические междисциплинарные форумы.

Но всему приходит конец, и когда метод тиражирован, освоен дисциплинарным мышлением, ажиотаж умирает и мода проходит, чтобы возродиться с новой силой в период очередной раздробленности и лингвистического хаоса в описании реальности, а красивая упаковка и яркая реклама холистического

архетипа будет не менее загадочна и многозначительна. Новая волна когерентности научного понимания распространится неустанными адептами междисциплинарности возможно шире, резонируя и искажаясь самым прихотливым и неожиданным образом в научной культуре и обыденном сознании, чтобы потом диссипировать в усилиях множества аналитиков, создающих многообразие и сложность интерпретаций этого мира.

Два слова о моде на синергетику. Стоит, все же, подчеркнуть, что понимание синергетики в различных контекстах различно, и сегодня не существует ее общепринятого определения, как, например, не существует строгого определения фрактала. Кроме того, объем и содержание предмета взрывным образом расширяются, вызывая неумеренные восторги неопитов и протесты наиболее строго мыслящих профессионалов, стоявших у «истоков» и сокрушенно следящих за искажением исторической правды, и приоритетов. Это культурный феномен узнавания, а следовательно и своего понимания, архетипа целостности в разных областях культуры, и его экспансия идет от наиболее авторитетной компоненты – науки, да еще междисциплинарной. Можно огорчаться по поводу моды на синергетику, и ее вольное толкования, но история помнит не одно увлечение подобного рода: моду на кибернетику, системный анализ, теорию относительности, ну а если перенестись в XVIII век – салонные вечера Вольтера о «новой механике», и даже общество «ньютоновских дам», что в конечном счете способствовало быстрейшему внедрению «Начал» Ньютона в университетские курсы Европы (несмотря на сопротивление многих континентальных авторитетов). мода конечно пройдет, но в основания культуры будут заложены принципы и язык синергетики, а время рассеет миражи непонимания.

Синергетика связана с именами наших современников: И. Пригожина, Г. Хакена, С. Курдюмова, Р. Тома, Ю. Климонтовича, Б. Мандельброта, Д. Чернавского и др. Хотя она возникла, как теория кооперативных явлений в задачах лазерной тематики, но постепенно приобретала все более общий статус теории, описывающей незамкнутые, нелинейные, неустойчивые, иерархические системы. Уже в области естествознания существует оппозиция такому толкованию синергетики, кто-то предпочитает говорить о нелинейной динамике, или теории диссипативных систем, теории открытых систем, теории динамического хаоса, автопоэзисе и т.д.. На наш взгляд апология синергетики может быть оправдана лишь после введения в рассмотрение проблематики наблюдателя, человекомерных систем, самореферентных систем, тем самым расширяя методологию синергетики на область целостной культуры. Вот в этом расширительном толковании мы и понимаем синергетику в данной работе. Философски говоря, синергетика это наука (точнее говоря движение в науке) о становящемся бытии, о самом становлении, его механизмах и их представлении. И здесь важно избежать другой крайности, не профанировать ее методы, не увлекаться модной синергетической фразеологией, произвольно сплетая метафоры; но оставаясь на позициях конкретной науки, использовать ее потенциал как технологию универсалий, реализуемую в практической деятельности.

Коротко о принципах синергетики. В усеченном варианте можно предложить семь основных принципов синергетики [16, 17]. Любой эволюционный процесс выражен чередой смен противоположных состояний — порядка и хаоса в системе, которые соединены фазами перехода к хаосу (гибели структуры) и выхода из хаоса (самоорганизации).

Принципы Бытия. Характеризуют фазу «порядка», стабильного функционирования системы, ее жесткую онтологию, прозрачность и простоту описания, принцип иерархического подчинения Г.Хакена, наличие устойчивых диссипативных структур — аттракторов на которых функционирует система.

1. Гомеостатичность. Гомеостаз это поддержание программы функционирования системы в некоторых рамках, позволяющих ей следовать к своей цели — аттрактору. Это осуществляется за счет отрицательных обратных связей в системе, подавляющих внешние возмущения. Так работает автопилот или система терморегуляции теплокровных. Аттракторы существуют лишь, пока в систему подается поток вещества, энергии и информации — так называемые диссипативные (рассеивающие энергию, информацию) структуры далекие от равновесия. Таковы все живые системы, они умирают без обмена веществ; так «живет» пламя свечи. Этот принцип объединяет многие идеи кибернетики, системного анализа и синергетики.

2. Иерархичность. Основным смыслом структурной иерархии, является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. То, что для низшего уровня есть структура-космос, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал. Например, в природе это: элементарные частицы, атомы, молекулы, вещество. Мы говорим о нематериальной иерархии, например, в языке (звуки, слова, фразы, тексты); в мире идей (мнения, взгляды, идеологии, парадигмы); в уровнях управления и т.д. Всякий раз *элементы, связываясь в структуру, передают ей часть своих функций, степеней свободы*, которые теперь выражаются от лица коллектива всей системы, причем на уровне элементов этих понятий могло и не быть. Эти коллективные переменные «живут» на более высоком иерархическом уровне, нежели элементы системы и в синергетике, следуя Г.Хакену, их принято называть *параметрами порядка* — именно они описывают в сжатой форме смысл поведения и цели аттракторы системы. Описанная природа параметров порядка называется *принципом подчинения*, когда изменение параметра порядка как бы синхронно дирижирует поведением множества элементов низшего уровня, образующих систему. Такова в идеале роль законодательства в обществе, делегировавшего государству часть свобод своих граждан; так в бурлящем потоке воды кружит водоворот, увлекающий частицы в сложенном танце.

Выделенную роль в иерархии систем играют время и синергетический *принцип подчинения Хакена формулируется именно для временной иерархии*. Рассмотрим три произвольных соседних временных уровня. Назовем их микро-, макро- и мегауровнями соответственно. Принято говорить, что *параметры порядка* это долгоживущие коллективные переменные, задающие язык среднего мак-

роуровня. Сами они образованы и управляют быстрыми, короткоживущими переменными, задающими язык нижележащего микроуровня. Последние ассоциируются для макроуровня с бесструктурным «тепловым» хаотическим движением, неразличимым на его языке в деталях. Следующий, вышележащий над макроуровнем, мегауровень образован сверхмедленными «вечными» переменными, которые выполняют для макроуровня роль параметров порядка, но теперь их принято называть *управляющими параметрами*.

При рассмотрении двух соседних уровней *принцип подчинения гласит: долгоживущие переменные управляют короткоживущими*; вышележащий уровень, нижележащим. Так, микроскопические движения беспорядочно снующих молекул складываются в осязаемый порыв ветра, который уносит их на огромные по сравнению с микроперемещениями расстояния. Иерархичность не может быть раз и навсегда установлена, т. е. не покрывается только принципом Бытия, порядка. Необходимы принципы Становления – проводники эволюции.

Принципы Становления. Они характеризуют фазу трансформации, обновления системы, прохождение ею последовательно путем гибели старого порядка, хаоса испытаний альтернатив и, наконец, рождения нового порядка. Первые три «НЕ» позволяют войти системе в хаотическую фазу. Обычно это происходит за счет положительных обратных связей, усиливающих в системе внешние возмущения.

3. Нелинейность. Гомеостаз системы обычно осуществляется именно на уровне линейных колебаний около оптимальных параметров, поэтому так важен простой линейный случай. Кроме того, он экономит наши интеллектуальные усилия. Определяющим свойством линейных систем является принцип суперпозиции: сумма решений есть решение, или иначе — результат суммарного воздействия на систему есть сумма результатов, так называемый линейный отклик системы, прямо пропорциональный воздействию.

Итак, *нелинейность есть нарушение принципа суперпозиции в некотором явлении: результат действия суммы причин не равен сумме результатов отдельных причин*. В гуманитарном, качественном смысле: результат не пропорционален усилиям, целое не есть сумма его частей и т.д. Можно сказать, что нелинейность «живет», ярко проявляется вблизи границ существования системы. Например, органы чувств имеют нелинейные характеристики чувствительности, границы восприятия; таково же и чувство меры.

Сами человеческие отношения носят крайне нелинейный характер, хотя бы потому, что вблизи границы чувств, эмоций поведение становится «неадекватным». Кроме того, коллективные действия не сводятся к простой сумме индивидуальных независимых действий. Не линейна всегда и задача принятия решения, выбора. В кризисных ситуациях, повсеместных в наше время, востребуются именно нелинейные методы, нелинейное мышление; которое включает линейные стратегии, но лишь как важный частный случай.

4. Незамкнутость (открытость).

В замкнутых системах с очень большим числом частиц справедлив второй закон (второе начало) термодинамики, гласящий, что энтропия (мера хаоса) со временем возрастает или остается постоянной, т. е. порядок обречен исчезнуть. Именно открытость позволяет эволюционировать системам от простого к сложному, разворачивать программу роста организма из клетки-зародыша. Это означает, что иерархический уровень может развиваться, усложняться, только при обмене веществом, энергией, информацией с другими уровнями. В неживой природе диссипация (преобразование системой поступающей энергии в хаотическую — тепловую) тоже может приводить к упорядоченным структурам. Например, эволюция Солнечной системы, или дорожка водоворотов за веслом на быстрой воде. Именно с описания таких систем в химии и теории лазера и началась синергетика.

5. Неустойчивость. До недавнего времени в технике избегали неустойчивых состояний, пока не понадобились роботы нового поколения, перестраиваемые с одной программы-гомеостаза на другую; обучающиеся интеллектуальные системы, готовые воспринять разные модели поведения. При переходе от одного положения гомеостаза к другому, система обязательно проходит неустойчивые состояния. Образом неустойчивости можно считать перевернутый маятник. В точке неустойчивости система (даже замкнутая) становится открытой, является чувствительным приемником воздействий других уровней бытия, получает информацию ранее недоступную ей. Эти состояния неустойчивости, выбора принято называть точками бифуркаций (буквально двузубая вилка, по числу альтернатив, которых может быть и не две), они непеременимы в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между новым и старым. *Значимость точек бифуркации еще и в том, что только в них можно не силовым, информационным способом, т.е. сколь угодно слабыми воздействиями повлиять на выбор поведения системы, на ее судьбу.* Существуют системы, в которых неустойчивые точки почти повсеместны, например развитая турбулентность, и тогда наступает хаос, бурлящий поток, влекущий систему в неизвестность.

6. Динамическая иерархичность (эмерджентность). Основной принцип происхождения системой точек бифуркаций, ее становления, рождения и гибели иерархических уровней. Этот принцип описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, т.е. на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров макроуровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне и перестройке его структуры. В точке бифуркации коллективные переменные, параметры порядка макроуровня возвращают свои степени свободы в хаос микро уровня, растворяясь в нем. Затем в непосредственном процессе взаимодействия мега- и микроуровней рождаются новые параметры порядка обновленного макроуровня. В фазе становления побеждает самая быстрая переменная, здесь параметр порядка в отличие от фазы бытия самый динамичный. Мгновение между прошлым и будущим в макромире — точка бифуркации, на микроуровне является целой эпохой перемен-

трансформаций. Именно здесь происходит эволюционный отбор альтернатив развития макроуровня.

7. Наблюдаемость. В синергетике это относительность интерпретаций к масштабу наблюдений и изначально ожидаемому результату. То, что было хаосом с позиций макроуровня, превращается в структуру при переходе к масштабам микроуровня. То есть сами понятия порядка и хаоса, Бытия и Становления относительны к масштабу-окну наблюдений. Целостное описание иерархической системы складывается из коммуникации между наблюдателями разных уровней, подобно тому, как общая карта области сшивается из мозаики карт районов. В социальных системах огромную роль начинают играть культуро-исторические, личностные особенности наблюдателей.

В последние десятилетия активно изучаются системы, в которых хаотическое поведение является нормой, а не кратковременной аномалией, связанной с кризисом системы. Это, прежде всего турбулентность, климатические модели, плазма. Конструктивными примерами хаоса является разнообразие форм жизни биосферы, гарантирующее ее устойчивость; наличие легкой хаотичности ритмов сердца, являющееся признаком хорошей адаптивности сердечно-сосудистой системы; необходимый для устойчивости элемент стихийности рынка и т.д. Для таких систем структурами динамического хаоса будут причудливые самоподобные объекты — фракталы, и о таких состояниях правильнее сказать: *бытие в становлении*.

Именно последние два принципа включают принципы дополнительности и соответствия, кольцевой коммуникативности и относительности к средствам наблюдения, запуская процесс диалога внутреннего наблюдателя и метанаблюдателя. Такой креативный взгляд на становление существовал в культуре всегда. Он представляется, говоря современным системным языком, креативной триадой: Способ действия + Предмет действия = Результат действия, и закреплен в самих глагольных структурах языка; в корнях двуполой асимметрии человека как биологического вида, в способе передачи информации. В античной философии эта триада представлялась: Теос, Телос, (Логос) + Хаос = Космос. В синергетике ее экспликация есть процесс рождения иерархического уровня как результата взаимодействия двух ближайших уровней:

*«управляющие сверхмедленные параметры верхнего мегауровня» +
+ «короткоживущие переменные низшего микроуровня» =
= «параметры порядка, структурообразующие долгоживущие переменные макроуровня».*

Особое преимущество такой подход демонстрирует при изучении иерархических, открытых, самоорганизующихся систем.

Языковые игры от синергетики

Понятие события в физике, как и точки в математике, первично и именно его элементарность важна в онтологическом базисе науки. Так было в классической науке, где мы непосредственно приобщаемся к абсолютным истинам

через идеализированные объекты (материальная точка и мгновенное событие) и модели (инерциальная и изолированная системы), перенося их образы на реальность.

Но вот наступает век релятивизма и квантов, и событие обретает большую условность, дополнительные степени свободы, зависит не только от объекта, с которым оно происходит, но и от системы отсчета наблюдателя, типа наблюдения, контекста. Правда, речь идет уже о составных, бинарных событиях: в теории относительности это измерение пространственно-временных интервалов, абсолютных ранее в классике, а в квантовой механике взаимообусловленность одновременных измерений двух независимых ранее в классике наблюдаемых величин. Напомним, что элементарные событие и акт измерения (наблюдения) в физике неразделимы. Здесь, пожалуй, после Эйнштейна и Бора нечего добавить по существу физической интерпретации, но не философской. Фактически относительными к средствам наблюдения являются бинарные события, или сами парные акты измерения. Тем самым физическая реальность наделяется простейшей коммуникационной процедурой-связностью, которая контекстуальна, в том смысле, что зависит от средств наблюдения, она уже нетривиально делокализует атомарное событие. В классике же коммуникация заставшая, контекст один (пространство и время абсолютны).

Наука в значительной степени стихийна, полна неотрефлексированных психологизмов, ее понятия ближе здравому смыслу и чувственным образам, чем это обычно принято считать, и я надеюсь показать, что именно событие в обобщенно-темпоральном смысле явилось прототипом очень многих базовых математических и естественнонаучных конструкций, понятий и законов.

В широком смысле *событие* предполагает: что-то произошло, состоялось, сбылось, стало быть, а до того времени не было быть. И вместе с тем событие бывает элементарным, атомарным, несущественным; а бывает значимым, весомым, эпохальным. Последнее скорее правильнее связывать со смыслом события. Любое событие может быть осмыслено в перечисленных выше качествах, в зависимости от контекста, а следовательно и от позиции наблюдателя, выбирающего контекст. Делокализация, или одевание элементарного события во все более широкий контекст растворяет его в тотальности мира, в то время, как сворачивание контекста, или его кластеризация, масштабное огрубление может привести его к атомарному смыслу. Становление и есть причина события, но не его конечный смысл. Событие разрывает временную ткань здесь и сейчас, но время заживляет, затягивает ее рубцами смыслов, примиряет событие с бытием прошлого и будущего мириадами нитей—контекстов.

Так, *Смыслы* возникают как контекстуальная делокализация атомарного события, делокализация в событийном пространстве-времени, как в прошлое, так и в будущее (к чему питает слабость причинная идеология точного естествознания). Однако возможна и делокализация события чисто пространственная в синхронном срезе реальности, настоящем: это корреляционный, вероят-

ностный анализ, к которому склонны эмпирические, гуманитарные науки, обыденное и архаическое сознание (например астрология), возникает полезный и загадочный холистический образ мира, но и искушение объяснять его прямым взаимодействием кореллятов друг на друга, хотя это, как правило, абсурдно и существуют общие для них причины в прошлом. Можно сказать, что смысл это поликонтекстное одеяние события, его история и прогноз, точнее, возможные их варианты, его сопричастность миру, не всегда однозначно задаваемая контекстами.

Контекст стартует с обстоятельств места и действия, но затем разрастается петлями условных предложений, вычлняя из всех мыслимых обстоятельств все новые подробности, но сознание, пресыщенное избыточностью такой игры, обрывает цепи эпитетов, полагается на предыдущий опыт, — к чему слова, и так все ясно. Это «все ясно» и оставляет лазейку для смыслового плюрализма, который прорастает на межах и обочинах оговоренных пространств и путей. Причем неоднозначность такого рода неизбежно связана с информационной конечностью человека, что хорошо осознается на эпистемологических границах в любой экспериментальной науке, но в нашем случае она обязана технологии осмысления, конечности глубины любого контекста — одном из аспектов принципа наблюдаемости, попытки наблюдения бесконечного целого его конечной частью. Впрочем, аксиоматические теории строят систему, как башню над конечным числом аксиом, и обычно надеются на конечную (возможно алгоритмически) глубину контекста, но и здесь возникают непреодолимые сложности, о которых речь впереди. Дело в том, что в самой науке возник корпус теорем о несуществовании (Галуа, Гедель, фон Нейман), когда теория нащупывает свою эпистемологическую границу изнутри.

Одевание как узнавание. Идти от целого к частному хорошо научились в квантовой теории поля, когда, исходя из согласованных уравнений поля, которые обычно не умеют решать, производят фрагментацию, онтологизацию первого приближения: n -частичные сектора, асимптотические состояния, конденсаты, струны и т.п. Затем онтология подправляется по мере «одевания» затравочных величин в итерационной процедуре теории возмущения. Теория возмущения — аналог рефлексии, испытывающей и перенормирующей физические величины. Но важно, что идя от целого к частному, мы знаем степень корректности этого перехода, чего невозможно ожидать при процессах построения от частного к целому! Онтологическая граница нащупывается, как сингулярность — отказывает теория возмущений, система неустойчива, не определена; и для ее преодоления необходима смена онтологии, рождение новых смыслов, вполне в духе Ж.Делеза: «нонсенс дарует смысл». Однако, теория возмущений есть лишь пошаговое достраивание реальности, хотя претензии исходной онтологии на ее описание безмерны. Но вот, шаги становятся все короче, и мы уже неуверенно топчемся у запретной черты (главный флаг-предвестник любой катастрофы — «замедление характерных ритмов системы»), в плену патовых пространств Ф.Гиренка. Этот

взгляд внутреннего наблюдателя, введенного в работе¹, есть всего лишь технология диагностики пата, и регулярный метод исследования границы, которая, как водится, имеет фрактальную природу, но ни в коем случае не позволяет ее преодолеть, заглянуть в зазеркалье.

Здесь следует подробнее остановиться на аналогии между рекурсивными дескриптивными процессами рефлексии и процедурами теории возмущений. Последние встречаются трех типов:

а) начальное возмущение не выходит за рамки области сходимости (мы неявно предполагаем метризуемость, или хотя бы топологическую природу психосемантического пространства), или горизонта предсказуемости в случае динамического хаоса; рефлексивный процесс регулярно сходится к некоторому понятию, корректирующему исходное представление и шаг за шагом утверждает в нем, создавая иллюзию обретения незыблемой истины. Сама же область сходимости являет образ пространства прозрачного для понимания. Таковы все сходящиеся итерационные процедуры решения нелинейных уравнений (метод сжимающих отображений), таковы и мотивы—идеалы ранней герменевтики. К такого типа процессам естественно отнести и припоминание—очищение атомарного образа — контекста, его всплытие на поверхность сознания.

б) начальное возмущение велико и не сходится ни к какому результату, рефлексивные петли не стягиваются, но порождают «порочные» круги, либо хаос. Здесь говорят о расходящихся рядах, полной неопределенности результата. Почему-то именно с этим типом «дурной» бесконечности принято связывать рефлексивный процесс. Этот процесс, тем не менее, продуктивен и может использоваться как режим поиска, генерации новых контекстов.

в) но существует и третья, мало известная, но видимо наиболее реалистичная, смешанная альтернатива: так называемый асимптотический ряд теории возмущений. Его поведение необычно — на нескольких первых шагах (иногда довольно многочисленных) мы наблюдаем процесс сходящийся к определенному результату, но последующие члены ряда приводят не к уточнению, а ухудшению результата, ряд расходится, рассеивая возникший мираж понимания. Однако это не мешает пользоваться такими рядами на практике — все ряды теории возмущений для квантовых полей являются асимптотическими, и используются до тех пор пока они сходятся, хотя это и создает границы точности предсказания, но удивительным образом согласуется с экспериментом. Мы позволим себе высказать утверждение, что рацию присущ скорее именно асимптотический тип герменевтических рядов: наша психика видимо защищает себя от излишней стабильности мнения, устает от монотонности бесконечных подтверждений, оставляя за собой право на хаос сомнений, который врывается в сознание и разрушает квазистойчивое неокрепшее еще понятие или смысл, если его продолжать уточнять; здесь допустим лишь деликатный взгляд боко-

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект.// Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М. Аргос. ИФ РАН. 1994.

вого зрения. В этом экспликация боровского принципа дополнительности в процессах познания, на котором настаивал Г.Юнг и сам Н.Бор, в этом и внутренняя креативность смысла, оплодотворенного герменевтическими прикосновениями, в какой-то миг взрывающего свою оболочку мириадами контекстов, взлетая в конце концов к символическому. Это источник его самодвижения — любая банальная мысль рано или поздно рождает при ее обсуждении первозданный хаос — канал доступа к любым понятиям, действительно, «из какого сора родятся стихи».

Подчеркнем еще один аспект междисциплинарности — единство генезиса формальных и естественных языков. Наша задача — показать связь естественного языка и когнитивной психологии с когнитивным языком современной физики и математики, показать возможность их повторной конвергенции, хотя, первая попытка (социальный физикализм) оказалась весьма сомнительной.

Может возникнуть вопрос, почему только сейчас наметились общие языковые средства науки и гуманитарного знания, та когнитивная революция, свидетелями которой мы становимся? Дело в том, что фундаментальная наука два века опиралась на идеалы приводимости, идеалы редукции к простейшим формам движения, образы непрерывных, точных процедур решения динамических задач. И только в нашем столетии физики поняли безнадежность поиска точных решений сверхсложных квантовополевых задач (ни одна из реалистичных моделей так и не решена точно), но разработали язык последовательных приближений к решению — теорию возмущений, в простейшей форме применявшуюся еще Ньютоном при отыскании корней уравнений. Оказалось, что ее всегда можно переложить на язык дискретных «событий» (приближенное решение + функция влияния = более точное приближенное решение задачи). Конечно первый пример применения теории возмущений насчитывает почти 2000 лет, — знаменитые эпициклы Птолемея. Этот подход долгое время не был магистральным в математике, так как противоречил идеалам красоты и простоты, был очень трудоемок, ведь вся наука Нового времени искала точно-решаемые задачи. Хотя итерационные методы развивались в теории специальных функций (именем почти каждого известного математика XVII-XIX веков названа своя спец-функция). Ситуация резко изменилась лишь с приходом компьютерной техники, но ведь разностные схемы численных методов и есть событийный язык!

Диаграммный язык в физике возник из потребности описания очень сложных систем, как, впрочем, и в гуманитарной сфере. Вот еще одна причина, по которой гуманитарии отвергали классическую научную методологию — разный уровень сложности объектов исследования, что требовало и разных методов. Сегодня же мы видим явное сближение позиций на почве моделирования в когнитивной графике. Так, одним из авторов показано, что язык современной квантовой теории поля (диаграммы Фейнмана) структурно изоморфен порождающим грамматикам всех естественных языков — грамматикам Хомского.

Два взгляда на становление (наблюдатель и метанаблюдатель)

Генезис современной методологии синергетики, видимо, следует вести от Анри Пуанкаре. С его именем связаны фундаментальные результаты, лежащие в основаниях современной теории динамического хаоса, присущего большинству механических систем, и идея становления в сокращенном описании - теории бифуркаций. Именно от него можно проследить две линии – взгляд на становление изнутри, когда наблюдатель включен в систему и его наблюдение за нестабильной системой, диалог с ней вносят не контролируемые возмущения, что особенно ярко затем продемонстрировала квантовая теория, и взгляд извне – когда система структурно устойчива, и воздействием наблюдателя на систему можно пренебречь.

Последний подход, взгляд извне, отвечает, грубому описанию, когда представление о кризисе сведено в точку – точку бифуркации. В арсенале синергетических методов это прежде всего теория катастроф. Идея в том, что изначально задана онтология лишь одного структурного уровня – переменные в терминах которых пишется бифуркационное уравнение для параметров порядка системы. Его решение однозначно, за исключением одной точки бифуркации, где оно неустойчиво и скачком переходит на устойчивую ветвь - происходит смена онтологии по горизонтали. Это взгляд извне. Здесь не распаковывается точка неустойчивости, становления. Все механизмы хаоса за кадром, от одного состояния гомеостаза мы сразу переходим к другому. Система почти всегда устойчива и наблюдатель, точнее метанаблюдатель, вполне классический.

Но и в этом подходе можно уловить предкризисные явления – так называемые флаги катастроф: критическое замедление характерных ритмов системы, увеличение амплитуды возможных флуктуаций окна умирающего параметра порядка в окрестностях точки катастрофы. Уровень общности теории катастроф таков, что ее модели, хорошо известные в физике фазовых переходов, начинают сейчас находить приложение в экономике, психологии, искусстве. Например, перед экономическим кризисом наступает хорошо известное нам состояние стагнации, когда характерные периоды оборота капитала заметно увеличиваются. Эти же эффекты можно наблюдать в явлениях природы – затишье перед бурей, в процессе творчества, в поэтических образах.

Техника используемая далее вполне отвечает духу классической теории устойчивости в линейном приближении по Ляпунову в окрестности гомеостаза. Теория катастроф помогает составить модель, сконструировать эволюционное дерево альтернативных путей, отвлекаясь от внутренних механизмов действующих на перекрестках истории системы, без введения иерархии уровня подчинения той или иной системы параметров порядка.

Рассмотрим теперь вопросы тонкой структуры кризиса. Как мы видели необходимо выделить три его этапа: погружение в хаос, бытие в хаосе, выход из хаоса (самоорганизация). В этом подходе мы неизбежно сталкиваемся с актуа-

лизацией в принципе бесконечного числа иерархических уровней и онтологических планов становления, в принципе бесконечной чувствительностью нестабильной системы к внешним воздействиям как со стороны вселенной, так и наблюдателя, с принципиальной открытостью и сопричастностью в состоянии хаоса со всем происходящим и возможностью канализирования извне неких принципов, непроявленных в состоянии гомеостаза. Здесь наблюдатель не может быть классическим, внешним наблюдателем, он с необходимостью включен в систему.

Сегодня наиболее изучена стадия перехода к хаосу. Уже простейшие системы с полутора степенями свободы, типа модели Лоренца, демонстрируют всю палитру универсальных сценариев вхождения в хаос. Это сценарий Фейгенбаума — бесконечный каскад бифуркаций удвоения периода с универсальным скейлингом, сценарий Помо — переход к хаосу через перемежаемость, и сценарий Рюэля-Такенса — после бифуркации утроения периода возможно появление странного аттрактора. Их универсальность объясняется тем, что сценарий классифицируется также в терминах простейших катастроф и имеют тот же уровень общности и структурной устойчивости. Именно поэтому динамический хаос распространен не только в физике и естествознании, но и в обществе, психике, творчестве.

На определенном этапе развития дерева бифуркации, или при возникновении странного аттрактора наступает стадия динамического хаоса, несущая в себе как богатство возможных структур, так и невозможность их полного постижения. Следить за траекторией становится очень сложно и вводится язык статистического описания: вероятностное распределение, корреляционные функции, энтропия Колмогорова и т. п., однако, в отличие от задачи большого числа частиц — термодинамического хаоса — здесь сложность имеет принципиально другую природу — динамический хаос. Обычно это режимы так называемых невычислимых систем, когда траектории заполняют геометрические объекты фрактальной природы, задаваемые не алгебраическими уравнениями, как привычные многообразия, а итерационной процедурой. Фракталы, с одной стороны, допускают статистическую интерпретацию, а с другой — имеют аналитическое происхождение и сколь угодно богатую геометрическую структуру на любом масштабе, для которой характерны принцип канализации микро и макроструктур, то есть принципы самоподобия. Кроме того, фракталы это типичные стохастические структуры на странных аттракторах.

Но всякий раз система имеет ростки всего многообразия структур, распознаваемых в хаосе. Этим образам можно было бы сопоставить принцип «бытие в становлении» — смесь стихий, что видимо и должно быть в реальной жизни, не только когда структура видна на одном масштабе, а хаос на другом, но и существуют одновременно в одной реальности.

Наконец процесс перехода от хаоса к порядку — рождение параметра порядка, выбор среди альтернатив и потенций и есть момент истины явления структуры. То, что часто принято называть самоорганизацией, есть ее завер-

шение, просто наблюдаемый хаос-порядок – процесс выхода на аттрактор с границы области ее притяжения. Но дело в том, что в стадии хаоса еще нет развитого аттрактора, он должен еще родиться. Видимо, можно ожидать нескольких сценариев самоорганизации. Первый (медленный) – когда какая-то локальная квазистабильная структура начинает конкурировать с другими пространственными структурами, постепенно увеличиваясь, тогда выбор альтернативы будет связан с тем, в какой из них оказалась система в момент выхода из режима хаоса за счет изменения внешних условий, а вероятность, соответственно, с долей времени пребывания в ней. Второй (рождение параметра порядка) – переход из бесструктурного однородного хаоса, типа генерации лазера, или морфогенеза по Тьюрингу, когда происходит явление чисто коллективного возникновения структур, борьбы флуктуаций. Третий – череда обратных бифуркаций, окутывающих, вуалирующих процесс стабилизации структуры.

Повествовательный тон этого раздела присущ классическому метанаблюдателю, способному единым взглядом окинуть поле возможностей или совершать повторные эксперименты. Но взгляд изнутри, жизнь в хаосе радикально меняет сам тип того эпистемологического пространства, в котором происходит вопрошание человеком природы, другого и самого себя, предполагает запрет на многие способы рассуждения, приведенные выше.

Да и сам классический метанаблюдатель – идеализация еще и потому, что он вырван из культурно-исторического контекста, хотя он – дитя своего времени, со своим языком, с фиксированными научными средствами и методологией, но и стоит увеличить масштаб времени, хотя бы до событийного уровня построения конкретных моделей, не говоря уже об эпохах смены научных парадигм, как он сам попадает в условие включенности в систему, в процесс конструирования ее будущего и нового эпистемологического пространства.

Хаос и обобщенная рациональность

Хаос, как внутреннее свойство нелинейной динамической системы, возникает почти всегда и почти везде и не только в системах с большим числом степеней свободы, как было принято считать еще в не столь отдаленные времена, но и в так называемых маломерных системах. От стука колес и катания на качелях до самолетного флаттера, поведения лазерного излучения при некоторых режимах и турбулентности – он вездесущ. Хаос, образно говоря, повсеместно присутствует, вуалирует практически все явления нашей жизни как окружающей нас, так и внутри нас. И если мы его не всегда замечаем в качестве такового, а именно не идентифицируя его в качестве внутреннего свойства динамической системы, то лишь потому, что он наблюдаем (видим) лишь под углом определенной перспективы, определяемой достаточно узкой областью параметров (например, в области точки бифуркации), либо проявляется на уровне масштабов очень больших времен (как в случае движения планет солнечной системы). Иначе говоря, хаос обитает о на границах пространственно времен-

ных масштабов нашего восприятия реальности как уже ставшего бытия. Может показаться тем самым, что хаос в некотором онтологическом смысле маргинален реальности, не являясь ее необходимым существенным свойством. Однако, это исчезает как только мы включаем в онтологию не только бытие, но и процесс становления. Переход от бытия к становлению ведет, помимо прочего, так же и к радикальному переосмыслению роли хаоса в мироздании. В бытии всегда было сокрыто зерно становления, которое классический атемпоральный рациональный разум отторгал как нечто темное и непрозрачное, порождаемое субъектом и могущее быть им же устраненное посредством овладения определенными навыками мышления (Декарт).

Хаос отторгался как образ незнания, как нечто мешающее познанию, препятствие на его пути. Творческая, созидательная роль хаоса, как генератора новой информации, определенным образом представленная в древнегреческой картине мира, для классического рационального самопрозрачного разума была, естественно, чем-то чужеродным.

И только в последние годы стало отчетливо сознаваться, что хаос в его повсеместности и вездесущности вовсе не всегда и везде является препятствием познанию, а потому чем-то таким, что подлежит обязательному устранению. Просто ученые, как это неоднократно бывало в истории науки, видели то, что могли и хотели видеть, как в силу линейного (по преимуществу) подхода объяснению и пониманию действительности, так и из-за отсутствия мощных вычислительных средств, необходимых для порождающих феномен детерминированного хаоса длительных итераций уравнений динамики. В этой связи представляет интерес уникальное в истории науки публичное извинение президента Международного союза чистой и прикладной математики сэра Артура Лайтхилла, сделанное им от имени своих коллег за то, что в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм является ошибочной позицией.

В случае развитого детерминированного хаоса возникает новая проблема описания реальности внутренним (а не только внешним) наблюдателем. И здесь ключевым становится вопрос точности задания начального состояния системы. Дело в том, что в Ньютоновой механике это всего лишь словесное упражнение, т.к. обычно принимается идеализация, что близкие состояния в процессе эволюции системы остаются близкими, что в свою очередь позволяет описывать систему в течении сколь угодно долгого времени на языке траекторий. В случае динамического хаоса мы имеем дело с принципиально иной системой: большинство решений неустойчиво по начальным данным, когда сколь угодно близкие начальные точки фазового пространства быстро разбегаются $d(t) = d(0) \exp t/T$, где T – обратный показатель Ляпунова или горизонт предсказуемости, т. е. любая окрестность наблюдаемой точки не переносится компактно в фазовом пространстве, а размывается, перемешиваясь с другими состояниями. Тогда очень скоро близкое становится далеким, а далекое близким

и естественным языком становится не классический язык траекторий, а язык их пучков, ансамблей, вероятностей и т.д.

При этом источник чрезвычайной сложности вовсе не в сложном устройстве конкретной динамической системы (и тем более не в числе ее степеней свободы) и даже не во внешнем шуме (что есть только иное выражение сложности другой системы – окружающей среды), а в начальных условиях движения и неустойчивости [22]. В силу непрерывности фазового пространства в классической механике, эти начальные условия содержат бесконечные количества информации, которая при наличии неустойчивости и актуализируется в стиль сложный иррегулярный паттерн событий, которые идентифицируются как динамический хаос. Образно говоря, частица в своем движении репрезентирует, вычерпывает эту информацию.

Итак, внутренний наблюдатель, стартовав вместе с системой не сможет предсказать ее поведение на языке траекторий уже через время T , называемое также горизонтом предсказуемости будущего, что в некотором смысле означает одновременно и ограничение картезианско-ньютоновой рациональности. Аналогично при ретроспективном взгляде возникает (по тем же соображениям) горизонт реконструкции прошлого на глубину T .

В таком случае наблюдатель, знающий динамику системы может пользоваться детерминистическим языком лишь в небольшом пространственно-временном окне прозрачности $T^*(VT)$ ньютоновой рациональности. Здесь уместно сравнение с состоянием ограниченной видимости в мутной воде, среде рассеивающей свет. Отсюда с необходимостью вытекает смена онтологических установок, одним из параметров которой является переход к вероятностному языку.

В принципе можно продолжить этот процесс квазиклассического описания по шагам длительностью T (T зависит от точки пространства), если повторно наблюдать систему, проводя классическую редукцию от ансамбля к реализации. Это позиция наблюдателя-историка, летописца событий с ограниченным прогнозом и периодической его корректировкой – это построение дерева возможностей эволюции лишь на шаг опережающий реальную эволюцию системы. По сути дела именно так в наши дни работают футурологи, да и наше обыденное сознание.

Таким образом, для сохранения элементов квазиклассической ограниченной рациональности необходима пространственно-временная сетка (переменного шага) наблюдателей находящихся между собой в определенных коммуникативных отношениях, как бы передающих друг другу систему от соседа к соседу. Можно также говорить и об одном наблюдателе сопровождающем систему. Это не просто наблюдатель – летописец событий, повествователь, но и, философски говоря, рефлектирующее историческое сознание в сопровождающей системе отсчета. В отличие от теории относительности, здесь имеется ввиду не относительность движущихся систем отсчета, а относительность места - времени к динамике – динамике времени-пространства.

Яркий пример систем с горизонтом времени или окном классической рациональности дают нам, так называемые, климатические модели. Одна из них – модель Лоренца (всего полторы степени свободы), в которой существует режим странного аттрактора, то есть развитого динамического хаоса. Именно поэтому краткосрочные предсказания погоды на период более двух недель практически невозможны. Обычно на больших промежутках времени начинают угадываться корреляционные, вероятные зависимости и структуры. Например, народные приметы многочисленных прогнозов, принадлежат иному эмпирическому типу рациональности, вековой народной мудрости и, видимо, отвечают наличию стохастических, фрактальных структур на климатическом аттракторе. Вера в народные приметы здесь вполне рационально соотносится (коммуницируется) с научной вероятностной трактовкой динамики системы.

Еще один пример связан с проблемой редукционизма в научном познании. Почему невозможно полное и исчерпывающее объяснение химических явлений посредством физического языка дополненного достаточно мощными вычислительными ресурсами ЭВМ? То же самое и в отношении коммуникативного редукционизма биологии в химии. Дело в том, что решая уравнение Шредингера для многочастичного атома или молекулы, тем более для реализующихся в химической реакции процессов, проходящих через неустойчивые стадии своего развития, мы сталкиваемся с самосогласованной задачей нескольких тел, для которой в силу возникновения режима динамического хаоса, точный учет всех деталей в принципе невозможен, ибо динамический хаос потенциально целостен и неразложим на отдельные составляющие его компоненты. В таком контексте получает свое оправдание традиционный дисциплинарный химический язык валентностей, кинетических коэффициентов, каналов.

В самой физике проблема редукции – это проблема перехода от динамического описания системы к термодинамическому не решена окончательно до сих пор. Фундаментально значение открытий Пуанкаре неинтегрируемых систем состоит прежде всего в том, что в динамическом хаосе мы сталкиваемся с качественно новой формой движения, не сводимого к известным ранее его элементарным формам, таким как движение по прямой и окружности.

И проблема редукции вероятностных необратимых во времени законов к детерминистическим репрезентациям не имеет решения, хотя бы потому, что используемые здесь языки обитают в разных эпистемологических пространствах. Можно сказать и иначе, что решить в данном случае проблему редукции было бы равнозначно произвести полную редукцию становления к ставшему бытию.

Концепция динамического хаоса предполагает новую, открытую, форму рациональности. Эта форма рациональности включает в себя три основные типа. Первый тип – верования, приметы, народная мудрость. Это, по сути, целостный вероятностный взгляд на стохастическую структуру реальности. Вторым, противоположный ему, – детерминистический взгляд классической науки, справедливый на малых временах горизонта предсказуемости. И третий,

примирающий, — тип исторически локальной рациональности, по видимому, свойственный в разной степени средневековой культуре и обыденному мировосприятию.

Обнаруживаемое в динамическом хаосе внутреннее единство всех трех типов рациональности, обосновывает возможность становления в современной культуре обобщенной рациональности в контексте которой наука и практическая мудрость действительно нуждаются друг в друге.

В частности, в динамическом хаосе получает свое рациональное оправдание вера как способ восстановления и поддержания конфиденциального контакта человека с внешней и внутренней реальностью.

Творческая Вселенная

Динамический хаос обладает еще одним замечательным качеством — открывает систему внешнему миру. В этом режиме она обнажена и беззащитна к любым сколь угодно малым внешним воздействиям. Понятие замкнутой изолированной системы становится недостижимой идеализацией. Система вступает в диалог со Вселенной, она причащается Универсуму, ощущает себя его частью и подобием. Именно в хаотической эволюционной фазе возможно восприятие, получение информации из целостного источника, синхронизация и гармонизация системы в согласии с космическими принципами. В этом, видимо, наряду с внутренними источниками, и кроется креативное, творческое начало хаоса. Мы называем это коммуникативной функцией хаоса. В науке такой феномен начинает осознаваться через эффекты синхронизации часов, биологических ритмов организмов, сообществ связанных, на первый взгляд, пренебрежимо малыми взаимодействиями произвольной природы. Видимо, пространственно-временные структуры синхронизируются за счет коммуникации посредством своих хаотических и стабильных компонент, возможно в этом кроется и разгадка понимания гармонии (20).

Вместе с тем, в последних работах Пригожина и Хакена активно обсуждаются идеи саморедукции системы, самопорождения смыслов, саморазвития материи. Так в несводимых динамических системах акт редукции происходит непрерывным образом, система как бы постоянно измеряет саму себя, рождая новую информацию и с возникновением иерархии времени в большей части системы, долгоживущие переменные становятся параметрами порядка нового гомеостаза, подчиняющие себе систему посредством совокупности отрицательных обратных связей.

Итак, становление в данном контексте есть прежде всего процесс самопорождения из хаоса параметров порядка, посредством которого реализуется эволюционный ценностный отбор, рождение, упаковка и сжатие информации.

Итак, открытие феномена динамического хаоса позволяет по новому осмыслить процесс становления постнеклассической науки как самоорганизации междисциплинарного знания. Постнеклассическая наука не только обозначает границу детерминистического видения мира, ориентированного на

потенциальную иерархию законов бытия, но и одновременно органически включает в свой дискурс практическую мудрость традиции.

Мезопарадигма синергетики: моделирование человекоразмерных систем и метод ритмокаскадов

Эвристические и философские аспекты моделирования общественных процессов в последнее время обсуждаются особенно интенсивно, и здесь наблюдается явный прогресс не только в метафорическом переносе методов синергетики на гуманитарную почву, но и в понимании психологических и методологических проблем применения этих методов [23–26, 17, 31].

Вместе с тем, математическое моделирование социальных процессов тема по-прежнему деликатная и для многих сомнительная, в силу плохой определенности понятий состояния социальной системы, обоснованности вида связей и ее дифференциальной динамики. Эти вопросы нельзя решать универсальными рецептами и они всегда останутся предметом диалога эксперта-социолога и математика-модельера. Сам же диалог, по словам одного известного математика, зачастую напоминает «любовные игры слепых в зарослях крапивы» — при явной заинтересованности сторон возникают постоянные и непредсказуемые ситуации острого непонимания и неприятия. Вероятно и поэтому тоже можно слышать, иногда от очень авторитетных гуманитариев, об опасности использования формальных методов в антропоной сфере, где человек рефлексивен, непредсказуем, свободен, культурно-историчен. Все это так, но если пытаться сохранить когнитивную и прогностическую ценность науки, в чем преуспело естествознание, а не только дескриптивно-компаративную, то неизбежен поиск усредненных, коллективных степеней свободы, поддающихся в мягком смысле математическому моделированию, при учете социогенетических аспектов природы человека. И здесь, мы считаем, в моделировании необходим больший акцент на принципах наблюдаемости и коммуникации [25, 26, 17].

Проблемы дифференциальной динамики. На наш взгляд, ключевая проблема заключается в том, что большинство физических моделей используют марковский подход, т.е. состояние системы определяется в последующий момент времени целиком и полностью состоянием в данный момент времени, это основной принцип дифференциальной динамики. Именно для таких моделей, со времен А. Пуанкаре, бурно развивается качественная теория дифференциальных уравнений, теория бифуркаций, теория динамического хаоса; именно здесь наработана интуиция синергетической парадигмы Пригожина–Хакена, ее универсальные рецепты работы с порядком и хаосом. Но человек и социум обладают глубиной памяти больше чем лишь в один шаг, и марковские процессы, видимо, не самые адекватные образы исторического и социального развития, хотя бы в силу того, что система может учиться, приобретать опыт.

Справедливости ради отметим, что это отнюдь не перечеркивает успехов локального дифференциального моделирования на условно небольших временах, где так же ведутся интенсивные исследования по мягкому моделированию

с помощью пучков моделей (В. Арнольд), нечетких множеств и т.д..

Тем не менее, проблему памяти на этом пути радикально решить нельзя. В частности, уже биологические системы предполагают одновременное взаимодействие хотя бы трех поколений, отметим, что именно поэтому в живых системах, и вообще в системах с памятью, имеет выделенный статус «золотое сечение», то есть им присуще порождение и возможность различения гармонии [6], чего нельзя обосновать в рамках дифференциальной динамики.

Проблемы нейрокомпьютинга. В последние два десятилетия бурно развивается иная, нелокальная концепция – концепция синергетического компьютеринга, клеточных автоматов, реализующая идеи искусственного интеллекта. Это своего рода субстратный подход, когда меняя правила «общения» элементов нейронов мы создаем клеточно-автоматную среду с некими свойствами, подлежащими изучению в процессе обучения нейрокомпьютера и решения им различных задач. Под всякий класс задач необходим свой нейрокомпьютер, обученный экспертами типовым приемам и стилю решения задач. Здесь проблемы памяти, обучения, воспитания или самовоспитания решаются вполне в гуманитарном ключе, система безусловно исторична, но мы платим за это непрозрачностью действий такой системы, она не всегда предсказуема, а вопрос о правильности ее поведения или результатов просто не корректен. Это скорее интуитивный стиль решения задач нежели дескриптивный процесс [27]. И мы покидаем «мир истин» дифференциальной динамики и погружаемся в «мир мнений» нейрокомпьютерной реальности. Эта другая крайняя точка зрения, вряд ли прояснит многое нам о социальной системе, скорее это компьютерный гуру, который ничему не научит, но сам будет решать наши проблемы.

Мезопарадигма синергетики. Об ограниченности дескриптивных процедур позитивного знания, горизонтах понимания мы знаем не так много, но знаем, что рефлексивный процесс приближает нас к ним с неизбежностью при достаточно высокой своей интенсивности [28]. В этом, в частности, ограниченность процедур теории возмущений. Поэтому под мезопарадигмой синергетики мы будем понимать подход находящийся между Сциллой марковских «амнезированных» дескриптивных процессов и Харибдой генетических методов нейрокомпьютинга. Фактически, это синтетический подход, когда система часть времени развивается вполне предсказуемо, а в период становления востребует ее генетическая программа-память, внутреннее пространство, которое само может изменяться, после чего развитие вновь происходит по дифференциальным законам. Таким образом, точки бифуркации, выбора проходятся не случайно (равная вероятность исходов), но с учетом генетических склонностей системы. Аналогичные идеи мы находим в концепции «русел» и «джокеров» Г.Г. Малинецкого [29].

Внутреннее пространство может иметь свою иерархию уровней, которая на внешнем плане может выглядеть, как проявление очередности и синхронизмов в поведении различных субъектов системы, или подсубъектов индивида. Возникают фрактальные временные коммуникационные паттерны, которые

невозможно описать в рамках марковского подхода. Примером такого подхода к природе и обществу служит метод **ритмокаскадов** [30], предложенный одним из авторов в 1996 году. Его приложения к реконструкции истории и прогнозу развития человекоразмерных систем предполагают командную работу экспертов различных дисциплин и уже есть обнадеживающие результаты.

На наш взгляд, именно синтетический подход позволит анимировать многие хорошо известные модели синергетики для гуманитарных приложений (см. например [20]) и выдвинуть принципиально иной класс эффективных коммуникационных моделей.

Литература

1. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа. 1992.
2. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция. 1999
3. Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Мир. 1984.
4. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир. 1981.
5. Курдюмов С.П., Князева Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации. 1981.
6. Климонтович Ю.Л. Нелинейная динамика открытых систем. Наука. 1995.
7. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика—эволюционный аспект. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. ИФ РАН, Арга, 1994.
8. Аршинов В.И., Буданов В.Г., Войцехович В.И. Принципы процессов становления в синергетике. Труды XI Международной конференции «Логика, методология, философия науки». Секция 8. Методологические проблемы синергетики». Москва-Обнинск, 1995. Т. VII. с. 3-7.
9. Аршинов В.И. На пути к квантовой эпистемологии. Проблемы и методы постнеклассической науки. М. 1992.
10. Аршинов В.И. Событие и смысл в синергетическом измерении. В кн.: Событие и смысл. Синергетический опыт языка (под ред. Киященко Л.П., Тищенко П.Д.). М.: ИФ РАН 1999. С. 11-37.
11. Аршинов В.И. Когнитивные стратегии синергетики. В кн.: Онтология и эпистемология синергетики (ред. Аршинов В.И., Киященко Л.П.). ИФ РАН. 1997. С. 12-25.
12. Буданов В.Г. Делокализация как обретение смысла, к опыту междисциплинарных технологий. В кн.: Онтология и эпистемология синергетики (ред. Аршинов В.И., Киященко Л.П.). ИФ РАН. 1997. С. 87-100.
13. Буданов В.Г. Когнитивная физика или когнитивная психология. О величии и тщетности событийного языка. В кн.: Событие и смысл. Синергетический опыт языка (под ред. Киященко Л.П., Тищенко П.Д.). М. ИФ РАН. 1999. С. 38-66.
14. Аршинов В.И., Данилов Ю.А., Тарасенко В.В. Методология сетевого мышления. Феномен сетевой самоорганизации. В кн.: Онтология и эпистемология синергетики (ред. Аршинов В.И., Киященко Л.П.). ИФ РАН. 1997. С. 101-118.
15. Буданов В.Г. Синергетические аспекты информационных кризисов и культура // Философия и наука. М.: ИФ РАН, 1996.
16. Буданов В.Г. Междисциплинарность и синергетика». Категории // Философский журнал. М., 1997. № 2. С. 15-21.
17. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование и принципы синергетики // Синергетическая парадигма (под ред. Аршинова В.И., Буданова В.Г., Войцеховича В.Э.). М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 285-305.

18. Маслоу А.. Дальние пределы человеческой психики, Спб. 1997. С. 289.
19. Бергсон А.. Собр. соч. В 4-х томах. Том 1. М. 1998. С. 318.
20. Буданов В.Г. Синергетическая алгебра гармонии //Синергетическая парадигма. (под ред. Аршинова В.И., Буданова В.Г., Войцеховича В.Э.). М.: Прогресс-Традиция. 2000. С.121-138.
21. Матурана У. Биология познания// Язык и интеллект. М. 1996. С. 135.
22. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Наука. 2001. С. 389.
23. Василькова В.В. Синергетика. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Спб.: «Лань». 1999.
24. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики.// Петербургская социология. № 1. 1997.
25. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФРАН 1999.
26. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика наблюдения как познавательный процесс// Философия, наука, цивилизация. Эдиториал УРСС. 1999.
27. Чернавский Д.С. Мышление, как распознавание образов//Синергетика-3. Труды семинара по синергетике. М.: МГУ. 2000. 343 с.
28. Буданов В.Г. Язык науки или наука языка. Философские исследования . № 1. 2000.
29. Капица С.П., Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука. 1997. 286 с.
30. Буданов В.Г. Метод ритмокаскадов: о фрактальной природе времени эволюционирующих систем // Синергетика-2. Труды семинара по синергетике (под ред. О.П. Иванова, В.Г. Буданова). М.: МГУ. 1999. С. 36-54.
31. Баранцев Р.Г. Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои //Синергетика-3. Труды семинара по синергетике. М.: МГУ. 2000. С. 353-361.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

**ИННОВАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
МОДЕЛИРОВАНИЕ, МОНИТОРИНГ, РИСКИ**

Г.Г. Малинецкий

(Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН)

В настоящее время и Россия, и мир в целом претерпевают быстрые, резко меняющиеся в целом социально-экономические структуры и жизни людей перемены.

Причины этих перемен объективны. Главная из них – слом всей предшествующей траектории развития человечества. Вероятно, наша эпоха войдет в учебники как начало Новой Истории, для которой всей предшествующие века были лишь прологом, историческим детством человечества.

На какой же научной и методологической основе следует анализировать исторические перемены такого масштаба?

Очевидно, что такой анализ должен быть *междисциплинарным*. Прежде всего потому, что перемены затрагивают все сферы жизни — экономику и социальную структуру общества, технологии и сферу смыслов и ценностей. И заранее нельзя сказать, к какой сфере будут относиться перемены, которым предстоит стать решающими. Кроме того, следуя Блезю Паскалю, можно сказать: «Управлять — значит предвидеть». При этом роль науки в предвидении возрастает. И поэтому приходится «склеивать», «сшивать» общий прогноз, опираться на результаты отдельных научных дисциплин. И тут роль *междисциплинарности* — общих идей, представлений, языка — трудно переоценить.

Растущий масштаб возможных потерь и угроз на уровне государственного управления делает недостаточным для выработки представлений о будущем чисто гуманитарных методов, качественных представлений. Приходится привлекать формализованные описания, количественный анализ, методы точных наук. И чтобы «сшивать» их с науками о человеке и обществе, ставить задачи перед специалистами по моделированию необходимы, междисциплинарные подходы.

С другой стороны, традиционные методы управления предполагают заданные извне и неизменные *цели управления*. Предполагают фиксированный *набор ограничений*, определяющих, какие управления в принципе возможны. Наконец, каковы *функционалы качества управления*, по которым можно отличить хорошее управление от плохого. И если построенные на этой основе теории прекрасно работают в случае технических систем и небольших фрагментов отдельных социальных объектов, то к анализу масштабных изменений, о которых идет речь, они сплошь и рядом оказываются неприменимы. В самом деле, в ходе развития общества субъектам приходится в процессе взаимодействия вырабатывать цели, в результате исследования или на основе опыта осознавать имеющиеся ограничения и определенным образом самим формировать правила, в соответствии с которыми должна осуществляться управленческая деятельность. Иначе говоря, на первый план выходит *самоорганизация* в обществе, понимаемая в широком смысле. Это и выработка моральных норм, и формирование социальных структур, и согласование интересов экономических и прочих агентов.

Поэтому неудивительно, что для моделирования и прогнозирования социальных процессов все шире применяется *теория самоорганизации или синергетика*.

Ключевым понятием синергетики является представление о *параметрах порядка* — ведущих, ключевых переменных, которые, с одной стороны, отражают состояние объекта в целом, и с другой — определяют в главном и поведении остальных переменных, характеризующих систему.

По каким же параметрам порядка можно судить о состоянии человечества, о глобальности происходящих перемен? В соответствии с *принципом демографического императива* таким параметром является число людей на Земле — *N*. В соответствии с представлениями экономиста, математика и монаха Мальту-

са в благоприятных условиях численность человечества с течением времени растет по закону.

$$dN/dT = \alpha N, N(0) = N_0 \quad (1)$$

где N_0 – начальная численность.

Решение уравнения (1) определяет экспоненциальный рост

$$N(t) = N_0 e^{\alpha t} \quad (2)$$

или, другими словами, рост по закону геометрической прогрессии, когда за одинаковое время величина изменяется в одинаковое число раз.

По мысли Мальтуса, численность человечества растет в геометрической прогрессии, а количество продовольствия в арифметической

$$P(t) = P_0 + \beta t. \quad (3)$$

Несовпадение законов (2) и (3), выражающее тот факт, что продовольствия на каждого человека с течением времени будет приходиться все меньше и меньше, по мысли Мальтуса, должно приводить к войнам. Войны будут уменьшать численность человечества, приводить его в соответствие с объемом производимого продовольствия.

Опираясь на результаты поледемографов, С.П.Капица и ряд других исследователей показали, что Мальтус был не прав – в последние 100 тысяч лет численность населения планеты росла не по мальтузианскому закону (1), а совершенно иначе. А именно по нелинейному закону

$$dN/dt = \alpha N^2, N(0) = N_0. \quad (4)$$

Этот закон означает, что человечество не просто интенсивно росло, как следовало из закона (1), а постоянно увеличило свою «экологическую нишу», осваивало новые *жизнеобеспечивающие технологии*.

Главное содержание нынешней переломной эпохи состоит в том, что закон (4), описывающий развитие человечества на протяжении 100 тысяч лет, меняется в течение нескольких ближайших десятилетий. Происходит *демографический переход* – уменьшение скорости роста народонаселения. Уменьшение очень быстрое по историческим масштабам. Причем это уменьшение, как показывает уже двухвековой опыт развития ряда стран и регионов, связано не с нехваткой продовольствия, а с гораздо более сложными системными факторами.

Поэтому закон роста народонаселения в XXI веке и далее, по данным ООН, ЦРУ США и Института прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН, строится на основе соотношения типа:

$$dN/dt = \alpha N^2(N' - N) \quad (5)$$

где N' – предельное значение числа людей на Земле, которое оценивается в 10-12 млрд. человек.

Другими словами, человечество в XXI веке совершает крутой поворот, равного которому в истории не было. Способность пройти этот поворот эффективно и с минимальными издержками будет определять *эффективность государственного управления*, социальных структур, различных общественных институтов, перспективы предлагаемых технологий. На последнем остановимся особо.

Окончание эры экстенсивного развития, общества потребления, расширенного воспроизводства знаменует новую эпоху. В самом деле, достаточно представить, что из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век в данном регионе, стране или городе живет одно и то же число людей. Это совершенно другие технологии, смыслы, ценности, алгоритмы развития.

В качестве ответа на описанный вызов может быть предложенная в сфере управления обществом *концепция инновационного государственного управления*. Ключевым и для самого инновационного управления, и для подготовки кадров, владеющих этой технологией, является *моделирование, мониторинг и управление рисками*. Анализ всех трех неотъемлемых частей обсуждаемой технологии позволяет предметно и содержательно раскрыть суть самого инновационного управления.

Моделирование

Под моделированием будем понимать *создание, или поиск уже имеющихся материальных или идеальных систем, отражающих существенные взаимосвязи и особенности объекта моделирования. Модель должна позволять определенным образом замещать исходный объект так, чтобы исследование модели позволяло либо выявить новые свойства исходного объекта, либо давать прогноз его поведения, либо облегчать выработку управляющих воздействий*.

Следуя философской традиции, будем рассматривать государство, как «*основной институт политической системы, наделенный высшей законодательной властью, т.е. правом устанавливать и регламентировать социальные нормы и правила общественной жизни в пределах определенной территориальной целостности и использовать легитимные методы принуждения для их соблюдения по отношению ко всем членам общества. Государство является основным источником политической власти и использует ее от имени всего общества*»¹.

В настоящее время произошел важный концептуальный сдвиг *от концептуальных проблем* (смыслы, ценности, цели) к *инструментальным* (средства, инструменты, организации). Это произошло во многом благодаря «революции управляющих», разработке новых социологических концепций – теории стадий роста (Росту), концепциям индустриального (Арон, Гэлбрейт), постиндустриального (Белл), технотронного (Бжезинского), программированного (Турен), информационного (Масуда), «общество третьей волны» (Тоффлер). Возник *технологический детерминизм* – теоретико-методологическая установка, исходящая из решающей роли техники и технологии в развитии социально-экономических структур.

В частности, это выразилось в переносе внимания с государственного управления, государства, как такового, на государственную службу, на инструменты государственного управления. Один из ярких примеров – многолетние

1. Всемирная энциклопедия. Философия. М.: АСТ, Минск: Харвест. Современный литератор., 2001. С. 1312.

безуспешные попытки начать серьезную подготовку государственных руководителей высшего звена или хотя бы переименовать, для начала, академии государственной службы в России в академии государственного управления.

Говоря о моделировании будем различать *концептуальное* (иногда его называют *вербальным*), *когнитивное*, *качественное* моделирование, (на основе *базовых математических моделей*), *фундаментальное моделирование* (исходящее из первых принципов и установленных законов) и *имитационное моделирование*.

В рамках концептуального или вербального моделирования, очень часто рассуждают, опираясь на образы, заимствованные из различных сфер жизнедеятельности.

В рамках традиции, заложенной выдающимся немецким социологом Максом Вебером, государство рассматривается как машина для обслуживания граждан, а во главу угла становится *целерациональные* действия, лежащие в основе легального типа господства. Естественно, этот взгляд опирается на бурное развитие современного Веберу капитализма, на опыт первых промышленных революций (пар и железные дороги), на представления об индустриальном обществе.

По концепции Вебера, государственный аппарат (бюрократия), обслуживающая индустриальное государство должен обладать следующими характеристиками.

- *компетенция каждого управленческого уровня четко регламентирована, то есть зафиксирована нормативно;*
- *иерархическая организация управленческой структуры основана на базе твердо установленных принципов, должностной субординации;*
- *вся формальная внутриорганизационная деятельность осуществляется в форме письменных документов, подлежащих последующему хранению;*
- *все должностные лица должны быть хорошими специалистами не только в сфере своих профессиональных должностных обязанностей, но и в области норм, правил и процедур деятельности организации в целом².*

В марксистской традиции «машинная» концепция государства обогащается. С одной стороны, делается акцент на классовом характере государства, как орудия господства одних классов над другими. С другой стороны, она отличается акцентом на эволюции, на саморазвитии государства по своим внутренним законам. *«Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимые противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, история умеет бы столкновение, держала его в границах*

2. Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австрия. М.: Дело. 2020, с. 168.

«порядка». И эта сила, пришедшая из общества, по ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство», — писал Ф. Энгельс.

Развивая этот подход, В.И. Ленин привнес два новых момента. Во-первых, по его мнению, при изменении социального строя *государственная машина должна быть разрушена*. Во-вторых, участие огромного числа трудящихся в государственном управлении должно преобразить государственное управление и значительно упростить его, так как множество задач учета и контроля общество сможет взять на себя, а следование многим нормам, которого раньше требовала государственная власть, просто войдет в привычку.

В последние десятилетия «машинная» парадигма государственного управления переживает второе рождение. Либеральные реформы в России, в Восточной Европе, на постсоветском пространстве проходили под знаменами «возвращения в лоно мировой цивилизации», переход к «открытому обществу». Последнее понятие было введено в оборот Бергсоном и активно использовалось Карлом Поппером в книге «Открытое общество и его враги». Эти идеи использовались как теоретическое обоснование известной концепции «прав человека». В соответствии с ними демократия не рассматривается как власть большинства, а трактуется как режим, в частности, *«гарантирующий меньшинству право инициировать адекватные реформы»*. По мнению Поппера, четыре базовые свободы — это *свобода слова, свобода религии, свобода от страха и свобода от нужды*.

В русле этой либеральной концепции предлагались и проводились реформы государственного управления в России. В частности, в 1998 г. Президентом РФ Б.Н. Ельциным была одобрена Концепция перестройки государственной службы. Она опирается на 10 принципов; *статусное разделение политических и «карьерных» должностей приоритет профессиональных качеств; компенсирующие ограничения; приоритет «живых денег» перед «теневыми льготами»; перевод значительной части госслужбы на хозрасчет; прозрачность; ориентация на клиента; служебная прозрачность; внимание этическим регуляторам поведения; системность подготовки и переподготовки кадров*.

Схожие либеральные принципы, веберовский идеал государственного аппарата были положены в основу родившегося в недрах Высшей школы экономики проекта административной реформы в России.

Идея этой реформы состояла в перестройке российского государства по американскому образцу с соответствующими агентствами, службами. Эта реформа реализовалась в 2003–2004 годах и имела плачевные последствия. В течение года значительная часть госаппарата была парализована, а после реформы, как показывают оценки экспертов, исполнительская дисциплина упала, а «транзакционные издержки», коррупция существенно возросли.

Реформа была изначально обречена, так как опиралась на представления и парадигмы прошедшей более века назад эпохи, и так как она игнорировала реальность и тот глубокий системный кризис, в котором сейчас находится Россия.

На основе проведенных исследований на кафедре антикризисного управления и социальной самоорганизации Академии государственной службы при Президенте РФ была предложена концепция инновационного государственного управления. Остановимся на источниках, лежащих в основе этой концептуальной модели.

Цивилизационный код уникальной и самодостаточной российской цивилизации, предполагающий вовлечение народа в дела государственного управления в кризисной ситуации.

Сейчас перед российским обществом и государством стоит принципиальная задача преодолеть разделившую их в ходе реформ пропасть. И в годы татаро-монгольского ига, и в Смутное время, и в годы Отечественной войны власть формировалась на соборной основе либо опиралось на обретенное в результате испытаний национальное единство.

Достижения науки и, в частности, теории самоорганизации – синергетики.

«Машинная» парадигма государственного управления, веберовская концепция госаппарата исчерпали себя несколько десятков лет назад. Как показал опыт административных реформ 80-х и 90-х годов в США, Великобритании, Австралии, на этой основе можно решить очень немного задач в достаточно стабильных и благоприятных социально-экономических условиях.

Коротко говоря, наука XXI века предполагала идти *снизу вверх* – от простого к сложному, от одинаковых взаимозаменяемых элементов к сложным социальным механизмам, к полной предопределенности.

Наука начала XXI века совершенно иначе видит и роль случайности, риска, возможности возникновения упорядоченности, в формировании и функционировании системы государственного управления.

Лауреат нобелевской премии в области экономики Элвин Тоффлер посвятил проблеме управления обществом книгу «Метаморфозы власти», жанр которой определил как «проктопия» – «практическая утопия³».

Новый взгляд на природу государственного управления, опирающийся на синергетику и теорию динамического хаоса, он сформулировал в следующих словах: *«Коротко говоря, власть обусловлена разрывами в цепи причин, незапрограммированными обстоятельствами. Или так: она зависит от случайностей, наличествующих во вселенной и в поведении людей».*

Однако власть не может осуществляться и в мире, подчиненном только случаю... Потому власть возможна лишь в мире, в котором сочетается случайность и необходимость, хаос и порядок. Именно тяга к порядку в основном оправдывает осуществление руководства как такового».

В машинной и большинстве других парадигм государственного управления предусматриваются различные способы упорядочения, формирования социальных структур, сверху или снизу. В инновационном управлении предполага-

3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ. 2003, с. 699.

ется более чем, когда-либо раньше, опираться на спонтанное, хаотическое, нащупывающие новые пути и типы самоорганизации элементы социальной реальности.

В естествознании и в технике уже есть множество удачных примеров, связанных с таким изменением точки зрения. В синергетике имеется большой концептуальной и методический потенциал для решения проблем, где существенен хаос. Более того, работы последних лет показали, что в экономике, в системах вооружений, в техносфере и биосфере наиболее важные и значимые события происходят «на кромке хаоса».

Опыт управления крупными корпорациями. С 70-х годов произошло несколько революций в системах управления. Они стали возможны благодаря тому, что транснациональные корпорации вышли на уровень задач, ранее решавшихся только государством.

Сегодня трудно представить, что впервые представление о *ситуационном центре*, об уровне рекурсивности, о планировании потоков информации в организационных системах были введены в классических работах Стаффорда Бира только в начале 80-х годов⁴. Заметим в этой связи, что сам Бир был консультантом рода крупнейших корпораций, правительства Сальвадора Альенде в Чили, Центрального разведывательного управления в США.

Заметим, что многие его идеи созвучны концепции инновационного государственного управления.

Во-первых, это ориентация на новации, на будущее, выраженные девизом, который он предпослал своей классической работе «Absolutum absolutum – если что-то работает, то оно уже устарело».

Во-вторых, главным вектором борьбы с неэффективной бюрократией. В частности он пишет по этому поводу «*Один метод – жесткого порядка, хотя и относится к числу чаще всего практически реализуемых... должен быть исключен... Такой подход к проблеме принятия решений высшим руководством непригоден... он искажает естественные свойства системы ... давать правильные решения*».

Можно сказать, что огромный опыт, накопленный при управлении гигантскими организациями, может и должен быть учтен при определении вектора развития системы государственного управления.

Опыт развития инновационной экономики, экономики основанной на знаниях. В 90-х годах в США и в ряде других стран огромное влияние на государственном уровне было уделено форсированному развитию ряда высокотехнологичных отраслей. При этом оказалось, что ключевым социальным изобретением становится «*технологии создания технологий*». Это прежде всего создание среды, генерирующей огромное число инноваций. Это «фильтр», позволяющий как можно раньше оценивать потенциал предлагаемых нововведений. Это механизм поддержки и развития инноваций.

4. Бир С. Мозг фирмы . М.: УРСС, 2005, с. 416.

Элвин Тоффер так суммировал императивы экономики *«Новая система создания изобилия все больше зависит от обмена данными, информацией и законами. Она сверхсимволична... Традиционные факторы производства — земля, труд, сырье и капитал — становится менее значимыми, так как их заменяют символические знания»*.

Медлительные бюрократии заменяются (демассифицированными) рабочими единицами, временными или «адхократическими командами», все более сплоченными бизнес-структурами. Иерархии «выравниваются» или уничтожаются, чтобы ускорить процесс принятия решений. Бюрократическая организация знаний заменяется информационными системами свободного потока. Численность и разнообразие организационных форм увеличивается..., новый герой — уже не неквалифицированный рабочий, не финансист и не менеджер, а новатор (внутри или вне крупной организации), который сочетает воображение и знание с действием».

Для новой экономики характерно усиление эффективности в результате самоорганизации, кооперации, обмена идеями и информацией. Это позволило рассматривать современный менеджмент с позиций синергетики, а наше время как эпоху инноваций⁵.

Успешное развитие и практическое применение этих идей также является историческим концепциям государственного инновационного управления.

Итак на концептуальном или на вербальном уровне круг идей, концепций достаточно ясно *изучен*.

Другой класс моделей, которые естественно привлечь в эти сферы — когнитивные модели. Они, с одной стороны, позволяют перейти от образов, аналогией, метафор к простейшим формализованным описаниям.

Этот класс моделей используется при экспертном анализе. Наиболее существенным факторам соответствуют при таком моделировании точки некоторого многоугольника, главным взаимосвязям — ребра. Модели требуют привлечения экспертов, способных оценить состояние объекта по некоторой шкале, а также относительную силу взаимосвязей между выделенными факторами. Такая процедура естественна, как правило, эксперт легко может сказать «лучше», «хуже», «очень плохо», оценивая ситуацию или состояние объекта. После этого когнитивной модели на компьютере позволяет вычислить, как будут реагировать на данное воздействие различные части системы, «лучше» или «хуже», и, в конце концов, удастся ли с помощью предлагаемых мер достичь желаемых целей.

Слабость этого класса моделей состоит в необходимости иметь экспертов, представляющих устройство моделируемой системы и ее нынешнее состояние.

Однако для первичной оценки социальных инноваций, для организации содержательной работы экспертов, выявления опосредованного влияния социальных нововведений они могут быть очень полезны. Поэтому естественно, чтобы они стали стандартной частью багажа знаний кадрового резерва.

5. Янсен Ф. Эпоха инноваций. М.: ИНФРА-М.2002, с. 308.

Приведем два примера применения таких идей. В Институте проблем управления им. В.А.Трапезникова несколько лет назад с коллегами из Сербии и Черногории был реализован проект, направленный на когнитивной моделирование социально-экономической системы этих стран в условиях дестабилизирующих воздействий извне и изнутри. Модель оказалась настолько удачной, что ее сейчас используют в системе государственного управления Сербии и Черногории в качестве рабочего инструмента для прогноза, для оценки последствий принимаемых решений, для оценки различных социальных инноваций.

Другой пример. В Институте прикладной математики им М.В. Келдыша РАН была в 2005 году построена когнитивная модель, позволяющая оценивать стойкость ряда северо-кавказских регионов относительно дестабилизирующих воздействий. Результаты моделирования во многих отношениях оказались парадоксальными. Например, оказалось, что разрушительно действует на систему возможность арбитра (например, федерального центра влиять непосредственно и на правящую, и на оппозиционную элиту). Оказались, что в ряде случаев управляющие воздействия, предпринятые арбитром в начале кризиса, не оказывают положительного воздействия и не позволяют избежать катастрофы. Но те же воздействия на систему на развитой стадии кризиса стабилизируют ситуацию.

Другой класс моделей того же уровня — *модели рефлексивного управления*. Современное общество становится (а в ряде случаев имеет возможность стать) все более рефлексивным.

Многие социальные группы в нем имеют возможность размышлять над своим положением и последствиями своих действий, а также размышлять о том, и на каких основаниях они размышляют, и поэтому информационное управление (от мягких форм до манипуляции общественным сознанием) становится все более эффективным рычагом влияния на общество.

Поэтому одним из инструментов управленцев могут стать математические модели рефлексивного управления. Они, с одной стороны, достаточно просты и наглядны, с другой — достаточно содержательны и позволяют отразить такие понятия или совесть, самооценка, оптимизм.

По мнению одного из крупнейших социологов современности Энтони Гидденса, в развитых странах стараются отодвинуть перспективу «общества риска» (термин был введен немецким социологом Ульрихом Бекком вскоре после Чернобыльской аварии) и перейти к «рефлексивному обществу»⁶. Важнейшей должностей последнего должно стать *доверие*. Оно же сейчас необходимо в России, чтобы вывести большинство граждан из состояния «социального аутизма» и «склеить» социального пространства.

Модели рефлексивного управления сейчас эффективно применяется при выработке гуманитарных технологий противостояния терроризму, борьбы с тоталитарными сектами, при организации диалога, переговоров между представителями различных культур.

6. Гидденс Э. Социология. УРСС, 2005, с. 632.

Одним из главных направлений инновационного государственного управления является сдвиг от более жестких к более мягким формам и технологиям социального управления. Поэтому новые подходы в работе госаппарата требуют освоения и эффективного использования информационного и рефлексивного управления.

И соответствующие модели здесь могут оказаться очень полезны. К сожалению, качественные, фундаментальные, имитационные модели находятся в настоящее время в зачаточном состоянии. Более того, они не соответствуют современному уровню развития социологической теории. Тем не менее, разработка парадигмы инновационного государственного управления может стать важным стимулом для их построения.

Мониторинг

Мониторинг является важнейшим элементом инновационного государственного управления. Госаппарат должен управлять на основе конкретной достоверной информации и фундаментальных знаний, граждане должны представлять состояние общества, в котором они живут и «относительный вес» различных рисков и угроз.

Нынешнее положение дел в информационной среде в России без преувеличения можно назвать чрезвычайным. Отсутствует в значительной степени культура работы с информацией. Работа со слушателями РАГС при Президенте РФ и московскими школьниками показывает, что и слушатели, и школьники одинаково плохо представляют базовые социально-экономические реалии России, ее место в мире, динамику ее экономики и социальной сферы за ближайшие десятилетия. Еще более тревожно, что они даже не подозревают о принципиальной важности этих знаний, в частности, для государственного управления. Поэтому одной из приоритетных задач в рамках инновационного управления должно стать становление и развитие культуры работы с результатами мониторинга.

Приватизация информации стала угрозой национальной безопасности России. В настоящее время оценка состояния развития многих социальных систем требует системного подхода. Они опираются на данные и показатели, относящиеся к различным сферам жизнедеятельности, и сферам ответственности разных министерств и ведомств. Опыт работы с МЧС России показывает, что административных рычагов на уровне министерств, депутатов недостаточно, чтобы получить необходимые данные. Однако в большинстве случаев их предлагают продать. Информация оказалась приватизирована. Поэтому серьезного научного прогноза во многих жизненно-важных сферах в России нет.

Разрушение рефлексивных механизмов во многих государственных органах России. Нормальной ситуацией является прогноз развития ситуации в сфере ответственности министерства, определение тех количественных показателей, которые должны быть достигнуты, анализ того оправдался ли прогноз, сделанный ранее, оказались ли выполнены прежние планы. К сожалению, этого по-

что нигде нет, а соответствующие государственные доклады констатирующий характер.

Формирование *единого информационного пространства госаппарата* пока не начато. Существуют показатели, данные, ориентиры, которые должны быть достоянием всех или большей части государственных служащих. (Это, как показывает практика, является действенным инструментом информационного управления госаппаратом). Эти данные нужны для того чтобы руководители решали свои конкретные задачи, исходя из представлений о целом, имели возможность «мыслить глобально, а действовать локально», чтобы государственная стратегия определяла тактику и, тем более, решение оперативных задач.

Отметим, что синергетика и нелинейная динамика дает возможности, которые могут быть с успехом использованы в госуправлении. В частности, они позволяют получать прогноз и предсказывать кризисы даже в тех случаях, когда математических моделей в обычном понимании этого слова для анализируемых процессов еще нет.

Опишем вкратце идею этого подхода. В основе его лежит временный ряд x_1, x_2, \dots, x_n — значения величины, прогноз который желательно получить в последовательные моменты времени $\Delta t, 2\Delta t, \dots, N\Delta t$.

Этот ряд $\{x_i\}$ сглаживается, чтобы увидеть тенденции именно на тех временах, которые наиболее важны и интересны. Другими словами, создается другой временный ряд

$$y_i = \frac{1}{k} \sum_{j=i}^{j=i+k} x_j \quad (6)$$

Затем по предыстории системы $\{x_i\}$ (ее надо иметь, для этого нужны результаты мониторинга и хорошо поставленная статистика) выявляются моменты кризисов, катастроф, неблагоприятных ситуаций, которые желательно было бы предписывать. Рассматриваются значения ряда $\{x_i\}$ в эти моменты и делаются попытки выделить предвестники.

Пример, показывающий суть подхода, — измерение температуры у больного. Организм — очень сложная система, целостное содержательное моделирование которого до сих пор сталкивается с серьезными проблемами. Однако следя за температурой можно судить о многом. Еще более информативен пульс (в течение многих лет обо всех системах организма космонавта судить по кардиограмме, передаваемой с орбиты (ряд $\{x_i\}$ при этом, чтобы выделить информацию о разных странах брали разные k (соответствующие ряды $\{x_i\}$))

Методики такого типа были развиты для среднесрочного прогноза землетрясений. В этих задачах данные сейсмостанции сворачивается в 8 одновременно вычисляемых аналогов температуры. В последующем они были с большим успехом применены для анализа социальноэкономических систем⁷.

7. Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Малинецкий Г.Г. и др. Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика. М.: Наука, 2000. С. 431.

В частности, на этой основе успешно организовались депрессии в экономике США, скачки безработицы в Западной Европе, экономические кризисы в России, начиная с 1991 года. В 2005 году на материале Ярославской и Тамбовской областей были построены системы, предсказывающие скачки числа особо тяжких преступлений на региональном уровне. Этот результат является пионерским — до недавнего времени исследователи не подозревали, что преступность прогнозируема на уровне региона.

Естественно, говоря об инновационном государственном управлении, иметь в виду широкое использование в госаппарате и таких методик использования результатов мониторинга.

Приоритет объективных показателей системы перед субъективным. В настоящее время в области мониторинга социально-экономических и управленческих систем наблюдается большой перенос в сторону социологических опросов. Во многих случаях такие данные цепи, един во многих других такие опросы дают отражение реального положения дел в «кривом зеркале».

Приведем пример. В сентябре были обнародованы результаты заказанного центром Грефа исследования «Оценка состояния Российской Академии Наук», в котором это состояние оценивалось только на результатах социологического процесса 95% всех гуманитариев Академии является «балластом», в частности, в этом документе делался вывод, что таковыми является и 53% всех «естественников» в Академии. На этой основе делаются данные идущие выводы. В частности, предлагается Президиум РАН в полном составе отправить на пенсию и вместо него создать Высшей менеджерский совет, а также упразднить ученые степени кандидатов и докторов наук и вместо них учредить степень «эффективного работающего ученого». В это же время анализ объективных данных числа публикуемых научных работ и цитируемости российских ученых и научного бюджета — показывают, что отечественные исследователи, по этим показателям суды, работают примерно в 15 раз эффективнее американских, имея в виду число работ, выпускаемы на каждый рубль.

Поэтому встает важная проблема в разработке *технологий* инновационного государственного управления — выделение тех объективных показателей, на основе которых можно было бы судить об эффективности работы госаппарата, его рефлексивности, обучаемости, способности оценивать и поддерживать позитивные социальные инициативы.

Национальная система научного мониторинга опасных явлений и процессов в природной, техногенной и социальной сферах как рычаг, взявшись за которой можно перевести госаппарата в целом на более высшей уровень, начать реализовывать инновационного государственного управления в области мониторинга⁸.

На встрече с руководством РАН 3 декабря 2001 года Президент РФ В.В.Путин поставил перед всем научным сообществом России две сверхзадачи:

8. Отчет на сайте risk/keldysh.ru презентация «Угроза российской науке».

- прогнозирование и разработка мер по предупреждению бедствий, катастроф и кризисов в природной, техногенной и социальной сферах;
- разработка сценариев перевода хозяйства страны от нынешней «экономики трубы» к инновационному пути развития и экономии, основанной на знании.

Парадигма инновационного государственного управления, по своему замыслу (помимо многих других задач) должны обеспечивать организационную основу для решения этих двух научных проблем и для воплощения созданных в ходе этой деятельности разработки.

В качестве ответа на Президентом РФ политические решения Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН и 10 других академических институтов выступили с инициативой создания Национальной системой научного мониторинга. Эта инициатива получила поддержку Совета безопасности РФ, МЧС РФ, Совета по науке и технологии при Президенте РФ. Российская академия наук получила задание представить соответствующую Межведомственную программу. Эта работа была выполнена в 2004 году и соответствующая программа согласована с заинтересованными ведомствами. Результаты проделанной работы были достаточно подробно представлены на Международной конференции в РАГС при Президенте РФ и получили высшую оценку многих ведущих отечественных и зарубежных исследователей.

К сожалению работа над созданием этой системы до сих пор не начата. Решение насущной задачи блокируется в настоящее время и в РАН, и в Правительстве РФ, и в Администрации Президента РФ.

Замысел системы состоит в создании национальных моделей социально-экономического развития мониторинга и привлечение к системному анализу информационных потоков, которыми сейчас располагает РАН и ряд министерств ведущих исследователей⁹, и коллективы, сложившиеся в институтах РАН, которые занимаются проблемами мониторинга, и моделирования. В условиях чрезвычайной ситуации в информационной сфере, в области мониторинга такой подход представляется оправданным.

Поэтому становление инновационной программы в государственном управлении в сфере мониторинга во многом зависит от того в каком объеме и быстро удастся создать систему и включить ее в контур принимаемых государственных решений.

Заключение

Развитие инновационного государственного управления, опирающиеся на синергетические концепции может стать новой парадигмой для развития государственного аппарата. До сих пор о государстве принято судить в координатах «сильное — слабое» и в терминах «государство — общество». Достаточно на-

9. Стратегии динамического развития России. Единство управления и самоорганизации. Сборник трудов конференций в 6 томах. Под ред. В.Л. Романова. М. 2004.

помнить классический афоризм выдающегося российского историка В.О. Ключевского: «Государство богатело – народ хирел».

Инновационный подход к государственному управлению побуждает рассматривать государство в более широкой системе координат. В этой новой системе координат российское государство должно стать не только «сильным» и «справедливым», но и «умным», «творческим», «рефлексивным».

Традиционно обозначают в последние годы вектор реформ госуправления - многих и рычагов управления от государства к обществу. Но сплошь и рядом в нынешней реальности государство эти рычаги не отдает, а общество их не берет. Социальный аутизм, недоверие, отсутствие образа будущего и социальную самоорганизацию снизу, и созидательную работу, которую сейчас может и должна делаться.

Инновационное госуправление ставит во главу угла сравнимый, а может быть, и большой вектор – самоорганизацию и вовлечение все большего числа социальных групп в управление государства. Естественно, в условиях острых социальных, региональных, национальных противоречий не приходится надеяться на «общенародное государство», о котором писали классики марксизма.

И мир, и Россия выступили в пользу быстрых перемен. Эра интенсивного развития началась и пришла пора инноваций, поиска новых алгоритмов развития, в том числе и социального. Резко возрастает разнообразие, число возложенных вариантов будущего, вызовов, ответ на которые должен быть дан в сжатые сроки. В этой ситуации можно идти назад, к упрощению, к уменьшению числа степеней свободы и сферы активности государства. В таком понимании реформированное госуправление диктатурой нелиберальными режимами. И те, и другие игнорирует новые вызовы, для которых старые рецепты не подходят. Можно копировать государственные структуры, которые оказались эффективными в других эпохи, в других обществах, в других фазах развития.

Инновационное государственное управление направлено в противоположную сторону. Его цель – менять социальную среду, генерировать инновации, анализировать их, поддерживать наиболее удачные, смотреть не в прошлое, в будущее.

Это связано идея академика Н.Н. Моисеева, которую он выдвигал, развивал «универсальный эволюционизм» - перейти от управляемого развития (или тем более от поддержанного социального гомеостаза) к направленному. Сосредоточиться на стратегии а не на тактике.

Неотъемлемыми чертами инновационного госуправления должны стать моделирование, мониторинг и анализ рисков принимаемых решений. Проведенный ранее исследования включены науки и образования на экономику показали, что параметром для успешного развития является *восприимчивость экономики и инноваций*¹⁰. Это то самое звено, взявшись за которое можно вытянуть

10. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и кризисы будущего. М.: УРСС, 2003. С. 288.

всю цепь. Повышение этого потенциала на несколько ситуаций позволяет сэкономить миллиарды. Вероятно, схема ситуации имеет место и с инновациями в социальных системах. Они необходимы, желанны и рискованны. Однако только с ними связан путь в будущее, конец безвремений.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

ИНФОРМАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И РЕФЛЕКСИЯ

*Д.А.Кононов, В.В.Кульба (Институт проблем управления РАН),
Г.Г.Малинецкий (Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН)*

Введение

На пороге XXI века мировое сообщество столкнулось с рядом *глобальных вызовов* (определение их множества, приоритетов, прогноз взаимодействия соответствующих процессов — отдельная научная проблема в рамках возникшей в последние десятилетия области исследований — *глобалистики*) [1]. Глобализация Человечества все более набирает темпы. Убыстряются процессы интеграции человеческой деятельности и на этой основе обостряются противоречия между отдельными составными элементами мировой системы общежития. Это часто приводит к глобальным разрушительным последствиям.

Принципиальная постановка проблемы носит общий характер: различные социальные слои отличаются своими жизненными понятиями и условиями существования. Они имеют различные потребности и интересы. Когда различия достигают критической величины, возникает социальная «ударная волна», выражающаяся в социальных катаклизмах. Размах и степень разрушения элементов общественной системы, ее структуры и происходящих в ней процессов при таких явлениях зависят от многих факторов, в том числе от тех производительных сил (вплоть до соответствующих технических средств и предметов труда) и форм их эксплуатации, которыми располагает и пользуется Общество к настоящему времени (например, «карманной» атомной бомбы). В этой ситуации удержать Общество от синергического разрушения возможно лишь на основе научно обоснованной теории управления им. В такой теории Человек, Общество должны выступать и как *объект управления*, и как его *субъект*. *Наука Управления общественным развитием* становится принципиально новым фактором существования Человечества.

Основной целью проводимых исследований является создание *аппарата* для изучения синергического (без явного управленческого воздействия, спонтанного саморазвития в соответствии с познанными или неизвестными объектив-

ными Законами Природы) и аттрактивного (с явным субъектом управления, преследующим определенную цель) поведения сложных систем, включающего теоретические и практические аспекты предложенной проблематики. Указанный формализованный аппарат мог бы быть синтезирован на основе интеграции *в настоящее время разрозненных компонент научных знаний теории управления, информатики, прикладной математики, синергетики, ряда гуманитарных наук.*

В теоретическом плане такой синтез позволит осмыслить, понять, принять и «запустить в работу» современные достижения науки, как необходимое условие выживания человечества. При этом чрезвычайно важно: интегрировать их в единую науку, призвав на помощь методологию различных научных отраслей, создать тем самым «единую теорию поля» человеческого общежития и процесса управления им.

В практическом плане это, в частности, позволит разработать стратегию выхода России из нынешнего системного кризиса, перехода к инновационному развитию, выстроить концепцию коэволюции социума, техносферы и биосферы, сформулировать принципы взаимодействия России и мира, оценить стратегические инновационные ресурсы, способы управления ими и эффективность их реализации.

Методология исследования информационного управления

Под информационным управлением (ИУ) понимается такой процесс выработки и применения управляющих воздействий, когда они носят неявный, косвенный, информационный характер. Объекту управления (ОУ) дается определенная информационная картина, ориентируясь на которую он как бы самостоятельно выбирает линию своего поведения [2].

Формализованная методология исследования ИУ предполагает рассмотрение процесса его моделирования, планирования и осуществления на основе интеграции **системно-логического, структурно-социального, рефлексивного и сценарного** подходов.

Системно-логический подход предполагает построение и изучение объектов исследования с позиций системного анализа, в основу которого положено понятие «**формальный системный объект**». Это позволяет изучать объекты и процессы с точки зрения формальных логических и математических методов.

Структурно-социальный подход предполагает построение и изучение социально-экономических объектов управления на основе определения и структуризации видов человеческой деятельности. Это позволяет изучать объекты и процессы в социальных системах на различных стратах социального устройства общества, выделяя основные социальные объекты, социальные структуры и описывать на этой основе различные социальные процессы.

При формализованном отображении объекта моделирования в предлагаемой концепции используется понятие «расширенное фазовое пространство», которое формируют в зависимости от цели исследования *на определенной страте*

поля описания. Принципиальная практическая важность изучения различных фазовых пространств в процессе управления различными *стратифицированными описаниями* реализуется в понятии «метанабор описания системы». Это дает возможность «сквозного» структурно-системного описания с единых методологических позиций ноосферы как разветвленной иерархической системы совместно функционирующих природных и общественных сил.

Объединение системно-логического и структурно-социального подходов позволяет изучать **деятельность человека** в качестве основной движущей причины развития социально-экономической системы, рассматривая ее как структурированный спектр формализованных процессов изменения **состояний социально-экономических объектов и субъектов действия.**

Рефлексивный подход занимает особое место в исследованиях общественных систем, поскольку все общественные процессы предполагают наличие того или иного вида рефлексии.

Сценарный подход предполагает исследование процессов, происходящих в социально-экономических системах, на основе построения и изучения сценариев поведения (синергические сценарии) социальных субъектов действия и сценариев управления (аттрактивные сценарии) социальными объектами.

Для эффективного изучения **информационного управления** [3] предлагается использовать *информационно-логический подход*, заключающийся в том, что описание и изучение информационных объектов проводится на основе формирования информационных совокупностей, обеспечивающих процессы функционирования заданных формальных системных объектов на рассматриваемых стратифицированных многообразиях. Основными понятиями, используемыми при этом, являются понятия «формальная информационная система», «информационная связь», «информационное поле», «информационная акция».

Объединение системного и информационно-логического подходов позволяет изучать процедуры формирования, преобразования и использования информации как формальные процессы изменения расширенных **информационных состояний** формальных системных объектов.

Объединение системно-логического, структурно-социального и информационно-логического подходов позволяет изучать информационные влияния и воздействия в социальных системах, рассматривая их как формализованные процессы изменения **информационных состояний социальных объектов и субъектов действия**, в том числе индивидуальные и коллективные действия людей, учитывая обстоятельства, в которых осуществляется процесс управления. Такой синтез позволяет рассматривать информационное поведение (развитие) социально-экономической системы в целом, а также отдельных ее элементов.

Объединение системно-логического, структурно-социального, рефлексивного, информационно-логического и сценарного подходов позволяет изучать многоаспектные информационные рефлексивные проблемы Социума, анализировать и синтезировать сценарии рационального информационного поведения различных социальных субъектов действия, и перейти к созданию систе-

мы информационной безопасности заданного социального объекта, социальной структуры или социального процесса, в условиях осуществления комплексного информационного взаимодействия.

Информационное управление в системе методов управления

Под управлением в обществе понимается способ воздействия, побуждающий людей к упорядоченному поведению, выполнению требуемых действий. Управление рассматривают как процесс, содержащий определенные этапы.

Процесс управления осуществляется посредством *механизма управления* — классификационной группы способов и средств управления, применяемых для достижения заданных целей управления на основе выбранного *метода управления*. Выделяют четыре основных метода управления: *административно-организационного управления* (АОУ), *правового управления* (ПрУ), *социально-психологического управления* (СПУ), *экономического управления* (ЭУ). Им соответствуют механизмы управления **Му**.

Механизмы административно-организационного управления — совокупность методов и средств достижения ЦУ, опирающихся на волю и авторитет государства. Государство в качестве ЛПР создает специальные ***государственные институты***, для подготовки и реализации решений, создавая таким образом организационные системы (ОС).

Механизмы правового управления охватывают всю систему и весь процесс управления. С помощью права вносится необходимая по мнению общества мера нормативного регулирования, формальной определенности и упорядоченности, закрепляется объем полномочий и ответственности, т.е. устанавливаются всеобщие условия и правила для всех субъектов деятельности, взаимоотношений между ними, а также между другими элементами социальной системы. Для разработки и осуществления правового управления в обществе создаются специальные институты: ***законодательные органы***, разрабатывающие и принимающие законодательные акты; ***судебные органы*** и ***органы прокуратуры***, компетентные выносить решение о мере наказания в соответствии с действующей системой законов, а также контрольные органы, надзирающие за соблюдением и точным их исполнением.

В отличие от административно-организационного управления, жестко предписывающего, регламентирующего определенные действия, *право* лишь устанавливает систему законодательных ограничений, в пределах которых возможны любые действия, не выходящие за их рамки. Только в рамках *права* возможно говорить о «правах и обязанностях», «индивидуальной свободе», «взаимных обязательствах» и т.п., в том числе о ***правовом поле***, в котором взаимодействуют социальные объекты (СО).

Способ управления называют способом косвенного управления, если управляющее воздействие, целью которого является изменение состояния элемента $SS^{(k)}$ социальной системы \tilde{S} , применяется к элементу $SS^{(r)}(r = k)$ социальной системы \tilde{S} .

К способам косвенного воздействия относят:

механизмы социально-психологического управления — совокупность средств и методов, основным объектом управления в которых является личность в коллективе; косвенность воздействия заключается в том, что, воздействуя на личность как субъект взаимодействия, участника совместной деятельности ЛПР через ОС реализует управление более сложным СО;

механизмы экономического управления — совокупность мер, ориентированных на использование экономических интересов социальных субъектов действия (ССД); в основе применения этих методов лежит постулат о том, что каждый из них действует так, чтобы максимально удовлетворить свои социально-экономические интересы. Следовательно, с точки зрения ЛПР следует создать такие правовые, организационные и т.п. условия, которые стимулировали бы ССД к выполнению общей ЦУ.

Классификация методов управления как способа воздействия на поведение людей может быть рассмотрена на основе следующего признака: направление (объект) применения механизма **Му**, то есть совокупность тех общественных отношений, на которое направлено воздействие.

При административно-организационном управлении воздействие, выраженное в регламентации, направлено на реальные допустимые действия (отношения) субъекта социального действия. Такие действия устанавливаются и контролируются государством как выделенным общественным институтом.

При правовом управлении воздействие направлено на отношения между различными ССД (в основном это отношения регулирования реальной совместной деятельности).

При экономическом управлении воздействие направлено на экономические отношения (в частности, выраженные в терминах экономического интереса) между различными ССД (в основном это воздействие на мотивацию совместной экономической деятельности).

При социально-психологическом управлении воздействие направлено на отношения между личностью и другими участниками совместной деятельности, также выделяя проблемы социально-психологической мотивации.

С указанной точки зрения информационное управление является самостоятельным методом управления. Принципиальным *предметом воздействия* при ИУ в отличие от других методов управления является *рассогласование между реальным и виртуальным миром*, всегда объективно существующее в процессе преобразования сознательной мыслительной и реальной деятельности людей. Поскольку социальный объект является сознательно действующим субъектом социального действия, предметом ИУ является воздействие на сознательную деятельность, при этом важнейшей составной частью воздействия является *рефлексия представлений*.

Цели информационного управления сосредоточены в трех направлениях:

- управление обменом данных между реальным миром и виртуальным миром субъекта действия;

- управление виртуальным миром субъектов действия, в частности принятием решений;
- управление процессом преобразования решений в действия субъекта действия в реальном мире.

Как правило, эти цели являются взаимосвязанными.

В основу классификации механизмов информационного управления (МИУ) положим структурно-социальный, информационно-логический и системно-логический подходы [3].

В отличие от других методов управления при ИУ информация становится как объектом, так и средством воздействия. Как известно, отношение между целью и средствами ее достижения может быть логически отображено графом целей. При реализации главной цели ИУ следует выбрать наиболее эффективные пути последовательного и параллельного решения соответствующих информационно-технологических и информационно-организационных задач.

В соответствии со структурно-социальным подходом применение МИУ (структурно-социальные механизмы ИУ) ориентировано на:

социальные элементы: социальные объекты, социальные структуры, социальные процессы, профессиональные структуры и т.д.;

социальные объекты: социальные группы, профессиональные группы, массовое сознание, индивидуальное сознание и т.д.

В соответствии с информационно-логическим подходом применение механизмов ИУ (информационно-логические механизмы ИУ) ориентировано на *логические образы виртуального мира:* информационные (виртуальные) образы реального мира в сознании избранного СО; устойчивые информационные связи СО; информационные потоки между реальным и виртуальным миром, а также в самом виртуальном мире; информационный потенциал СО и т.д.

С точки зрения системно-логического подхода объектами информационного воздействия являются *системные объекты информационного влияния:* внутренние и внешние информационные элементы формального информационного системного объекта; информационные связи (отношения) в информационном поле избранного информационного объекта воздействия; информационные свойства заданных элементов и/или отношений между ними.

Применение механизмов ИУ как средства информационного воздействия ориентировано на изменение информационного пространства. Здесь можно выделить две наиболее существенных группы механизмов: информационно-логические и организационно-технологические.

Основные проблемы и задачи теоретического исследования информационного управления

В ряде публикаций последних лет дано вербальное описание проблем, понятий, способов планирования и осуществления информационного управления. В то же время систематические научные формализованные способы объяснения этого феномена как *предмета исследования* практически отсутствуют.

Анализ существующих методологических и теоретических исследований информационного управления, проведенный ранее, выявил ряд актуальных проблем:

1. Отсутствие формализуемого определения информационного управления, однозначно выделяющего из всего многообразия разновидностей и организационных форм информационно-психологического воздействия группы акций, мероприятий и операций, представляющих особую опасность для личности, общества и государства и сравнимую с опасностью развязывания обычной, а в наиболее тяжелых случаях и ядерной войны.
2. Отсутствие классификации и формализованной концепции ИУ.
3. Отсутствие научных подходов и предложений по способам представления внутренней структуры информационного управления, позволяющих построить структуру информационной операции любого уровня сложности исходя из комбинаций конечного числа составляющих ее «элементарных» информационных воздействий.
4. Отсутствие методик аналитической реконструкции и модификации замысла, целей, задач, этапов, внутренней структуры операций по их признакам, внешним (доступным наблюдателю) следам и проявлениям.
5. Отсутствие формализованных моделей и методов планирования, реализации и оценки результатов выбранных стратегий ИУ, основанных на комплексном подходе к исследованию.

В этой связи к разрабатываемым методологическим и теоретическим положениям, являющимся основой ведения ИУ необходимо предъявить следующие общие требования, связанные с содержанием конкретных исследовательских работ:

1. Провести классификацию разновидностей организованно-технического МИУ в различных целях, разделив эти формы и разновидности на ряд категорий по избранным критериям (степени опасности для личности, общества и государства; степени наносимого ущерба национальным интересам, государственной и общественной безопасности, психическому здоровью населения; масштабам агрессии и т.д.) в целях определения адекватных мер и организационно-технических форм противодействия для каждой выделенной в процессе классификации информационной категории действий.
2. Для каждой категории информационных воздействий необходимо определить конечный набор признаков, позволяющих отнести выявленное информационное воздействие к одной из таких категорий и тем самым определить степень ее социальной опасности или значимости.
3. В соответствии с установленной степенью социальной опасности (значимости) выявленных акций, мероприятий, операций информационного воздействия, относимых к выделенным ранее категориям, определить для каждой такой категории (группы) адекватную этой опасности (значимости) общегосударственную систему мер противодействия ей или ее поддержки.

4. Исследование природы и последствий рефлексии социальных объектов при ИУ.
5. Исследование природы возникновения и развития конфликтов в информационно-психологической сфере общества с позиций положений социальной конфликтологии, определение роли конфликтов в регулировании общественных отношений (процессов) и условий перехода конфликта в опасную (агрессия) и особо опасную (война) для общества фазу.
6. Исследование системы социально-политических отношений информационного общества, являющейся основной целью и объектом ИУ.
7. Выявление и исследование основных факторов, формирующих облик системы социально-политических отношений информационного общества, определяющих сущность и содержание информационного управления, возникновение и направленность потоков информационно-психологических акций, создающих условия для использования субъектами информационного управления арсенала сил, средств и методов информационно-психологического воздействия в осуществляемых ими целях.
8. Исследование взаимосвязи и взаимозависимости факторов, формирующих облик системы социально-политических и экономических отношений информационного общества; состояния информационно-психологической безопасности системы в целом и отдельных ее подсистем.
9. Определение концепции ИУ на основе системного, информационно-логического, структурно-социального и сценарного подходов.
10. Исследование сущности, содержания, структуры информационно-психологических операций, особенностей их организации, подготовки и проведения.
11. Исследование сущности, содержания и направленности государственной информационно-политики, ее роли и организации противодействия информационно-психологическим акциям как внешних, так и внутренних субъектов информационных действий.
12. Исследования особой роли транснациональных информационно-телекоммуникационных корпораций, виртуальных социальных сообществ и средств массовой информации и массовой коммуникации информационного общества в информационно-психологическом противоборстве и реализации концепций ИУ.
13. Исследование форм государственного регулирования общественно-политических отношений современного информационного общества в информационно-психологической сфере.

Процесс информационного влияния одного объекта на другой целесообразно декомпозировать на следующие этапы:

- генерация данных (отображение состояния источника влияния),
- генерация информационных элементов и информационных совокупностей,
- передача информации источником влияния,
- прием информации реципиентом,

- генерация совокупности данных объектом влияния,
- генерация информационных элементов и новых информационных совокупностей объекта влияния,
- соответствующие активные действия объекта влияния.

Каждый из этих этапов имеет свои особенности и должен быть описан специальными характеристиками. В тоже время общность их осуществления заключается в том, что они погружены в общее информационное поле.

Основные положения рефлексивного информационно-логического подхода

Современная теория информации в основном является технократической: она создавалась в рамках кибернетики для описания процессов управления прежде всего техническими системами. Вместе с тем распространение основных ее положений на социально-экономическое поле представляется весьма важным и перспективным направлением в тематике указанных исследовательских работ. Эффективное описание должно быть в некотором смысле универсальным, т.е. пронизывающим общими закономерностями оба полюса Природа-Общество.

Все общественные процессы для каждого социального объекта, прежде чем быть осуществленными, принимают информационную форму. Переход от реальных объектов Природы к научно-значимым понятиям осуществляют на базе методологических положений философской теории «отражения». Сознание и объективный мир суть философские противоположности, образующие единство в рамках Общества. Основой этого единства является практика, активная чувственно-предметная деятельность людей, выражающаяся в конкретных действиях и поступках. Именно она и порождает необходимость отражения действительности в сознании людей.

Как обыденное, так и научное знание формируется в определенных условиях (обстоятельствах) I в виде совокупности образов $B(O^{(NAT)}, I)$ объекта Природы $O^{(NAT)} \in NAT$. К таким обстоятельствам могут быть отнесены субъект отражения Act , цели $P(O^{(NAT)}, Act)$ и способы отражения $Met(O^{(NAT)}, Act)$, условия его обитания, обучения и т.д. Собственно четкое очерчивание таких *непротиворечивых* условий на языке определенной дисциплины знаний является основным средством *научного* изучения Природы. В качестве исходных позиций (априори) научного знания субъект отражения $Act = \text{«наука»}$ фиксирует важнейшие непротиворечивые свойства изучаемых объектов, в дальнейшем считаемые постулатами и подвергаемые строго логическим общепринятым правилам следования причинно-следственных связей. Таким образом создаются новые (информационные) объекты. Их относят к объектам искусственной (идеальной) Природы CUL :

$$(1) \quad B(O^{(NAT)}, I) = O^{(CUL)} \in CUL \subset NAT.$$

Определение 1. Объект искусственной Природы $B(O^{(NAT)}, I)$ назовем элементом данных об объекте Природы $O^{(NAT)}$, полученным в обстоятельствах I .

Вербально «**данные**» — это «смысловые кирпичики». Из них строят объекты искусственной Природы. В философской традиции $B(O^{(NAT)}, I)$ принято называть **явлением** $O^{(NAT)}$.

Определение 2. *Элемент искусственной Природы*

$$(2) \quad \mathbf{Mn}(O^{(NAT)}, I) = (I, B(O^{(NAT)}, I))$$

будем называть способом описания объекта Природы $O^{(NAT)}$.

Способы описания различаются обстоятельствами описания и результатом описания — элементами полученных данных. Явления, полученные при несовпадающих обстоятельствах, как правило, различны. Пусть заданы объект Природы $O^{(NAT)}$ и обстоятельства I получения. Априори в одних и тех же условиях I могут быть получены «различные» отображения (2) объекта Природы $O^{(NAT)}$. Причины, степень различия, возможность их использования и т.п., разумеется, подлежат аксиоматизации.

Пусть задана совокупность SI обстоятельств, которые имели место или рассматриваются при описании объекта Природы $O^{(NAT)}$. Исходной позицией формализации является

Определение 3. *Совокупность образов (явлений) $B(O^{(NAT)}, I)$, полученных в совокупности обстоятельств SI при описании объекта Природы $O^{(NAT)}$*

$$(3) \quad SD(O^{(NAT)}, SI) = \bigcup_{I \in SI} B(O^{(NAT)}, I),$$

будем называть совокупностью данных об объекте Природы $O^{(NAT)}$.

Наличие совокупности данных об объекте Природы $O^{(NAT)}$ позволяет выделять подсовокупности, удовлетворяющие заданным свойствам, в том числе научные данные, эмпирические данные и т.п. Это требует определения критериев их выделения.

Информация — отношение между объектами, явлениями или процессами. I , как любое отношение, формально задается своими свойствами. С философской точки зрения различают:

объективную информацию, т. е. отношение между объектами, явлениями или процессами реальной действительности NAT , и

субъективную информацию — отношения в искусственной Природе CUL .

Отметим, что реально используемая информация, рассматриваемая в качестве данных, относится к объектам искусственной Природы постольку, поскольку является одним из способов отражения реальных объектов и их взаимосвязей, преломленных через сознание (рефлексия). В силу ограниченности на каждом этапе развития общества (один из вариантов обстоятельств I) у общественного сознания средств отражения реальной действительности, самое это отношение также является моделью реально существующей связи между объектами Природы.

В качестве исходной концепции используем

Определение 4. *Элемент искусственной Природы Inf , представленный в виде отношений*

$$(4) \quad Inf(O^{(NAT)}, \mathbf{Mn}(O^{(NAT)}, I)) = (O^{(NAT)}, \mathbf{Mn}(O^{(NAT)}, I)) = (O^{(NAT)}, B(O^{(NAT)}, I), I),$$

назовем элементом первичной информации об объекте $O^{(NAT)}$, полученной способом $\mathbf{Mn}(O^{(NAT)}, I)$.

Соотношение (4) объединяет в единый объект искусственной Природы наименование объекта Природы $O^{(NAT)}$, его образ $B(O^{(NAT)}, I)$ и обстоятельства I , в которых этот образ был получен. Обратим внимание, что данные $B(O^{(NAT)}, I)$, а также способы их получения \mathbf{Mn} , являясь объектом искусственной Природы, в нашем формализме получают относительную независимость от прообразов, которые они отображают, т.е. могут в дальнейшем рассматриваться в качестве самостоятельных элементов искусственной Природы. Это обстоятельство может служить источником использования их для отображения других объектов Природы: одна и та же математическая модель используется для описания экономических, социальных, биологических и других процессов. В то же время информация существенно связана отношением с исходным объектом Природы и условиями получения образа. Развивая указанный формализм, можно сформулировать (разумеется, не претендуя на всеобщность) ряд философских понятий, а также формализовать свойства объектов, которые используют в прикладных науках. Так, выражение

$$(5) \quad \mathbf{Inf}(O_1^{(NAT)}, \mathbf{Mn}(O_2^{(NAT)}, I)) = (O_1^{(NAT)}, B(O_2^{(NAT)}, I), I)$$

представляет собой информацию о том, что для отображения объекта Природы $O_1^{(NAT)}$ используется способ описания, применимый к объекту $O_2^{(NAT)}$.

Пусть задан объект Природы O и совокупность способов описания некоторого эталонного (стандартного) объекта $O^{(st)}$

$$(6) \quad \mathbf{Mn}(O_1^{(st)}, I) = \{\mathbf{Mn}_\lambda(O^{(st)}, I), \lambda \in \Lambda\} = \{I, B(O^{(st)}, I), \\ I \in \mathbf{I}_\lambda \subseteq \mathbf{I}, B(O^{(st)}, I) \in \mathbf{SD}_\lambda(O^{(st)}, \mathbf{I}_\lambda), O^{(st)} \in \mathbf{NAT}_\lambda \subseteq \mathbf{NAT}, \lambda \in \Lambda\}.$$

В соответствии с (5) имеет смысл рассматривать совокупность

$$(7) \quad \mathbf{Inf}(O, \mathbf{Mn}, \mathbf{I}, \Lambda) = \{\mathbf{Inf}(O, \mathbf{Mn}_\lambda(O^{(st)}, I)) \text{ при } \lambda \in \Lambda\},$$

которую будем называть *информационной совокупностью* (ИС) об объекте O , полученную способами (6) на основе стандартного образца $O^{(st)}$.

Исходная классификация обстоятельств I , которые возникают при информационном анализе, может быть получена в виде

- системное описание объекта исследований;
- информационное описание и структуризация предметной области;
- информационное описание поведения изучаемого объекта.

Синтез указанных принципов моделирования — «формальная информационная система», составляет новый инструмент, лежащий в основе *информационного исчисления*.

Ключевым понятием методологии сценарного подхода является понятие **неопределенности**.

Неопределенность — свойство отношений между элементами информационной совокупности (7), заключающееся в *однозначном*, «единообразном» ото-

бражении отношений между объектами Природы и объектами искусственной Природы при «единообразных» обстоятельствах. Можно выделить субъективные и объективные источники неопределенности:

объективный источник — имманентные свойства материи движение и развитие, поэтому, в силу ограниченности нашего знания, невозможно однозначно зафиксировать все условия получения данных, т.е. обстоятельства I ;

субъективные источники:

1. Неоднозначность отображения объекта Природы $O^{(NAT)}$.

2. Неразличение субъектами отображения обстоятельств I и J , т.е. отождествление $B(O^{(NAT)}, I) = B(O^{(NAT)}, J)$, когда $I \neq J$.

Неоднозначность отображения объекта Природы $O^{(NAT)}$ выступает как естественный (философски объективный) первичный источник **неопределенности** данных и информации (как отношения) их связывающей. В формализованной постановке это следует отнести к информационной совокупности (7).

Определение 5. Будем говорить, что имеет место неопределенность в способах описания (отображении) объекта Природы O , если в информационной совокупности (7) найдутся такие наборы $(\lambda, \mathbf{Mn}_\lambda, I_\lambda)$ и $(\mu, \mathbf{Mn}_\mu, I_\mu)$, что

$$(8) \quad \text{Inf}(O, \mathbf{Mn}(O^{(NAT)}, I)) = (O, \mathbf{Mn}_\lambda(O_\lambda^{(NAT)}, I_\lambda)) = (O, \mathbf{Mn}_\mu(O_\mu^{(NAT)}, I_\mu)).$$

Таким образом, наблюдается неопределенность=неоднозначность в способе описания данных, если при одних и тех же обстоятельствах I были получены различные образы $B_\alpha(O^{(NAT)}, I)$. Такой путь моделирования неопределенности дает возможность получать ее различные виды, **классифицируя обстоятельства** I получения образов. Классификация обстоятельств зависит от предметной области и условий осуществления изучаемых процессов в социально-экономических системах, а также применяемых методов исследования. В частности, в исследовании операций различают типы неопределенности:

1. неопределенность целей;
2. неопределенность знаний об окружающей обстановке (неопределенность природы);
3. неопределенность действий реального противника или партнера.

Однако понятие неопределенности, рассмотренное с системно-логическими позиций, охватывает более широкий спектр явлений. Так, структурируя обстоятельства I в виде модели принятия решений в активной системе, получим все три указанных типа неопределенности. Неопределенность, заявленную в квантовой механике, можно интерпретировать как **невозможность** получения однозначных результатов опыта, поскольку применена «специальная модель измерений». При этом применяются стандартный способ описания и процедура верификации — вероятностная структура представления информации.

Информированность — это свойство субъекта отражения (познания) *Act* (измеряемое на основе задаваемой модели) обладать совокупностью данных

$$(9) \quad \mathbf{SD}^{(\text{Inf. Act})}(O^{(NAT)}) \subseteq \mathbf{SD}(O^{(NAT)}).$$

В рамках данных определений это означает, что субъект отражения *Act* обладает (или распоряжается при принятии решений) лишь собственным подмножеством множества $SD(O^{(NAT)})$. Помещая $SD(O^{(NAT)})$ в некоторое метрическое пространство $\tilde{M}(Z, \rho)$, можно вычислять степень информированности или определять ее уровни. Вместе с тем было бы слишком упрощенным подходом полагать, что соотношение (9) является единственным источником принятия неверных решений: оно служит только первичным источником возможных ошибок.

Определение отношений на множестве (9) дает возможность описания различных ситуаций информированности (структур информированности) с определенными свойствами. В рамках этого подхода могут быть получены понятия «общего знания» [4] и структуры информированности типа «иерархии представлений» в рефлексивных играх [5].

При изучении рефлексивных процессов исследуются обстоятельства *I* и критерии адекватности $Cr^{(ad)}$, в соответствии с которыми субъект действия *Act* совершает действия по «осознанию» реальных объектов на основе представлений, формируемых его собственной системой отношений к реальному миру, т.е. отталкиваясь от созданного им самим виртуального изображения действительности. Моделирование рефлексивных отношений с выделением этапов и последовательности этих действий, способов отображения, а также методов определения субъектом критериев $Cr^{(ad)}$ и т.п. предоставляется непосредственной основой изучения рефлексивного информационного управления и информационных конфликтов указанного класса [6, 7].

Известные способы отображения неопределенности группируются в три принципиально различные схемы: вероятностные, игровые и рефлексивные.

Исходными прообразами, которые описываются искусственной вероятностной моделью, являются «пассивные» в том смысле объекты естественной Природы $O^{(NAT)}$, что относительно них нет оснований предполагать наличие самостоятельной цели, отличной от уже известных Законов Природы. Это отнюдь не означает, что $O^{(NAT)}$ является пассивным в смысле свободы своего поведения в рамках указанных Законов. Именно свобода этого поведения и является исходной целью формализации.

Принципиальная позиция игрового подхода — необходимость моделирования и учета волевых поступков субъектов действия (игроков) как активных элементов системы \tilde{S} .

Основной предмет исследования в игровой модели неопределенности — способы поведения субъектов в условиях заданной информированности по отношению к компонентам игры. При этом считается, что при полной информированности каждый игрок способен однозначно осуществить оптимальный с точки зрения своих воззрений выбор действий.

Исходную позицию рефлексивного подхода сформулировал Дж. Сорос: «С одной стороны, участники стремятся понять ситуацию, в которой они участвуют, с другой стороны, их понимание служит основой для принятия реше-

ний, которые влияют на ход событий. Эти две роли интерферируют друг с другом». Исходные посылки моделирования рефлексии даны в [8].

Определение 4 дает возможность индуктивно ввести понятие информации, а соотношение (3) — понятие информированности познающего субъекта.

Пусть заданы совокупности **SI** обстоятельств и объектов **SO**. Множество

$$(10) \quad SDO(\mathbf{SO}, \mathbf{SI}) = \bigcup_{O \in \mathbf{SO}} \bigcup_{I \in \mathbf{SI}} B(O, I)$$

представляет собой множество всех образов $B(O, I)$ объектов $O \in \mathbf{SO}$, полученных в обстоятельствах $I \in \mathbf{SI}$. Зафиксируем объекты $O_1, O_2 \in \mathbf{SO}$.

Скажем, что объекты $O, P \in \mathbf{SO}$ N -последовательно информационно связаны в множестве $SDO(\mathbf{SO}, \mathbf{SI})$, если существует последовательность обстоятельств $\mathbf{I} = \{I_i \in \mathbf{SI}, i = \overline{1, N}\}$, для которой найдется последовательность первичных информационных совокупностей (4)

$$(11) \quad \mathbf{Inf}(O, P, N, \mathbf{I}, \mathbf{SO}, \mathbf{SI}) = \{\mathbf{Inf}_i(O_i, \mathbf{Mn}_i(O_i, I_i), i = \overline{1, N}\},$$

что выполнены условия

$$(12) \quad O_1 = O; O_N = P, B_1(O, I_1) \neq B_N(P, I_N),$$

при этом последовательность I назовем информационной связью.

Таким образом, объекты O, P информационно связаны, если существует последовательность обстоятельств, посредством которой из некоторого образа $B_1(O, I_1)$ объекта O можно получить образ $B_N(P, I_N)$ объекта P .

Определение 6. Скажем, что объекты $O, P \in \mathbf{SO}$ N -последовательно информационно подобны в множестве образов $SDO(\mathbf{SO}, \mathbf{SI})$, если существует последовательность обстоятельств $\mathbf{I} = \{I_i \in \mathbf{SI}, i = \overline{1, N}, I_1 = I, I_N = I\}$, для которой объекты O и P N -последовательно информационно связаны.

Наличие информационной связи между объектами $O, P \in \mathbf{SO}$ можно рассматривать как потенциальную возможность их (информационного) взаимодействия. При этом механизм реализации этой возможности существенно зависит от самих объектов O и P , а также обстоятельств их отображения. Так, для совокупности **SO**, представляющей собой только объекты естественной Природы, механизм реализации описывается ее объективными Законами. Обстоятельства **SI** — те условия, при которых эти Законы выполняются. Однако, как только в совокупности **SO** появляются объекты искусственной Природы, механизм реализации информационного взаимодействия приобретает общественный рефлексивный характер и определяется прежде всего конкретно-исторической деятельностью человека, т.е. субъекта действия (СД) *Act*.

Пусть заданы совокупности **SI** обстоятельств и объектов **SO**, а также множество (10). Определение 6 позволяет ввести на множестве $SDO(\mathbf{SO}, \mathbf{SI})$ при заданном объекте O отношение $\mathfrak{R}(O, i)$, выделяющее класс $\hat{L}(O, i) \subseteq \mathbf{SO}$: объект $P \in \mathbf{SO}$ принадлежит классу $\hat{L}(O, i)$, когда O и P i -последовательно информа-

ционно связаны. Отношение $\mathfrak{R}(O, i)$, вообще говоря, не является отношением эквивалентности: априори возможна ситуация, когда $P \in \tilde{L}(O, i)$, $P \in \tilde{L}(O, j)$ при $i \neq j$, т. е. объект P принадлежит одновременно к различным классам.

Зафиксируем объект $O \in \mathbf{SO}$, а также объект $P \in \tilde{L}(O, i)$ для $i = \overline{1, N}$. Определение 6 гарантирует существование i -последовательности (11).

Определение 7. Информационным потенциалом $U^{(i)}(P, O)$ глубины i объекта $P \in \mathbf{SO}$ относительно объекта O в множестве образов $SDO(\mathbf{SO}, \mathbf{SI})$ назовем множеством информационных совокупностей

$$(13) \quad \mathbf{Inf}(O, P, N, \mathbf{I}^{(i)}, \mathbf{SO}, \mathbf{SI}, \lambda \in \Lambda) = \{Inf_j(O_i, \mathbf{Mn}_i(O_i, I_j), j = \overline{1, j}), \lambda_j \in \Lambda_j,$$

построенных по правилу (11).

Выражение (13) задает все первичные информационные совокупности, которые «гипотетически преобразуют» объект O в объект P за i шагов. Таким образом, можно говорить о (**потенциальном**) **информационном воздействии** объекта O на объект P . Следовательно, рассматривая произвольное подмножество $MP \subseteq \mathbf{SO}$, можно говорить об информационном поле объекта O . Отметим, что информационный потенциал, рассматриваемый как преобразование $U(P, O): \mathbf{SO} \times \mathbf{SO} \rightarrow \mathbf{INF}$, где \mathbf{INF} – множество информационных совокупностей (13), вообще говоря, не обладает свойством коммутативности.

Пусть на множестве $\mathbf{SO} \times \mathbf{SO} \times \mathbf{INF}$ задана некоторая мера $\mu^{(SO, SO, inf)}$.

Определение 8. Силой потенциального информационного влияния объекта O на объект P будем называть величину

$$(14) \quad \mathbf{FInf}(O, P, N, \mathbf{I}, \mathbf{SO}, \mathbf{SI}, \lambda \in \Lambda) = \mu^{(SO, SO, inf)}(O \times P \times \mathbf{INF}),$$

то есть меру множества $O \times P \times \mathbf{INF}$ на множестве $\mathbf{SO} \times \mathbf{SO} \times \mathbf{INF}$.

Если множество (13) содержит конечное число элементов, то образованное информационное поле назовем конечным. Для такого поля силу взаимодействия между O и P можно задать как количество информационных связей \mathbf{I} . Вводя на множестве образов $SDO(\mathbf{SO}, \mathbf{SI})$ меру $m^{(inf)}$, можно определить характеристики информационных полей (напряженность, емкость и т.п.). Объединяя информационно-логический и системно-логический приходим к

Определение 9. Систему \tilde{S} будем называть формальной информационной системой, если в качестве ее элементов рассматриваются информационные совокупности (7). Эти информационные совокупности будем называть информационными элементами.

Иерархия информационных элементов и построенных из них формальных информационных систем позволяет перейти к формализованному формированию, анализу и последующему синтезу совокупности целей и выбираемой стратегии информационного развития СЭС.

Заключение

Информационные воздействия на элементы СЭС можно классифицировать по следующим признакам: по источнику возникновения; по длительности воздействия; по природе возникновения и т.п. Для определения эффектив-

ных информационных воздействий в СЭС следует
провести классификацию системных элементов СЭС;
провести структуризацию источника воздействия и объекта влияния;
определить характеристики общего информационного поля;
определить индивидуальные характеристики субъектов действия;
разработать стратегии воздействия в общем информационном поле.

Для выбора конкретных способов информационного управления необходимо определить типовые задачи, решаемые с помощью информационного воздействия, провести анализ процесса формирования информационных операций и выработать критерии их оценки.

Предложенные определения дают возможность разработки аксиоматического построения концепции информационного управления в социально-экономических системах.

Представленный анализ информационных элементов, способов и механизмов информационного управления позволяет приступить к моделированию системы информационной активности СЭС [9-9]. В основе решения этих вопросов лежит понятие информационной акции.

На основе предлагаемых принципов моделирования могут быть формализованы ряд информационных акций, в том числе акций непосредственного информационного воздействия, акций информационного противодействия, рекламных акций как элемента информационной экономики. Можно надеяться, что при более детальной разработке методов анализа и синтеза информационного управления на основе предложенных подходов могут быть получены не только рациональные решения при управлении социальными системами, но и процессами информационной экономики, а также исследованы новые приложения, в том числе изучены некоторые проблемы лингвистики, философии и других наук, традиционно называемых гуманитарными.

Литература

1. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. — М.: Наука. 1997.
2. Кульба В.В., Малюгин В.Д., Шубин А.Н., Вус М.А. Введение в информационное управление. Учебно-методическое издание. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. 116 с.
3. Кульба В.В., Кононов Д.А., Косяченко С.А., Шубин А.Н. Методы формирования сценариев развития социально-экономических систем. — М.: СИНТЕГ. 2004. 296 с.
4. Halpern J., Moses Y.O. Knowledge and common knowledge in a distributed environment //Journal of Assoc. Comput. Mach. 1990. Vol. 37. No. 3, 549-587.
5. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. — М.: СИНТЕГ. 2003.
6. Lefebvre V.A. (1985) The Golden Section and an Algebraic Model of Ethical Cognition // Journal of Mathematical Psychology, 29, 289-310.
7. Lefebvre V.A. (1987) The Fundamental Structures of Human Reflexion. //Journal of Social and Biological Structures, 10, 129-175.
8. Рефлексивные процессы и управление. /Международный научно-практический журнал. — М.: Ин-т психологии РАН. № 1, июль-декабрь 2001. Т. 1.

9. Кононов Д.А., Кульба В.В., Шубин А.Н. Информационное управление в социально-экономических системах: информационные акции в информационных полях. //Проблемы управления. № 4, 2004. С. 81-97.
10. Кононов Д.А., Кульба В.В., Шубин А.Н. Информационное управление: принципы моделирования и области использования //Труды ИПУ РАН. Т. XXШ. — М.: ИПУ РАН. 2004. С. 5-29.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И УСЛОВИЯ ПОРОЖДЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ

О.С.Анисимов

(Российская академия государственной службы при Президенте РФ)

1. «Субъект стратегического управления»: проблемное поле¹

В последнее время аналитическое сообщество стало более пристально присматриваться к неочевидности утверждения о том, что в стране, такой огромной и великой, нет не только инфраструктуры стратегического управления, но и самих «субъектов» стратегического управления. Достаточно познакомиться с рядом опубликованных материалов и устных выступлений лидера рефлексивного движения и «клуба стратегической элиты» В.Е.Лепского, а также реакциями на такие выступления. (см.: *Лепский 2001, 2002, 2004*).

Даже попытки объединения аналитических усилий представителей разнообразных школ, включая методологические фракции аналитического сообщества показали, что брать на себя согласование и организацию множества аналитических команд, в устремленности на добровольное аналитическое и проектно-стратегическое обеспечение государственного управления, некому или почти некому.

Объем целей, задач, усилий отпугивает от возглавления и лидерского самоявления при полной случайности «привычного» материально-финансового обеспечения управленческих действий в среде интеллектуалов. Тем более, что те организационные структуры, которые по своей функции и организационному статусу обязаны заниматься сбором аналитических и проектно-стратегических сил страны, этим и не занимаются. У них есть вполне развернутые обоснования своего подхода к проблеме управления страной.

Только что был введен новый праздник для страны, в честь великого подвига лидеров освободительного похода против иноземцев в 1612 г. полководца

¹ К сожалению, по техническим причинам из статьи были удалены рисунки (редакторы сборника).

Д.Пожарского и мещанина К.Минина, а также воодушевленного действия всего патриотического населения России того времени.

Но если попытаться войти в «суть дела» применительно к управлению страной, то в массе случаев, акцентов, локализаций мы видим не только неупорядоченное, с точки зрения общества и страны в целом, пользование ресурсами, но и такую организацию деятельности, которая имеет одну только осмысленность – урон стране. Мы не производим то, что нам требуется, отдаемся внешним производителям, оставляем беззащитным перед трудностями рыночного и иного хозяйствования основную массу населения, которая сосредотачивает в своих спекулятивных руках преобладающую часть ресурсов, в том числе и природных, и создаваемых, которая ни в чем не нуждается, в том числе и в нашей государственности, в нашем патриотизме, в нашем процветании, нашей самостоятельности и истории.

Они уже живут как «не наши», но сохраняют вид, что еще «мы все вместе».

Мы дошли до того, что превращаем в металлолом вполне совершенное, новое оборудование. И т.д. если это не рыночная оккупация, то, по крайней мере, «добровольное», «кем-то» организуемое растворение механизма государства и общества.

Государственное управление, демонстрируемое фрагментами и в СМИ, показывает себя как антипод государственного управления, подмены стратегического управления ситуационным реагированием.

Так как огромной страной нельзя управлять в логике ситуационного реагирования или по внесенным рецептам из других территорий, то можно сказать только об отсутствии «своего государственного управления» и пожалеть тех высших руководителей, которые еще способны находить решения без опоры на стратегический механизм управления.

Управленческая катастрофа замечается достаточно быстро, если применить самый простой и начальный критерий – управление «чем-то» и зависимость реализации всеобщей управленческой функции от особенностей этого «чем-то».

Мы можем спросить, а видят ли руководители России Россию – как объект управления и как именно дана Россия, каким образом построена картина России, не сводящаяся к неподконтрольному объему информации о России? Удастся ли государственным управленцам оторваться от созерцательности и схематизации созерцательности в средствах графиков, цифр и т.п.? Есть ли мыслительная переработка всей массы информации о России, чтобы появился мыслительный образ России, с его определенностью, однозначностью понимания, видением детерминирующих факторов, внешних и внутренних, факторов развития, консервации, деструкции, потенциала страны как целого и т.п.?

Если этой картины нет, в том числе в «ситуационных центрах» и т.п., то о какой стратегической управляемости может вестись речь! Какие могут быть мыслительные, а не математические, «расчеты» в функции исследования, прогнозирования, проектирования! Какие могут быть мыслительные обработки информации, если руководители следуют принципу: «говори попроще», и не

надо устремляться к «сути дела», до которой трудно добираться вне мыслительной подготовленности, вне овладения культурой мышления, рефлексивной культурой, общей культурой!

Управленческий курс в мышлении устремлен к упрощениям и снижению, заранее ведущим к непониманию ни сути дела, ни происходящего с помощью существенных взглядов.

Мышление заменено «гаданием на эмпирической и интуитивной гуще». Это совсем не похоже на традицию гадания у китайцев, так как основу «гадания» там составляет учение о совершенстве и прихода к совершенству, прежде всего, того, кто управляет. Мы можем только давать почву для юмора, для вежливого указания о том, что такие «гадания» не соотносимы с «мировыми законами», с мировой сущностью.

Мыслительная беспомощность управленческого корпуса, который занимается судьбами страны, а ни тех фрагментов страны, которые стали собственностью и дают легкие доходы, наивная несомоопределенность и незаинтересованность в решении тяжелейших проблем страны лежит в основе управленческой катастрофы.

Вести страну должны «зрячие», а не те, кто, если и видит что-либо с полной определенностью, но только в масштабах непосредственного личного интереса, житейского, бюрократического или иного.

В стране стихийно порождается желающие реагировать на исторические запросы, внести свой вклад в решение проблем.

Но много ли тех, кто хочет прийти к опознанию сути дела, предполагая, что это невозможно без изменения себя, без субъективного роста, без поэтапного становления, адекватным тем функциям, за реализацию которых он берется! Есть ли механизм помощи искренне желающим пройти путь «во что бы то ни стало и сколько бы ни стоило, сколько бы ни пришлось менять себя под требования сути дела!

Его еще нет. Так же как и понимания, что без него нельзя «прорваться» в будущее, в достойное бытие великой страны.

Китайцы, имея «Книгу Перемен» и другие книги, об этом хорошо знают и способны терпеливо идти к будущему успеху, не сомневаясь в условиях, дискомфортных для движения. У них показано развитие за счет погружения в суть дела, за счет внутренних трансформаций, учета своей истории и т.п.

Если бы немцы хорошо понимали подсказки, данные им Кантом, Фихте, Гегелем, относящиеся к «плану» развития духа, они могли бы двигаться еще неизмеримо быстрее и эффективнее. Но они, и, не опираясь на высочайшие достижения философской мысли, хорошо самоорганизованы и ответственны, уважают свою и чужую историю. Почему же нам, талантливейшему и изобретательнейшему народу не учесть законы бытия, не учесть свою не тысячелетнюю, а многотысячелетнюю историю, опыт цивилизационного бытия и превратиться в организационно и интеллектуально-духовно совершенное целое, обладающее высшей продуктивностью и согласованностью общество?

Если сказанное касается любого управления, то оно неизмеримо более значимо для стратегического управления. У нас нет стратегов, стратегической инфраструктуры, профессионализма стратегического управления потому, что мы не хотим отойти от достратегического бытия, и сводим его к «фиктивно-демонстративному» варианту пребывания в позиции стратега и стратегической иерархии.

Не может быть субъекта стратегического управления, если человека, желающий быть стратегом или волей обстоятельств внесен в практику стратегического управления, не спрашивает себя и всех остальных – «Что такое стратегия, стратегическое управление, принятие стратегических решений и т.п.».

Нужно отчетливо понимать, что в этих расспросах следует «встретиться» с Сократом и заразиться его устремлением к сути дела. Без сути дела все легко успокаивается. Всегда находится информация о стратегическом управлении и стратегиях, советники, могущие предложить свое мнение. Постепенно возникает и своя точка зрения. Но без Сократа, без критики мнения и устремленности к истинной точке зрения, без носителя способности заставить уйти или преодолеть уровень мнения, без этого к сути дела не подойти. Прохождение пути внутренних трансформаций всегда связано с трудностями, терпением, верой в успех и подчиненностью высшим критериям и ориентирам.

Но не только Сократ может помочь. С точки зрения метода мышления, всегда может помочь Гегель, если у него найдется владеющий методом адепт, желающий помочь идущему к сути дела.

В последние десятилетия возникли дополнительные возможности помочь в становлении стратегического мыслителя и управленца. Методология разработала огромное число «техник» для развивающегося мышления и сознания. Единственно, что необходимо – стремление стать реальным, а не фиктивным, далеким подобием, а тем более не спекулятивным стратегом. Лишь после этого находятся и учителя.

Можно было бы сказать и так, что управленческому корпусу, особенно, его стратегической составляющей, нужна «культурная революция», взлет деловой интеллектуальности, нравственности и духовности. Все нужные для этого знания, указания уже существуют, если сделать «открытыми» древние и не очень древние источники. Не случайно, что великий китаец Сунь-Цзы дал ориентиры для стратегов в военном деле, опираясь на всеобщие доктрины бытия еще 2,5 тысячи лет назад.

А пользуемся ли мы соображениями Клаузевица, который жил во времена наполеоновских походов! У нас и свои великие мыслители были в военном деле, например, А.Свечин, живший в начале прошлого века.

Объективные условия для порождения «стратегического перелома» есть, в том числе и образовательные учреждения. Не хватает субъективных усилий! Не выявляются стратегически устремленные и готовые проходить весь требуемый путь, как в действующем корпусе управленцев, так и в его аналитическом сервисе.

Содержание «субъективной проблемы» состоит в том, что устремления ограничиваются тем, что характерно для критериев «по желанию», «по силам» и

т.п., не возвышаясь до простейшего закона соответствия, о котором говорил Платон.

Удел всего реально существующего и замечаемого стремиться уподобиться «идее». «Идея» становится тем, уподобление которой создает потенциал права действовать от имени «идеи»,

У стратегического управления есть своя «идея», и человек, который ей не уподобляется, не имеет и права выступать от имени стратегического управления. Но чтобы сознательно следовать, необходимо содержание идеи — познать, понять, а затем еще и подчиниться ему, самоопределиться в пользу содержания «идеи».

В то же время и познание, понимание содержания функции стратегического управления, в отличие от знакомства с опытом, образцам стратегического управления, предполагают приобретение способности понимать функциональное содержание, а это связано со способностью осваивать содержание понятий, всеобщих утверждений.

В свою очередь, чтобы проходить этот путь, нужна способность изменяться и развиваться в общем потоке самоорганизации. И это возникает не сразу, а без помощи учителя многое становится недоступным.

Как мы видим, чтобы идти к приобретению профессиональных способностей стратега нужно соблюдать целый ряд групп требований, достигнуть понимания требований и принятия требований для себя.

Это и есть общая основа субъективного обеспечения потребности в стратегах и стратегическом управлении. Не пройдя успешно подобного пути можно лишь остаться с заказом, ожиданием субъектов стратегического управления. А общество и государство вынуждены мириться с отсутствием столь значимых субъектов, регистрируя одно подражание за другим, либо самостоятельно искать пути реализации заказа, побуждать, подталкивать тех, кто ступил на путь становления стратега. Но подобное предполагает наличие механизма «гражданского общества».

Мы поставлены перед необходимостью выращивать управленческих Мининых и Пожарских, управленческих «панфиловцев» и «гастелловцев». Если приверженцев сказать, что «все не так, ребята, все — не так!», мы находим во множестве, но как именно нужно, «кто за это берется» приверженцев не находит, тем более тех, кто скажет «если не мы, то кто же!» Ситуация, со стратегической точки зрения, столь серьезна, что индивидуальные амбиции пора отеснять и переходить к служению Отечеству.

2. Сущность управленческой деятельности

Для того, чтобы сделать проектно-ориентированные выводы, а также, предварительно, поставить проблемы, нужны сущностные основания. парадигматическая сторона оснований выражена в Методологическом словаре (*О.С.Анисимов: 2002, 2004*), а синтагматико-теоретическая в ряде специальных работ по теории управления и стратегического управления (1991, 1999, 2003, 2004, 2005).

Введем ряд теоретико-деятельностных характеристик управленческой деятельности и управленческого бытия. Предварительно поясним то, что лежит в основе различных сторон бытия управленца.

2.1. Типы бытия и их включенность в деятельность управленца

Управленческая деятельность, в том числе и стратегический тип управленческой деятельности, в узком понимании, состоит в реализации требований, норм различного уровня абстрактности, включая задачи и стратегии, а также реализации самой управленческой деятельностной функции.

Однако, сам управленец как человек, является не только «деятелем», в частности «управленцем». Он еще пребывает одновременно в типологическом разнообразии сред, «каждая» из которых побуждает его реагировать в зависимости от специфики типа «сред».

Человек рожден для адекватного пребывания в «естественной» среде, но обладает предпосылками пребывания и адекватного соответствия всем иным средам. Эти предпосылки приобретают актуализированность и оформленность за счет опыта вхождения в «искусственные» среды, в том числе и деятельностную, включая управленческую.

Для того, чтобы разобраться в онтологии общества, необходим псевдогенетический метод мышления или «метод Гегеля», частично использованный К.Марксом (см. подробнее *О.С.Анисимов: 2000, 2002, 2004*).

Из-за пренебрежения наследием Гегеля и поверхностным пониманием «диалектики» гуманитарная наука, за редким исключением, остается на предтеоретическом уровне. Об этом часто говорит и А.А.Зиновьев, расширяя рамки требований и акцентируя внимание хотя бы на факторе логического обеспечения теоретического мышления (см. также *А.А.Зиновьев: 2002, 2005*).

Пользуясь псевдогенетическим методом, мы ввели уровневую типологию бытия, во многом соразмерную гегелевской схеме, выраженной в философии духа (см. *О.С.Анисимов: 2002, 2003, 2004*).

Мы различили уровни жизнедеятельности, социодинамики, социокультурной динамики, культуры и деятельности, рассмотрев остальные как вторичные, выводимые.

Для **жизнедеятельности** характерно удовлетворение индивидуальных, ситуационно изменяющихся природных и природноориентированных потребностей.

Для **социодинамики** основанием является согласование способов взаимоприемлемого удовлетворения потребностей в ситуациях, как правило, противодействия и конфликтов.

Для **социокультурной динамики** характерно введение в согласовательный процесс критериев, создающих момент «отчуждения» и деперсонализации норм и путей их создания.

Для **культуры** характерно устремление разрабатывать критерии «всеобщего» типа и соответствующие нормы и эталоны. Уровень деперсонализации в пространстве культуры уже становится высшим, и человек в культурном про-

странстве полностью подчиняет себя требованиям всеобщего (см. также о сущности культуры – *О.С.Анисимов: 2004*).

Для деятельности характерно соответствие нормам преобразования чего-либо и сама разработка этих норм (см. также: *О.С.Анисимов: 2001, 2002*).

Человек попадает в ситуации, где действуют факторы, специфичные для многих типов бытия. Это заставляет ускорять развитие способностей к адекватному самоопределению, самоорганизации, различая все типы сред и устанавливая те или иные иерархии отношений.

В мире *деятельности* овладение умениями и обладание способностями адекватного вхождения, пребывания и выхода из тех или иных требований, сред является одним из базисных для становления профессионализма. В последние десятилетия появилась такая форма игрового моделирования, которая наиболее осознанно и организовано формирует способности к деятельностному и иному самоопределению (см. работы Г.П.Щедровицкого и представителей методологического движения).

Тем самым, человек реально находится в «многослойке» требований, вытекающих из особенностей разных типов сред. Не имеющий достаточного потенциала способности к адекватному самоопределению относительно всех типов сред и требований человек не может стать «субъектом» стратегического управления в условиях нестабильности и кризисов.

Предполагая различные составляющие реальной среды в ходе осуществления управленческой деятельности и оформляя их в рамках управленческой функции, мы можем выделить типы управления как единицы, совмещаемые в реальном управлении.

2.2. Об управленческой деятельности

Предпосылкой управленческой деятельности является рефлексия. Имея три основные функции: познавательная, критическая и нормативная, рефлексия и сохраняет прошлый опыт, и создает его на основе результатов критики. Выявляется причина затруднения, выработка отношения к которой связана с предопределяемостью затруднения, так как рефлексия всегда предопределена напряжением между необходимостью продолжения действия и деятельности в целом и необходимостью преодолеть затруднение, мешающее осуществить продолжение действия. На каком бы уровне развитости деятельности не возникали затруднения, каким бы непосредственно видимым или оно не выступало, но только фиксированность затруднения мотивирует рефлексивный выход. Если же рефлектирующий использует прогностические возможности мышления и «выявляет» возможное в будущем затруднение, то и в этих утонченных условиях воспроизводится сама функция рефлексивного выхода, даже если мотивированность выхода непонятна другим, не обладающим прогностическим потенциалом.

Так как в критике используется результат познания ситуации, то основной процесс связан с манипулированием им в функции материала для поиска при-

чины затруднения и проблематизации прежнего способа действия. Следовательно, если нормативное представление в той части, которая сохранила свою значимость, достаточна для восстановления действия, то этот результат становится результатом всей рефлексии, так как выявленная причина затруднения. В том случае, если этого недостаточно, производится «достройка» нормы вместо утерянной части или вне зависимости от утерянной части.

Изменение нормы создает необходимость в той или иной степени иного участия всего того, что привлекается в реализацию нормы, так как обесценивается их соответствие прежней норме.

Исходя из принципа соответствия нормативным требованиям, все вовлекаемое в действие должно быть проконтролировано на реальное соответствие, а если это ведет к негативным результатам, то вводится дополнительный процесс подбора того, что соответствует новой норме. Незначительные несоответствия, выявляемые в ходе действия, вызывают корректировочные воздействия, так как предполагается наличие способности у всего участвующего адекватно отреагировать на коррекцию. Все вышесказанное и позволяет рассматривать управленческую функцию как состоящую из рефлексивных функций и дополнительно к ним контроль, коррекции и снабжение. Управленческая функция реализуется в управленческой деятельности, если необходимость в реализации воспроизводится при смене заказа на конечный продукт и заменяемость условий воспроизводства самой базовой части комплекса функционирования деятельности с наличием фиксированных исполнителей.

В отличие от рефлексивной саморегуляции в жизнедеятельности в управлении критерием правильности деятельности выступает то, что значимо для заказчика (необходимое условие) и те способы построения деятельности исполнителей, их обеспечения, которые гарантируют достижение значимого для заказчика результата (достаточное условие). Исходя из последнего выделяется предписывающая и властная стороны управленческой деятельности. С другой стороны, сам управленец также является фактором успешности деятельности. Поэтому выделяется и рефлексивная самоорганизация как условие соответствия действий реального управленца своей управленческой функции, относящейся ко всему возможному многообразию заказов, построений реализационных систем. Поскольку заказчик не вмешивается в ход реализации заказа, то управленец предоставлен самому себе в своем самоконтроле, самокоррекции, самонормировании, самокритике, самообеспечении и т.п.

Вне развитости рефлексивного сознания и овладения множеством культурных критериев правильности рефлексивной самоорганизации у управленца мало возможности снижать степень зависимости успешности реализации заказа от уровня своей профессиональной компетенции. Внешними факторами, уменьшающими степень драматизма данной проблемы, являются управленческая подготовка, общение с другими управленцами, наличие управленческих систем, взаимоконтроль в иерархических структурах и т.п. Но эти же факторы могут сводить коррекции в увеличении правильности к сведениям к стереотипам, умень-

шению свободы самоорганизации, удлинению процесса опознавания реальной степени некомпетентности и т.п.

Обратимся к отдельным сторонам управленческой деятельности.

2.3. Управление объектами

В любом реальном управлении, если не акцентировать внимание на процессе принятия решений, которое может быть крайне сложным и в случае управления объектами в неопределенных ситуациях, существует фаза коррекции. Именно она дает основание для специфики управления объектами. Действительно, в простейшем случае, в управлении объектами не принимается в расчет внутреннее устройство объекта, нет необходимости учитывать логику жизни объекта и он предстает как нечто однородное целое.

В том случае, если объект имеет такое устройство, что его принцип приводит к «самостоятельным» изменениям состояния, проявлениям, характерным, например, для созданных человеком сооружений, то учет внутреннего устройства не меняет отношения к нему со стороны человека как к абсолютно подвластному корректирующей воле.

В социокультурных условиях, когда управленец принимает решения и осуществляет его реализацию, возникающая необходимость коррекционных действий всегда несет момент коррекции объектов. Чем более технологизирован процесс реализации решений, чем больше диктат нормы для исполнителей, тем в большей степени отношение к исполнительской деятельности сохраняет этот момент, а все остальные моменты, учитывающие жизнедеятельностные, социальные и другие обстоятельства, редуцируются.

В связи с подобными редуциями возникает «жесткий» тип управления. Могут быть многие компромисные формы такого управления. Так например, управленец в достаточно технологизированной схеме деятельности игнорирует или противодействует инновационным устремлениям исполнителя, редуцируя в своем сознании творческое самовыражение исполнителя. Вместе с этой редуцией, соответствующими отношениями с исполнителем он воспроизводит в замаскированной форме момент управления объектами. Технологизация сопровождается редуцией полноты возможностей рефлексии, подчиняя ее требованиям реализации готовой нормы. Управленец как бы «сжимает» объем рефлексии исполнителя в особом коррекционном действии, если видит в ней опасность разрушения реализационного исполнительства.

Наиболее изощренной формой сохранения момента управления объектами является обращение исполнителем на себя корректирующего воздействия в рамках требования нормы с сохранением и использованием возможности рефлексии. Это волевая саморегуляция, когда осуществляется тонкая и сложная интеллектуальная и душевная работа в рефлексии и в подчиненном действии «тренировочном поле» для обуздания тех ориентаций в рефлексии, которые противостоят заранее принятой норме. Тем самым, в реальном управлении всегда возникает необходимость и ситуации, требующие сведения реально

возникающего рисунка деятельности к тому, что необходимо заранее. Это возможно лишь за счет редукции отношения к деятельности до того объема ее учета, который совместим с задачей формой построения деятельности, с подчиненностью требованиям нормы. В подобных редукциях воспроизводится в той или иной мере тип объектного управления.

2.4. Управление жизнедеятельностью

Несмотря на то, что в жизнедеятельности человека сохранен сам принцип подчинения поведения актуальной потребности, человек имеет важнейшие сдвиги и в потребностном поле, и в построении поведения, и в оценочных возможностях, и в том, как он познает окружающее. Основные деформации кроются в выделении рефлексивного механизма, благодаря которому устанавливается сознательное самоотношение, а познавательное, прогностическое, нормирующее самоотношение дополняется концептуальным, понятийно-категориальным, проблемным и ценностным.

Данные изменения отражаются, с одной стороны, неслучайным, критериально насыщенным, внеситуационным и внеиндивидуальным основанием сохранности своего поведения, а с другой стороны, большими возможностями обсуждения условий коррекции этого поведения, смещения центра тяжести от внутренних ко внешне-социальным потребностям. Следовательно, при построении коррекционных воздействий управленец не только производит диагностику актуального состояния и направленностей человека, но и принимает во внимание сложившиеся структуры механизмов сознания, самосознания, самоопределения, воли, личности, многообразия имеющихся стереотипов для прогнозирования и понимания реального поведения, а также предполагает общение и мыслекоммуникацию для согласования предпочтений внутреннего для него характера и внешних потребностей, проистекающих из принятого управленческого решения.

В процессе согласования управленец выступает от имени социокультурной среды или ее конкретной единицы. Следовательно, его критерии отличаются от критериев, с которыми приходит другой человек. Социокультурные объекты обладают логикой особого типа, где принцип воспроизводства и развития системы, накопление и переоценка результатов, проблематизация и депроблематизация носят внеиндивидуальный характер и т.п. Поэтому она не только не совпадает, но и часто противостоит интересам отдельного человека, даже если он несет в себе следы своего прошлого пребывания в подобных и иных системах.

Как бы ни был успешно пройден путь присвоения внеиндивидуальных способностей и средств построения деятельности отдельным человеком, как бы он не сохранял способность их применять в логике самих этих слоев, все же они помещаясь во внутренний мир рефлексивного сознания подчиняются в конкретном применении принципам целостности субъективного и нейрофизического существования человека.

Следовательно, управленец использует возможность учесть сознание, самосознание и другие высшие возможности другого человека там и тогда, когда социотехническая или социокультурная система, в которой осуществляется взаимодействие, предполагает выход за чисто исполнительский тип поведения. Этому посвящены любые рефлексивные фазы, обсуждение конфликтов, инновационных предложений, диагностики ситуации и поведения конкретных лиц и т.п. Процесс вхождения в новую деятельность или даже повторное вхождение в знакомое звено любой деятельности включает в себя и знакомство с содержанием нормы деятельности, и самоопределение исполнителя. Оба процесса не могут осуществляться вне тех дополнительных возможностей, которыми обладает человек.

Вне этих фаз, в самом процессе исполнительства и в ходе коррекционного действия управленца данные качества приемлемы лишь в подчинении особенностям реализации нормы. Если исполнитель даже участвует в процессе принятия управленческих решений, то ему ставятся ограничения «произволу» индивидуализированной рефлексии, так как исполнитель может применить свой потенциал рефлексии вне учета тех рамок, которые предопределяют управленческую мыследеятельность и проистекают из характера социокультурного или социотехнического объекта.

2.5. Управление противодействием

Взаимоотношения между людьми в наиболее простых случаях связаны с тем или иным типом отношения к самому наличию «другого» в контексте жизнедеятельности. Тем самым, встречаемый человек оценивается сначала как возможный «предмет» актуальной потребности, а лишь затем основание оценки меняется и в нем распознаются не менее значимые другие качества. Привлечение человека в качестве фактора успешного прохождения звена жизнедеятельностного цикла зависит от уровня осознания возможного места приложения его силы и способа подчинения его поведения тому, что требует это место. Как правило, это сводится к резкому ограничению потенциальных возможностей «другого», что соответствует самой логике сведения человека к предмету, а чаще к средству оперирования иным предметом.

Другой человек при попытке реализации сведения его к средству оперирования, к предмету «чужой» потребности может сопротивляться. В этом случае первый из взаимодействующих либо решит оставить в покое «другого» как предмет не соответствующий потребности, либо попытается его трансформировать и привести в соответствие с потребностью вне учета его особенностей, что позволяет сохранить логику предметного использования, либо попытается трансформировать сам способ привлечения в свою жизнедеятельность. Естественно, что прямой путь трансформации поведения другого человека при сохраняющихся попытках противостояния этому ведет к противодействию с различной мотивацией сторон противодействовать сопротивлению для превращения другого человека в предмет или средство приобретения предмета потребности,

с одной стороны, и противодействие сопротивлению для сохранения собственной линии жизнедеятельности.

Другим источником противодействий может выступать отношение к иному человеку через отношение к предмету потребности, если предмет выступает предметом двух аналогичных потребностей разных людей. В этом случае другой человек является препятствием к присвоению необходимого предмета, так как он активно пытается сам присвоить предмет и препятствует присвоению другими людьми.

Естественно, что противодействие в его динамике и по результату зависит от уровня напряжения потребности каждого, стабильности состояния потребности, подвижности и изощренности построения поведения, мощности действий в защите и нападении, динамики общей энергетики и т.п. На фоне противодействия может выявиться и быстро раскрываться склонность к специфическим чертам поведения агрессия, страх, продолжаемость самого противостояния вне конечного эффекта, интерес к риску, к страданиям и т.д.

В социокультурных средах противодействия в логике индивидуальной жизнедеятельности дополняются факторами, специфичными для социодинамики и влияния культур. Не меняя общей формы противодействия появляются различные обоснования упорства в противостоянии. Эти обоснования могут быть следствием эгоцентрического толкования социокультурных факторов, их подчинения основному настрою противодействующих сторон. Следствием подобного усиления выступает превращение противодействия в конфликт. С другой стороны, социокультурные системы руками своих выразителей и представителей также могут в соприкосновении друг с другом реализовать свои необходимости вне учета интересов друг друга либо по поводу «найденных» ресурсов, либо в связи с привлечением представителей иной системы для своих целей и т. п.

Поскольку социокультурные системы наиндивидуальны и законность их претензий определена объективной логикой движения этих систем, то сведение отношения их друг к другу, посредством соответствующих представителей, к противодействию превращает конфликт в борьбу вопреки индивидуальным склонностям участников борьбы, могущих быть склонными к иному типу отношений.

Управленец может иметь дело как с противодействиями отдельных людей, так и с противодействием различных социокультурных систем. Он не может игнорировать общую форму становления и развития конфликтов и борьбы, а также межиндивидуальных противостояний. Его участие в возникающих противостояниях неизбежно в начале будет восприниматься как помощь одной из сторон и противодействие другой. Каждая сторона будет нуждаться в своем усилении и должна стараться рассматривать управленца как потенциальный предмет своей потребности. Либо она переносит на него характеристики противостоящей стороны, а различные проявления управленца будут интерпретироваться в зависимости от сводимости реального поведения к стереотипам «противника».

Тем самым управленец может прежде всего менять рисунок поведения конфликтных сторон, выделяя те зоны рисунка, в которых воздействие возможно и оно, объективно влияя на целостность рисунка той или иной стороны, уменьшает напряжение противостояния, локализует эти проявления и подготавливает к отходу от противодействия. Поскольку энергетическим основанием противостояния выступают простейшие слои потребности, мало подверженные корректирующему воздействию с целью ослабления напряжения в силу актуальности потребности, то воздействия на высшие психологические механизмы не дают быстрых результатов непосредственно. В то же время в самой логике реализации напряжения противодействия есть различные зоны ожидаемых и поисковых решений. Смещая акценты в конкретных вариантах проектов поведения можно достигать желаемого состояния противодействия.

Еще более сложным является включение в конфликт и борьбу представителей противостоящих социокультурных систем для того, чтобы находить зоны «успокаивающего» влияния и воздействия. Социокультурная архитектура также имеет слои мало подвергающиеся воздействию по критериям более тонких и функционально вторичных слоев. Объем и инерция систем предполагают иные объемы и продолжительность корректирующих воздействий в зависимости от соответствующих исследований и прогнозов возможных состояний как каждой системы, так и хода их противостояния.

В то же время управление противодействием не должно вести к редукции самих участников противодействия в силу самооценности каждой стороны. Если удастся сочетать устранение противодействия с сохранением каждой стороны, то открываются возможности перехода к иным способам достижения тех же целей, реализации тех же потребностей, если таковые объективно необходимы. Этим не только локализуется исходное напряжение, ей придается иная направленность, но и подготавливается становление новых исходных механизмов, уменьшающих значимость тех механизмов, которые стимулировали противостояние.

2.6. Управление согласовательными процессами

Согласование является одним из путей преодоления противодействия и в наибольшей степени отходящий от прямой реализации принципа жизнедеятельности. Являясь начальной точкой социогенеза, оно вначале подчинено жизнедеятельностной ориентации участников противодействия, так как сохраняет побудительный мотив использования другого человека в своей жизнедеятельности в качестве предмета или средства. Однако начинает приниматься в расчет то, что другой человек активно устанавливает условия и меру своего использования в несвойственной его жизнедеятельности функции. С другой стороны, возможность согласия на подобное инобытие, особое самоотчуждение предопределяется не естественными обстоятельствами внешнего бытия, а возможностью удовлетворить собственные потребности за счет использования того, ради кого происходит отчуждение. Происходит как бы обмен отчуждениями и использованиями друг друга.

Естественно, что для перехода в согласование необходимо иметь соответствующие способности. Они касаются и нейтрализации действия актуальных потребностей, и заимствование содержания иных потребностей, что предполагает генерирование в себе потребных состояний по внешней «подсказке», и прогнозирование многофазных процессуальных переходов, завершающихся удовлетворением своей потребности, и понимание того, что требуется в целостности или в фазе целостности другой жизнедеятельности, и прогнозирование поведения другого, строящего свою часть отчужденного поведения, и т.п. Примечательно появление двойственности процессов, когда по одной линии идет свое отчужденное поведение (для другого), а по второй линии включается и контролируется чужое отчужденное поведение (для себя). Такая двойственность отличается от монолинейности жизнедеятельности, где любые «отклонения» от первоначального базового цикла располагаются в последовательности по времени действия сервисной потребности. Новые способности наиболее демонстративны в собственно согласовании, когда воздействие на другого происходит в связи с ожиданием воздействия на себя по содержанию сводящемуся к подтверждению или опровержению предложенного способа взаимодействия.

Если удастся договориться, то индивидуальные предложения заменяются принимаемым обеими сторонами соглашением, договором, которое выступает в функции нормы для измененного поведения в пределах фиксированных частей двух жизнедеятельностей. На время реализации соглашения обе стороны пребывают в своем инобытии, подчинены норме, делящейся на две различимые по содержанию части. Выполнение своих обязанностей каждым происходит в контексте выполняемости обязанностей другими участниками соглашения. Совмещенное выполнение обязанностей является условием возврата к индивидуальной жизнедеятельности.

Согласовательный процесс в узком смысле слова опирается на специальные средства передачи содержания версий и этим провоцирует порождение языка и коммуникации. Но особым условием принятия решений выступает реконструкция внутренних для другого условий приемлемости предлагаемой ему версии. Затруднения в согласовании, которые обусловлены закрытостью внутреннего мира партнера для участника согласования и, следовательно, невозможность придать устойчивость и надежность «еще одному» предложению, стимулирует переход от внешнего к внутренне значимому типу познания. Это переход от предметного к субъективному познанию, состоящему в отождествлении, идентификации с партнером и, следовательно, в заимствовании его состояния, способов познания и построения поведения, его способов оценки внешнего и т.п.

Данные процессы являются базовыми для становления игрового поведения, а затем и театра в целом.

В социокультурных системах процессы согласования являются базовыми для функционирования и развития этих систем. Чем менее технологизирована

та или иная система, тем больше протекает согласовательных процессов. Однако даже в случае минимальной технологизации основных процессов в той или иной системе, само ее существование невозможно вне выхода за пределы ситуационных согласований и согласований конкретных лиц. Возникает переход от индивидуально значимых согласований к проектированию системы деятельности, а проектирование рассматривается по объему и времени действия договоренностей. Выделяется стратегическое проектирование, подчинение требованиям которого создает устойчивость и организационно-механическое оформление исходным базовым процессам. Стратегия преодолевает границы поиндивидуальных согласований и предстает как заранее имеющееся требование, влияющее на характер согласовательных процессов.

В зависимости от архитектуры социокультурных систем там сосуществуют множество рамок, ограничивающих естественное распадение и дезорганизацию частей. Тем самым, в процесс согласования вносятся содержания различных нормативных рамок так или иначе понятых и принятых участниками согласования, вносящее увеличивающийся момент отчужденности и вынужденности в результат согласования.

Управленец в силу того, что он несет в себе ценности, миропонимание, способности действия и оценок и т.п., характерные для социокультурных и социотехнических систем, выступает прежде всего от имени различных нормативных рамок. Он совмещает эти рамки с ситуациями, возникающими в ходе функционирования или развития системы. В том числе и с согласовательными процессами. В процессе согласования управленец ищет звенья, в которых легче понимаемым и принимаемым согласующимися образом ввести предложения в функции коррекции. Это касается либо самих версий взаимоиспользования, либо представлений о согласующихся, либо понимания ситуации, либо критериев согласования, либо прогноза реализации соглашения и т.п. Как правило согласующиеся уже проходили фазы вхождения в социокультурное пространство и имели опыт самоопределения. Поэтому сохранность ценности самой социокультурной среды, ее рамок, необходимости воспроизводства и др. облегчает вывод согласующихся за пределы их частного интереса вне игнорирования самого согласовательного процесса.

В процессе корректирующих воздействий управленец подхватывает само ситуационное преодоление логики жизнедеятельности и использует его для решения управленческих задач в зависимости от уровня ценности самих согласующихся и даже хода согласования, если оно значимо по содержанию возможных договоренностей для системы.

Характер корректирующих действий управленца зависит от того, куда помещается согласовательный процесс в социокультурную систему и насколько согласуемое содержание преследует интересы системы. Если индивидуальные согласования осуществляются в том звене, в котором нет действия регламентирующих нормативных рамок, то сила корректирующих действий минимальна и она прежде всего связана с подготовкой к будущей реализации каких-либо

требований. Если же место согласования выбрано там, где максимально действуют внеситуационные требования, от соблюдения которых зависит стабильность социокультурной системы, то сила корректирующего воздействия может быть велика при опасении противопоставленности системе. При этом характер воздействия зависит от системы профессиональных ценностей управленца. Технологические ценности максимально противостоят согласованности, тогда как педагогические, культурологические и др. могут уменьшать контраст между происходящим и необходимым с точки зрения управленца и вести согласующихся в нужном направлении вне разрушения согласовательного процесса.

2.7. Управление мыслекоммуникацией

В коммуникации снимается основное затруднение согласования, связанное с недостатком определенного содержания договоренности. В пределах своего понимания партнера в лучшем случае каждый с искренней уверенностью реализует «соглашение» и не менее искренне удивляется возникающими отрицательными оценками реализации и попытками ввести коррекцию в действие.

Различные варианты воздействия друг на друга в процессе общения суживаются до тех, которые могут вести к однозначности понимания содержания «сообщения». Активная сторона, выявляющая недостаточность обычных воздействий вынуждена искать специальные средства для организации процессов восприятия воздействия и построения того образа, который мог быть оценен автором как «такой же» что и хотел он получить как результат своего воздействия. Поскольку в качестве посредника может выступать то, что максимально удовлетворяет этому требованию, то путем приведения в соответствие материала посредника с функцией средства, которая отведена ему коммуникантами, возникает язык как система нормативных требований и эталонов, а также текст как продукт ситуационного использования языка.

Вместе с появлением языка, остающегося достаточно постоянным при неограниченном числе порождаемых на его основе текстов, открывается перспектива превратить вопросы на допонимание в вопросы на критику авторского воззрения и неограниченно совершенствовать одинаково значимый результат то или иное воззрение на что-либо. Несогласования и противоречия заставляют выходить в функцию арбитража по содержанию и по способу коммуницирования, к соорганизации разнородных усилий пользуясь тем же языком. Кроме того, арбитражная функция и действие в соответствии с нею позволяют переходить к совершенствованию не только актуальной коммуникации, но и самого языка со стороны содержательных универсальных единиц средств преодоления многозначности.

В социокультурных системах управленец использует возможности коммуникации для организации понимания нормы, ее принятия, реализации и выхода из деятельности, а также для преодоления многих затруднений в общении, подчиненном системе нормативных требований. Наиболее простая фор-

ма создания коррекционного воздействия заключается в критическом соучастии в коммуникации. Встраиваясь в обсуждение сначала как активный понимающий, а затем, проконтролировав свое понимание, как критик, управленец влияет на осознание автором специфики своего представления и перспективы его деформации. Более сложной формой участия является реализация функций арбитра, так как она не только удлиняет сам ход сопоставления точек зрения, облегчает осознание их отличия, но и вводит абстрактные заместители, убедительность использования которых зависит от склонности, наличия опыта, стереотипизации у другого коммуниканта, процедур использования и построения абстракций. Наиболее соответствующей управленческой функции является позиция организатора коммуникации. В связи с совмещением усилий автора, оппонента и арбитра появляются специальные внутрикоммуникационные возможности преодоления индивидуально и ситуационно ориентированного хода обсуждения. Таким средством и соответствующей процедурой является, например, тематизация, тематическое ограничение выдвижения противостоящих точек зрения. Другим средством и процедурой является слежение за сменой микротема, возвращаемость в точку перелома, отбор за исходным началом мысли автора, за плотностью движения мысли и т.п. Введение рефлексивных процедур еще более усиливает осознанное отношение к происходящему и опознавание сервисной функции коммуникации к жизнедеятельности или деятельности, соответствующее самоопределение в пользу либо одного, либо другого. Тем самым, встраиваясь в ход коммуникации, управленец при наличии развитой рече-языковой и коммуникационной способностей, может повернуть коммуникацию в ту сторону, которая необходима для реализации принятых решений или выработки решений.

Естественно, что способ, сила и объем воздействий на текущую коммуникацию зависит от ее размещенности в цикле функционирования и развития социокультурной системы. Там, где фаза цикла способствует удержанию инерции коммуникации осуществляется мягкий стиль поворота в необходимом русле и даже удлинение обсуждения в адекватных рамках. Таковы все рефлексивно значимые фазы. В случае прямой технологической реализации естественный рисунок коммуникации может быть обременительным.

Если в обучении управленец большее внимание уделяет приведению установок, стремлений, интересов в соответствие с требованиями социокультурной системы, то в мыслекоммуникации основной акцент приходится на приведение в соответствие содержания мнений и ход их изменений.

2.8. Управление исполнительской деятельностью

Исполнительская деятельность непосредственно противопоставлена и происходит из одного источника с управленческой деятельностью. Ее исходным принципом выступает реализация норм, что связано с сознательной формой отчуждения от принципа удовлетворения своих потребностей на время деятельности. Следовательно, осуществлению исполнительской деятельности пред-

существует согласовательный в общении и мыслекоммуникативный процесс понимания содержания нормы, его соотнесение с индивидуальными потребностями, их прогнозом, прогнозом типа существования в рамках предлагаемой деятельности, сопоставление следствий пребывания в реализации нормы с перспективой удовлетворения различных потребностей, прогноз реализуемости требований наличными способностями и т.д. Особенностью согласовательного и коммуникативного процессов является то, что уровень жесткости и консервативности у сторон разный. Поскольку именно управленец является предлагающей стороной, человеку остается примерять свои возможности и желания с уже готовым и мало меняющимся представлением о способе деятельности, а чувствительность к индивидуальным особенностям будущего исполнителя со стороны управляющего является сервисом для более осознанного понимания и принятия нормы.

Конечно, рисунок коммуникативно-общенческого поведения управленца зависит от многих условий. Если он имеет большой выбор и действия носят отборочный характер, то рисунок может быть подчиненным полноте соответствия претендента требованиям нормы и получения согласия на ее реализацию. При отсутствии выбора рисунок поведения преследует цель найти в претенденте то, что могло бы его склонить к обязательствам без тщательной проверки соответствия требованиям нормы. Естественно, что объективное несоответствие желаний, способностей, понимания исполнителем предложенной нормы приведет к затруднениям и деструкциям в ходе самой деятельности. Поэтому управленец осуществляет прогноз как возможного поведения исполнителя, так и необходимых коррекций этого поведения, беря на себя ответственность за возможные негативные эффекты.

Каким бы ни было вовлечение человека в исполнительскую деятельность, переход к ней означает переход к контролю за правильностью реализации нормы как системообразующей частью единого рефлексивного сопровождения реализации, которой подчинена возможность коррекционных воздействий и критики исполнительской деятельности с локальными деформациями нормативного содержания. При этом в качестве предмета контроля выступает не только само поведение исполнителя, но вся целостность исполнительства как функционирования деятельности.

Иначе говоря, норма деятельности включает в себя требования ко всем звеньям функционирования к исходному материалу, средству, способу его использования, к переходу от материала к продукту, к поведению исполнителя, его представлениям о деятельности, к его способностям, к характеру взаимозависимости всех звеньев. Она в различной степени полноты может быть акцентирована в процессе изложения содержания исполнителю, а также акцентированно быть представленным в его сознании. Однако, если содержание нормы свертывается по какой либо части, то теряется функциональность деятельности, а исполнительский характер деятельности сводится к исполнительности как субъективной характеристике исполнителя.

Редукция полноты предопределенности открывает возможности для рефлексии исполнителя за пределами самокоррекции и приобретения им части управленческой деятельности. В реальной деятельности чистого исполнительства не бывает. Тем самым появляется парадокс системной ответственности тип деятельности требует полной ответственности за получение предписанного результата, но при неполноте нормы закладывается неполнота обеспечения, непредусмотренность того, что объективно приводит к результату в предписанных формах и, следовательно, не может быть у исполнителя ответственности за это.

Управленец должен выявлять меру неполноты ответственности исполнителя как следствие самого принципа существования исполнительской деятельности. В отличие от этого управленческая деятельность имеет иной критерий приобретения ответственности в силу того, что она по природе рефлексивна. В рефлексии не может быть заранее определенного результата и полноты траектории его получения. Рефлексия имеет дело с неопределенностью как ее базовой характеристикой. Поэтому приобретение рефлексивной культуры, обеспечение ее средствами интеллектуального и духовного типа и т.п. ведет к большей определенности рефлексивного процесса, а следовательно и управленческого в целом. В рефлексии выявляется та или иная сторона и мера формы деятельности, а вместе с тем возникают обязанности, нормы рефлексии, ответственность за их реализацию. Но она никогда не может быть полной.

И в тоже время управленец берет ответственность за создаваемую им деятельность в рамках согласованного проекта деятельности, как правило стратегического проекта. Сведение этой ответственности к исполнительскому типу ответственности является ошибкой и может быть оправдано лишь непониманием природы управленческой деятельности, либо потребностью спекулятивного типа.

2.9. Управление кооперативными системами деятельности

Принцип развертывания кооперативных систем одинаков везде снятие противоречий, затруднений в функционирующей деятельности за счет введения новых звеньев, имеющих форму деятельности. Однако затруднения непосредственно связаны с характером исходной деятельности в том или ином звене. Если это исполнительско-реализационное звено, то затруднения могут касаться либо обеспечения необходимым под требования нормы, либо необходимостью членения единого преобразовательного или иного базового процесса. Перспектива членения или дополнительного снабженческого сервиса сохраняется и в управленческом звене. Любые преобразования в исполнительском звене предполагают сохранение значимости конечной цели как нормативного оформления социально-значимой потребности спроса. Восстановление перспективы достигаемости цели и подвижности процессов и составляет мотив управленческого действия в случае возникновения затруднений и снятия их в виде расширения системы. Новые звенья системы как бы заполняют разрыв процессов,

придавая им новый уровень стабильности в воспроизводящейся деятельности. При потере критерия воспроизводства снимается и значимость сервисных дополнений и расщеплений.

В целом развертывание кооперации столь определенно прикреплено к фиксированным разрывам, потенциалу их повторения и к построению или привлечению тех деятельностей, которые могут обеспечивать снятие фиксированного разрыва, что при исчезновении самих разрывов теряется значимость и усложнений в кооперациях. Управленец должен тщательно следить за соотношением между усложнением коопераций и их побуждающими причинами. Если не придавать этому значения, то перенос на сервисные звенья принципа воспроизводства деятельности поставит их перед необходимостью активного отношения к базовому процессу, чтобы продолжить свое существование. Базовый процесс превращается в обеспечивающий для служебного и разрушается прежнее системообразующее основание.

Активное проявление сервисных подсистем в связи с учетом их дополнительных возможностей в направлении предложений по коррекции способа достижения цели являются неразрушающими, включенными в прежнюю кооперацию. Но этот вид активности всегда дополняется собственными интересами сервиса, который усиливая свои первичные процессы и придавая им устойчивость легко расширяют сферу воздействия и меняют, если удастся, соотношения в прежней кооперации, ослабляя предписанный статус базовых процессов. В связи с активизацией действий сервисных структур, даже в пределах их технологической и типодейятельностной ценности, они могут свести кооперативные отношения к содейтельностным, а при сопротивлении этому к противодейтельностным. Последний тип отношений становится тем более вероятным, если сервис предопределяет прежние кооперативные отношения. Если же прямое противопоставление становится невыгодным, опасным и т.п., то оно может быть переведено в форму псевдокооперативных отношений, когда при сохранении противодействия или содействия делается вид кооперативных отношений, активно создается оценочная иллюзия.

Управленец должен понимать, что каждая подсистема и звено кооперации является самостоятельным «в себе» и подчиненным «для иного» или подчиняющим «для себя» во внешних отношениях. Для того, чтобы сервис был надежным, нужно обеспечить ему полное становление, функционирование и развитие. Но именно приобретение большей мощности сервиса создает инерцию самоумощнения за счет всего того, что есть в кооперации. Кроме того, само существование людей в сервисных звеньях, динамика их профессионального совершенствования, притязаний, обязанностей перед своей жизнедеятельностью, семейной, групповой и т.п. базой, стимулирует их к активности наряду с приведением себя в соответствие с принятыми обязательствами.

Все это отражается как вычленение для управленца не только системодейтельностных проектных, снабженческих и др. задач, но и прогноза поведения системы, ее звеньев, потенциала, кооперативной адекватности в отличии от

сведения к содеятельности, противодеятельности, псевдодеятельности, к различным деформациям кооперации при сохранности цели и заказа.

2.10. Единица управленческой мыследеятельности

Поскольку управленческая деятельность происходит из рефлексии и совмещает рефлексивные и корректировочно-постановочные действия, то ее можно назвать мыследеятельностью. В ней совмещаются мыслекоммуникация как основное условие сообщения и действия на другого, момент общения, включающие невербальное воздействие, использование чистого мышления, в котором максимально представлено движение содержания в его собственной «логике», и иные факультативные моменты. Все эти процедуры реализуют управленческие функции в типовой логике их смены. Функциональность в управлении исчисляется в рамках системодействительностного конструирования. По этому необходимо представлять минимальное целое системы деятельности, где управленческое звено включено в системные отношения, относительно которых и встраиваются в определенном порядке управленческие функции и их реализующие механизмы.

Типовой цикл управленческой мыследеятельности начинается с понимание содержания заказа на деятельность на языке заказчика. Для того, чтобы принять заказ нужно не только его понять в языке заказчика, но и выразить в специфическом языке управленца языке теории деятельности. Отличие языков состоит в том, что обычный язык не содержит систематического действительностного мировоззрения, а управленческий его имеет. Поэтому понимание содержания выступает как построение соответствующего действительностного пространства, в котором возможно отслеживание того продукта, на который указывает заказ. Этот продукт предназначается либо для употребления в жизнедеятельности, либо в иной системе деятельности.

В самом простом варианте понимание осмысленности того, что требует заказчик в типовом пространстве деятельности, построенном в ходе понимания, является достаточным, чтобы принять заказ. Тем более, что заказ в социотехнических системах часто идет не столько в горизонтальных отношениях между равномасштабными системами, сколько в вертикальных отношениях. Вышестоящий управленец дает задание как заказ, восприняв потребность иной жесточайшей системы.

Но на другом уровне содержание заказа перефразированное и осмысленное в качестве некоторого продукта, место которому найдено в пространстве деятельности, дополняется отслеживанием пути появления продукта в этом пространстве. Эта процедура строится для проверки непрерывности пути и гарантированности прихода к необходимому продукту. Подобная проверка проигрывается в функциональной картине системы деятельности, достаточно абстрактной, так как при построении системы используются понятийные средства языка теории деятельности и их скрепление в логике чистого мышления. Это не позволяет соотносить построенное пространство деятельности с реаль-

ными ресурсами построения социотехнической системы. Если управленец обладает ограниченными ресурсами, он удлиняет процесс принятия заказа, так формальная осмысленность заказа не гарантирует его реализуемость, а отвечать за ресурсно неподдержанный заказ управленец не должен.

Еще на более высоком уровне надежности принятие заказа опосредуется сопоставлением построенного пространства деятельности с объемом разнородного ресурса, необходимого для натурализации пространства, реального построения деятельности.

Конечно, управленец, включенный в управленческую структуру может обратиться к вышестоящему управленцу с заявкой или просьбой гарантировать дополнительные ресурсы под формальный просчет относительно пространства деятельности и объема имеющегося ресурса. Но в простейшем случае управленец надеется на то, чем он по праву обладает. Если просчет ресурсов дает негативный результат, то, сохраняя принцип «действия по ресурсам», управленец может упростить пространство деятельности и даже уменьшить объем конечного результата.

После подобных расчетов он возвращается к заказчику и старается добиться последним принятия суженных или расширенных объемов результата и, следовательно, согласия на отношение проекта пространства деятельности и его ресурсного обеспечения.

В результате согласования с заказчиком и принятия содержания заказа управленец более строго, уже не ориентировочно, просматривает и корректирует, если необходимо, пространство деятельности, уточняет типодеятельностные характеристики всех соответствующих мест в пространстве и соответствующие отношения между деятельностями. При этом отношения, по исходным критериям строительства пространства деятельности, рассматриваются кооперативно-деятельностными.

На следующем шаге учитываются ресурсы и осуществляется прогностическое его заполнение всех типодеятельностных мест. Помимо более точного слежения за полнотой наполнения анализу подвергается характер дополнения, взаимодействия составляющих в каждом звене и взаимодействия представителей различных звеньев в кооперативных отношениях. Если материальные ресурсы имеют одну логику помещения в необходимое место, то включение предполагаемых исполнителей может вести к особым эффектам неполноты соблюдения нормативных требований, выхода за пределы кооперативных отношений в общении, коммуникации, прямом действии. Следствием тогда выступают деформации кооперативных отношений в содеятельностные, противодеятельностные, псевдодеятельностные.

Установленные отклонения от нормативно фиксированных кооперативно-деятельностных отношений являются основанием для проблематизации либо пространства деятельности, либо привлекаемых ресурсов, либо способа отношения с ними. Так или иначе прогноз снабжения пространства деятельности и возможная проблематизация предшествует построению системы норм для ре-

ализации и постановке соответствующей серии задач для исполнителей. Вместе с реальными снабженческими действиями протекает процесс становления деятельности в исполнительских системах. Эта деятельность предполагает последующий контроль, выработку коррекционных микропроектов и их реализацию. Если коррекции удачны, то после контроля за конечным результатом осуществляется поставка этих результатов заказчику и установление выполненности заказа. В ином случае начинается коррекция не исполнения, а самих норм, пространства деятельности и т.п.

Приведенное здесь представление об единице управленческой деятельности дает лишь простейшее ориентирующее воззрение. Усложнения подобного представления могут быть осуществлены за счет усложнения отдельных звеньев, обеспечения всем необходимым, делегирования отдельных функций и процедур и т.п. Понятно, что основные усилия мышления происходят в ходе прогноза, проектирования, понимания заказа, согласования, разработки норм, задач, выявления и фиксации проблем, рефлексии хода деятельности, выработки коррекционных решений, контроля и т.п. В зависимости от количества исполнителей, их различного статуса, условия совмещенности, деятельности инициативности, адаптивности к ситуациям и коррекционным воздействиям и т.д. объем рефлексивно-мыслительных усилий может быстро расти. Оснащение управленческой мыследеятельности технической информационной инфраструктурой еще более видоизменяет первоначальный рисунок мыследействий. Однако функциональная основа остается прежней и от правильного построения и перестройки, в ходе проблематизации, пространства деятельности зависит его заполнение и достижение конечной цели. Заполнение пространства сначала в мышлении предопределяет переход от стратегии к ситуационно значимому проектированию деятельности, а само построение пространства деятельности предопределяется либо стереотипами такого стратегического проектирования, либо особым использованием концептуальных средств теории деятельности.

2.11 Рефлексивная самоорганизация в управлении

Содержанием управленческой рефлексии прежде всего выступает деятельность исполнительских систем в контексте реализации заказа. Но рефлексия управленца может быть обращена и на самого себя, на свою мыследеятельность, свое участие в коммуникации, общении, взаимодействии, саморегуляции и т.п.

Как и в случае любой рефлексии, в этом случае в качестве побудительной причины выступает затруднение, как актуальное, так и возможное. Но для фиксации затруднения требуется само ощущение несовпадения реального хода управленческого действия, мышления и др. с намеченным, нормативно предопределенным. Тем самым, если управленческая рефлексия, обращенная на себя, становится достаточно заметной, то одновременно увеличивается роль и самонормирования, самоконтроля, самокритики, самоопределения и др. В сложных управленческих иерархиях, где вышестоящие управленцы берут на

себя ряд рефлексивных функций применительно к искомому управленцу, само побуждение его к рефлексии связано с внешне фиксированным неудовлетворением мыследеятельностью, возникающими оценками и стремлением к коррекции управленческих мыследействий.

Итак, обращенность рефлексии на себя означает введение себя в нормативные рамки, которые расширяют нормативное содержание как основу для выработки отношений к исполнительской деятельности. Пространство деятельности расширяется для включения в него самой мыследеятельности управленца. Проектируемые действия управленца и исполнителя превращаются во взаимозависимые и мыслительно просчитываемые, прогнозируемые, предписываемые, исследуемые. Предписываемой становится и взаимная ответственность в достижении намечаемого результата. Эта сторона является существенно важной для демонстрации демократического типа управления, реализации в деятельности демократических ценностей.

С другой стороны, управленец все равно остается в особом, демиургическом отношении к исполнительским и сервисным структурам как в силу предписывающего характера его позиции, так и из-за самой рефлексивности этой позиции. Поэтому управленец и участвует в им построенном пространстве деятельности, и не участвует в нем как ее творец, подконтролен относительно требований этого пространства и не подконтролен, ответственен в пределах фиксированных задач и безответственен.

Тем самым управленческая рефлексия как бы трехслойна. Ее отчужденная часть связана с рефлексивным типом анализа действий исполнителей и сервиса. Другая часть обращена к рефлексии своих действий относительно фиксированного пространства деятельности с местом для самого управленца. А третья часть обращена к позиционности управленческой мыследеятельности безотносительно к включенности или невключенности в пространство деятельности. Эта третья часть находится на границе с авторефлексией безотносительно к профессиональным обязанностям управленца.

Рефлексивная самоорганизация управленца опирается на рассмотрение себя как субъекта и личность, включенную в профессиональную деятельность управленца и включаемую в очередное пространство деятельности, в связи с принятием заказа. Поэтому в рефлексии отслеживается не только собственно решение управленческих задач и проблем, не только смена циклов управленческой деятельности, но и линия всего профессионального пути управленца, а также собственно его жизненный путь. В частности особую роль имеет фокусировка внимания управленца на свои способности к реализации фиксированных требований, типа требований, целостности требований профессиональной деятельности. В рамках такой акцентации появляется возможность самоизменения и саморазвития. Придание систематичности этой акцентировке в рефлексии, что ведет к синтезированию отдельных рефлексивных выходов, обеспечивает появление реконструктивных, прогностических и проектных представлений о ходе изменения профессиональных способностей в контек-

сте линии изменений себя как субъекта и личности. Чем тщательнее такой рефлексивный анализ, тем точнее проекты самоизменения, саморазвития, участия во внешне организованном обучении, тем точнее постановка основных задач в управлении в контексте реалистичного взгляда на свои собственные возможности.

2.12. Профессионализм управленческой деятельности

Самым простым критерием профессионализма в любом типе деятельности выступает способность решать типовые задачи в выделенном многообразии типов, зависящим от нужд реальной практики. Увеличение разнообразия и сложности деятельности меняет и набор выделенных типов. Сложность состоит в том, что далеко не всегда существует инвентаризация образцов деятельности, их сравнение друг с другом, выявление типовых вариантов, сведение образцов к моделям как эталонам для ориентации в многообразии практики и применения в качестве средств установления индивидуализированных характеристик образцов и их сравнимости друг с другом. Кроме того, сама по себе инвентаризация может осуществляться различными аналитиками, имеющими различные критерии, различные традиции. Все это создает почву для различных преувеличений значимости своих результатов, противопоставление, спекулятивных сравнений и отношений к идее профессионализма. Параллельно создается клубная форма взаимной оценки, которая при всей субъективности фиксирует интуитивно-интегральные образцы «нормы» и отклонений от нее.

Чем более тщательно предопределена деятельность на реальном рабочем месте, тем легче выявлять в сравнении то, что необходимо «везде», в отличии от того, что зависит от определенности конкретного места. Множественность типизируемых процедур можно расположить как по уровню усложнения и переходимости от одной к другой, так и по типовым местам существования. Реальная реконструкция сложившейся типологии мест, сравнительный анализ легко приводит к различиям наборов процедур в каждом типовом месте. По сравнительному составу процедур также несложно расположить типовые места в зависимости от «веса» наиболее характерных процедур. Тем самым, идея профессионализма либо реализуется по разному, в зависимости от содержания того или иного блока наборов процедур, либо непосредственно не связана с конкретными наборами процедур.

Тогда критерий профессионализма может быть смещен в сторону опознавания уровня развития деятельности. Главным становится не конкретное содержание задач, решаемых специалистом, а способ их решения. Одни задачи не требуют усложненного способа и подхода к решению, а другие предполагают усложнение и уровни усложнения бывают различные. Как мы показали в вышестоящем разделе 4, основу уровня развитости способа решения той или иной задачи и проблемы составляет уровень развития рефлексивной самоорганизации. Поскольку развитие рефлексивной самоорганизации связано с появлением и усложнением критериального обеспечения рефлексии, с построе-

нием все более надежных и универсальных критериев, то уровень профессионализма тогда может быть рассмотренным как зависящий от развития критериальной базы.

Особенностью рефлексивной самоорганизации является ее универсальность, осуществляемость в любом типе деятельности. С другой стороны, она легко просматривается по уровням усложнения. Конечно, если пойти по линии набора и сравнения образцов рефлексивной самоорганизации, то мы можем получить не менее сложную картину разнообразия. Однако именно в отношении рефлексии и рефлексивной самоорганизации осуществлено огромное количество познавательных усилий в психологии, логике, философии, культурологии, педагогике, семиотике и т.д., что позволило осуществить специфическую сборку воззрений в рамках современной методологии. Уровень теоретических обобщений и особенность специальной логической технологии облегчили абстрактное замещение знаний. В пределах полученных результатов легко различимы типы рефлексивной саморегуляции, расположенные по линии усложнения критериального самообеспечения специалиста. Напомним те из них, которые показывают саму перспективу уровневого усложнения ситуационное реагирование, конкретно-познавательное реагирование, профессионально-познавательное реагирование, концептуально-стратегическое реагирование, концептуально-проблемное реагирование, концептуально-проблемно-стратегическое реагирование, ценностно-концептуально-проблемно-стратегическое реагирование и т.д. Поскольку подобные процедуры можно модельно оформлять и контролировать осуществление, то принципиальных проблем следования этому подходу в настоящее время не замечается.

Что же тогда принадлежит профессиональности? В рамках акцента на рефлексивную самоорганизацию, привнесение в нее интеллектуальных и ценностных критериев означает переход к профессиональному характеру решения задач и проблем, если сами критерии (концепции, теории, понятия, категории, ценности) обобщенно выражают знание о многообразии конкретного типа деятельности. Критериальный корпус у каждой профессии свой. С другой стороны, критериальную базу составляют и дифференциальные научно-предметные комплексы, соответствующие понятийно-категориальные аппараты, и интегральные комплексы, характерные для мировоззрения в целом. Поэтому профессионал работает с несколькими типами критериальных систем, одна из которых присуща типу осуществляемой деятельности. Само членение на типы деятельностей зависит как от сложившейся номенклатуры деятельностей, так и от развитости соответствующей универсальной абстрактной схемы теоретико-деятельностных средств или от наличия своей критериальной базы.

Следовательно, профессионализм деятельности означает, что специалист адекватно выделенному многообразию типов задач и проблем осуществляет их решение на основе специфической для профессии критериальной базы. Предполагается, что критерии несут с собой и существующие способы их применения.

Особенность профессионализма управленческой мыследеятельности состоит в том, что задачи и проблемы как раз и касаются рефлексивной самоорганизации тех, с кем входит в отношение управленец, а также собственной рефлексивной самоорганизации. Кроме того, сервисный блок управленца, исходящий из делегирования части управленческих функций, сохраняет генетическую связь с управлением в целом. Это позволяет иметь переходы от одной критериальной базы к другой, облегчает достижение взаимопонимания с представителями многих рефлексивных профессий, само выявление уровня профессиональности исполнения их обязанностей.

2.13. Мастерство в управленческой деятельности

Профессионализм имеет свои уровни. Концептуально они достаточно различны. Простейшая градация состоит в том, чтобы при рефлексивной самоорганизации различать задачный и проблемно-задачный подходы. В рамках задачного подхода, который часто связывают с уровнем бакалавра, управленец успешно сводит ситуацию к такой, которая позволяет поставить задачу с готовым способом ее решения. Следовательно, управленец все ситуации может свести к ограниченному типу, подобрать соответствующий типу ситуации тип постановки задач и тип способа ее решения. Промежуточная форма рефлексивной самоорганизации связана с оперированием стратегическими проектами, которые позволяют иметь ориентир в ситуационном проектировании своих и чужих действий. Проблематизация ограничивается сведением вопроса в задаче к более абстрактному вопросу о способе действия, так как стратегия и позволяет ставить подобные вопросы.

Проблемно-задачный подход характерен обращением к концептуальной базе построения стратегии или общего способа решения задач. Прежняя задача, поставленный в ней вопрос переопределяется путем изменения самого основания для постановки задачи. Нахождение зоны деформации, построение концепции, учитывающей заказ на эту деформацию под давлением новых ситуационных сведений, извлечение из концепции содержания новых фрагментов основания постановки задач этапы проблематизации и депроблематизации.

Оперирование достаточно жесткими представлениями создает надежный фундамент организованных переходов. Однако параллельно с этим большую массу микропроцессов создает сопоставление ситуационного материала сведений с накопленным опытом, его фрагментами, заимствование прототипов, их проверка, построение многообразия гипотез на каждом шаге, их проверка, соотнесение гипотез друг с другом, решений друг с другом и т.д. Тип индивидуальности управленца вносит свои коррективы в ход каждой процедуры, ведя либо к уверенному перебору, переходам по ближайшим шагам, к опоре на отлаженные способы и пр., либо к быстрым сменам гипотез, направления поисков, критериев, перескокам через шаги, надежде на интуицию, случай, на неожиданные подсказки и т.д.

Более тонкие техники рефлексивной самоорганизации опираются на систематическое применение понятийно-категориальных средств мышления вне того содержательного поля, которое задается ситуацией непосредственно. Эти средства, обладая межпредметностью (методологический аппарат), обеспечивают оформление ситуационных материалов в метаконцепции, и создавать достаточно быстро типовые наборы тех траекторий движения мысли в метаконцепции, которые ведут к построению концептуальных аналогов ситуационного материала. Это является основной подготовкой к проблематизации и депроблематизации. Еще более изощренные техники предполагают обращение к универсальным представлениям о деятельности и соотнесение ситуационных представлений с этим универсумом и выделенной системой ценностей в достижении управленческих целей.

Естественно, что сама тонкость мыслительной работы, организованной в рамках рефлексивно-мыслительной культуры и с использованием современных средств и методов методологии, предполагает высокую эмоционально-чувственную организованность, чувствительность к собственным состояниям, их отслеживание в самосознании, достаточный автоматизм работы сознания, следящего за траекторией движения и деформациями содержания сознания и т.п. Подобная форма рефлексивной самоорганизации принадлежит уровню мастера. Приобрести указанные способности невозможно простым напряжением воли и энергии желаний. Необходимо пройти множество этапов деформации механизмов, касающихся как потребностно-мотивационной сферы, так и операционно-деятельностной сферы. В зависимости от типа индивидуальности управленца этот путь становится либо тяжелым, либо легким, либо коротким, либо длинным, либо насыщенным преимущественно интуитивными тренингами, либо вполне сознательными рефлексивно-мыслительными тренингами.

Движущими силами уровня мастерства управленца выступают овладение технологической формой мыследеятельности и овладение перспективой собственного изменения, выявление и использование новых возможностей своего психофизического организма. Как в отношении технологических форм, так и в отношении самовладения потенциал профессионального мастерства тем выше, чем больше внимания уделяется механизмическому обеспечению абстрактной готовности к многообразию конкретных состояний, проявлений, операций и др., а затем и налаженности ситуационной реализации абстрактной готовности.

Опыт игромоделирования показывает, что интеллектуальная группа механизмов прежде всего обращена к созданию разномасштабных нормативных рамок в пространстве деятельности в зависимости от складывающейся ситуации. Динамичность ситуации порождает быстрые нормативные переопределения и соответствие между меняющимися условиями, нормативными требованиями и морфологическими возможностями психофизического организма может быть сохранено лишь при созданности интегральной и дифференциальной, абстрактной и конкретной готовности и способности организма. Для уп-

равленца подобное соответствие включено в целое мыследеятельности, в ее ведущий механизм рефлексивной самоорганизации самих по природе рефлексивных процедур.

3. Специфика стратегического управления и формула стратегического успеха

3.1. О сущности и типологии стратегий

Условием появления стратегий и стратегического управления выступает возникновение организационных механизмов в реализации управленческой функции относительно «больших» систем, появление «иерархий», соотношения между горизонтальными и вертикальными управленческими кооперативными отношениями.

Чем ближе к уровню иерарха, тем более явными становятся требования, специфичные для стратега. Иерарх является тем, кто должен действовать и мыслить стратегически. Однако понимание сущности «стратегии» остается достаточно неопределенным, и мы проводили логико-методологический анализ сущности стратегии специально для того, чтобы уйти от сохраняющейся неопределенности (см. *О.С.Анисимов: 1999, 2002, 2004, 2005*).

Приведем базисные различия.

Все более активное обращение внимания на «стратегии», применительно к управлению фирмами, отраслями, экономикой, политикой и т. п., приводит к необходимости серьезного анализа сущности стратегии. С одной стороны, любое высшее военное учебное заведение вводит определение и формирует стратегическое сознание у командиров. С другой стороны, опыт военной мысли достаточно свободно переносится на «обычное» управление. Появляются систематические концептуально – проектные изложения версий стратегического управления фирмами и организациями (см. например, *И.Ансофф, А.Халачми и др.*). Достаточно популярным термин «стратегия» становится и в методологии (см. например, *Г.П.Щедровицкий*). Нередко в лингвистике и психологии мышления употребляли тот же термин. Важно пройти рубеж, отделяющий, индивидуальный смысл от внеиндивидуального, культурно ориентированного значения одного и того же термина.

Мы обратимся к введению значения термина «стратегия», соотносясь с некоторыми прототипами и идеями в истории и современности. А затем введем характеристику типов стратегии.

В Древней Греции стратегом считался человек, назначенный для ведения войны и на время войны (см. Платон, Аристотель). Политический заказ на войну фиксировался с той определенностью, чтобы полководец мог быть ответственным в организации и успешном проведении войны с использованием имевшегося в его распоряжении войска. И в Греции, и в Риме функция стратега и военного руководителя реализовывалась достаточно гибко, но всегда учитывалась способность руководителя.

Постепенно из руководства войной в целом вычленилась функция планирования вместе с перепланированием, конкретизацией «общего плана» применительно к ситуациям и специфике нижестоящих руководителей. Так оформилась собственно стратегическая функция.

Приведем несколько идей К.Клаузевица. Стратегия – это «учение об использовании боев в целях войны», тогда как тактика – это «учение об использовании вооруженных сил в бою» и сами они, тактика и стратегия, суть «различные по существу деятельности» (1994, с. 113, 121). В стратегии «все протекает гораздо медленнее... для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо больше силы воли, чем в тактике... В тактике мгновение само вас увлекает с неудержимой силой» (1994, с. 191). Эрцгерцог Карл Австрийский подчеркивал, что «стратегия намечает план. Обнимает и определяет ход военных операций, это наука верховного полководца, тогда как тактика учит методам осуществления стратегических предположений ... от стратегических планов зависит удачный или неудачный исход войны... они могут исправить ущерб тактических промахов» (1926, с. 86, 95, 97). Жомини добавляет, что стратегия – это «искусство вести войну по карте, охватывающей весь театр войны... стратегия – всегда может направить свои стремления лишь на самую высокую цель при имеющихся средствах... первая задача стратегии – подготовка боевых действий, первое развертывание армий, учитывая политические, географические, государственные соображения..., полководец никогда не упускает из виду своей главной цели, несмотря на всю изменчивость обстоятельств» (1926, с. 107, 176 – 177).

Фон Богуславский считал, что «теория стратегии может состоять единственно из принципов, а не из методов применения средств» (1926, с. 223). А. Свечин подчеркивал, что «стратегия начинается там, где виднеется ряд последовательных целей, этапов к достижению конечной цели войны... должна широко заглядывать вперед и учитывать будущее в очень широкой перспективе... Стратегические решения по природе своей радикальны. Стратегические оценки должны охватывать вопросы в корне» (1999, с. 286, 293).

Мы видим, что стратег, это такой руководитель (военный и иной), который строит совместную деятельность своей организационной структуры (армия и др.) в рамках фиксированного внешнего (политического, экономического и т.п.) заказа. Однако в целостности всей деятельности организационной структуры и при вовлечении всех доступных ресурсов стратег прежде всего проектирует путь, «план», последовательность целей. Этот путь выражен в такой форме, чтобы сохранить свободу в конкретизации и допроектировании в зависимости от условий, возможных методов решения более конкретных задач. Как писал А.Свечин, «стратегия – искусство полководцев, которое призвано решать основные проблемы, выдвигаемые обстановкой войны и передает решения для исполнения оперативному искусству» (1999, с. 282). «Стратегический руководитель, отмечал М.Н. Тухачевский, не может лично организовывать бой» (1965, с. 105). Иначе говоря, стратег и в фазе «планирования», и в фазе реагирования

на обстоятельства реализации «плана» остается на более абстрактном уровне видения происходящего и того, что должно происходить.

Как мы видим, стратег отвечает за целое (войны и др.), получение конечного результата, за использование всего ресурса. Однако само реальное достижение конечной цели происходит за счет управления организационной структурой, построения абстрактных норм (А-норм) для подчиненных руководителей, при последующей их конкретизации (получение К(А)-норм) и реализации этими руководителями в рамках допустимой (А-нормами) свободы. Как и любая А-норма, стратегия является средством управления, средством согласованной и разнообразной деятельности всех подчиненных.

Вводя различие стратегического и тактического в управлении, мы вводим критерий целого и части системы деятельности, построение деятельности для части и целого, ответственность за часть и целое. «Целому всегда соответствует стратегическое отношение к управлению, а части — тактическое. Поэтому для руководителя подразделения стратегическим является отношение к внутренним событиям в подразделении с точки зрения целостности хозяйства... Умение стратегически относиться к событиям в подразделении — очень важное качество любого управленца» (1989, с. 213–214). Отношение к заказу вырабатывает стратег. Но он это делает в рамках соотнесения содержания внешнего заказа, имеющихся ресурсов и необходимости построения деятельностного механизма с использованием ресурсов, внутреннего и внешнего, через посредство процедур технологического или экономического, рыночного обмена. Особую роль играет именно иерархичность управления. Для анализа профессиональной характеристики, способа его бытия в управлении это обстоятельство является ведущим. «Отношение к событиям, основанное на заимствовании точки зрения вышестоящего уровня управления, возможно на основе различения конкретного и абстрактного. Абстрактный уровень, не учитывающий в себе конкретные детали, позволяет анализировать те же события как бы в более крупных единицах... Заметить принципиальное расхождение в макросистеме в тысячу раз важнее, чем видеть неточности в конкретной картине, которые являются следствием этих принципиальных расхождений» (1989, с. 214–215).

Придя к необходимости не только инвентаризации достижений методологии, в рамках которой сама аналитика деятельности, управления деятельностью, проектирования систем деятельности прошла границу между стихийным и нестихийным, систематическим, критериально насыщенным, рефлексивно осознаваемым формам анализа (см. Щедровицкий и его ученики), мы создавали типизированную систему категорий, типизированный язык теории деятельности, целостно ориентированную парадигму языка теории деятельности. Стало ясно, что многие системы различений в методологии оставались достаточно ситуационными схематизациями. Тем более. Что в культуре мышления уже существовали технологические критерии преодоления случайности первичных инструментов мысли. Мы разработали в середине 70-х г. особую технику перехода от смысла к значениям, к понятиям и категориям,

названную «метод работы с текстами», МРТ (см. историческую реконструкцию поисков).

В результате конструирование понятий стало особой стороной языкового строительства. Особую роль играло применение схемотехники и логики «восхождения» и ее технологического выражения. Искусственность такой логики преодолевалась особым отношением к внешним для понятийных конструкций содержаниям, материалам смыслов. Требования к методу соотнесения раскрыл еще Гегель, сохранивший потенциал идей Платона, Фихте и др. и развивший его. В рамках современного игромоделирования появилась сама возможность превратить мыслительные соотнесения в мыследеятельностные и проверять все мыслительные гипотезы (Г.П. Щедровицкий 1995; О.С. Анисимов 1989, 1996, 1997, 1998). В частности мы осуществляли построение и совершенствование парадигмы языка с привлечением соответствующе ориентированных игр и игротехнической рефлексии. Именно парадигматическая и синтагматическая рефлексия механизма управления игрой позволила раскрывать природу и технологию стратегического мышления (см. например, 1992).

Основное внимание было уделено проектированию деятельности в позиции управленца, ответственного за целостность организационной структуры и всего механизма деятельности, «реагирующего» на внешний заказ. Это проектирование может быть стихийно-конкретным, индивидуализированным, но может быть критериально обеспеченным — концепциями, понятиями, категориями, идеалами, ценностями. Культурные критерии, даже если они лишь интеллектуального типа (понятия, категории), являются абстракциями. В силу этого переход к проблемам и проектам опосредствуется абстракциями и конкретные проекты замещаются абстрактными. Таким образом и выделяются стратегии как А-проекты в позиции управленца-иерарха.

«Поскольку внеситуативный слой проектирования и внеситуационность ценностей («ради чего?») особо отражаются на всем процессе принятия решений и являются характерными для стратегической организации управленческих действий, то стратег наиболее тщательно следит за тем, как внеситуативная проектная схема зависит от реализуемой системы ценностей, вовлекаемых понятий и категорий с учетом реальной ситуации, понятийно выраженной в проблеме» (1992, с. 74). Мы рассматривали такую игру (организационно-деятельностную — ОДИ) как модель управляемого механизма реагирования на внешний или квазивнешний заказ. ОДИ строится в рамках методологической организации рефлексии проблемных ситуаций в деятельностных системах. Поэтому в нее «проникают» те проблемы, которые характерны для самой методологии, культуры в целом, что и превращает заказ от практики в заказ и от культуры, в псевдозаказ для руководителя игры — методолога.

Анализ механизма ОДИ позволил прийти к выводу, что деятельность игротехника, включая руководителя игры (стратега), предстает высшей формой профессионализма управленца, является акмеологической моделью профессионализма управленца (1995).

«Руководитель игры сам или с помощью специальных служб вырабатывает стратегию игры. Это прежде всего абстрактные проекты движения интегрального игрока в игре, дифференциация этих проектных схем относительно специфики групп, типизации еще более конкретных линий движения отдельных игроков... Конкретизируя траектории деятельности абстрактного игрока и переходы к групповым представлениям о траектории, он покидает почву стратегии и приходит к тактическому уровню наполнения системы мест в объеме каждого из игротехников... Организатор игры как стратег может просто передать результат своей проектной работы игротехнику, который и конкретизирует применительно к особенностям группы... В ином случае организатор игры занимает позицию игротехников, конкретизирует стратегию сам, применительно к особенностям групп» (1992, с. 77–78).

Итак, стратег — это проектировщик деятельности целостности, системы деятельности, реагирующей этим на заказ и гарантирующей производство «продукта», соответствующего деятельностно понятию содержанию заказа. Но стратег строит А-проекты, требующие конкретизации для иных уровней управленческой иерархии. С другой стороны, проектирование является частной функцией в функциональной целостности рефлексии. В рефлексии реконструируется ситуация, выявляются затруднения, оформляемые в проблемы за счет интеллектуальной критериальной базы и по результатам ценностного самоопределения. Лишь на основе фиксированной проблемы и строятся А-проекты, а затем и их конкретизированные варианты, вплоть до задач для исполнителей. Если А-проекты суть исходное основание для запуска процесса формирования деятельностного механизма, то иерархичность управленческой подсистемы приводит к фундаментально необходимой профессиональной характеристике стратега — он должен владеть мыслительной культурой вообще, а в особенности — культурой переходов от абстрактного уровня к конкретному уровню содержания (проектов, проблем и т.п.) и наоборот, от конкретного уровня к абстрактному, а также — движения в каждом из уровней абстрактности и конкретности.

Мы пришли к выводу, что вне указанных качеств стратегического мышления и следующих за ними качеств иного типа (воли, самоопределенности и т.п.) нельзя обнаружить профессионала стратега. Могут быть очень талантливые дилетанты, но не профессионалы. Именно подобные требования мыслительной и рефлексивной культуры «незнакомы» теоретикам и методистам современного стратегического управления.

Вот как представляет себе метод принятия стратегических решений И. Ансофф: (1999). Метод должен обеспечить отслеживание изменений во внешней среде и поиск привлекательных вариантов новых продуктов; предлагать распределение ресурсов фирмы между известными возможностями и теми, которые могут появиться; выделять варианты, в которых фирма имеет неоспоримые преимущества; позволять работать с вектором потенциально несовместимых целей, оценивать долгосрочный потенциал проектов (1999, с. 58). Специ-

фическими характеристиками этого метода считаются: «1. Стратегия применяется для выявления возможностей; 2. Используется вектор целей; 3. Использование дополнительных качественных показателей повышает точность измерения объема будущей прибыли» (1999, с. 63). Однако, что такое «стратегия»? Стратегия – это «способ действия» (1999, с. 64), «новые правила принятия решений и установок, направляющие процесс развития организации» (1999, с. 155), «один из нескольких наборов правил принятия решения относительно поведения организации» (1999, с. 159), «цели представляют собою результаты, которых пытается достичь компания, а стратегия – средство достижения результата... стратегия, действенная при одном наборе целей, может перестать быть таковой, когда задачи организации меняются... Ее формулирование обычно не приводит к каким-либо немедленным действиям» (1999, с. 161). «Разработка стратегии неминуемо происходит в условиях неполноты информации, когда невозможно предусмотреть все возможные альтернативы» (1999, с. 177), стратегия нужна как «инструмент, который может помочь в условиях нестабильности» (1989, с. 74), она обеспечивает «сбалансированность и общее направление роста» (1989, с. 71).

Мы видим, что большинство характеристик стратегии сохраняют проектную направленность и связаны с вновь возникающей неопределенностью положения организации, а также с интенсификацией роста фирмы. Все определения достаточно неопределенны и носят смысловой характер.

Для иллюстрации смыслового уровня характеристик стратегии и стратегической формы управления приведем еще несколько соображений А.Халачми (1998).

Стратегический план «объединяет цели организации, ее политику и действия в единое целое. Этот план как выражение суммы стратегических выборов – продукт продуманного процесса принятия решений» (1998, с. 673). «Стратегическое управление и планирование предоставляют менеджеру широкие потенциальные возможности... облегчают системное мышление, соотносящее представление о среде, о желаемом, ресурсах с планом действий... предваряет контроль за сферой действий менеджеров более низкого класса, определяя важные ценности, требуемые результаты... снижает неопределенность операций» (1998, с. 674). «Стратегический план – это совокупность опорных точек, помогает определить операциональные цели... содержит критерии выбора и обоснование решений» (1998, с. 674). Стратегическое планирование составляет «ряд повторяющихся действий, включающих в себя исследование, обзор данных, принятие решений и оценку решений, исследование последствий и адекватности того, какие решение принимались раньше» (1998, с. 678). «Стратегия влияет на (организационную) структуру, на распределение власти и структура ограничивает стратегические альтернативы, если не само стратегическое проектирование» (1998, с. 689).

Тем самым, простая рефлексия мыслительных и иных действий иерархической управленческой структуры позволяет выявить очевидный ряд характе-

ристик. Многие из них, введенные А.Халачми, важны в практике управления. Они могут быть легко обнаружены в рефлексии военного управления. Мы подчеркнули бы такие характеристики, как опора на анализ внешней и внутренней среды, предназначенность для нижестоящих управленцев, обеспечение для них свободы выбора в рамках стратегии, способствование системному мышлению, возможность контроля, снижение неопределенности, опора в целеполагании, взаимозависимость с особенностями уже имеющихся оргструктур. И все же при переходе от стихийной рефлексии стратегического мышления и управления к понятизации ее результатов, к профессионализации стратегического мышления и управления важен механизм мышления стратега, а не его внешние проявления. Поэтому от содержательной стороны мышления мы должны перейти к форме мышления, рефлексии, всего мыследеятельностного цикла управленца – стратега. А этой характеристики как раз и нет у абсолютного большинства авторов. Поэтому неслучайны «пропуски» того, что относится к механизмам мышления: переходим от абстрактного к конкретному содержанию, от ситуации к проблеме, от проблемы к задаче и т.п. На этом поле механизмического анализа управленческой практики и проявилась сила методологической мысли (см. историю методологии в нашей работе 1996, а также *Г.П.Щедровицкий 1995, 1997*).

Мы осуществили реконструкцию взглядов военных мыслителей, современных теоретиков экономической ориентации, ряд предпосылок стратегического мышления, фиксированных в психологии и лингвистике и показали характерные проблемы в стратегическом мышлении и управлении в практической и культурной областях, прежде всего в методологической деятельности (1999).

С точки зрения функции, реализуемой стратегом, он является и мыслителем – создателем А-проектов совместной деятельности в рамках «заказа», и деятелем – управленцем, который обеспечивает и появление А-проектов, их коррекции и прохождение пути к воплощению проектов. Этим самым, реализация всех типовых функций управленца акцентирована на системообразующую роль А-проектов.

Первичный набор функций управленца имеет своими рамками понимание заказа и контроль за реализацией создаваемых им проектов деятельности:

И понимание содержания языка, и его выражение в Д-языке, и проектное оформление приемлемого прогноза, и прогнозирование, и ресурсный анализ являются мыслительными процедурами по механизму, реализующему деятельностьную функцию. Большинство процедур являются рефлексивными по природе, предполагают анализ хода деятельности, реальной или возможной, с конечным нормативным результатом – проектом деятельности, исходным или скорректированным. Сама управленческая деятельность порождается на базе «сопровождающей» рефлексии действий:

Все эти управленческие функции сохраняются и «размножаются» в зависимости от усложнения организационной структуры деятельности и, прежде всего, управленческой подструктуры. При иерархизации управленческой оргструк-

туры вышестоящий управленец должен создавать такие нормы для нижестоящих управленцев, чтобы они, регламентируя деятельность (и мышление, рефлексию) последних, регламентировали деятельность и всех нижестоящих, включая исполнителей. Это возможно за счет перехода от конкретных норм к абстрактным и возможности конкретизации последних:

Но здесь мы вынуждены непосредственно столкнуться с рефлексивно-мыслительным механизмом управленческой деятельности. Построение А-проектов требует перехода от стихийного мышления к культурному, насыщенному формами и средствами (языковыми) мышления. Неразличение этих типов мышления по способу его осуществления ведет к консервации управленческого дилетантизма и отсутствию профессионализма, даже при талантливости самого управленца. Если стихийный тип содержательности дает лишь смыслы как единицы «застывшего» мышления, то язык неотделим от конструктивности, упорядоченности, деиндивидуализированности единиц-значений. Управленец как мыслитель должен владеть соотношением двух типов единиц:

Тем самым, стратег, будучи наиболее вышестоящим управленцем и строящим А-проекты как основание для порождения всей нормативной базы, включая К-проекты и или задачи для всех участников, в максимальной степени оперирует языком деятельности, системой значений. Он предполагает многоярусные замещения, в которых переход от первичных смыслов к значениям дополняется переходом от менее конкретных значений к более абстрактным. А затем и от более абстрактных к менее абстрактным значениям. Только на этом фоне мыслительная иерархия является общей базой для оргструктурных иерархий в управлении и различий между ситуационной, тактической и стратегической формами управления. В них само обращение к языку теории деятельности и оперирование им становится различным:

Если сама парадигма Д-языка строится в методологии, то использование парадигмы по содержанию инновационное максимально представлено в позиции стратега, так как он сталкивается с необходимостью строить охватывающие рамки для всего деятельностного механизма, тогда как тактик, ответственный за часть механизма или часть пути к конечному результату, строит рамки уже имея их охватывающие и более абстрактно выраженные «макро-рамки» или рамки стратегии. Стратегии в большей степени уникальны, так как деятельностные механизмы создаются под оригинальные заказы. Тактики в большей степени рутинны, так как опираются не столько на заказ, сколько на готовую стратегию и готовые организационные структуры, хотя и с учетом меняющейся ситуации. Как правило реагирование стратега на уникальность заказа стимулирует чувствительность к поиску недостатков имеющегося Д-языка и возможности его проблематизации. Поэтому стратег «ближе всего» находится к позиции методолога, а основные разработки методологии и современная игропрактика (ОДИ — «организационно-деятельностная игра») имеет своим содержательным источником проблемы управления стратегического характера.

Итак, для реализации функции стратега в организованных, культурных формах управленец или его вычлененный сервис (мыслитель – стратег) должны владеть современной культурой мышления, рефлексивной культурой и, следовательно, иметь логическое и методологическое оформление мыслительных способностей. Вместе с этим появляются требования к его профессиональному сознанию и самосознанию, так как достижение контролируемого эффекта в рамках указанных культур невозможно без соответствующего развития сознания и самосознания.

Поскольку стратегия, как особый тип норм, предполагает предъявление этой нормы иным участникам управленческого процесса, то появляются третичные требования к способности организовывать понимание и принятие норм, коммуникацию и общение. Сама коммуникация включает возможность не только понимания, но и критики стратегий, использования арбитража в дискуссиях. Общение предполагает возникновение конфликтов, противодействий, борьбы, а затем и согласование мнений и интересов. Идентификацию с партнерами. Поэтому в реальной деятельности стратега пересекается линия рефлектирующего и коммуницирующего мышления с линией межсубъективных отношений, субъективных сближений и отдалений, а также с линией корректирования мышления, рефлексии, коммуникации, действия, противодействия, согласования, идентификации. На фоне сплетения мышления, общения, рефлексирования протекает типовой и важнейший процесс «принятия норм», соотношения предписываемых и желаемых форм бытия в совместной деятельности. Это соотношение выступает для нижестоящего руководителя как самоопределение и последующее субъективное самоположение в проектном пространстве деятельности. Без самоопределенности подчиненных нельзя создать эффект сознательного прохождения пути в реализации стратегии и корректного творческого вклада в этот процесс.

Мы видим, что мыслитель-стратег опирается прежде всего на общую и рефлексивную культуру мышления, тогда как управленец-стратег опирается еще и на иные типы культур, владение психотехникой, группотехникой в рамках социотехники в целом. Именно вычленение всех указанных составляющих механизма управленческой деятельности в позиции «главы управленческой иерархии» и было характерным результатом игромодельной практики последних 20-ти лет (см. наши реконструкции хода игромодельных поисков – 1989, 1996, 1997, 1998, 1999).

Обратимся к проблеме типологии стратегий. Любое проектирование деятельности начинается с целеполагания. В зависимости от представлений о конечном результате и начинается поиск того исходного материала, который «способен» стать продуктом при соответствующей организации процесса трансформации материала в продукт. Весь механизм деятельности, включая применение определенных средств и т.п., может быть рассмотрен как процессуально-структурный комплекс факторов, гарантирующих преобразование материала в продукт или конструирование продукта из единиц материала.

При типологизации проектов деятельности можно реализовывать подход с акцентировкой на содержание заказа и интересы, способ бытия заказчика. Он предстает как «внешнее» условие бытия самого деятельностного механизма. «Внутренним» акцентом предопределяется иной подход к типологизации:

Однако противоположение заказчика и управленца, внешней и внутренней сред для механизма деятельности, включая организационные структуры, легко осуществляется лишь при локализации бытия того и другого, в условиях «микроуправления». В «макроуправлении» (отраслевом, региональном, федеральном и т.п.) относительность противоположения быстро обнаруживается. И тогда заказ и «заказчик» становится принадлежащим среде или самого универсума деятельности, или ресурсной среде, потенциально включаемой в универсум деятельности, или той универсумальной «среде», в которую вписывается универсум деятельности. Следует тогда противопологать «естественные» целостности («природа»), «искусственные» целостности (деятельностные механизмы и культура) и «естественно-искусственные» целостности (результат практики деятельности).

Все типы бытия имеют циклы, включающие «становление» организованностей, их «поддержание», «развитие» и отход от организованного бытия («смерть»). Поэтому, если возникает необходимость деятельности, вмешательство в имеющееся состояние и динамику бытия, то от проектировщика, прежде всего стратега, требуется внешнее и внутреннее самоопределение — принимать или не принимать возможность вмешательства во внешнее путем соответствующей активации внутреннего, наличного механизма деятельности или его возможного бытия. Стратег выявляет тип трансформации внешнего бытия и прогнозирует тип реагирования внутреннего потенциала деятельности, адекватный внешнему заказу. Исходя из этого он и приходит к возможности типологизировать цели и стратегии.

Подобное исчисление акцентов и их связанности с источниками (внешние и внутренние) позволяет вносить в мышление стратегов особый слой культуры мышления — «онтологическую» культуру. В ней предполагается учет тех или иных мировидческих конструкций, мировоззрений для корректного ответа на вопрос о допустимости воздействия на «мир», о нахождении допустимых форм, о гармонизированном совмещении деятельностного и додеятельностного «миров». Онтология понималась как наука «о сущем» (С.Н. Трубецкой), как «имманентно понятая реальность» (И.Кант), «учение об абстрактных определениях сущности» (Гегель). С нашей точки зрения, именно стратег преодолевает стихийность деятельностного реагирования на внешние призывы за счет обретения онтологической составляющей мыслительной культуры.

В рамках онтологических конструкций выделяются единицы, имеющие организованность (структурированное «нечто»). В силу своей организованности они могут реагировать на внешние воздействия в пределах возможностей организованности (см. 1997). Внутренний способ бытия организованного «нечто» предопределяет следующие типы проявлений: нереагирование на воздей-

ствии (сохранения бытия «в-себе»), реагирование на воздействие без учета внутренних «интересов» (бытие «для-иного»), реагирование с учетом внутренних «интересов» (бытие «для-себя»), реагирование с трансформацией себя (бытие «для-в-себе» и «для-иного») и реагирование с развитием себя (бытие «для-в-себе»). Этот набор вариантов применим как к реагированию внешнего на деятельностное воздействие, так и к реагированию деятельностного механизма на внешнее воздействие (условия и давление заказчика).

Так как стратег может начать свою работу не только из-за появления нового заказчика, но и по результатам рефлексии бытия системы деятельности, личного механизма, то его самоопределение стратегического типа и состоит во втором случае в нахождении внутренних оснований выбора типа изменений бытия механизма. Эти изменения или бытие «для-в-себе» меняют саму готовность к реагированию на внешние призывы. И тогда появляются стратегии либо укрепления функционирования, либо ликвидации, либо развития, либо нахождения нового стартового состояния механизма, новой истории.

3.2. Стратегическое управление

Часто слово «стратегия» рассматривают как происшедшее от греческого «стратегос» или «искусство полководца». Полководец должен построить общий план войны и сражения, последовательности действий, подчеркивает направление главного удара, определяет распределение сил и др. У полководца есть нижестоящие начальники, которые должны «подхватить» общий план, конкретизировать его для себя и согласоваться с себе подобными в управлении подразделениями. Победа может быть достигнута лишь вместе и в рамках единого плана. Но она достигнется тогда, когда общий план сохранится в конкретизациях, и частные планы учтут особенности того уровня, к которому они принадлежат, и тех сил, которые подвластны начальнику менее высокого уровня. Все это легко понимаемо всеми, также как очевидным остается то, что вне больших иерархических структур, максимальной организованности, дисциплины, способности понимать, принимать и активно реализовывать «общие планы», вне воспроизводства такого совместного бытия и т.п. стратегии не могли бы появиться. Военная практика стала лишь «эталонной» или «модельной» для всех практик, где возникает подобная система требований к совместным действиям. Неслучайно, что государственное управление во многом удерживало подобные требования и давало почву для выделения стратегического типа управления. И лишь развитие экономики, промышленности привело к опознаванию тех же требований к взаимодействиям, что и в военном деле, хотя и с многочисленными специфическими особенностями. Регулярная промышленная и иная практика стимулировала «воспоминание» об общих условиях стратегического управления.

Термины «стратегическое управление», «стратегическое планирование» широко вошли в практику западного управления в 60-е гг. XX в. и после некоторого «охлаждения» интерес возрос в 90-е годы, и тенденция роста интереса

сохраняется. В СССР пятилетние и более долгосрочные планы практиковались систематически, но вне учета рыночных условий и значимости гибкого реагирования в меняющейся среде. С 90-х гг. XX в. и в России бурно распространяются методы и технологии стратегического планирования, управления. Если углубляться в большую историю, то появление элементов стратегического управления и планирования было вплетено в общую эволюцию механизмов управления, появления и оформления проблем управления, выделения управленческих парадигм, инноваций. Египтяне 4 тысячи лет до Новой эры признали необходимость планирования, организации, контроля большими общественными системами. Евреи 1,5 тысячи лет до новой эры имели концепцию организации. Сократ еще за 400 лет до нашей эры формулировал принцип универсального управления, а Ксенофонт признавал управление как особый вид искусства. Важность принципа единоначалия отмечал Иисус Христом, наряду с учетом человеческих отношений. Однако научный менеджмент и принцип системности в управлении, внесение стандартов и планирования, контроля как неизбежное качество оформились Ф.Тейлором в 1900 г., а Г.Файоль ввел первую полную теорию менеджмента, функции и принципы, необходимость преподавания в 1913 г. В этом же году Г.Черг предложил функциональную теорию менеджмента. Л.Уорвик в 1943 г. свел воедино и скорректировал принципы менеджмента. В 1965 г. И.Ансофф ввел модель стратегического планирования. Сама стратегическое управление имело как сторонников, так и противников. Причина противопоставления лежала в приверженности к тактическим и ситуационным вопросам.

Следует отметить, что объективным фактором, способствующим приходу к стратегическому подходу в управлении, выступает именно наличие и «объем» организационной пирамиды. Чем выше по уровню в иерархии становился управленец, тем быстрее он начинал учитывать специфические факторы стратегического управления, а также в сопровождающей их аналитике. Можно привести множество примеров, например мыслителей-полководцев типа Сунь-Цзы, Макиавелли, Клаузевиц и др. Но помимо объективного фактора следует учитывать и субъективные, а также средовые. В первом случае имеется в виду талант и гениальность, а во втором случае – социокультурные, деятельностные стереотипы, условия, требования, стимулирующие постановку вопросов о субъективных коррекциях, профессиональном развитии. Важно подчеркнуть, что принципиальные вопросы, характерные для стратегического проектирования и управления в целом, соответствующие требования к стратегу были поставлены давно. В IV в. до нашей эры Сунь-Цзы тщательно раскрыл эти особенности.

Для сущностного воззрения на стратегии и стратегическое управление важно его обращение ко всеобщим положениям, «максимам», которые применимы к любым конкретным образцам стратегического мышления. Они касаются как «внутреннего», так и «внешнего» аспектов мышления полководца-стратега. Внутреннее касается устройства войска, различных способов перестроений,

действий его как целого и др. вопросов потенциала и актуализации потенциала войска. Следует отметить, что «максимы» и ориентиры, которые использует Сунь-Цзы, *насыщены не конкретной ситуационностью, а всеобщностью*. Для их использования в привязке к ситуации требуется дополнительная работа мысли. Но и она должна *оставаться в позиции стратега*, а не расщеплять и растворяться в деталях и частях. Полководец сохраняет управление целым, хотя оно может быть состоящим из однородных и неоднородных частей, имеющих своих командиров. Все его максимы и ориентиры *обращены к целому*. Внешнее касалось условий достижения цели, само внешнее целеполагание, идущее от правителя, политического руководителя. Элементы военного искусства по содержанию касались пространства, количества и др., но по своей функции они были средствами мышления в процессе принятия решений стратегического, а затем и тактического типов. Это великий мыслитель — стратег уделял самому мышлению особое внимание, считая, что «кропотливые расчеты» являются условием победы. Но, чтобы рассчитывать, необходимо знать суть вещей, подлинные свойства всего того, что вовлекается в военную деятельность. Тем самым, в то далекое время наряду с начальными, «естественными» слоями и фрагментами мышления стратег характеризовался как *пользователь всеобщих мыслительных средств, критериев* в организации исходных процессов в ходе стратегического мышления.

В V веке упоминается канон «тридцати шести стратегем», имевший предназначение для тайных обществ Китая. Здесь также заложены секреты побед над «любим» противником и в любых обстоятельствах. В то же время в каноне выражается наука власти и одухотворенного бытия, дающих успех в «обыденной» жизни. Открытые публикации канона возникли после «культурной революции» в Китае, а закрытый выпуск был произведен в 1961 г. для высшего руководства армии Китая. Неслучайно, что одна из главных идей канона состоит в уважении точных расчетов, а не только «искусства» руководителя. Гораздо позднее великих китайцев К.Клаузевиц также обращал внимание на общие принципы, «строительные блоки» любых стратегий. Стратег должен ими пользоваться, находя адекватные условиям комбинации блоков. К.Клаузевиц подчеркивал, что стратег не опирается, а лишь учитывает то, что видно непосредственно. Стратег имеет другое видение и предвидение.

Как мы видим, стратег обладает специфическими средствами своего рефлексивного мышления. Эти всеобщие ориентиры касаются и устройства мира, и устройства самого военного механизма, и типов его вовлечения и применения. Если нижестоящий управленец может уделить большее внимание непосредственному, созерцаемому, конкретному, то *стратег отвлечен от непосредственного* и замещает его абстрактными выразителями.

Так как стратег управляет, то его абстракции должны *содержательно, но инструментально выразить* особенности внешнего и внутреннего, самого устройства и типового бытия внутреннего, самого устройства и типового бытия внутреннего, механизма деятельности.

Указанные мыслители не противопоставляли процессы, поведение деятельностных (военных и др.) систем и их устройство, возможности модификации устройств. *Абстрактно выражались типы реагирования* «нечто» на внешние условия, призывы, заказы и т.п..

При этом сами внешние условия связаны с пребыванием в «среде» различного типа объектов, имеющих разный тип бытия, что предопределяет характер реагирования на их воздействие и проявление типов чувствительности к их воздействию.

Так как управленец осуществляет учет регистрируемых внешних (и внутренних) условий в рефлексии, то указанные *особенности рефлексии стратега связаны с появлением* особого рефлексивного звена пространства или *функционального места для обобщенных, сущностных критериев*, извлекаемых из научного и философского, иного высшего познания.

Подобное привлечение может начинаться за счет введения рефлексии управленческих действий, рефлексивных по природе и дополненных остальными функционализированными действиями (контроль, снабжение, коррекция). Пытаясь выявить недостатки, затруднения в осуществлении действий, например, в планировании, в прогнозировании, в исследовании, в проблематизации и т.п., управленец может на определенном шаге *выйти за пределы первичной рефлексии* (трехфункциональной) и начать применять и накапливать абстрактные ориентиры, «максимы» и т.п..

Принципиальность взглядов Сунь-Цзы и других стратегов-мыслителей состоит в том, что они *подхватили* имеющиеся результаты культуры мышления (Древняя Греция, Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай и т.п.) и внесли новый слой в пространстве рефлексии, новый функциональный блок. Этим они качественно возвысили управленческую деятельность, прежде всего в мышлении управленца, в принятии решений. Объективной *предпосылкой выступал механизм организационной пирамиды* и необходимость реализации *принципа качественной определенности иерарха*, его отличий от нижестоящих и всей остальной пирамиды. Он не только должен удерживать согласованное бытие других в управлении, но и *придавать удержанию надежность, гарантированность в успехе* внутреннего функционирования и развития в меняющихся условиях. Тем более, что противник сам предпринимает усилия в достижении своей победы. Иерарх *достигает своего успеха, успеха иерархии, успеха целостности* (войска) *в экстремальных условиях*. Лучшая основа этих гарантий — обращение к высшим знаниям и мироотношениям. Поэтому стратег-полководец кооперативно сотрудничал с волхвами, с жрецами, с философами. Вспомним отношения Александра Македонского с Аристотелем.

Иначе говоря, *иерарх превращается в стратега* через посредство заимствования критериальной базы, лежащей в высшем познании и культуре.

Естественно, что стратег не просто думает, а ведет мыслительный «расчет», анализирует все внешние воздействия, инвентаризирует все потенциалы, соотносит с заказом, с ранее поставленными целями, задачами, проблемами и

т.п. Но он это делает *через посредство высших критериев, содержательно значимых* для придания своим соображениям собственно стратегического характера. Он должен иметь «обобщенные планы». Но их *содержание выражено в языке абстрактных средств*, заимствованных из философии, науки, культуры. Если устранить эти критерии, стратег возвращается к бытию иерарха, но не стратега. Вот выводы из того, что нам разъясняли Сунь-Цзы, Клаузевиц и другие. Достаточно обратиться к бытующей практике анализа стратегической деятельности, и эти выводы быстро вытесняются, растворяются в стихии мыслительного бытия иерархов. Поэтому и *не появляются стратеги*, хотя много существует иерархов.

Более того, все могут согласиться, что стратег должен видеть «целое» и следить за судьбой своей целостности в попытках достичь успеха и «победы». Но *если мы берем иерарха, не использующего абстрактные средства*, критерии в своем мышлении, то целое в воззрении на сложное и разнообразное в иерархии, в исполнительских подсистемах, в том, что ему дается для анализа внешнего фактора, других целостностей, противников и т.п., *то он* никогда не может уверенно сказать, что «видит» целое, а *уверенно может сказать, что не видит целое*. Целое можно увидеть только с использованием абстракций. Это легко доказывается в науке, и *теоретическое звено как раз создается для того, чтобы «увидеть» целое* и начать «следить» за его бытием *вне случайностей своего состояния*.

Стратег должен выходить за рамки «эмпирического» и интуитивного подхода, если он хочет управлять иерархией и всей системой, хочет контролировать наличие или отсутствие «целостного движения вперед», движения к поставленной цели, движения в развитии. И это возможно лишь в мысли, а *реальные действия составляют лишь фон, материал, подтверждающий мыслительную гипотезу или опровергающую ее*.

Об этом подробно рассуждал, на уровне бытующего тогда языка выражения мысли, К.Клаузевиц. *Стратег — это культурный мыслитель*, владеющий техникой порождения, использования, коррекции концепций, подтверждения, опровержения, рефлексии самого хода мышления. Иерарх, поскольку он не входит в культурно-мыслительное, а также нравственно-духовное пространства, не может быть стратегом.

Развитие экономики, техники, науки, промышленности в XVIII–XIX вв. подготовило резкое усложнение не только всей инфраструктуры общества, но и механизма управления. Он стал иерархизироваться не только в государственном и региональном управлении и усложняться с структурах внешней и внутренней безопасности, но и повсеместно, где возникали промышленно значимые системы, и интенсивно развивалась экономика. К.Маркс глубоко отразил принципы возрастающего усложнения, а А.А. Богданов построил общую теорию систем и их динамики в становлении, функционировании, развитии и распаде. Цивилизация в конце XIX и в XX в. быстро становилась «управленческой», а к концу XX в. еще и «информационно-аналитической» в обеспечении

управления. Соответственно рос потенциал стратегического управления, особенно в периоды региональных и мировых кризисов, при создании «универсальных средств разрушения» и перехода к космической эре. Не случаен и всплеск анализа стратегической формы управления и заимствования концептуального наследия военной и политической мысли. Во второй половине XX в. свой вклад внесли Ф.Абрамс, И.Ансофф, С.Арджирис, П.Друкер, Дж. Куинн, Г.Минцберг, Т.Питерс, М.Потер, К.Прахалад, Г.Саймон, П.Сенге, А.С-триклэнд, А.Томпсон, Г.Хамел, К.Хофер, Э.Чандлер, Г.Штейнер. Они обсуждали стратегическое планирование и затем стратегическое управление. Огромный интерес имеет опыт национальных мобилизаций, которые продемонстрировали Германия, США, Англия, Япония, СССР, Корея и др. Любая такая мобилизация предполагает быстрый рост стратегического проектирования, планирования, управления. В Японии после ее поражения в 1945 г. стал популярным лозунг, призывающий «всех» стать мыслящими стратегически, смотреть «не под ноги, а далеко вперед». Гитлер призывал к моделированию «тысячелетнего рейха». Большевики настраивали на жизнь в рамках построения коммунизма «на всей Земле». США стали переходить к полной перестройке миропорядка на «демократической и рыночной» основе. Китай осуществляет шаги в их подчинении далеким целям и установкам. В экономике с 50-х гг. XX в. стали думать о получении прибыли «в будущем», а не только по принципу «здесь и теперь». Первая же международная конференция по стратегическому управлению проведена была в 1973 г. в США, а многие работы фундаментального характера, например И.Ансофа, появились в середине 60-х гг. Стратегический менеджмент противопоставлялся тактическому, оперативному. Важно подчеркнуть, что результатом стратегического управления стали считать появление нового качества и роста системного потенциала для достижения целей организаций в будущем с учетом адаптивности к перспективным изменениям «внешней среды», тем более – к трудно предсказуемым изменениям. Подвергалась изменению ориентация в планировании. От принципа «из прошлого в будущее» переходим к принципу «из будущего в настоящее». Увеличивалась роль построения сценариев и применения моделей, прогнозирования тенденций. Возникли обзоры различных направлений стратегической мысли и практики, например, Г.Минцберга, Б.Альстрэнда, Дж.Лэмпела. Отмечено, что наряду с акцентом на результат стратегического планирования, проектирования возникали акценты на сам процесс разработок, на соответствующие организационные структуры.

Как мы видим, факторы, способствующие выделению стратегического подхода, не только появлялись в реальности управления, но и осознавались. Так реагирующее отношение к заказу, спросу дополнялось и вытеснялось *прогнозирующим отношением*. Управленец не ожидает новых заказов, *входит в позицию заказчика*, не только реконструирует ставшее состояние внешних разрывов, источников разрывов как предшествования заказов, а *конструирует возможное состояние, тенденции*, исходя из «объектной логики».

Само по себе активное прогнозирование не создает новое качество в планировании, проектировании и лишь расширяет временные рамки, увеличивает объем актуальных и потенциальных заказов. Но увеличение массы и временное размещение дает *повод рассматривать причины порождения заказов и учитывать их* как условие более надежного ответа на основные вопросы. Тем более, что в зоне внимания стали *рассматривать «свои» интересы, опираясь на знание* о своей «организованности», системе, ее возможностях, *потенциале*.

Основные вопросы могут возникать лишь *в связи с бытием управленческой организованности* и всей системы деятельности, возможностью их функционирования и развития. С этой точки зрения *внешняя среда*, иные системы выступают лишь *как условия воспроизводства и развития*.

Иной аспект связан с *миссией* не рассматриваемой деятельностной системы и ее управленческого звена, *а той, которую обслуживает «наша система*. Невписывание в функциональную предназначенность, например, вооруженных сил для защиты страны, милиции — для охраны порядка в обществе и т.п., означает *утерю самой необходимости бытия системы*. Здесь действуют системно-онтологические принципы отношений между любыми системами, если не рассматривать аспект универсальности. Универсум «определяет» миссию всему, всем типам организованности, но с учетом роли, функции каждой организованности в бытии других организованностей. Платон это трактовал как наличие идеи (функции, миссии) идей, а сами идеи являются функцией, миссией для всех вариантов того, что может уподобляться идее. Тем самым, любая фиксированная *система* сама *имеет свою функцию* и свое предназначение для «чего-то», но и *свой механизм*, организованность, появляющийся за счет введения в «функциональное место» адекватной «морфологии».

Если функциональное место заполняется неадекватной морфологией, то она *либо «вытесняется»* функциональным местом и этим обеспечивает свою безопасность, *либо* она *заставляет менять содержание самого функционального места* в пределах «гибкости» этого места, создавая эффект изменения или развития системы.

Стратег обращается не к функционированию, а *к развитию* своей системы, если функционирование уже налажено. Стратег обращается *к созданию функционирования*, если оно еще отсутствует, а не к непредсказуемым реакциям не ставшей системы на условия среды. Стратег обращается *к качественным трансформациям самой среды*, если она остается «неудобной» для функционирования или развития системы. Стратег самоцелеполагание *подчиняет пониманию миссии и места системы в охватывающей целостности* (вплоть до универсума). Вне системного анализа и предопределяющей роли функционального аспекта стратег не может построить вполне определенные «общие планы», о которых выше велась речь. Если по себе переход к сценарированию, моделированию, прогнозированию, выявлению тенденций и т.п. создает только *предпосылки стратегического мышления*. Чтобы стратегическое мышление состоялось, необходимо оформить все материалы, перевести их в концептуальное за-

мещение, *поставить вопросы, вытекающие из концептуального видения* внутреннего и внешнего, их отношений. Тем более, что любой вопрос возможен лишь при наличии абстрактных оснований в рамках используемого языка.

В анализе стратегической практики с неизбежностью пришлось *столкнуться* со всеми указанными аспектами, в том числе и *с самим механизмом стратегического мышления*. Но уровень понимания, раскрытия механизма, его совершенствования, развития определяется самим механизмом и технологией аналитического, рефлексивного мышления. А он остается крайне слабо развитым. Именно в методологическом движении удалось пройти намного дальше, так как сама методология опирается на систематическую авторефлексивность и обеспеченность рефлексии мощной системой языковых средств.

Осуществим соотнесение с достаточно устоявшимися представлениями о стратегии и стратегическом управлении, например, А.А. Гапоненко и А.П. Панкрухин. К стратегическим аспектам относят следующие: цели организации, основные виды деятельности и направление «главного удара», определение союзников и противников, собственные преимущества и направление их использования. Не всякая цель организации имеет стратегическую значимость. Цели могут быть ситуационными, испытывающими давление меняющихся условий. *Следование за ситуационной подвижностью не может быть стратегическим*. Но и сама по себе надситуативность еще не дает стратегичности. Например, если организация успешно функционирует, воспроизводит деятельность вне зависимости от колебаний условий и в рамках готовых нормативных рамок. Когда говорится о направлении основных усилий, то и оно может носить нестратегический характер. Мобилизация усилий *возможна и вне реализации стратегий*, что показала практика на уровне и микро и макроуправления. Если говорится о союзниках и противниках, то вероятность их привлечения или нейтрализации тесно связана с согласованием или опознанием и оценкой их интересов, прежде всего основополагающих. Поэтому может быть и стратегическая «рамка» оценок, а также *выявление актуальных и возможных стратегий* этих внешних сил. Но для этого сама реконструкция актуального и возможного состояния этих сил *должна подчиняться критериям стратегического анализа*. Вне этих критериев стратегичность определения статуса противников, союзников уходит из стратегического плана анализа. Оценка своих преимуществ и их привлечение также не обязательно связана со стратегичностью. Во всех случаях необходима концепция представлений, использование критериев системного, системо-деятельностного и т.п. анализов для постановки вышеуказанных «основных вопросов». Система, желающая быть действующей в рамках стратегии, должна *выработать свой идеал*. Относительно него и вырабатываются стратегические цели. Они всегда носят *судьбоносный характер*, соотносятся с воспроизводимостью (угроза воспроизводимости) и развитием (угроза развитию) системы.

Недостаточная определенность функциональной характеристики стратегии отражается на понимании бытия стратегии в организации. Приведем тип рассуждения.

«Стратегия организации – это комплекс принципов деятельности организации и ее сношений с внешней средой, перспективных целей, а также решений по выбору инструментов достижения этих целей ориентации деловой активности; это перспектива развития и образец, модель реагирования на изменения среды. Стратегия проявляется в конкуренции, структуре организации, ее системе ценностей, в особенностях мотивации и контроля персонала. Стратегия разрабатывается чаще высшим руководством. Стратегический план должен быть целостным, гибким, допускающим коррекцию. Стратегии придают организации общую направленность и индивидуальность, а сотрудникам – четкие ориентиры. Стратегия – это деятельность в потенциале, требующая решений на высшем уровне управления и значительных ресурсов, это общее направление развития, даже если недостаточно четкое, воплощаемое в тактических шагах. Стратегическое управление не должно быть ритуалом, формальным и предсказуемым. Ключевая роль состоит в непрерывном изучении и изменении при наличии непредубежденности, готовности рассматривать новые точки зрения. Создание стратегического плана предполагает развитие миссии, определение внешних возможностей и угроз, внутренних сторон организации. Стратегический план – это последовательность укрупненных действий для достижения целей с использованием преимуществ и создания новых, а также при наличии кооперативности, способствующей реализации. Стратегия макросистемы может опираться на стратегии микросистем и быть основой для них.

Сами по себе «принципы деятельности» организации не являются неотъемлемой частью стратегии и характеризуют механизмические особенности, потенциал деятельности, который еще нужно стратегически актуализировать. Также и принципы «сношений» с внешней средой остаются лишь предварительными внутренними условиями для их использования в стратегическом проектировании и планировании. Перспективные цели могут возникать и вне стратегической позиции и оставаться в качестве материала для собственно стратегического целеполагания. Поскольку *стратег строит путь целого* в связи с внутренней необходимостью и внешними побуждающими условиями в своей позиции, на своем уровне, следовательно – *в абстрактном замещении* конкретных воззрений о возможном (через прогнозирование) и необходимом (в проектировании) пути целого, то именно в этой абстракции и следует искать и конечный пункт, и промежуточные пункты, и начальное положение. Но нужно здесь же и рассматривать внутренние и внешние условия и фактуры, обеспечивающие продвижение целого к конечному пункту, состоянию.

Стратег подбирает реалистические, соответствующие внешние и внутренние *факторы*, обеспечивающие достижения целей, которые могут соответствовать статусу стратегических. Но это содержание мысли на абстрактном уровне. *На этом уровне «реальное» и «конкретное» видится иначе*, так же как идеальный объект в мысли «видится» иначе, чем результаты наблюдения в исследованиях. Можно говорить о «перспективе развития» как стратегическом содержании. Но тогда следует и цель стратегическую видеть как конечное состояние развития и

промежуточные состояния – состояния развивающегося целого. В сложившейся риторике такие жесткие утверждения не делаются. Стратегия не является «моделью», «образцом» реагирования на изменения среды. Она является, по своему содержанию, лишь образом «передвижения» из одного состояния целого в другое его состояние под давлением внешних и внутренних факторов, а образ, по своему логическому статусу, является абстрактным. Модель же суть измененный образец, познание которой (модели) позволяет лучше понять «что-то» в образце, а изменение состоит в коррекции по критерию, выделением значимого и вытеснением незначимого в зависимости от того, что требуется познать лучшее, чем это было познано раньше. Стратегия этим и не занимается. В стратегическом проектировании не подчеркивается что-то в зависимости от познавательной задачи, а усматривается реально возможное, сохраняемое во всей полноте возможное и нужное состояние, положение и т.п. целого и его средового окружения. Умысел проектировщика состоит не в деформации, а в выборе из возможного, еще не существующего, но могущего или непременно становящегося существования.

Конкуренция является одним из внешних побуждающих факторов к мыслительному реагированию, к построению новой цели. Но она не обязательно ведет к стратегическому целеполаганию. Стратегия и ее реализация могут вызвать и конкурентное реагирование партнеров. Другое дело, что наличие стратегии может приводить к изменению структурного характера организации, так как любая структура и даже функциональная структура подчиняется самой необходимости достижения поставленной перед организацией цели. Она сама, организация, выступает в качестве морфологии, наполнителя функционального места, порождаемого в ходе ответа на вопрос о том, что будет вовлечено в достижение цели и как. Если уже сложилась организационная структура, то при появлении стратегической цели, плана может модифицироваться и организационная структура, и сложившиеся мотивации, применяемые представления, критерии и, может быть, даже ценности. Особенно, если они были адекватными для достратегических форм бытия организации. **Организационная структура**, ее форма, наполнение людьми, знаниями, мотивами, предписаниями и др., **выступают в новом стратегическом проектировании лишь ресурсом**, который «подстраивают» под замысел.

Утверждение о целостности стратегического плана следует понимать лишь как **следование принципу «непрерывности»** в переходах от одного состояния, положения к другому вплоть до цели, целевого состояния, положения. Применение критерия «целостности» к проекту означает **введение полноты предопределяющих достижимость цели факторов**. С этим же связан принцип «объективности», следуя которому то, что движется, изменяется должно быть ставшей системой, быть «нечто», обладающей полнотой функциональной структуры и полнотой морфологической заполненности функциональных мест. Утверждение же о «гибкости» стратегического плана необходимо воспринимать осторожно, так как **если стратегический план предполагается изменить**, как и стратегию

любого типа, *то он перестает быть определяющим реальные действия*, и реальные действия временно уходят из зависимости от стратегической рамки, а сама *стратегия превращается лишь в мыслительный конструкт*, перестает быть стратегией. Гибкость нужна для более конкретных норм, которые должны быть *чувствительными к особенностям меняющихся ситуаций, но сохраняющих подлинность «неизменной» стратегии*.

Когда оказывается, что стратегия неудачно введена, разработана и не может быть реализована, то следует говорить не о гибкости стратегии, а *гибкости рефлексивного мышления стратега*, вовремя проблематизирующего прежнюю стратегию. *Функция стратегии* как раз и состоит *в консервативности*, так же как функция теории состоит в том, чтобы выражать сущностное, «вечное», неизменяемое, удерживающее, но в замещении, в абстрактности, то, что выявлено в эмпирических процедурах, в созерцании. *Стратегия должна гарантировать достижение цели*, а не быть марионеткой меняющихся представлений о реальном. Это, в то же время, сущностное выражение любой нормы, которая оискусствляет реальное, течение процессов в ходе реализации нормативных требований.

Если ресурсы, вовлекаемые в реализацию норм, не соответствуют требованиям нормы, они *обречены на ту модификацию*, которая сделает их соответствующими норме. Поэтому и появляется принцип для социокультурного и действительного бытия, где *совмещается естественное и искусственное*, содержание которого состоит в согласовании модальностей «действительного», «возможного» и «долженствования», в порождении таких норм, которые соответствовали бы природе нормируемого. *Неверная стратегия* появляется именно тогда, *когда ее содержание включает противоречие указанных модальностей*. Но это уже не гибкость стратегии, а ее не реалистичность, иллюзорность. Иное дело, что стратегия не учла ряд фундаментальных факторов или появились новые, неожиданные фундаментальные факторы. Тогда идет коррекция стратегии. Но это все равно не «гибкость». Гибкой является тактическая корректируемость в меняющихся условиях в зоне допустимости, то есть при сохранности стратегии. *Тактик должен*, а не только может *корректировать содержание своих «тактик», если прежняя тактика* в последующих действиях *неэффективна или создает потенциал нереализуемости стратегии*. Стратегия лишается значимости лишь при потере значимости стратегической цели.

Нельзя говорить о том, что стратегии «ритуальны», «формальны» и не должны быть предсказуемыми. Именно в том и состоит их функция, чтобы через пользование *стратегией как источником ориентиров* можно было «предсказывать» будущий результат, так как он уже задан заранее. Стратегическое управление предопределяет результат, знает о нем, видит как он получается, в абстрактном заместителе. Когда говорится не о стратеге и его позиции, а в позиции исполнителя, то зависимость исполнителя от всей суммы факторов не позволяет ему прогнозировать конечный результат. Рассматривая «ориентир» и саму норму, стратегию, он видит результат, но заимствуя позицию стратега. Также

как стратег заимствует позицию исполнителя и теряет возможность «уверенно» видеть будущий результат, прогнозировать его. Это всегда сводится лишь к вероятностному и чаще недостаточно определенному прогнозу. Функция стратега состоит в слежении за ходом реальных событий с намерением ответить на **контрольный вопрос** — *приведен ли ход действий исполнителей к тому, что требуется с точки зрения стратегии*. Поскольку слежение соотносено с соответствующим этапом, выраженным в стратегии, то **прогноз расщепляется на «ближайшие» шаги и «возможность конечных» шагов**. При этом, соотнося стратегию с ходом событий, стратег неизбежно, в тех или иных объемах, полноте, пребывает в «мыслительной пирамиде», в переходах от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному. Все это можно заметить, читая таких мыслителей-стратегов как К.Клаузевиц, А. Свечин, живших в начале XIX и начале XX вв. соответственно. А сама «пирамида мысли» впервые подробно обсуждена Гегелем в начале XIX в. в связи с дискуссией о «методе» теоретического мышления. Если Фихте обсуждал саму идею чистого мышления, выведения из исходных основоположений всего необходимого, то Гегель придал движению мысли псевдо-генетическую содержательность, неслучайность движения от абстрактного к конкретному в смене состояний развития «мононечто». Но эта форма теоретической мысли обосновывается всем ходом создания предпосылок в «Философии природы» и «Философии духа», где показывается возникновение исходных абстракций «для логики». Тем самым, он показывает не псевдогенетический путь от абстрактного к конкретному, но и путь от конкретного к абстрактному.

Позднее К.Маркс повторил, в более эмпирической рефлексии познания, что исходная «клеточка» в науке выявляется, идя от созерцания к теоретическому мышлению, а развертывание хода мысли от «клеточки» до полноты научного знания в теории — процесс не поиска «сущности», а ее систематического изложения. В мыслительной пирамиде, как логической форме сущностного «изложения» представлений о чем-либо, происходит именно систематическая конкретизация исходных положений. Но это всего лишь особая **система мест для содержаний**. А морфология содержаний появляется «извне», из хаоса мышления. Содержательность же мест обеспечивается языковой парадигмой, в отличие от онтологической формы в самой пирамиде, предполагающей синтагматику.

Стратег «вынужден» мыслить, **подчиняясь этой предпосылке решения всех мыслительных задач и проблем**, локализуя свою позицию в верхнем уровне иерархии мысли, но взаимодействуя со всеми, «размещенными» на нижестоящих уровнях иерархии мысли. Когда говорится о том, что стратег **готов рассматривать любые иные точки зрения и быть без предубеждений**, то должны иметь в виду не мнения как токовые, а **стратегические «изложения»** этих мнений. Руководитель, размещенный в любой точке иерархии, может высказать свою точку зрения, но пояснив, **в какой точке иерархии оно содержательно**. Если оно содержательно в нижестоящем слое, то эта точка зрения становится значимой

для стратега лишь после ее «перемещения» в звено, точку иерарха. *А по пути содержание*, согласно упомянутой выше пирамиде, *должно трансформироваться*. С результатом этой трансформации стратег и должен разбираться.

Основные *трудности стратегического управления*, как мы уже утверждали выше, *связаны с непониманием и невидением мыслительной пирамиды и отсутствием способностей* к мышлению в ее рамках, к налаживанию регулярных отношений при любых сочетаниях мыслительных ситуаций, взаимодействий различных и разнородных участников мыслительной пирамиды, «входящих» в нее из организационной пирамиды. Понимание того, что все управленческие иерархии неизбежно являются и мыслительными иерархиями, а предпосылками к движению в иерархиях выступает материал мнений и наличие языковой парадигмы, а также универсальные способности языкового мышления и рефлексивно-мыслительной культуры, это понимание отсутствует. Поэтому стратегическое мышление сводится к наивному и дилетантскому взаимодействию. *Вне стратегического управления все эти* требования быстро *обесцениваются*. Отсюда строгий вывод о пути быстрого роста потенциала стратегического управления – приобретать соответствующие способности.

Общие способности стратегического управления наиболее отчетливо проявляются на стадии разработки решений. Совершенно неслучайно отсутствие стратегий, так как не налажен механизм стратегического планирования и проектирования. Остановимся на этом подробнее.

Неопределенность содержания термина «план», если его рассматривать в контексте соотнесений с другими терминами в типологии норм, остается непоколебимой. Часто планирование рассматривают как разработку замысла деятельности с указанием цели, содержания, объема, последовательности и сроков, а также методов выполнения. А иногда еще и иначе – как ход развития чего-либо. Нередко говорят, что планирование как функция управления состоит в выборе лучших альтернатив развития объекта управления, предполагая соответствие интересам объекта, его возможностям. Кроме того, необходим расчет времени, состав основных лиц, ответственных за выполнение плана. План направлен на активное преобразование объекта управления с целью достижения желаемого состояния, а планирование содействует предотвращению ошибочных действий и сокращению неиспользованных возможностей, а также должно быть гибким к изменениям объекта и среды.

Однако следует различать план и цель, план и метод. Цель суть *представление о будущем состоянии, возможном* для объекта и *соответствующего желанию* целеполагающего, которое *наделяется статусом долженствования* и, следовательно, требующим воплощения в реальности. Цель может достигаться и без преобразования, если достаточно «дойти», дождаться желаемого состояния. Только в деятельности цели предполагают преобразование объекта, «насильственное» изменение актуального состояния в должное, но возможное. Если преобразование или иное «достижение» осуществляется не сразу, поэтапно, тогда выделяются *промежуточные цели*, а характеристика *последовательности*

целей и переходов от одной цели к другой и составляет содержание плана. Другое дело — построение деятельности в соответствии с планом или даже целью.

Если конечное состояние сохраняет функционарное бытие объекта, то нельзя говорить о развитии, в том числе и в ходе деятельности. Планирование, как интеллектуальная работа, предполагает введение альтернативных версий цели, плана, а затем и выбор альтернативы, использование критериев выбора, в зависимости от уже имеющихся стереотипов планирования или творческих особенностей планирующего, его понимания особенностей объекта управления, возможностей объекта, его внутренней динамики, от понимания возможностей средств и методов воздействия на объект и др. Как норма, план предопределяет поведение реализующего план и, благодаря этому, действительно способствует отходу от должного, проявлениям самокоррекции, самоорганизации, снижению числа возможных ошибок, возникающих в самовыражении и т.п. Но нельзя говорить о влиянии на сокращение неиспользованных возможностей, так как план предопределяет действия вне соотнесенности с потенциалом реализующего план. Учет возможен лишь в ходе планирования, если планирующий реализует установку на максимальное вовлечение потенциала реализующего план. Гибкость плана возникает лишь в процессе вторичного вхождения в планирование и «освобождения» от догматизма содержания плана, устремления к учету ранее неучтенного.

Само планирование *подчинено достижимости* того *улучшения*, которое невозможно вне реализации плана, получения желаемого и целеопределенного эффекта, влияющего на ситуацию, оцениваемую как «плохую». В качестве основы плана и планирования лежит цель. Часто говорят, что функционирующие фирмы определяют миссии, долговременные цели, используя потенциал подразделений стратегического анализа и планирования. *Прогнозирование* предшествует планированию, так как не отталкивается от реконструкции предыстории объекта управления, актуального состояния и *устремляется в возможную динамику положения и состояния*.

Тем более, что «временное перемещение» может сопровождаться изменением состояния перемещающегося, вызванного внешними и внутренними факторами. Планирующий должен предусматривать такие изменения, прогнозировать их и «планировать» *размещение* тех *факторов*, которые предопределяют изменения в нужную сторону.

Такая определенность, включающая не только путь, промежуточные и конечное состояния объекта, но и факторы, предопределяющие прохождение пути в намеченной траектории, становится уже не планом, а *проектом*.

Неопределенность содержания ключевых терминов сохраняется и в этих различениях. Так *стратегический план* трактуется как программа укрупненных действий для достижения поставленных целей. Но план и программа должны различаться, если это значимые термины, имеющие свое специфическое значение. Говорится часто, что стратегическое планирование обеспечивает конкретизацию стратегии, достижение выбранных целей. Какая здесь имеется стра-

тегия помимо стратегического плана, что конкретизируется? Само же стратегическое планирование предстает часто как последовательность следующих шагов: формулирование миссии, определение на ее основе целей, выраженных в показателях (после чего миссия может уточняться), определение параметров внешней среды (после чего могут уточняться миссия и цели), выявление положительных и отрицательных внешних и внутренних факторов деятельности, внешних тенденций (после чего могут уточняться миссия и цели, проводится дополнительное исследование среды), определяются основные направления действий. Однако в чем специфика стратегического планирования в отличие от такого же хода разработки, но не стратегического? Кроме долговременных разметок целей, их иерархизации критерием мы не видим. Отличия закладываются в количественных категориях.

Стратегический план трактуется как договор общественного согласия, в соответствии с которым руководство, работники, общественность и т.п., принимают на себя определенные обязательства. Это свод согласованных правил и требований к персоналу, договоренность о конкретных мерах, имеющих стратегическую важность. Его содержание говорит о приоритетных направлениях развития организации и консенсусе в принятии решений между широким кругом работников. Это уже говорит о механизме стратегического партнерства, о механизме поиска стратегических ориентиров и обеспечении согласованных действий. Он разрабатывается всеми участниками, влияющими на развитие организации с учетом их интересов.

Мы видим, что помимо количественно сложного взаимодействия и согласований по многим интересам и ритуальным добавлением «стратегической важности», «приоритетных направлений», «стратегических ориентиров», «стратегического партнерства», «развития организации» ничего специфического, отличающегося от того, «что и как-нибудь получится», мы не замечаем. Это соответствует тому, если бы главнокомандующий собирал бы всех на совещание и наблюдал бы за взаимодействием всех вплоть до этапа, когда все как-то договорились. А по пути произносил слова «тенденции», «ориентиры», «приоритетные направления» и др. Как не вспомнить опять о специфике стратегического анализа, о которых говорили Сунь-Цзы, Клаузевиц, А.Свечин и др.! При буквальном понимании сказанного не могло бы родиться ни одной стратегии у Наполеона, Суворова, Кутузова, Жукова и др.

Конечно, как обычно пишут, для проведения стратегического анализа требуется стратегическая информационная система, информационно-аналитические подразделения, использующие свои источники стратегической информации, личный опыт, отчеты и т.п., профессиональные консультанты. Отмечается также стремление не отклоняться на текущие проблемы, не сводить к формалистическому ритуалу, использовать ключевых работников на всех стадиях стратегического планирования. В то же время фиксируется боязнь не учесть меняющихся факторов и не осуществить своевременное корректирование стратегического плана. С точки зрения конкретного мыслительного процесса с не-

выявленностью базисных критериев стратегического нормирования, целеполагания, планирования, проектирования, эти опасения естественны. Но именно **стратегии**, правильно построенные, **не подвергаются «суетливому» пересмотру**, обладают инерционностью **в условиях изменения** обстоятельств, о чем говорил К. Клаузевиц. Так же как хорошая теория не меняется в связи с появлением новых обстоятельств, данных и т.п. Для ее изменения требуется очень масштабное выявление теоретически значимых причин коррекции. Плохие стратегии не могут быстро не изменяться, что ведет к стратегическому «эмпиризму» и нереализации стратегий.

Говорят о том, что стратегическое планирование – непрерывный процесс, и остановка процесса является ошибкой. Следует только разъяснить, что это означает. Если поступает конкретная информация «снизу», то она должна быть проанализирована с точки зрения возможности стратегических ошибок, которые следует поправить. Однако, чтобы это осуществлять, требуется понимание различий между конкретным, ситуационным, регистрационным содержанием и ему соответствующей нормой и абстрактным замещением и ему соответствующей нормой. Стратегии принадлежат к «обобщенным», абстрактным нормам деятельности больших систем. Абстракции, в силу их замещающего и конструктивного характера, что и создает предпосылки **выявить и зафиксировать «сущностное»**, неизмеримо более постоянны. **Они «объясняют»** и ту массу конкретных содержаний, которая была материалом для построения абстракции, **и ту массу** содержаний, **которая «вытекает» из абстракции в ходе конкретизации** и с которой может еще только столкнуться мыслитель.

Кант называл потенциальные объемы фактов, объясняемые теорией, достаточно глубокой, «возможными» фактами, часть из которых была уже объяснена в процессе проверки теории. Возможность найти факты, опровергающие теорию, составляет **процесс проблематизации**, неизмеримо более сложный, чем подтверждение. Точно так же и при проблематизации стратегии, если она не сведена к сумме конкретных нормативных положений. Движение «сверху вниз» (подтверждение) и «снизу вверх» (опровержение) необходимы, но потенциал подтверждения в мышлении всегда больший, чем опровержения и зависит от качества абстракций.

Тем самым, игнорировать материал информации, поступающий из реализационного процесса, естественно, нельзя, и это должно происходить постоянно, готовность к изменениям стратегии должна быть постоянной, но сама вероятность изменения стратегии зависит от ее зрелости, обоснованности, использования в ходе построения мощных языковых средств, критериев высшего порядка, мировоззренческих, мироотношенческих. **Чем глубже обоснование, чем больше оснований, чем больше культуры пользования ими**, что должно быть у аналитиков, **тем меньше вероятность проблематизации, коррекции** стратегии. Большой акцент на «гибкость» стратегических планов, проектов непосредственно связан с поверхностью обоснований, «популярных» в современной стратегической аналитике на фоне крайне невысокой мыслительной культуры.

Во второй половине XX в. возникло методологическое движение, зачинателем которого стал А.А. Зиновьев, а ярким выразителем и лидером — Г.П. - Щедровицкий. При всех издержках это движение и стало наиболее мощным логико-философским и рефлексивно-культурным трамплином к подлинно значимым для стратегической мыслительной практики. Тем более что затем с 1979 г., появилась методологизированная игропрактика, которая стала демонстрировать все детали обосновательных процедур в проблематизации и депроблематизации. После ряда совмещений с практикой макроуправления игнорировать этот опыт и культурное достояние уже просто нельзя. Но в целом игнорирование продолжается, и этому помогают недостатки в самом методологическом движении. А различные недостатки, объективные и субъективные, существуют во всех движениях.

Если учесть мыслительный механизм, где совмещается пребывание мысли на разных «этажах» абстрактности (конкретности), где осуществляются переходы от одного «этажа» к другому и перемещения на каждом из них, а сам механизм реализует рефлексивные функции реконструкции содержания (информационных сообщений), постановки проблем за счет раскрытия содержания затруднений в средствах языка соответствующего типа («предметных, «межпредметных» и «надпредметных» - философского и методологического), переводе проблем в «задачи», с удержанием «задач» различного уровня, один из которых — стратегический), то можно согласиться с большинством слов, которыми оперируют обычные авторы учебных пособий. А они отмечают, что следует постоянно отслеживать изменения внешней среды, изучать новые стратегические альтернативы, прогнозировать будущие вызовы и этим обеспечивать приход к коррективам в стратегии. Началом и концом циклов, повторяющихся в этом движении стратегической мысли, является, для авторов, оценка деятельности организации, анализ изменяющейся среды. Корректируются основные направления действий, конкретный план конкурентной борьбы, создание новых конкурентных преимуществ, корпоративная культура, организационная структура, а коррекция стратегического плана должна производиться с широким участием персонала. В случае чрезвычайных обстоятельств, в критических ситуациях коррективы вносятся по воле высшего управляющего.

В такой версии *не выделяется сам механизм мышления*, и внимание обращается на содержание мысли и на участие персонажей. Кроме того, *не осознается ответственность иерарха* за сам этот сложный мыслительный процесс и применение механизма мышления. Если участвуют в нем «все» заинтересованные лица, то их участие имеет разные формы и требования. Именно *стратег начинает и завершает весь процесс*, а другие либо вовлекаются тогда, когда сам стратег не может «сдвинуть» мыслительный процесс из-за недостатка информации или из-за появления каких-либо сопровождающих вопросов, либо когда у иных участников возникает убеждение, что их соображения имеют важное значение в движении мысли стратега, и они хотят проверить свою гипотезу.

Отмечается обычно, что распространенными «инструментами» стратегического планирования являются программы и проекты как комплекс мер по решению определенных задач. Указывая на отсутствие достаточно точного разграничения этих понятий считают, что программа предполагает «более широкий» комплекс мер, рассчитанный на длительный период и даже неопределяемый период, чем проект, у которого есть четкая завершенность. Управление программой или проектом может иметь и тактический, и стратегический аспекты. Здесь вновь мы встречаемся с понятийной неопределенностью. Термин проект приобрел свое значение в инженерной деятельности. При создании сооружения его конечное состояние, как целевое, выражается в особой форме, в специальном изобразительном языке и называется проектом. Если создается не «вещь», а Социокультурное бытие, то можно «перенести» функциональные особенности конечного состояния бытия как особое содержание, выраженное в специальном языке и назвать проектом, социокультурным. Можно созидать и деятельность, чем и занимается управленец. Тогда появляются проекты деятельности. *Стратег занимается тем же, но только на абстрактном уровне, на «крупномасштабных картах».* Масштабы проекта могут быть разные, но переходимость от начального состояния деятельности до конечного при этом фиксируется обязательно. Если термин «программа» не имеет более менее строго значения, то чаще и говорят о совокупности мер с неопределенностью того, что следует получить. Либо остается внести новые, в сравнении с проектом, характеристики нормы. Мы пока остаемся на этапе обсуждения стратегических проектов, отличающихся от стратегических планов и целей.

Общие особенности стратегического планирования и проектирования конкретизируются при соотнесении с условиями управления в той или иной системе. Для выявления *принципов конкретизации* остановимся на особенностях стратегического планирования и проектирования в городе и регионе.

Обычно говорят, что стратегическое планирование социально-экономического развития в этих случаях включает в себя: согласование групповых интересов; инвентаризацию ресурсов, ограничений и благоприятных факторов; определение целей и задач; формирование планов и программ действий совместными усилиями органов местной власти, частного бизнеса и госпредприятий, общественных организаций и органов территориального общественного самоуправления. Тем самым, следует предполагать в ходе мышления *«жителей»* (отдельных людей, семей, родовых сетей), *«группы жителей»* (объединений по различным первичным основаниям в рамках интересов «снизу»), *«общественные объединения»* (правовым образом оформленные объединения для представления и защиты интересов «снизу»), *«предприниматели»* (в правовых рамках осуществляющие деловую активность), *«объединения предпринимателей»* (правовым образом оформленные объединения для представления и защиты деловых интересов «снизу»), *«руководители предприятий и организаций невластного типа»*, *«работники»* (участники деятельности всех типов, кроме «властной»), *«представители органов местного самоуправления»* (избранные и вовлеченные),

«представители органов местной власти» (назначенные), *«представители органов государственной власти»* (назначенные). Все типы участников жизни на территории имеют свои различающиеся интересы. Эти интересы предопределены типами бытия: *жизнедеятельностным* (индивидуальная), *социодинамическим* (согласование способов приемлемого использования друг друга для удовлетворения суммы индивидуальных потребностей и реализация договоренности), *социокультурным* (согласование с опорой на критерий и с признанием критериев и их создателей вне динамики индивидуальных состояний), *деятельностным* (реализация норм преобразования чего-либо и выработка этих норм с выделением позиции создателя норм и организатора их реализации), *культурным* (переход к критериям согласования и нормирования всеобщего характера), а также вторичным типам бытия, например *экономический, политический, духовный* и др. В городе и в регионе управление имеет объектом управления «целое» совмещенного многотипового бытия.

Относительно каждой общности, соответствующей типу бытия, есть имущество и *собственность* (имущество, статус которого оформлен юридически), есть свои *интересы и спрос*, свои *цели и планы*, в зависимости от условий, естественных и социально-организационных, правовых, политэкономических и др. Целеполагание и планирование, проектирование, программирование и т.п. осуществляется либо под свой спрос, и тогда все окружающее, включающее и власть, рассматривается как массив *предметов спроса*, потенциальных и актуальных, как *ресурсы* для реализации планов, проектов, либо под заимствованный, например, совокупный «общественный» спрос, и тогда сама общность рассматривает себя как предмет спроса и ресурс под план, проект. Для того, чтобы был порожден *стратегический план, проект*, следует предполагать не только наличие общностей, дифференциальных спросов, планов или проектов, дифференциальных ресурсов, наличие органов самоуправления и власти (иерархии «сверху»), но и позицию управленца стратегического типа, строящего под интегральный спрос и потенциал интегрального ресурса *интегральный план или проект* в рамках интегральной цели, фиксирующей *по интегральным показателям* актуальное состояние города, региона, его критическую оценку под *интегральный критерий «благополучия»* и возможное и приемлемое будущее состояние, становящимся не только желаемым, но и необходимым, «требовательным». Эта *позиция* может быть, как *функциональное место*, заполнена всеми заинтересованными в интегральном нормореализационном процессе, включая профессионалов, предпринимателей, управленцев, представителей власти, представителей общественных организаций и т.п. Однако для успешности интегрального планирования и проектирования *должны быть реализованы фундаментальные требования* к нормативному мышлению, к *мышлению стратега*.

В частности, стратегия должна строиться на верхнем уровне абстрактности нормативной мыслительной пирамиды, опираясь на концептуальное представление о городе, регионе, в рамках фиксированных ценностей и идеалов и с уче-

том сведений о реальной динамике городской, региональной и «средовой» жизни. Стратегия обращена ко всем, и ее принятие предполагает соответствующие модификации дифференциальных целей, планов, проектов. Не прерывая самодвижения во всех слоях и типах бытия, такие модификации должны обеспечить одно из основных условий стратегического управления: стратегия обладает «директивностью» для реализующих стратегию, как и любая норма, и каждый дифференциальный реализатор выделяет из целого стратегии свою составляющую и конкретизирует ее для перехода к реальным действиям. В конкретизации должны «удерживаться» абстрактные содержания стратегии. Наибольшая сложность в мыслительной работе стратега и состоит в том, как он добивается нейтрализации вкладов в реализацию стратегии со стороны всего «остального», что есть в дифференциальном бытии. Оно может как модифицировать течение соответствующего реализации стратегии процесса, так и его разрушить. Тем самым, стратег должен прогнозировать вмешательство всего иного в течение реального процесса, не подчиненного стратегическим нормативным рамкам и доопределять первоначальную версию стратегии, способствуя увеличению потенциала ее реалистичности. Сама реализация стратегии, как и ее разработка, опирается на стратегическое партнерство в городе, регионе, на работу механизмов согласования. В городе, регионе должна быть мощная рефлексивная инфраструктура для выявления как хода реализации замысла, так и проблематизации и депроблематизации. Лучше всего, если используются для этого имеющиеся информационные, аналитические, консультационные организации. Однако неизбежная неопределенность и моменты хаоса, неупорядоченности, разнокачественности и разнокритериальности должны быть преодолены за счет наиболее профессионально обеспеченной аналитики, опирающейся на современную культуру мышления, философию, логику, семиотику, методологию. Такая аналитика должна быть способной к сведению мнений к однозначному заместителю, за который можно нести ответственность.

Главная установка городской или региональной стратегии состоит в следующем. Если город, регион можно увидеть как целое, то оно должно быть «благополучным», воспроизводящим себя по критериям объективным (суть типов бытия и их совмещенности) и субъективным (приемлемость образа бытия для всех общностей, включенных во все типы бытия) и «перспективным», наращивая более высокое содержание благополучия. С этим связано и благополучие жителей, их достойная жизнь. Само же удовлетворение спроса, а также смещения в качестве содержания спроса, зависимо от эффективности работы всех руководителей и механизмов, реализующих планы, программы, проекты, технологии, стратегии и др. Поэтому гражданская, профессиональная, политическая, экономическая, правовая, культурная, научная, инженерная и т.п. ответственность и устремленность к ценностям городской и региональной, а также федеральной жизни является залогом успешности. В частности, именно от управленческого корпуса, при активном участии корпуса аналитиков и иных сервисных для управленческого процесса структур,

зависит реалистичность стратегического нормирования, а затем и реализация стратегий.

Между интересами города, региона, отдельными и ассоциированными жителями, профессиональными и иными сообществами, властными и экономическими структурами, с одной стороны, и гражданскими, общественными целями, идеалами, ценностями, с другой стороны, существуют как различия, так и **противоречия**. Они неизбежно выходят «наружу» в общении и сохраняются в «тени», **вливают на постановку стратегических целей, планирование, проектирование**, а затем **на оценку хода реализации** стратегий. В отличие от производственных и даже отраслевых стратегий, предполагающих механизм иерархического управления, стратегии городского, регионального, федерального типов возможны как реализуемые лишь при виртуальном типе иерархирования, наличии **«доброй иерархической воли»**, соответствующей самоорганизации всех типов участников. Поскольку **в рамках мыслительной пирамиды**, концептуальной и нормативной, а также вторично пирамиды проблем и самоопределений, существуют **отчужденные формы прикрепления субъективности** и каждый, если не хочет нарушать и разрушать иерархическое мышление, **следует единым логико-мыслительным нормировкам и принципам** мыслительной культуры, что только и присуще в стратегическом мышлении, то в городских и региональных условиях «насильственная» форма следования этим требованиям в жестких иерархиях, заменяется добровольной формой следования тем же требованиям. А это предполагает развитие нравственно-духовного типа, и без достаточного накопления **потенциала нравственности и духовности** это невозможно, или стратегическое взаимодействие становится неэффективным. Городской и региональной власти, для порождения и реализации стратегий, приходится особое внимание уделять развитию всей инфраструктуры нравственного и духовного воспитания, включая образовательную, духовную, культурную сферы, средства массовой коммуникации, рост качества демократических процессов и т.п.:

Обычно основное внимание уделяется «социально-экономическому» развитию города, региона. Но социальное, даже если оно понимается достаточно точно и глубоко, что бывает редко из-за неопределенности базиса языкового обеспечения в гуманитарии, и экономическое, которое также понимается крайне поверхностно, «окружены» всеми остальными типами бытия и зависимы от них и влияют на них. При постановке целей развития города, региона необходима принципиально новая концептуальная база, построение «онтологий» городской и региональной жизни. В этом плане очень интересна аналогия между бытием предприятия, организации и бытием представителей предприятий, организаций в специальных играх. В рамках игрового пространства моделируется как бы то же самое «производственное» бытие, в зависимости от идеи сценария, разделения персонажей и т.п., но лишь за счет добровольного вхождения в персонажное бытие, в бытие игрового коллектива, в механизм игрового моделирования. А он обеспечен всеми типами критериев, касающихся придания организованности и базисным процессам решения «производственных»

задач и проблем, и рефлексии этих попыток, и взаимодействия всех типов, возможностей сближения, сплочения между всеми типами участников, их индивидуальных особенностей, стандартами и стереотипами, и самого мыслительного процесса, и индивидуальной самоорганизации и т.п. Игровой процесс во многом похож на добровольное пребывание в решении городских, региональных проблем со всеми готовностями и внутренними неготовностями, непредсказуемой динамики устремлений и т.п. В этих сложнейших условиях управление игрой игротехническим коллективом похоже на городское и региональное управление, хотя и вне привычных правовых, административных, экономических рычагов. В управлении игропроцессом применяется весь арсенал средств управления, в том числе онтологические схемы различных типов и масштабов. Конечно, игровое взаимодействие, по уровню «материальной», «юридической» и других привычных типов ответственности, является более простым событием. Но по внутренней сущности, по технике управленческого мышления, тонкости взаимодействий, учета фундаментальных факторов и др. игровое управление гораздо более высокого уровня и требует высшего профессионализма управленца.

Наряду с огромным количеством показателей, типов информации, возникающих сюжетов, объективных обстоятельств, которые нельзя не учитывать в управлении городом, регионом, а также сложностью управленческого организованного механизма перед самим управленцем, а затем и соуправленцами, стоит задача выявления минимума «точек опоры» для придания местной жизни более благополучного характера. При налаженности информационной и аналитической инфраструктуры можно свести постановку задач к крайне простым формам, подчиняя предельным и стратегически значимым принципам. Один из таких принципов состоит *в поддержке всего перспективного*. Поэтому опознание реалистичности инновационных усилий, нахождение инноваторов, совмещение, согласование, кооперирование инновационных усилий, создание экономических, организационных, идеологических, политических, культурных, образовательных механизмов обеспечения инновационных усилий с учетом *«стратегии продвижения инноваций»*, а также подобное обеспечение *всему успешному* по обычным, доинновационным критериям, как объективно необходимому для воспроизводства жизни — является основным блоком всех усилий в управлении. Его дополнительным звеном выступает «охрана» от деструктивных воздействий всех участников городской и региональной жизни. Разработка базисных критериев оценки того, что является «успешным», новым, «перспективным» является приоритетной, также как соответствующая подготовка аналитиков — оценщиков. Только имея подобные и надежные процессы и их обеспечение можно систематически проводить работу по стратегическому планированию и проектированию, опираясь на то, что способно поддержать и обеспечить продвижение стратегий в жизнь. В ходе подобной работы выявляются *«активисты» и «лидеры»*, являющиеся основой резерва управления и всех обеспечивающих стратегическое управление структур. Активисты могут быть сознательными приверженцами страте-

гий и реализаторами, а лидеры — еще и моторами, *мобилизаторами* населения и специалистов *на реализацию и совершенствование стратегий*. Все это и составляет потенциал совершенствования и развития.

Сама работа коллектива управленцев имеет свои типовые направления, из которых следует подчеркнуть следующие: организационное, интеллектуально-мыслительное, потребностно-мотивационное, групповое структурирование и сплочение, ресурсно-экономическое, нормативно-технологическое направления даст нужный и усиливающийся эффект. и правовое. Согласованное совершенствование работы во всех этих направлениях даст нужный и усиливающийся эффект

3.3. Формула стратегического успеха и сущность «субъекта стратегического управления»

Стратегический успех возможен лишь благодаря успешному действию стратега, стратегической команды, стратегически организованной управленческой иерархии.

Поэтому **первое условие успеха** состоит в том, чтобы были в наличии «стратеги», люди и группы, обладающие специфическими способностями стратега. Только в этом случае стратегический характер приобретут и понимание заказа, и построение пространства деятельности, и подбор необходимых ресурсов, и уточнение нормативной формы совместных действий всех вовлеченных, и сопровождающая рефлексия и др.

Вторым условием успеха предстает соответствующее создание всей нормативной базы действий, специфичной для стратегического управления.

Третье условие успеха состоит в создании организационной структуры, иерархии с теми особенностями размещения и отношений внутри, которые характерны для обеспечения построения и перестройки стратегических действий.

Четвертым условием следует назвать создание аналитического сервиса, специфичного для стратегической рефлексии. Четвертое условие предполагает полное подчинение процессов снабжения логике решения стратегических задач и проблем.

Пятым условием является подчинение всех процессов корректировки действий специфике динамики стратегического процесса.

Шестое условие успеха состоит в определяющей роли предварительного и сопровождающего самоопределения всех участников относительно зафиксированной стратегии и хода корректировок стратегии при достижении стратегической цели.

Седьмым условием успеха является выделение лидерской группы участников стратегического управления, способной интенсифицировать весь стратегический корпус и нейтрализовать возникающие деструкции в организационных отношениях.

Однако для реализации этих возможностей должны быть соблюдены еще и механические условия, касающиеся совместного участия в реализации фун-

кции стратегического управления. Мы выделим **три базисных механизмических условия**.

Восьмым условием успеха предстает механизмическое бытие организационной «пирамиды» (иерархии), в которой все на своих местах адекватны им, а иерарх адекватен функциональной необходимости приведения действий всех в единое действие пирамиды.

Девятым условием выступает механизмическое бытие всех мыслительных процедур участников организационной пирамиды, позволяющее совместить все содержания мысли, и в позиции иерарха, иметь одну точку зрения от имени мыслительной «пирамиды». При этом движение всех мыслительных процессов не только контролируется и согласовывается, но и включается в два типа организации – «сверху» и «снизу».

Первый тип характерен для инициативы сверху, директивный тип, а второй характерен для инициативы снизу, «демократический» тип. Совмещение достоинств двух типов позволяет приходиться к эффекту максимальной эффективности без утери возможных альтернатив.

Десятым условием выступает адекватное самоопределение всех участников относительно организационного соучастия, мыслительного (в рефлексивном пространстве) участия и сплоченного участия. В связи с фактором сплочения, при разнообразности отношений и индивидуальных типов участников, возникает специфическое совмещение самоопределений с удержанием особенностей бытия на каждом уровне.

Это приводит к появлению **мотивационно-самоопределенческой «пирамиды»**. Ее возможность предопределяется иерархизацией оснований для самоопределений, появлением иерархизирующего типа самоопределения, по содержанию являющимся духовным и ориентированным на макрогрупповое сплочение.

Естественно, что все указанные условия предполагают прохождение управленцем и участниками прямого интеллектуально-духовного сервирования пути приобретения необходимых качеств, наличие образовательного обеспечения.

Последнее предстает **одинадцатым условием**. При этом дееспособность такого образования опирается на адекватные технологии, модели, концепции образования, соответствующие достижимости указанных результатов. Тем самым, предполагается особая трансформация «обычного» образования, опирающаяся на высшие притязания, достижимость высших результатов, высший профессионализм, что соответствует внесению идей и методов акмеологии (см. работы А.А.Бодалева, А.А.Деркача, В.Г.Зазыкина, Н.В.Кузьминой и др.) и методологии.

В связи с этим возникает вопрос о базисном звене профессиональных способностей стратега, включенного в указанные системы требований. Это звено, его реальное воплощение в стратегический корпус, по крайней мере, в стратегическую элиту, составляет **двенадцатое условие**. Содержательно, характеристика «ядра» предстает следующим образом: стратег должен иметь способность совмещения способностей к адекватному пребыванию в трех типах пирамид.

Поскольку в период перехода от неэффективной к эффективной фазе стратегического управления особую роль играет проявление лидерских возможностей, опережающих общее смещение в желаемую сторону, то **тринадцатым условием** следует считать создание лидерского корпуса и его размещение по организационной пирамиде таким образом, чтобы нейтрализовать инерцию и сопротивление в основных звеньях иерархии, не накапливая противоречия и конфликтность. Использование мыслетехнических и психотехнических технологий обладает достаточным потенциалом антидеструктивной стабилизации прогрессивного преобразования.

Литература

1. Анисимов О.С. Стратегии и стратегическое мышление. М., 1999.
2. Анисимов О.С. Стратегический портрет лидера России. М., 2004.
3. Анисимов О.С., Мундриевская Е.Б. Стратегическое управление: проблемы теории. М., 2005.
4. Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы. // Рефлексивные процессы и управление. Т. 2. № 1. 2002.
5. Лепский В.Е. Стратегические центры России // Рефлексивные процессы и управление. т. 4. № 2. 2004.
6. Манифест российского развития // Рефлексивные процессы и управление. т. 4. № 2. 2004.
7. Лефевр В.А. Рефлексия. М., 2003.
8. Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. М., 2001. № 1.
9. Лепский В.Е. Стратегические субъекты как гаранты безопасности в динамически меняющемся мире XXI века. // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы 3 Международного симпозиума 8-10 окт. 2001 г. М., 2001.
10. Анисимов О.С. Планетарные формы стратегического самоопределения: сущность и проблемы осознания.
11. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.
12. Акмеология. Учебник. // Под ред А.А.Деркача. М., 2002.
13. Акмеология: итоги, проблемы, перспективы. М., 2004.
14. Колпаков В.М., Дмитриенко Г.А. Стратегический кадровый менеджмент. Киев, 2005.
15. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. // Курс лекций. М., 1997.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

ПРИНЦИП СУБЪЕКТНО-ПАРЦИАЛЬНОГО ДУАЛИЗМА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Д.В.Рейт

*(НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением
Академии им. И.М. Сеченова)*

Преамбула

В философии и частных науках не являются редкостью дуалистические концепции, утверждающие равноправие неких противоположных начал [1]. Так, по представлениям классической физики, движение частиц и распространение волн различаются принципиально. Основой же квантовой механики стало положение о том, что в поведении микрообъектов проявляются как корпускулярные, так и волновые черты. Эта характерная особенность микромира известна как корпускулярно-волновой дуализм [2]. Несмотря на то, что дуалистические представления в принципе могут оказаться снятыми некоторым монистическим видением на завтрашнем шаге познания¹, они допустимы в качестве сегодняшнего конструктивного шага.

Постараемся показать, что введение дуалистического принципа в постнеклассической теории управления открывает ряд интересных перспектив.

1. Субъектно-парциальный дуализм в управлении

Предлагаемый *принцип субъектно-парциального дуализма* состоит в том, что управляемые и управляющие *субъекты* одновременно могут быть трактованы и как *элементы* (парциальные подсистемы, то есть, уровни или фрагменты уровней) единой иерархической, полиархической или существующей на иных основаниях целостной гипер-системы, представляющей некоторое сообщество или даже общество в целом.

Без нарушения строгости рассуждений гипер-система может быть расчленена на фрагменты — стационарные и нестационарные управленческие ситуации — но только в том случае, если влияние отбрасываемых частей учитывается при задании внешних условий частных ситуаций, на которых концентрируется внимание исследователя.

Абсолютно строго в принципе может быть осуществлена и обратная процедура - агрегирование управленческих ситуаций, включающее в себя, в частности, «сборку» коллективных субъектов из субъектов индивидуальных. Переход от индивидуальных субъектов к коллективному содержит принципиальную сложность, на которой мы остановимся ниже². Важен не только результат процедуры перевода одной монистической картины в другую, но сама возможность

¹ Относительно корпускулярно-волнового дуализма на роль такого монистического видения до недавнего времени претендовал диалектический материализм [1].

² См. раздел 3.

установления отношения эквивалентности между совокупностью субъектов, состоящих между собой в «организационно-техническом отношении» [3] (т.е. в отношении управления-подчинения) и единой многоуровневой структурой. Заключение, сделанные для одного из представлений могут оказаться как эвристическими подсказками, так и рамочными принципами (выражениями интегральных характеристик) при работе с другим. Такой находкой оказывается, например, *критерий реконструируемости системы* [4], не имеющий до сих пор четкого выражения в субъектно-ориентированной концепции управления³.

Субъектный и парциальный взгляды на управленческую действительность равноправны с позиций научной строгости, это - всего лишь два разных взгляда на одну и ту же действительность. Существует даже цикличность движения «мейнстрима общественного сознания» между этими двумя взглядами («...непреодолимая дилемма «индивидуального» и «общественного», сменяющих друг друга на всем протяжении развития социальной мысли, в целом соответствует и цикличности развития общества ...» [5]). Механизм ее реализации описан в разделе 10.

Итак, сопоставим два обозначенных видения, памятуя, что в свое время наличие параллельных разноязычных текстов позволило исследователям понять даже древнеегипетскую иероглифику.

2. О фактуре постнеклассической управленческой действительности и ее структуре

Осознание того, что мы в своей деятельности не можем выйти за рамки гипер-системы, является шагом на пути к преодолению демиургического синдрома, базирующегося на мнении, что управленец волен произвольно формировать и деформировать управленческие ситуации.

Кроме обозначенного выше объективного ограничения существует и субъективное, состоящее в несовершенной рефлексивной способности управленца. Посредством нее выборочно и с запаздыванием осуществляется перевод объективно существующего потока прото-ситуаций [6] на язык осознаваемых управленцем ситуаций. Далее он решает – какие из них требуют внимания и, возможно, срочного управленческого вмешательства. История полна примерами того, как управленцу, не успевшему это сделать, наносился неприемлемый ущерб пока он еще «не вынул шпагу из ножен».

Различные варианты деятельностного подхода, которого мы предполагаем придерживаться, выдвигают во главу угла протекающие в рассматриваемой системе *процессы*. Анализ процессов естественно вести от активного начала, инициирующего их протекание.

В социальной, экономической, политической, конфликтной действительности таким началом выступает *субъект* (деятельности, права и т.д.), в психологической – *индивид*, в культурной действительности – *личность* [7-9].

³ См. разделы 4, 6.

Постнеклассическая картина мира включает, наряду с внешним миром, внутренний мир субъекта [10]. Поэтому его психологические особенности существенны при выстраивании управленческой деятельности [11].

Управленец, производящий анализ ситуации и принимающий решение, работает в среде культуры, которая представляет собой совокупность искусственных идеальных и материальных объектов, созданных человечеством в процессе освоения природы. Управленцу важно понимать, каким особым динамическим способом эти *искусственные* идеальные и материальные объекты связаны между собой; как они возникают и актуально существуют в культуре, питаясь человеческим вниманием и человеческой активностью, поскольку и пока воспроизводится их динамическая связь с *естественными* аспектами человеческой натуры. Действия управленца должны быть не только эффективными и законными, но и понятными подчиненным. Кроме того, сам способ понимания управленцем ситуации зависит от его ценностных и культурных установок. Поэтому личностные особенности управленца и специфика культурной среды не могут быть оставлены без внимания.

Один и тот же человек может принадлежать некоторой религиозной конфессии, быть членом общественного движения, служить чиновником, состоять членом родительского комитета, правления жилищного кооператива и т.д. и в силу этого одновременно оказываться в этих «параллельных мирах» в роли то управляющего, то управляемого. Поэтому, проектируя или производя теоретическую реконструкцию управленческой ситуации, следует понимать, на какую долю ресурсов (внимания, знаний и т.д.) данного лица можно опираться. Только тогда гуманитарные технологии станут *точными* – будут давать ожидаемые результаты, и поговорка «хотели как лучше, а получилось – как всегда» – станет, наконец, историей.

Таким образом, уточненное понятие субъекта управления связывает его не с тем или иным подмножеством социума, а с парциальным субпроцессом деятельности, ограниченным ситуацией. *Субъект управления* – это индивидуальность или ансамбль индивидуальностей, направляющих полностью или частично свою волю и ресурсы – время, активность (в первую очередь – внимание), знания и т. д. для управления и/или подчинения в парциальном субпроцессе деятельности в осознанной им ситуации. Соотнесение субъекта с тем или иным социальным институтом, проектом, программой, стратегией и т.п. является вторичным. Оно не всегда напрямую задано их границами.

3. Общественное здоровье

Развитию субъектно-ориентированной концепции управления посвящено достаточное количество материалов настоящей книги. Поэтому мы сосредоточимся на парциальной⁴ его концепции и произведем некоторые сопоставле-

⁴ На Западе известна созвучная по названию, но означающая лишь участие подчиненных в выработке принимаемых решений **партисипативная** концепция менеджмента.

ния. В качестве опорной предметной области выберем здравоохранение. Оно редко удостоивается внимания теоретиков управления, хотя содержит фундаментальный материал.

Категории здоровья, в истории гуманитарной мысли рассматривается в ее индивидуальной и/или общественной ипостаси. Исчерпывающего определения ни той, ни другой ипостаси в науке не наработано. Более того, последнее ВОЗовское определение расширяет связанные с ним проблемные поля, в частности, указанием на важность духовной составляющей здоровья.

Начнем с базового *функционального* аспекта здоровья, наиболее важного в свете поднятой проблемы. **Общественное здоровье** качественно отличается от *индивидуального* тем, что своим центральным звеном имеет прокреационную⁵ функцию. В самом деле, общество и любая меньшая общность должны быть **прокреационно состоятельны**, то есть, быть способными воспроизводить себя за пределами продолжительности жизни отдельного индивида.

«Ненавязчивая» забота о его здоровье со стороны общества начинается после рождения ребенка и заканчивается, как правило, много позже завершения репродуктивного периода – в период «дожития». О поддержании собственной жизни человек заботится в первую очередь сам, и, как известно, потребность в ее сохранении относится к числу базовых.

Для коллективного субъекта эквивалентом сохранения жизни является прокреационная состоятельность, напрямую связанная с продолжением рода. Забота о нем расплывлена между слабо связанными между собой ведомствами, основная же ее часть делегирована личности, находящейся под прессом социальных инноваций. Инновации и социальные эксперименты как в российской, так и в европейской истории не раз ставили индивида на грань выживания. Слом традиций означал, в том числе, и разрушение естественного прокреационного механизма (базирувавшегося на традициях многодетной семьи). Таким образом, упомянутая выше принципиальная сложность «сборки» коллективного субъекта заключается в том, что его прокреационная состоятельность (во всяком случае, в европейской и в первую очередь, в российской культуре) не обеспечена. Таков сокрушительный «системный отклик на нарушение баланса» [13], налагающий ограничения, в частности, на временные масштабы решения любых управленческих, исследовательских и иных задач.

Ответ на вопрос – какой именно аспект европейской культуры или их комбинация привели к атрофии прокреационной функции – может быть получен в результате специального социокультурного исследования. Здесь мы приведем лишь одно из наводящих соображений, высказанное по другому поводу как результат исследований философского наследия английского и американского мыслителя Грегори Бейтсона: «...новый подход к познанию сложности

⁵ Термин «прокреационный» появился в медицинском дискурсе, по-видимому, в работе [12]. Здесь мы будем понимать его в расширительном значении – не только жизневоспроизводящий, но – предшествующий и способствующий воспроизводству жизни.

превращает картезианскую парадигму в частный и в ряде случаев однозначно *деструктивный* способ жизнедеятельности, ведущий к неизбежному коллапсу таких сложных систем, какой является социокультурная целостность» [13].

В теории общественных систем, разработанной С. Михайловым [14], «*воспроизводство людей*» вводится в виде одной из пяти основных сфер общественной системы, содержанием которой является «поддержание здоровья, продолжение рода, получение образования, физическое совершенствование, воспитание, бытовые блага, обладание жильем». Подчеркнем, что мы акцентируем внимание на условиях *максимально благоприятствующих* рождению и воспитанию детей [12].

4. Субъект общественного здоровья

Строить инструментализованное представление об общественном здоровье целесообразно в системном подходе, для чего необходимо дополнить его представлением о субъекте общественного здоровья [15-17]. Без отнесения общественного здоровья к его субъекту термин может быть развернут лишь в произвольный перечень отчетных показателей, не претендующий на полноту и целостность, не допускающий вследствие этого системной трактовки.

Общественное здоровье мы предлагаем понимать как *совокупность процессов*, протекающих во вновь вводимой модели *субъект общественного здоровья* и свойств, сообщаемых ей этими процессами. Модель **субъекта общественного здоровья** представим в виде совокупности *структур*, поддерживающих протекание упомянутых процессов, наборов *функциональных связей* между элементами структур, *материала*, наполняющего структуры, и его *организованности* [18]. Соотношение между параметрами модели и реальными процессами в социуме устанавливается, например, методами социологических исследований и медицинской статистики.

Субъект общественного здоровья организован иерархически. В практике управления здравоохранением его полагают включающим международный, федеральный, региональный, муниципальный, местный и индивидуальный уровни [19]). Отношения между уровнями целесообразно регулировать посредством эффективной прокреационной политики [12].

Общественное здоровье является непрерывно воспроизводимым ресурсом и одновременно продуктом прокреационной деятельности. Оно оказывается не только фундаментальной, но одновременно *инструментальной* ценностью [20]. Поэтому необходимо условиться о *требуемом уровне общественного здоровья и методах его контроля*. Европейский мир помнит переход от «медицины болезни» к «медицине здоровья», но он не решил обозначенной проблемы. Между тем начала осознаваться настоятельная практическая надобность в разрешении ситуации. Переход к **прокреационной концепции здоровья и здравоохранения**, к «**прокреационной медицине**» является естественным продолжением указанного процесса ее развития (от человека больного — к человеку здоровому и далее к благоприятным условиям для рождения этого человека). Суть пе-

рехода состоит в «заточке» здравоохранительных структур и системно соотносенной с ними сети дополняющих медицину социокультурных институтов на прокреационный результат, прозрачно выражаемый демографической статистикой.

Возможно, статистика должна быть специфицирована, например, на выявление «сдвинутого на 10 лет назад количества 10-летних детей как демографического потенциала нации» [21]. Приемлемая область значений и динамика этой характеристики определяется исторически ситуативно. Очевидно, сегодня для европоориентированного мира в целом и для России в частности эта динамика должна быть устойчиво положительной для всех составляющих ее наций.

Именно желаемая динамика демографической статистики является общепонятным и контролируемым посредством существующей федеральной статистической службы *критерием реконструируемости* [4] системы управления здравоохранением. Вопрос о субъекте управления здравоохранением будет рассмотрен в разделе 5.

Поскольку, по мнению экспертов, здоровье зависит от медицины только на 10%, а от образа жизни – на 50% [22], очевидна неизбежность переориентации усилий и ресурсов на социальное проектирование последнего и социальное управление им. На постнеклассическом представлении об образе жизни мы остановимся в разделе 7.

5. Субъект управления здравоохранением и прокреационная мета-экономика

Управляющим субъектом оказывается не кто иной, как сам субъект общественного здоровья. Он управляет работой своих внутренних структур, рядополагая их с внешним миром. Возникает *постнеклассическая ситуация социального управления*. В рассматриваемом случае *управление трансформируется в самоуправление*, поскольку управляющий субъект идентифицируется с управляемым по основанию отождествления их образа жизни.

Необходимость самоуправления со стороны *коллективного* субъекта заставляет переориентировать вновь создаваемую прокреационную медицину с идеографического подхода на номотетический.

Как видно из вышесказанного, проблема охраны общественного здоровья является комплексной. Она требует согласованности действий множества центров активности, принадлежащих различным уровням описанной иерархической структуры субъекта управления. В этом просматривается аналогия с экономикой, упорядочивающей мировую хозяйственную деятельность. Однако, суверенность центров активности ограничена жестким условием необходимости исполнения прокреационной функции. Прокреационная проблема многократно сложнее проблемы хозяйства, которая является лишь ее составной частью. Поэтому при оперировании с ней необходимо параллельно вести работу в ряде других пластов окружающей реальности. В связи со сказанным область прикладного знания, предметом и одновременно инструментом которой

является интегральный нестационарный ресурс общественного здоровья, может быть охарактеризована как **прокреационная мета-экономика**. Ее цель – добиться непротиворечивости действий множества частичных субъектов, «населяющих» многоуровневую иерархическую структуру субъекта общественного здоровья в оптимальном осуществлении его прокреационной функции, то есть, воспроизводства жизни [23].

Предлагаемый подход позволяет рядоположить внутреннюю и внешнюю деятельности субъекта общественного здоровья и выстроить их рациональное соотношение, например, посредством проектирования. До сих пор политика государственной власти выстраивалась в рамках «реакции на болезнь, т.е. лечения», а не в рамках проектирования здоровья через проектирование и реализацию условий его укрепления и поддержания.

Математическим выражением цели прокреационной политики в целом и на местах является максимизация **прокреационного функционала**, специфицированного для частичных субъектов каждого уровня структуры как вменяемый сверху набор показателей, в первую очередь медицинской статистики и экономики.

Целью субъекта общественного здоровья является максимизация **прокреационного функционала**, представляющего собой сумму интегральных достигнутых характеристик общественного здоровья (относящихся к различным уровням субъекта) за прошедшие периоды, ограниченные наличием статистических данных, и прогнозируемых характеристик за будущие периоды, ограничиваемые горизонтами прогноза. Разработка конкретного вида прокреационного функционала с определением содержания его составляющих и назначением относительных весов последних является основой построения прокреационной политики и лежит в сфере деятельности органов управления здравоохранением.

Рассмотрение субъекта общественного здоровья как системы возможно при актуализации системообразующего фактора – его прокреационной функции. Если фактор не актуализирован, субъект утрачивает целостность и рассыпается на множество конкурирующих субъектов. Актуализация системообразующего фактора возможна при условии экономического обеспечения прокреационной деятельности, а также целенаправленной организации коммуникативных, деятельностных и рефлексивных взаимосвязей и процессов в социуме. Математическим выражением цели прокреационной политики в целом и на местах является максимизация **прокреационного функционала**, специфицированного для частичных субъектов каждого уровня структуры как вменяемый сверху индекс общественного здоровья – набор показателей, в первую очередь медицинской статистики и экономики.

Каким бы набором индексов или критериев ни было специфицировано качество жизни обсуждаемого субъекта, нельзя допускать, чтобы протекающие в социуме процессы ухудшали его прокреационные позиции. Поэтому должны быть исследованы «перекрестные» связи всех субиндексов принимаемого в качестве инструмента управления индекса качества жизни с прокреационным субиндексом. Прокреационный субиндекс как составляющая индекса качества

жизни должен отражать степень благоприятности условий воспроизводства жизни на данной территории. Веса прочих субиндексов и само их присутствие в общей структуре должны зависеть от качественных и количественных характеристик этих связей. Таким образом, все субиндексы общественного здоровья окажутся соотнесенными друг с другом на основании их положения на «прокреационной шкале». Так предполагается исключить в иерархически организованной структуре субъекта общественного здоровья эффект «double bind» [24] (в переводе «двойная связь» или «двойной капкан»). В рассматриваемой сфере эффект состоит в том, что тот или иной управляемый субъект может оказаться в зоне ответственности двух или более вышестоящих управляющих инстанций, отдающих противоречивые указания. В общем случае без принятия предлагаемых мер «капкан» может оказаться не только «двойным», но даже тройным или более высокого порядка.

6. Прокреационный аспект деятельности как основа критерия реконструируемости системы управления

«Говоря о сути человеческого бытия, философия указывает, что специфическим человеческим способом существования в мире является деятельность вообще, интегральная деятельность...» [5]. Базовой составляющей любого вида деятельности является деятельность прокреационная, поскольку воспроизводство жизни должно быть обеспечено при любой организации политики и хозяйства.

Прокреационная деятельность есть исполнение прокреационной функции, она конкретизируется в работе прокреационного механизма социума. Как отмечено в разделе 1, субъекты, управляющие прокреационной деятельностью, могут быть представлены и как фрагменты уровней единой иерархической системы. В рамках парциального представления системы управления можно говорить о том, что должна быть обеспечена целостность прокреационного механизма. Если в какой-то момент времени целостность нарушается, возникает точка разрыва прокреационной деятельности.

Прокреационная состоятельность совокупного субъекта будет обеспечиваться, если множество точек разрыва прокреационной деятельности не перешагивает некоторого порогового уровня мощности. Эту меру прокреационной состоятельности можно перенести и на субъектное представление прокреационной управленческой ситуации. Там она будет играть роль интегрального критерия, фиксирующего необходимое, но не достаточное условие реконструируемости [4] системы управления некоторым видом деятельности, необходимо включающей в себя деятельность прокреационную как базу, платформу.

7. Постнеклассический образ жизни

«Образ жизни обозначает организованную совокупность процессов и явлений жизнедеятельности людей в обществе» [25]. В классической постановке единицами наблюдения образа жизни являются рамки и содержание процессов. При этом рамками полагаются:

«а) содержание культурной информации, доступной представителям определенной группы,

б) социокультурные образцы, ценности, правила, стереотипы, нормы, характерные для группы,

в) механизмы социального контроля, отвечающие уровню образа жизни (отдельная личность, социокультурная группа, общество в целом)» [25].

Однако, сегодня общественная жизнь все более приобретает «несоциальный характер» [26]. В связи с этим образ жизни человека все больше начинает соотноситься с иными рамками. В качестве таких рамок можно указать мифы в их постнеклассическом понимании [27-29].

Под *мифом в постнеклассическом подходе* нами понимается устойчивая самовоспроизводящаяся система в пространстве, включающем внутренний мир (индивидуальное сознание и личностное бессознательное) и внешний мир человека — динамически устойчивый идеально-реальный конструкт. Мифы являются формой организации опыта взаимного употребления человека и социума, теми элементами, проекции которых в их множестве воспринимаются нами как длительно существующие феномены культуры, цивилизации. Главным отличием мифа от прочих системных сущностей введенного указанным образом интегрального мира является замкнутость траектории гетероморфного мифо-образующего процесса в пространстве интегрального мира. Культура состоит из мифов подобно тому, как вещество состоит из атомов. А образ жизни личности сегодня выстраивается ее ведущими мифами. По принадлежности к тому или иному постнеклассическому мифу разделяются сегодня и группы населения.

Именно деформация «облака мифов» европейской культуры материализуется в виде дисфункции ее прокреационного механизма, вследствие чего ей грозит участь Римской и Византийской империй. Европоориентированная культура (цивилизация?) изменила своего носителя настолько, что он исчезает на глазах.

Протезирование прокреационного механизма означает модификацию «облака мифов», что представляет непростую задачу, поскольку наличное «облако» сформировалось в процессе длительного «естественного» (т.е. бессознательного) отбора. Но во всяком случае можно утверждать, что прокреация послужит рамкой всех возможных европейских идеологий будущего. А новая социология обещает быть социологией мифа (более полно — социологией креативности-деятельности-мифа: см. раздел 9).

8. Венчурные онтологии

Привычно видеть в онтологии «фон» на котором философ или ученый осуществляет свои исследования. Однако, картина мира нужна не только мыслителю, но и деятелю. Такое уточнение аудитории потребителей онтологий оказывается существенным в наше время, когда темп их смены возрос и стал заметен в масштабах человеческой жизни. Раньше онтология была категорически

вменена человеку, он воспринимал ее как нечто само собой разумеющееся. Теперь появилась возможность сравнивать между собой результаты пользования различными онтологиями и, соответственно, рынок онтологий.

Поскольку расширилась номенклатура типов деятельности в онтологиях (в дополнение к когнитивной – креативная, проектная, организационная, управленческая, игровая, прокреационная), то изменились запросы к ним. Кроме структурно-статических характеристик картины мира (классическая, неклассическая, постнеклассическая [10]), стали важны ее динамические, организационные, управленческие характеристики. Под динамическими характеристиками понимаются типы представления о будущем (оно может оказаться: - идентичным прошлому, – экстраполируемым на основе изучения прошлого, - непредсказуемым, но узнаваемым, - непредсказуемым и неузнаваемым). Под организационными характеристиками понимаются формы соорганизации субъектов деятельности, принятые в «этом» мире. Под управленческими характеристиками понимаются практикуемые в «этом» мире типы управления. Перечень востребуемых «измерений» картины мира является, вообще говоря, открытым.

Возможность/необходимость выбора картины мира пополнила перечень рисков современности. Сам выбор стал венчурной инвестицией ресурсов субъекта.

В СМД-методологии⁶ позиционер, играющий роль субъекта деятельности, обладал взаимонезависимыми онтологической и оргдеятельностной досками сознания, вмещавшими его онтологические и организационно-деятельностные схемы. В постнеклассической СМД-методологии мы констатируем их взаимозависимость. Кроме того, в момент включения собственной индивидуальности в поле зрения постнеклассического методолога возникает методология реального времени.

В деятельности неизбежно сталкиваются субъекты, придерживающиеся разных онтологий. Возникает феномен полионтологической деятельности (в том числе, кооперативной). Если деятели являются коллективными субъектами, то их деятельность необходимо имеет прокреационную компоненту, которую можно рассматривать как инвариант полионтологической деятельности.

9. Креативность-деятельность-миф как базис постнеклассического мира

Если картина мира вменена индивиду его личной историей, то в выборе остального мыслительного инструментария, наиболее общими элементами которого являются категории и базисы, он относительно свободен. Нет нужды обсуждать подробно разрабатываемый в философии на протяжении тысяч лет инструмент *категории*.

⁶ Системомыследеятельностная методология. Разработка Московского методологического кружка.

Что касается *базиса*, то термин этот за пределами математики обычно употребляется не в определенном значении, но метафорически, при этом используется исследователями имплицитно. Согласно математическому словарю [30], «базис множества – минимальная система образующих данного множества M , т.е. минимальное подмножество $B < M$ такое, что применением определенных в M операций к элементам из B получается любой элемент из M ». Примером базиса может служить известный из школьной геометрии ортонормированный репер XYZ . Социальная, управленческая, политическая, да и любая другая действительность, служащая полем когнитивной и проектной деятельности гуманитария, гораздо сложнее математической. Поэтому и о базисе такой действительности, в отличие от однозначно определяемого базиса множества, можно говорить лишь условно. Но все же представление о *гуманитарном базисе* как о минимальном наборе основных сущностей исследуемой и преобразуемой действительности представляется продуктивным.

Еще Николай Кузанский предложил простую модель движения к истине, условно представляемой в виде окружности, посредством вписывания в нее многоугольников со все большим числом вершин [31]. Вершины аллегорически изображали вновь открываемые аспекты истины. В развитие идеи можно сказать, что вершины этих многоугольников суть элементы базиса, по которому субъект познания разлагает окружающую его, а в постнеклассическом мире – и *включающую его самого* реальность, преобразуя ее в свою мыслительную действительность.

Примером гуманитарных базисов может служить сентенция «Мир движется голодом, любовью и тщеславием». Неоднократно предлагались базисы в психологии: деятельность, сознание, личность [32] или: личность, деятельность, коллектив [33], общность, сознание, деятельность [34].

Сегодня мы видим, что элементы гуманитарного базиса могут, в общем случае, принадлежать разным парадигмам, если онтологические переходы совершаются на протяжении человеческой жизни.

В постнеклассическом мире наиболее существенны феномены *креативности* (создания нового) [35-38], *деятельности*, несущей в себе прокреационную составляющую, и *мифа*, представляющего собой результат «предельного перехода» деятельности.

10. Вместо резюме

Отмеченная в разделе 1 цикличность движения «мейнстрима общественного сознания» между приоритетами «индивидуального» и «общественного» может быть объяснена наличием *распределенной* по всей структуре общества системы управления. В самом грубом приближении она включает следующие «инстанции»: 1) философы и люди искусства, задающие рамки общественного дискурса, 2) ученые гуманитарного и естественнонаучного направлений, наполняющие эти рамки теоретическим содержанием, 3) политики, пользующиеся (в той или иной мере) наличными языками и представлениями, а также реко-

мендациями ученых и философов при выработке своих стратегий, 4) граждане, осуществляющие делегирование полномочий на управление властным структурам, 5) чиновники, управляющие практической реализацией государственных программ, 6) журналисты, обеспечивающие диалог между управляющими и управляемыми.

Система оформлена в виде полиархической совокупности социальных институтов и сугубо инерционна. Ее воздействия столь неспешны, что ни один субъект политического, научного или социального пространства не замечает ни малейшего нарушения своего суверенитета.

История и социология не накопили достаточно данных для строгого заключения о том, является ли отмеченное движение мейнстрима общественной мысли между названными полюсами сходящимся, расходящимся или автоколебательным.

Однако, несомненное наличие *результатирующего процесса* говорит о существовании реально действующей управляющей структуры масштаба гипер-системы. Наиболее вероятно выглядит предположение о ее квази-естественном происхождении.

Встает вопрос о наличии масштабных управляющих структур и в других областях человеческой практики – например, в экономике, где открыты кондратьевские циклы конъюнктуры. Вспомним, что древнегреческими философами отмечалась периодичность смены форм правления (демократия-диктатура-монархия).

Одним из инструментов поиска и анализа таких структур может стать предлагаемый *принцип субъектно-парциального дуализма*, ибо отдельно взятые субъектно-ориентированные методы исследования не ухватывают самого их существования. В перспективе это позволит человеку продвинуться в обретении «контроля над зонами недоверности» [26].

11. Постскриптум

Рассмотрение колебательных процессов в иерархических системах социума показывает, что категория УПРАВЛЕНИЯ имеет статус МИФА (в смысле [27-29]). Самой высокой инстанцией тоже нечто управляет (или кто-то посредством чего-то). Иным словами, управление – относительно. В самом деле, что является «начальствующим» началом в колебательном контуре, состоящем из емкости и индуктивности? Возвращаясь к социальной терминологии, можно сказать, что с точки зрения МИФА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ управляющим является не тот элемент иерархии, который расположен наверху пирамиды, а тот, который обладает наиболее длинной (продолжительной) программой действий⁷.

Приведенное рассуждение о системах социального управления возможно лишь с позиций субъектно-парциального дуализма и демонстрирует эффективность предлагаемого принципа.

⁷ Интересно сопоставить это утверждение с принципом «у-вэй».

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / Ильичев Л.Ф. и др. ред. М.: «Сов. энциклопедия», 1983, 840 с.
2. Гальцов Д.В. Корпускулярно-волновой дуализм. Большая Советская Энциклопедия, 3-е издание, Т.13, 1973, с. 207.
3. Щедровицкий Г.П. Программирование научных исследований и разработок / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т.1. М., 1999, 288 с.
4. Клир Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач. М.: Радио и связь, 1990, 544 с.
5. Сарансков В.Е., Грузина Е.С. Качество жизни: к вопросу о сущности и содержании понятия. Сборник научных статей ко II Международному форуму «Качество жизни: содружество науки, власти, бизнеса и общества» / Фонд «Социальная инициатива» // Тюриков А.Г. и др. Ч. II – М.: Муниципальный мир, 2005, с. 130-142.
6. Реут Д.В. Развитие как «синоним» неустойчивости или: о пределах возможностей управления ситуациями. Труды 5-й международной конференции «Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2005)». Москва, 18-20 октября 2005 г., М.: Институт проблем управления РАН, с. 31-38.
7. Анисимов О.С. Методологическая версия категориального аппарата психологии. Новгород: Всесоюзный методологический центр при инновационном объединении АН СССР, 1990, 334 с.
8. Анисимов О.С. Основы методологии, М.: Российская академия менеджмента и агробизнеса, 1994, 306 с.
9. Реут Д.В., Черкашина О.А., Аванесов В.Г. и др. От организационной культуры к корпоративной через декомпозицию многоуровневых конфликтов. Мир психологии. 2005, № 2 (апрель-июнь), с. 147-155.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2003, 744 с.
11. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998, 204 с.
12. Романов Л.Е., Реут Д.В., Васина О.И. и др. Общественный центр «Жизниград» как форма институционализации проектного отношения к здоровью и субъект новой прокреационной политики. Сб. «Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты» (труды Всероссийской конференции «Здоровье как проблема гуманитарного знания». Ин-т человека РАН, апрель 2002) М., 2003, с. 226-234.
13. Пигалев А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона. Вопросы философии, 2004, № 6, с. 148-159.
14. Михайлов С. Социологические проблемы развитого социализма. М. – Прогресс, 1985, 598 с.
15. Реут Д.В. Рефлексивные горизонты субъекта общественного здоровья // Рефлексивные процессы и управление №2, том 4. 2004, с. 48-59.
16. Реут Д.В. Прокреационная ситуация и возможности управления ее развитием. Труды 5-й международной конференции «Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2005)». Москва, 18-20 октября 2005 г., М.: Институт проблем управления РАН, с. 135-143.
17. Реут Д.В. Системный подход и проблематика общественного здоровья. Проблемы управления здравоохранением. 2005, № 6 (25).
18. Щедровицкий Г.П. Два понятия системы. Избранные труды. М., 1995, с. 228-232.
19. Вялков А.И. Политика и стратегия профилактики заболеваний и укрепления здоровья в современном обществе. Общественное здоровье и профилактика заболеваний. 2003, № 1, с. 3-7.

20. Юдин Б.Г. Здоровье человека как проблема гуманитарного знания. В кн. Философия здоровья // Баксанский О.Е. – ред., М., 2001, с. 61-85.
21. Башлачев В.А. Демография: Русский прорыв. *Независимое исследование*. М.: Белые альвы. 2004, 160 с.
22. Лукашев А.М., Прохоров Б.Б., Шиленко Ю.В. Общественное здоровье и управление здравоохранением. М.: Изд-во «Оверлей», 2005, 392 с.
23. Реут Д.В. Системный подход и основания прокреационной мета-экономики. Проблемы управления здравоохранением. 2005, № 6 (25).
24. Бейтсон М.К. Ангелы страшатся. М.. 1994, с.19-20.
25. Дридзе Т.М., Орлова Э.А. Ситуационный анализ образа жизни при прогнозировании и проектировании социокультурных процессов. Пушино, 1986, 52 с.
26. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998, 204 с.
27. Реут Д.В. Системно-антропологическая реконструкция мифа. В кн. Методологический фронтир 90-х. V чтения памяти Георгия Петровича Щедровицкого. М.: Путь, 2000, с. 89-125.
28. Реут Д.В. Миф и классика СМД. В кн. Методологический фронтир 90-х. V чтения памяти Георгия Петровича Щедровицкого. М.: Путь, 2000, с. 126-147.
29. Реут Д.В. Миф как динамическая система и единица культуры. Материалы научной конференции «История взаимодействия природы и общества». Институт истории естествознания и техники. Москва, 5-8 июня 2000. Приложение к Вестнику Российского философского общества. Часть 3. с. 20-21.
30. Каазик Ю.Я. Математический словарь. Таллин: Валгус, 1985, 296 с.
31. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. М.: «Мысль», 1979. Т.1, с. 241.
32. Ленонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
33. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
34. Слободчиков В.И. Деятельность как антропологическая категория. Вопросы философии. 2001, № 3, с. 48-57.
35. Реут Д.В. Креативные структуры. Рефлексивные процессы и управление. Тезисы третьего международного симпозиума. 8-10 октября 2001, М: Институт психологии РАН, с. 161-163.
36. Реут Д.В. Сладкое проклятие креативности. Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2001). Труды 1-й международной конференции. Москва, 11-12 октября 2001 г. т.3. М.: Институт проблем управления РАН, с. 91-123.
37. Реут Д.В. Дискурс креативизма и когнитивный параллакс. Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2001). Труды 1-й международной конференции. Москва, 11-12 октября 2001 г. Т. 3. М.: Институт проблем управления РАН, с. 124-130.
38. Реут Д.В. Креативизм в ряду подходов к решению сверхмассовой проблемы самоактуализации. Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2001). Труды 1-й международной конференции. Москва, 11-12 октября 2001 г. Т. 3. М.: Институт проблем управления РАН, с. 131-139.

Текст доклада на Круглом столе <Рефлексивные аспекты постнеклассических концепций управления (12.10.05)>, организованном при поддержке РГНФ, исследовательский проект 05-03-03473а

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МОДЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Н.В.Куликова

(Независимый фонд развития интеллектуальных технологий)

При анализе субъект-субъектных отношений (в целях разработки концепций и технологий управления в рамках постнеклассической науки), мы должны четко понимать, что, с точки зрения информационных систем, прежде всего, происходит информационное взаимодействие разнокачественных модельных миров данных субъектов, имеющее рефлексивную природу. Например, как это показано на рис. 1 в случае парного взаимодействия:

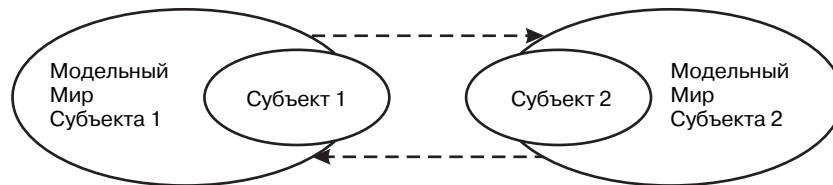

Рис. 1.

В процессе и в результате этого взаимодействия (включая и управленческое воздействие как один из целеопределенных способов взаимодействия) происходит (за счет изменения отношения между субъектами, соотношения между подсистемами, характера межсистемных связей и проч.)

Модификация модельных миров субъектов.

Модельный мир субъекта

В процессе познания человеком объективной реальности в его сознании происходит конструирование ее субъективной модели (или - субъективной реальности), которое мы называем в данном случае «модельным миром субъекта».

Модельный мир человека (как субъекта, могущего познавать информацию, оперировать информацией и создавать информацию) также можно представить как информационную систему, которая выстраивается в строго иерархическую систему (причем, независимо от того, осознает это человек или нет).

Содержательная часть этой системы, которая выстраивается человеком на протяжении всей жизни (а человеческой цивилизацией – на протяжении всей эволюции ее развития), непосредственно зависит от целей и возможностей инструментов познания. Иными словами, можно сказать, что модельный мир субъекта всегда *целеориентирован*.

Более детально содержательную часть модельного мира можно отразить на примере¹ иерархически организованной совокупности семантических рядов, раскрывающих информационное наполнение каждого иерархического уровня.

Здесь необходимо отметить следующую закономерность, характерную для

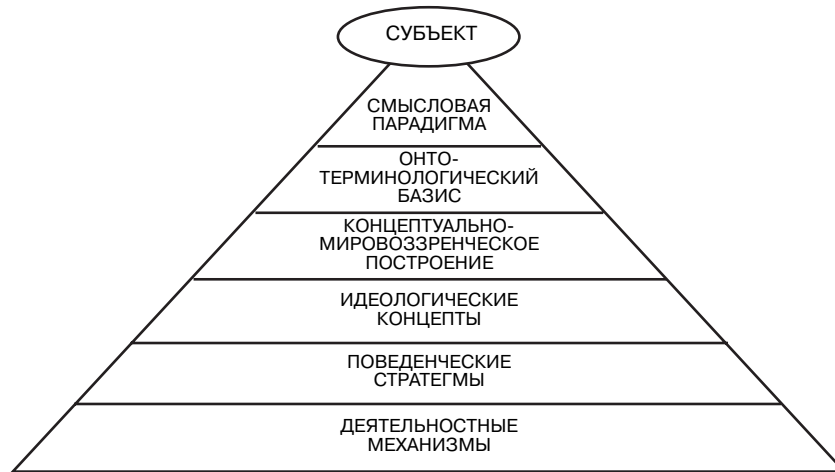

Рис. 2. Иерархия модельного мира субъекта

Информационное наполнение сознания субъекта по уровням иерархии модельного мира				
	Наименование уровней	Основной смысл познаваемого	Содержание информации и ее выражение	Форма отображения и ее значение
1	Цель, идея	Зачем?	Замысел	Модель, эталон
2	Смысловая парадигма	Что (кто) есть?	Истина, аксиома	Закон, причина
3	Онто-терминологический базис	Что (кто) чем является?	Стандарт, постулат	«Язык», основание
4	Концептуально-мировоззренческие построения	Что (кто) как существует?	Концепция, выражение	Догматы, утверждение
5	Идеологические концепты	Что (кто) по каким принципам живет?	Норматив, изложение	Установки, убеждения
6	Поведенческие стратагемы	Что как делается?	Правило, поведение	Предписание, положения
7	Деятельностные механизмы	Что (кто) как поступает?	Привычка, поступки	Культура, отношения

¹ Данный пример может быть не совсем корректным с точки зрения точности формулировок в силу неоднозначности трактовок одних и тех же понятий в разных предметных сферах. Задачей данного примера является не столько точное описание содержательной компоненты каждого уровня, сколько демонстрация четкой целеопределенной иерархии уровней модельного мира субъекта.

иерархически организованных систем: каждый верхний [старший] уровень определяет специфику и влияет на содержание нижних [младших] уровней, так же, как каждый последующий реализуется только при наличии предыдущего. Иными словами: содержание любого уровня модельного мира субъекта является взаимообусловленным и взаимозависимым от содержания остальных уровней, что еще раз подчеркивает целостность [неразделимую совокупность] всего модельного мира субъекта.

Модельный мир как информационная система, которая содержательной частью сознания субъекта, является основной призмой, формирующей специфику восприятия субъектом окружающей реальности, включая и познание других субъектов этой реальности. Здесь следует отметить, что в силу информационной и методологической ограниченности любого субъекта², его модельный мир также имеет ограничения и обладает, для каждого субъекта, своей уникальной спецификой. При этом, модельный мир субъектов, относящихся к какой-либо однородной, гомогенной информационной среде (например: профессиональные, идеологические и религиозные сообщества и т.п.) может быть наполнен сходными представлениями, основан на единой мировоззренческой платформе и прочее. На основе понимания принципов системного взаимодействия и приложения их к сфере взаимодействия субъектов, можно спрогнозировать результат модификации модельных миров.

Реализация четырех принципов системного взаимодействия в прикладном аспекте

Рассмотрим четыре типа взаимодействия систем³ в прикладном аспекте исследуемой темы. Наиболее ценно здесь для нас то, что для всех четырех типов взаимодействия можно заранее спрогнозировать результат, при условии, что взаимодействие происходит между системами с одинаковым иерархическим уровнем, что и наблюдается в субъектно-субъектных отношениях [http://www.proanalyst.ru/tiara/2005_1/2005_1_1.html - _ftn10].

1. По принципу «соответствия» – для систем со сходными спектральными характеристиками. Результат – изменение (рост) количественных характеристик (например – массы) совокупной системы.

Пример: увеличение числа сторонников какой-либо идеи, утверждения, позиции.

2. По принципу «дополнительности» – для систем с различными спектрами. Результат – изменение (усложнение) качественных характеристик.

² Поскольку субъект, на протяжении всей жизни имеет дело только с фрагментом реальности, но не со всей реальностью в целом, а также - поскольку он познает этот фрагмент реальности способами, ограниченными его [субъекта] возможностями восприятия и обработки информации.

³ Данные типы взаимодействия возведены в теории ГДС в ранг принципов, раскрывающих общие закономерности взаимодействия систем. Они более подробно рассмотрены в монографии: Малюта А. Н «Гиперкомплексные динамические системы». – Львов: Выща шк. Изд-во Львовского университета, 1989.

Пример: расширение кругозора и «обогащение» позиций и взглядов друг друга, в итоге чего возникают, например, знания междисциплинарного характера.

3. По принципу «0-транспортировки» — для открытых систем. При взаимодействии происходит разрушение исходных систем по одной из наименее устойчивых компонент. Результат — полное разрушение одной из исходных систем с последующим многовариантным будущим (частичная деформация, реструктуризация, полный распад и т.п.).

Пример: взаимодействие конфликтного характера (или манипулятивное воздействие на «слабые стороны противника»), в результате которого разрушаются идеи, позиции или убеждения одной или сразу обеих из сторон.

4. По принципу «иерархического взаимодействия» — для самодостаточных, замкнутых систем. Результат — возникновение более сложных, многоуровневых образований по типу «монополия», «империя» и пр.

Пример: объединение устойчивых идей, позиций и убеждений с выстраиванием синтетического решения (выходом на синтез) и формированием более сложной системы, например — единой религии из множества верований, догм и предрассудков.

Трактуя данные типы взаимодействия на языке аналитической практики, можно отождествить их с четырьмя основными типами аналитических операций, совершаемых над информационным объектом с целью получения желаемого результата. В этом случае мы получаем набор операций, которые нужно совершить над модельным миром субъекта как операций с информационной системой:

По «соответствию» — композиция;

Пример: подбор информации, которая соответствует представлениям субъекта по каждому уровню в представленной выше иерархии модельного мира субъекта с целью продемонстрировать тождественность, сходство взглядов, позиций, или подходов.

По «дополнительности» — специализация;

Пример: демонстрация аспектов, наиболее интересных субъекту с точки зрения развития его позиций, взглядов, или подходов.

«0-транспортировка» — декомпозиция;

Пример: «удар» по слабому звену в позиции, взглядах или подходах субъекта;

«Иерархическое» взаимодействие — систематизация;

Пример: построение, взгляда, позиции и подхода, демонстрирующих более цели, возможности и перспективы, учитывающих цели, ценности и интересы сторон, а также — не разрушающих целостность взглядов, позиций или подходов исходных систем.

В практике взаимодействия сложных информационных систем реализуются все четыре типа взаимодействия. Для демонстрации того, как это происходит по всей иерархии модельного мира субъектов, приведем такой пример.

Информационную систему субъект-субъектных отношений можно описать как для отдельных индивидуумов, так и для более сложных социальных образований, например: «группа — группа», «нация — нация» и пр. Данный подход

Уровни модельного мира субъектов	Реализованный тип взаимодействия	Возможные результаты взаимодействия (в социальном аспекте)	Технология
Смысловая парадигма	дополнительности	Взаимодополнение (мирное сосуществование) различных метаидей, взглядов, смыслов, языков)	Формирование готовности социума к упорядоченному объединению на фоне разрушения или отсутствия старого мировоззрения и идеологии, за счет создания и реализации концептуальной формы управления (при обязательном наличии метаидей) <i>Известный аналог в истории: Создание религии единобожия и становление церкви как хозяйствующего субъекта управления (империи).</i>
Онто-терминологический базис	дополнительности	Развитие качественно новых концепций и подходов	
Концептуально-мировоззренческие построения	0-транспортировка	Несоответствие старого мировоззрения реальной картине жизни	
Идеологические концепты	0-транспортировка	Разрушение старых стереотипов, ценностей, и представлений	
Поведенческие страгемы	соответствие	Усиление традиций, увеличение числа как противников старой идеологии, так и сторонников новой, усовершенствованной концепции мироустройства	
Деятельностные механизмы	иерархического взаимодействия	Возникновение объединений, ассоциаций, корпораций на идейно-деловой основе	
Итоговый прогноз:	Получение управляемого, но духовно деградирующего общества при одновременном наличии иллюзии его духовного развития.		

применим также и для рассмотрения взаимодействия между социальными объектами с разной иерархией: «человек – государство», «человек – организация» и пр. Иными словами – для всех систем, для которых можно построить адекватную информационную модель модельного мира.

В свою очередь, определив специфику модельного мира как информационной системы [модели] и осуществив анализ типа взаимосвязей по каждой иерархии взаимодействия отдельно и по всем уровням в целом, можно с высокой степенью достоверности осуществлять прогнозирование (а значит – и моделирование) субъект-субъектных отношений. Что, на наш взгляд, является весьма важной задачей при разработке модели будущего общества.

Тезисы выступления на Круглом столе «Рефлексивные аспекты постнеклассических концепций управления (12.10.05)», организованном при поддержке РГНФ, исследовательский проект 05-03-03473а

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СТАБИЛЬНЫЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ УСПЕХ В РОССИИ И ИЗРАИЛЕ

Олег Савельзон

(Высшая школа технологии – Институт Лев, Израиль)

Идеологические нужды в России и Израиле

СССР был создан в результате того, что к России «присоединились те республики, в которых власть захватили коммунисты. Коммунистическая идеология затем стала основой тоталитарного режима в стране, определяя все аспекты ее жизни (а значит, и жизни базовой части Советского Союза – России). Вот почему коммунизм можно назвать «государствообразующей» идеологией СССР. В конце 80-х коммунизм потерял свое влияние, а следом и статус государственной идеологии, что и послужило одной из главных причин дезинтеграции СССР – государство распалось после того, как предельно ослабел государствообразующий фактор. Вместе с тем предложенная взамен коллективистского коммунизма индивидуалистическая либеральная идеология демократического государства с рыночной экономикой не усвоена большинством населения России. Поэтому теперешнее неблагополучие российского общества, в котором прежде направляющие и консолидирующие функции выполнялись коммунистической идеологией, связано, в частности, с тем, что ныне означенные функции вообще не выполнены.

Эта связь осознана российской элитой. После выборов 1996 года при президенте страны была создана даже специальная комиссия для разработки национальной идеологии. Ее предложения публика встретила скептически; общее мнение выразил А.Солженицын, сказав, что национальная идея не может быть придумана группой назначенных персон, а должна сформироваться в народе. К сожалению, ни Солженицын, ни кто другой не указал пока методов и средств такого формирования, а то, что столь нетривиальная вещь может сформироваться сама собой, сомнительно.

Положение в «общеизраильской» идеологической сфере не многим лучше российского. Ведь кроме СССР в XX веке была создана еще одна страна с государствообразующей идеологией – Израиль. И до недавнего времени сионистская идеология определяла все важнейшие решения в стране. В начале 90-х правительство левых инициировало мирный процесс, что означало переход в геополитической сфере к совершенно другой идеологии «Нового Ближнего Востока». Хотя последняя так и не была принята значительной частью населения страны, реалии мирного процесса заставили правых отступить от жестких сионистских позиций. В экономике и левые, и правые являются сторонниками рыночных реформ, которые также ослабляют сионизм, поскольку способствуют утверждению в обществе индивидуалистических ценностей, все более и более вытесняющих коллективистские сионистские. В общем, Израиль всту-

пил в период разрушения государствообразующей идеологии, причем новой идеологии, которая выполняла бы направляющие и консолидирующие общество функции сионизма пока не имеется.

Наибольшая нужда в этих функциях – в общине русскоязычных репатриантов (Алие), оказавшихся в новой, резко отличающейся от прежней среде обитания. Это обусловлено еще и тем, что идеология «плавильного котла», издавна принятая в Израиле как идейная база абсорбции, совершенно не подходит для репатриантов из экс-СССР. Однако, новой идеологии не выработано и абсорбция русскоязычных репатриантов осуществляется во многом спонтанно.

Типология электората

В 1996 году на выборах в Кнессет большого успеха добилась «русская» партия «Израэль Ба-Алия» (ИБА). Она родилась за несколько месяцев до голосования и лидеры ее ранее не были политическими или государственными деятелями. При таком отсутствии предыстории все решила удачная предвыборная кампания. На этом этапе я довольно много работал на ИБА как консультант, да и вообще был ее сторонником. Поэтому после выборов я попытался убедить руководство партии, что для выживания ИБА необходимо сформировать постоянный электорат. Дабы привлечь внимание к своим рекомендациям использовал даже игру слов – пояснял, упирая на приставку «*при*», что голосующие за утвердившуюся на политической арене партию бывают трех типов: 1) «приверженцы», 2) «прикормленные» и 3) «приблудные».

«Приверженцы» – это те, кто (а) позитивно относятся к идеологии, принятой партией, (б) считают полезными практические действия партии и (в) верят, что эти действия ведут к реализации идеологии.

«Прикормленные» могут быть или не быть «приверженцами», но их работа, деловая или общественная деятельность поддерживается партией на политическом, общественном, профессиональном или административном уровне.

«Приблудные» – те, кто на данных конкретных выборах голосует за партию из-за политической конъюнктуры, разочарования в других партиях, удачной пропаганды, временного восприятия партии как своей и т.п.

Последние только и были у ИБА. Залучить «приблудных» сравнительно легко партии, начинающей свою политическую жизнь. Однако они могут также легко отвернуться от нее и «приблудиться» на следующих выборах к другим. Стабильный электоральный успех способна обеспечить лишь масса «приверженцев» и «прикормленных» – постоянный электорат. На его формирование и должна быть ориентирована стратегия партии, нацеленной на то, чтобы утвердиться на политической арене.

Один из лидеров ИБА возразил, остроумно продолжив мою игру слов, что есть еще и четвертый тип – «признательные» – избиратели, голосующие за партию из признательности за ее заботу о них в истекшую каденцию. Руководителям ИБА верилось, что мелкие дела на пользу Алие, льстящие ей публич-

ные заявления, перманентные напоминания о том, как они самоотверженно защищают ее интересы, обещания посодействовать в ответ на обращения отдельных репатриантов о помощи и т.п. вызовут признательность, которая обернется постоянной электоральной поддержкой.

Преимущество моей типологии состоит в том, что она обращена в будущее, тогда как признательность — чувство, связанное с прошлым. Избиратель голосует за ту партию, которая вызывает у него наиболее предпочтительные предвыборные ожидания. Ясно, что они тем предпочтительнее, чем точнее соответствуют его нуждам и больше вызывают у него доверие. Ожидания принципиально отличаются от обещаний, поскольку последние исходят от партии, а первые возникают у избирателя; последние гораздо конкретнее первых — партия как бы предугадывает глубинные нужды электората и предлагает уже конкретные пути их удовлетворения — действия, которые она обещает осуществить. Однако, то или иное намеченное действие чаще всего не является единственным путем удовлетворения нужды, которой оно отвечает. Конечно, избирателю не совсем безразлично, какими именно путями удовлетворили его нужды — теми, которые были обещаны, или другими, — но ему все-таки гораздо важнее, чтобы это было вообще сделано — так или иначе. То есть деятельность партии по завершении текущей каденции избиратели оценивают в зависимости от того, оправдала ли она предвыборные ожидания, вызванные у них перед началом каденции и отвечающие их нуждам.

Итак, оценка прошлой деятельности партии (если она положительная) является лишь необходимым условием успеха у избирателей, т.е. без нее рассчитывать на еще одну поддержку можно только в том случае, когда деятельность всех остальных партий выглядит и того хуже. Однако, чтобы избиратели поддержали-таки вновь партию, не достаточно одного только позитивного или наименее негативного прошлого. Достаточным условием политического успеха партии является наличие у нее значительного постоянного электората, который образуют «приверженцы» и «прикормленные» — избиратели, из выборов в выборы голосующие за «свою» партию (конечно, если ее прошлая политическая деятельность подкрепляет их ожидания — идеологические или меркантильные, т.е. относящиеся к приверженности или прикормленности).

Масштабные «кормушки» обычно жестко ориентированы на определенные политические «крыши». Переориентировать их на себя или создать новые, свои «кормушки» большого масштаба очень трудно. Приобретение же «приверженцев» выглядит более осуществимым.

Очевидно, **чтобы сделать людей своими «приверженцами», необходимо, как минимум, сначала предложить им некоторую привлекательную для них идеологию.**

В ИБА этот вопрос обсуждали на специальном семинаре. Он вылился в спор о том, какой должна быть идеология партии — «репатриантской» или «общераильской». В итоге так ни к чему и не пришли, а посему сняли раз и навсегда данный вопрос с повестки дня. У ИБА не было солидной оригинальной идеологии, что стало одной из причин ее провала. Думается, «русская» партия не

может благополучно выживать на политической арене Израиля без удовлетворения глубинной нужды своего электората в сильной особенной идеологии.

То же самое я могу сказать и о выживании на политической арене России партии, не являющейся «партией власти». Нет идеологического эксклюзива — не будет стабильного электорального успеха.

Постановка политико-идеологической проблемы

Общего определения политической идеологии не выработано, так как существует несколько видов идеологий, сильно отличающихся друг от друга. Наиболее интересен, по-моему, тот вид, к которому принадлежат идеологии, выдвигаемые на общественно-политическую арену их глашатаями с целью завоевать или удержать власть для осуществления прогрессивных преобразований общества. Идеологию этого вида, т.е. «выдвигаемую» идеологию определю как развернутое, теоретически обоснованное описание того:

(I) что с позиции определенной социальной группы должно представлять собой идеальное будущее общества, в которое эта группа входит;

(II) какие удручающие расхождения с представлениями об оптимальном будущем и препятствия к его достижению имеют место в настоящем данного общества;

(III) какими методами и средствами следует действовать дабы от «удручающего» настоящего перейти к идеальному будущему;

(IV) что делать, чтобы практически осуществить этот переход.

Например, в марксизме-ленинизме, являвшемся более ста лет назад выдвигаемой идеологией, (I) в качестве идеального с позиции пролетариата будущего рисовался коммунизм; (II) давался анализ тогдашнего капитализма, основными положениями которого были критика частной собственности и теория прибавочной стоимости, объяснявшие, как капиталисты грабят пролетариат; (III) предполагалось сагитировать массы пролетариев на насильственные действия по захвату власти и экспроприации частной собственности; (IV) планировалось сколотить боевую партию, которая подготовила бы и осуществила пролетарскую революцию, а затем и дальнейшее строительство коммунизма.

Краеугольным камнем идеологии является образ идеального будущего, который она декларирует. Обычно идеология и название свое получает по этому идеалу — например, марксистско-ленинскую идеологию чаще называют коммунистической.

Идеология определяет стратегию политической деятельности партии, взявшей ее на вооружение. Она является также основой пропаганды партии, привлекающей людей к поддержке нововведений, провозглашаемых партией, и мобилизующей на осуществление данных нововведений. То есть она консолидирует политически и деятельностно ту социальную группу, на которую ориентируется эта партия. Таким образом, идеология выполняет две главных функции: в отношении партии — стратегическую, в отношении электората — консолидирующую.

Имидж политической идеологии определяется представляемым ею видением идеального будущего страны или народа, в понимании людей идеология — это прежде всего какой-то образ будущего нации. Данный образ задается идеологией как некоторое вполне определенное устройство общества с теми или иными достаточно четко обрисованными социальными, экономическими, политическими и тому подобными установлениями и механизмами. С этим как раз и связаны трудности утверждения идеологий традиционного типа в общественном сознании современных плюралистических социумов. Выделю среди факторов, затрудняющих это, четыре главных.

Во-первых, даже в рамках одного класса, сектора общества, социальной или какой-либо другой группы — сегментов нации, каждый из которых вроде бы мог стать носителем некой идеологии, — в большом количестве присутствуют люди с совершенно разными представлениями об идеальном будущем.

Это результат многолетней идеологической работы. Например, в современном западном обществе на протяжении десятилетий существуют три базовых идеологических направления (назовем их классическими). Консерватизм, ратующий за ограничения, призванные сохранить особое лицо общества. Либерализм, стремящийся к цивилизованному освобождению всего и всех. Социализм, ставящий во главу угла социальную справедливость. Данные идеологические направления рисуют каждое свои конкретные решения — общественные установления и механизмы, которые, если будут внедрены, сделают общество оптимальным по их представлениям. Но таких представлений — различных картин идеального будущего, сформированных в идеологической сфере, гораздо больше, чем три. Дело в том, что с целью дальнейшего использования в политической борьбе отдельные элементы — решения, относящиеся к базовым идеологическим направлениям, — разнообразными способами компилируются друг с другом, а также с другими элементами — какими-то еще установлениями и механизмами, например, религиозными, геополитическими или экологическими (назовем их неклассическими). В результате в дополнение к базовым трем образовано множество комбинированных картин идеального будущего, определяющих множество существующих идеологических построений, у каждого из которых есть свои приверженцы. Плюрализм современного общества проявляется, в частности, в его «полиидеологичности».

Разница между классическими и неклассическими идеологиями еще и в том, что во времена «классики» политики, представлявшие идеологии, в гораздо большей мере воспринимали их как руководство к действию, чем ныне. В настоящее время применение неклассических идеологий в первую очередь электоральное. То есть поведение политиков классического периода существенно сильнее детерминировалось стремлением к воплощению в жизнь исповедуемых ими общественных **ценностей**, чем у нынешних «неклассиков», ориентированных главным образом на **цели** обретения или удержания власти. Другими словами, период классических идеологий резонно ассоциировать с **ценностной рациональностью** в принятии политических решений, а период «неклассики» — с **целевой рациональностью**.

То, что приверженцы некоторой идеологии привержены именно ей несмотря на многообразие отличных от нее существующих вариантов — различных комбинаций элементов представлений об идеальном будущем — заставляет предположить, что эта приверженность довольно крепка. Поэтому люди, приверженные уже определенному варианту идеологии, вряд ли откажутся от него, появившись какой-то еще один, новый вариант выдвигаемой идеологии, построенный по традиционному образцу, т.е. рисующий некую конкретную картину будущего, даже если в ней будет доселе не встречавшаяся комбинация идеологических элементов — разнообразных социальных, экономических, политических и других общественных установлений и механизмов. Таким образом, не стоит надеяться консолидировать идеологизированный уже электорат под флагом ненайденной пока чудодейственной идеологии традиционного образца. Бесполезно заниматься изобретением какой-то новой магической комбинации традиционных идеологических элементов — определенных социальных, экономических, политических и других общественных установлений и механизмов.

Во-вторых, поскольку идеология разрабатывается узким кругом лиц, предлагаемые ею рецепты воспринимаются людьми как навязываемые какой-то группкой политиков и обслуживающих их идеологов. А ныне у многих ощущение, что им что-то навязывают, как говорится, «спускают сверху», априори вызывает неприятие внушаемого. Тут же возникает убеждение, что политики в очередной раз хотят заморочить голову народу чем-то выгодным для них. Люди часто с порога отвергают это, испытывая чисто психологическое сопротивление даже тому, чтобы просто разобраться в существовании пропагандируемых будущих общественных установлений и механизмов.

Наглядной иллюстрацией этого служит упоминавшаяся выше неудачная попытка российской элиты сформировать национальную идеологию.

В-третьих, в настоящее время практически всеобщим является убеждение в том, что никогда реализаторы идеологий не могли воплотить нарисованный ими конкретный образ идеального будущего в действительность. Причем беда не столько в том, что у всех выходило не так, как ими намечалось, а главным образом в том, что всегда получалось гораздо хуже обещанного. (Недаром с таким согласием была принята знаменитая фраза бывшего премьера России В. Черномырдина «хотели как лучше, а получилось как всегда».) Поэтому предъявление какой бы то ни было конкретной картины будущего многие воспримут с подозрением, что их опять хотят обмануть очередным планом построения прекрасного замка на песке, которое на самом деле обернется новыми несчастьями.

Другого рода подозрения в обмане посредством идеологических обещаний порождаются политической практикой последних лет. Партии стали легко отказываться от своих идеологических принципов. Видя это, избиратели все меньше и меньше верят, что политики будут отстаивать заявленные ими идеологические позиции. В самом деле, например, социал-демократы в Германии проводят в жизнь жесткий пакет экономических мер правого толка и идут на конфронтацию с профсоюзами. Так же действовали и находившиеся у власти левые

в Израиле, Испании и Великобритании. Оказавшись в правительстве, немецкие эко-пацифисты («зеленые») поддержали участие армии в военной операции НАТО в Югославии, что противоречило конституции Германии, и поступились требованиями программы партии о незамедлительном закрытии всех АЭС и переходе на альтернативную энергию. Оппозиционные ныне в Германии правые – христианские демократы – сделали своим одним из старейших лозунгов социал-демократов – борьбу за социальную справедливость. Радикально изменилась позиция ХДС и по такому важнейшему для партии вопросу как семья, всегда воспринимавшаяся христианами демократами с традиционной точки зрения. Недавно они постановили «расширить» это понятие за счет гомосексуальных семей и гетеросексуальных незарегистрированных пар, которых становится все больше и больше среди избирателей.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в настоящее время происходит отмирание идеологий традиционного вида. В отношении электората это означает, что партии начинают отказываться от борьбы за «приверженцев» в пользу борьбы за «прикормленных» (последних имеют возможность привлечь прежде всего правящие политические силы) или «приблудных» (наилучшие позиции для борьбы за них на выборах стремятся заранее занять и правящие, и оппозиционные политические силы). Таким образом, залучение «приблудных» приобретает в политической борьбе гораздо больший вес, чем в прежние времена расцвета идеологий. Следовательно, в той же степени возрастает и роль предвыборных кампаний, а значит, и избирательных технологий как средств манипулирования электоратом. Все это знаменует собой угрозу того, что и западные демократии в скором времени в значительной мере превратятся в информационно-манипулятивные псевдодемократии.

В-четвертых, опыт прошлого свидетельствует, что нередко идеологические представления о будущем пытались реализовать силой. Это обычно сразу же приводило к социальным столкновениям, как правило, кровавым, а порой оказывалось пагубным и по своим далеко идущим последствиям. Причем кровью зачастую отливались призывы к будущему, выглядевшее в проекте как нельзя лучше, например, как «свобода, равенство и братство». Так что еще один призыв к какому-то новому определенному «светлому» будущему у осмотрительных людей может вызвать страх последующих потрясений.

Факторы, упомянутые вторым, третьим и четвертым определяют ту особенность современного общества, которую называют «деидеологизированностью».

Последняя вместе с низостью современной политики, вызывающей к ней у приличных людей естественное отвращение, способствует тому, что около трети граждан являются не «*при*». Они либо **не приемлют** на выборах ни одну из предлагаемых альтернатив, голосуя против всех, либо просто **не приходят** на избирательные участки. Традиционная политическая деятельность выливается в борьбу с конкурентами за перераспределение голосов оставшихся двух третей граждан. Их политикам удается вовлечь в свою неизменную игру на утвердившихся в общественном мнении взглядах. Никто не пытался пока вместо этой

примитивной одностадийной перераспределительной идеологической игры запустить двухстадийный процесс — сначала вложить большие ресурсы в развитие в общественном мнении нового взгляда, чтобы затем без обычной конкуренции пожать плоды данного развития, как монопольный проводник эксклюзивной нетрадиционной идеологии, апеллирующей именно к этому новому взгляду. Иначе, полагаю, до «непризнающих» современную политику не добраться.

Итак, с одной стороны, полиидеологичность говорит за то, что приверженцы существующих уже идеологий будут отвергать новую выдвигаемую идеологию традиционного образца, как они отвергают ныне любую из многих отличных от «своей» идеологий. С другой стороны, «непризнающие» современную политику и деидеологизированные негативно относятся к любому традиционному образчику идеологии, независимо от того, старый он или новый. Вместе это подталкивает к выводу, что шансы на значительный успех любой выдвигаемой идеологии традиционного образца довольно невелики.

Как уже отмечалось, «непризнающие» и деидеологизированные (а таких ныне большинство) склонны априори отвергать идеологии, испытывая психологическое сопротивление тому, чтобы вникать в существо пропагандируемых будущих общественных установлений и механизмов. Поэтому, если процесс внедрения в общественное сознание какой бы то ни было общественно-политической концепции окажется похожим на традиционную идеологическую пропаганду, данную концепцию сразу же примут за идеологию традиционного образца, будь она и чем-то совсем иным. Мол, раз что-то там об обществе и политике пропагандируется так, как обычно пропагандировались идеологии, значит оно это и есть. В такой ситуации любые разъяснения того, что пропагандируемую концепцию совершенно некорректно называть идеологией, будут восприняты как софистика, какие-то ухищрения с целью внушить все-таки народу то, что нужно политикам. В результате люди еще больше уверятся, что им опять пытаются заморочить головы какой-то идеологией.

Таким образом, можно констатировать, что время выдвигаемых идеологий традиционного образца прошло. Ныне задачей разработки идейной платформы является создание такой общественно-политической концепции, которая удовлетворяла бы следующим требованиям:

(1) в качестве своей реализации она предлагала бы практически осуществимые действия, которые позволили бы оправдать ожидания избирателей по удовлетворению их нужд, как осознаваемых, так и неосознаваемых ими (в последнем случае сначала потребует развитие в обществе взгляда, проявляющего эти нужды);

(2) она могла бы выполнить вышеупомянутые две функции идеологии (стратегическую в отношении партии и консолидирующую в отношении электората), но в то же время не являлась бы идеологией в традиционном смысле;

(3) способ ее внедрения в общественное сознание коренным образом отличался бы от традиционной идеологической пропаганды.

К концепции развития рационального открытого общества

Мое предложение состоит в том, чтобы выдвинуть не идеологию, претендующую на описание будущего оптимального общественного устройства с некими вполне определенными четко обрисованными чертами — установлениями и механизмами, а концепцию, которая в будущем описывает общенациональную модель рационального принятия решений по постоянному совершенствованию социальных, экономических, политических и тому подобных установлений и механизмов. То есть вместо того, чтобы нарисовать раз и навсегда определенную картину будущей действительности, как это было в идеологиях традиционного образца, в качестве ожидаемого будущего предлагается абсолютно новая общественная парадигма, в рамках которой нация будет все время вырисовывать — обновлять и совершенствовать картину желаемой действительности и перспектив ее развития, а также воплощать созданные образы в жизнь.

В частности, это будет означать превращение в реалистический проект сложеницыновской утопии, упоминавшейся в Разделе 1. Вообще утопические построения тем и отличаются от реалистических, что в первых отсутствуют методы и средства реализации воображаемого, а во вторых они есть.

Моя концепция изложена в [1-6] как социально-политический проект развития России и Израиля. В [2] указаны оригинальные — процедурно-рациональные — специальные методы и средства становления открытого для самосовершенствования общества. Это радикальное повышение **процедурной рациональности** культуры принятия решений [3] и демократического государственного управления [4, 5].

Таким образом, три периода развития идеологий можно охарактеризовать разными типами рациональности (ценностной, целевой и процедурной) в принятии политических решений. И третий, последующий, на мой взгляд, за классическим и неклассическим, период резонно назвать **постнеклассическим** по аналогии с периодизацией развития науки [7] в соответствии с тремя типами научной рациональности, сменявшими друг друга в истории техногенной цивилизации. Это — *классическая рациональность* (соответствующая классической науке в двух ее состояниях — дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность*.

Что делать?

В [1-6] содержатся **практические** рекомендации, прописанные на уровне конкретных проектов законов, акций, процедур и т.п., по развитию в России и Израиле рационального открытого общества. Внедрить их в жизнь можно решениями органов представительной демократии и исполнительной власти, действиями государственных учреждений, общественных организаций и частных компаний. Не надо революции, изменения государственного устройства, реформы политической системы, перераспределения собственности; требует-

ся только рационализация регламентов важнейших процедур принятия фундаментальных решений – выборов, референдумов, обсуждений и голосований, разработки, согласования и утверждения планов и программ и т.д. Конечно же, с предварительным освещением смысла и задач рационализации. Ныне российские СМИ эту тему вообще не затрагивают. Мне неизвестно, чтобы кто-нибудь обсуждал уровень процедурной рациональности российской культуры принятия решений на конференциях, семинарах, круглых столах, дискуссиях в СМИ и т.п. Данный вопрос не затрагивался и в научных публикациях до появления моих вышеупомянутых статей. Но это только в сказке достаточно, чтобы один мальчик воскликнул «А король-то голый!», и все прозрели. В жизни подобные единичные восклицания нынешние короли – политический и масс-медийный истеблишмент – просто замалчивают.

Надеюсь, противодействовать сему замалчиванию можно, показав людям на практике, что применение рациональных процедур принятия решений дает очевидный положительный результат.

Таковым является практическое подтверждение моей идеи [8]. В течение последних четырех лет я консультировал перестройку российской фармацевтической компании. За эти годы она превратилась в «рациональное открытое общество в миниатюре». То есть, идея, выдвинутая в отношении общества, «спроецирована» на сообщество – коммерческую организацию. Рационализация корпоративной культуры была осуществлена не в теоретическом обучении, а в ходе процедур коллективного принятия решений по практическим вопросам стратегического планирования и регулярного управления. В пояснениях, предварявших тот или иной шаг процедуры, участникам сжато излагались положения науки принятия решений, в соответствии с которыми делался этот шаг и строилась вся последовательность шагов. Каждая процедура состояла из фрагментов, воплощающих четыре компонента мышления – рациональность, рефлексию, настрой на выявление собственных ошибок и беспредпосылочность, – составляющих основу нового уровня культуры принятия решений. Причем эти компоненты иллюстрировались простыми наглядными схемами, способствующими пониманию и запоминанию.

Вообще, призывать к новому уровню принятия решений или обучать ему посредством теоретических штудий – занятие малоэффективное. Когда же всякому компоненту продвинутого уровня соответствует определенный фрагмент процедуры, на этом отрезке процедуры данный компонент просто воплощается в мыследеятельности участников. То есть, они «процедурно переводятся» на новый уровень культуры в ходе принятия насустных практических решений.

Каждая процедура в компании была построена как «пирамидальная» серия этапных коллективных субпроцедур с понижающимися значимостью решений и рангом участников и расширяющимся охватом персонала (словно последовательность сечений пирамиды, расширяющихся по мере снижения от вершины к основанию). Таким образом на этапах этих процедур соответствующего уровня в них принимали участие все менеджеры компании вплоть до низового звена.

В результате 1) весь управленческий персонал компании сделался как бы коллективным автором инноваций; 2) новые маркетинговые и управленческие идеи были быстро поняты и приняты коллективом без сопротивления, поскольку стали своими; 3) была обеспечена высокая солидарность поведения персонала во внедрении инноваций, 4) в компании освоили и включили в повседневную деятельность методы рационального принятия решений. Это дало возрастание оборота и прибыли в 4 раза. Сформировался превосходный брэнд компании, она приобрела репутацию интеллектуального лидера фармацевтической отрасли. В 2002 году компанию признали лучшей в фармотрасле России по внедрению новых бизнес-процессов и наградили призом «Платиновая унция».

Следующий шаг на пути подтверждения работоспособности моей концепции – изрядное укрупнение создаваемого или перестраиваемого по ней рационального открытого сообщества. От компании с несколькими сотнями сотрудников следует перейти к реализации идеи в многотысячной организации. Причем вслед за этим на последнем этапе намеченного пути планируется рационалистическая перестройка страны. Поэтому идеально на предпоследнем этапе создать многотысячную рациональную открытую партию, целью которой было бы осуществление последнего шага – построения рационального открытого общества в России.

Она могла бы действовать как виртуальный избирательный округ – не по общности территории, а по общности идей. Когда он будет создан, его члены выберут команду с программой действий – и это будет список кандидатов и программа партии (назовем ее условно «Рациональная Открытая Россия» – РОР). Причем все кандидаты, чтобы получить право представлять РОР, должны не занимать в партии никаких постов и подписать специальные контракты. Обязанность контрольной комиссии РОР – следить, чтобы представители «округа» в Думе продуктивно действовали по претворению в жизнь идей и программы, выработанных избирателями «округа». Если обнаружится чья-то непродуктивность, вопрос о его дальнейшем пребывании в Думе будет вынесен на обсуждение, а затем голосование всех членов «округа». Контракт представителя «округа» в Думе следует составить так, что провалившийся на голосовании вынужден будет освободить свое место депутата для первого из непрошедших в Думу кандидатов РОР. Так что члены РОР будут надежнее, чем любые избиратели в мире, обеспечены обслуживанием их интересов в парламенте.

Сразу после учреждения РОР целесообразно начать разработку программы, **организованную так, чтобы за ней было интересно следить по Интернету и в СМИ.** Моделью может служить конкурс на лучший проект структуры управления и устава организации, о которой идет речь в [2]. Задуман он как рациональная общенациональная процедура принятия решений, предложенная в [5] для новых неконвенциональных референдумов. Конкурс построен таким образом, что в него вовлечены не только авторы проектов, но и широкая публика, у которой все время есть возможность наблюдать и участвовать в мероприятиях, состав-

ляющих конкурс, и получать на разных этапах призы. Первым стоит провести конкурс по разделу программы, посвященному решению самой актуальной в России на тот момент времени социальной проблемы. Затем – конкурс на лучший проект структуры управления и устава партии. После этого по разработанному уставу надо устроить выборы в руководящие органы РОР по **открытой для широкой публики** рациональной процедуре, предложенной в [4] для выборов в парламент. Потом продолжать конкурсы-референдумы по разработке остальных разделов программы партии – программы построения рационального открытого общества в России. А перед выборами в Думу избрать по процедуре из [4] кандидатов в депутаты с подпрограммой первоочередных действий.

Я предлагаю оригинальную идеологию – развитие рационального открытого (адаптивного) общества. Естественно, организация, берущаяся воплотить данную идеологию, должна быть оригинальным рациональным открытым сообществом. И естественно строить эту организацию, применяя оригинальные процедуры, предлагаемые для развития рационального открытого общества, и эксклюзивный метод – первое в мире партийное строительство «по телевизору». Таким образом можно убить сразу трех зайцев. Во-первых, построить партийную организацию, устроенную по-новому. Во-вторых, отработать новые процедуры рациональных выборов и референдумов, предлагаемые для использования в общенациональном масштабе, на применении их к многотысячному контингенту. В-третьих, само организационное строительство партии превратить в беспрецедентную пиар-акцию по демонстрации полезности новой идеологии в целом и ее важных компонентов – массовых рациональных процедур принятия решений в частности.

Ясно, что большая часть публики, у которой будет возможность наблюдать и участвовать в вышеозначенных процедурах принятия решений, не станет глубоко вникать в их существо. Достаточно того, что она увидит абсолютную новизну формы такой общественно-политической работы. Люди чувствуют закономерность соответствия формы содержанию, поэтому по новой форме интуитивно сделают вывод о новизне содержания. Вспомним первый Съезд народных депутатов СССР. Что, рядовые граждане вполне понимали, о чем говорили в Кремлевском Дворце академики-профессора Сахаров, Попов, Афанасьев и др.? Конечно же, нет. Но почему тогда миллионы людей не отходили от телевизоров, почему даже в транспорт многие брали радиоприемники, чтобы слушать трансляцию заседаний Съезда? Полагаю, потому что, судя хотя бы только по форме, всем было очевидно, что в Кремле происходит нечто совершенно новое для страны и академики-профессора провозглашают что-то абсолютно непохожее на привычную общественно-политическую риторику. И этого оказалось достаточно, чтобы неизвестные широкой публике академики-профессора в одночасье сделались кумирами миллионов, а их диковинные для СССР идеи приняли массы.

Предполагаемые внутренняя и внешняя деятельность РОР таковы, что их можно выстроить по технологии $(4N+1)$ -координатного брэндинга, разрабо-

танной мной и патентуемой в настоящее время. Эта технология показала себя высокоэффективной в применении к продвижению на рынок эксклюзивных неизвестных прежде фармацевтических препаратов от производителей, ранее не работавших на этом рынке, — т.е. в ситуации, аналогичной той, что будет у РОР на «политическом рынке».

Назвав изложенный сценарий создания РОР идеальным, я тем самым хотел подчеркнуть не только свои предпочтения, но и сомнения в его реальности. Даже если требуемые изрядные финансовые ресурсы найдутся в России, развитие РОР, наверное, будет подавлено партией власти. И не только дабы предотвратить становление политического конкурента. Сама партия власти тоже не станет развивать «рациональную открытость» общества несмотря на то, что некоторые шаги в данном направлении не только замечательно послужили бы России и россиянам, но и повысили бы популярность правящей верхушки. Например, всю деятельность создаваемой властью Общественной палаты можно построить на рациональных коллективных процедурах принятия решений, которые были бы приспособлены для очень выигрышного освещения в СМИ. Более того, Общественная палата могла бы проводить конкурсы на решение актуальных социальных проблем, построенные как рациональные общенациональные процедуры принятия решений и превращаемые в высокоэффективные ПИАР-акции. Но все плюсы этих мероприятий для власти, думается, перевесит один минус — они приведут к повышению рациональности мышления граждан, а значит, россиянами станет гораздо труднее манипулировать. Для общественности проявятся многие не видимые прежде ошибки и ухищрения правящей элиты; следовательно, от последней потребуются существенно большие компетентность и добросовестность, чем ныне. И большинство властимущих не сможет соответствовать новым требованиям. В общем, возможный выигрыш от рекомендуемых мною акций вряд ли подвигнет истеблишмент на риск подорвать свое благополучие из-за последующего разрушения выгоднейшей для него манипулятивной демократии.

О демократии в обсуждениях моих идей с российскими интеллигентами я обычно слышу, что она и должна быть пока манипулятивной в России, — мол, в условиях не достаточной цивилизованности народа, чем в большей степени решения принимаются за него элитой, тем они лучше. Якобы либерализм еще не стал для россиян общественной ценностью, поэтому следует руководствоваться прагматикой «не важно, какая кошка — белая или черная (либеральная или авторитарная), лишь бы она лучше ловила мышей»; а поскольку авторитаризм покамест более продуктивен в России, целесообразно поддерживать его нынешнюю манипулятивно-демократическую российскую модификацию. Известно, говорят мне, возможное прагматическое возражение либералов: «тот, кто между свободой и сытостью выбирает последнее, рано или поздно будет голодать». Мы-де не станем оспаривать, что для цивилизованных народов либерализм прагматичен, может, и у нас так будет, когда коренным образом изменятся люди, но для этого должно пройти несколько поколений. Я отвечаю,

что идея процедурной рациональности – если процесс хороший, то и продукт хороший – как раз прежде всего именно прагматическая. Да и вообще, речь у меня идет не о традиционной либерализации, а о рационализации. И для того, чтобы получить от нее эффект, не надо ждать, пока пройдет несколько поколений. Если в России будут приняты мои **практические** рекомендации, прописанные на уровне конкретных проектов законов, акций, процедур, то важнейшие российские решения сразу же радикально улучшатся.

Нередко дискутирующие со мной россияне, наоборот, противоречат прагматике: «Вы хотите Обломовых переделать в Штольцы. Но без присущего нашему национальному характеру чудесного иррационализма Россия перестанет быть Россией!» Выясняю, что имеется в виду под «чудесным иррационализмом». Оказывается, эмоциональная спонтанность, духовная чувствительность, соборность и т.п. Но эти свойства никак не может нарушить корректировка отклонений от процедурной рациональности в принятии решений, которую я предлагаю. Наоборот, как аргументировано в [2], рационализация в институциональной области и развитие современной соборности в духовной сфере будут способствовать друг другу.

Эти два взаимопротиворечащих возражения по сути моей концепции столь же часто высказываются россиянами, как и несутое пессимистическое заключение: «Все равно, никто из тех, кто у нас мог бы сделать такое, за это не возьмется.»

Как следует из вышеизложенного, я тоже сомневаюсь в быстрой реализации моих предложений в России деятелем, живущим в стране. Для этого первым лицом должен стать **Некто** – политический лидер, неординарный по своим интеллектуальным и моральным качествам. Конечно, как и любой политик, он тоже будет стремиться к власти и публичной известности, однако, главным образом к той власти, которая может быть употреблена во благо всего российского общества, и к той известности, при которой публика видит в нем образец служения отечеству подобный Ярославу Мудрому. В общем, нужен тот, кто поставил бы своей целью войти в историю России как **Некто** Рациональный. Маловероятно, но все-таки не исключено, что такой **Некто** «дремлет» в каком-то государственном муже, даже и не ведая о своем предназначении, и его «разбудит» ознакомление с концепцией, указывающей путь к актуализации этого предназначения.

Более вероятно, что подобный **Некто** проявится в других странах, в которых решение проблемы адаптации столь же насущно, а политическая жизнь не ограничена доминированием партии власти и у рационализации-открытия гораздо больше возможностей для развития (например, в Украине или Израиле). Там этот **Некто** может прийти и из оппозиции, и из какого-то общественного движения или бизнеса, не опасаясь кары, аналогичной той, которой подверглись владельцы ЮКОСа. Существует небольшая вероятность, что **Некто** (возможно, коллективный) возьмется продюсировать проект рационализации России из-за рубежа, где он и его ресурсы защищены от российских каратель-

ных органов. Несмотря на то, что его масс-медийные возможности будут ограничены использованием только кабельного телевидения, Интернета и оппозиционных печатных изданий, он может дать сильнейший толчок к «отмене понедельника» в России.

Для этого необходима рационализация принятия решений в 1) политической системе, 2) повседневной жизни граждан и 3) общественных, государственных, частных организациях. В соответствии с этим помимо первого приоритетного партийно-политического субпроекта развертывания РОР целесообразно осуществить еще два.

Второй субпроект – повышение рациональности культуры индивидуального принятия решений. В данном направлении в [3] предлагается:

- начать массовую работу (ориентированную прежде всего на интеллигенцию и учащихся) по обучению рациональному принятию решений, а также по демонстрации выгод и ценности рациональности – посредством специальных телевизионных и интернетовских программ, курсов повышения квалификации, учебных программ в вузах, старших классах школ и т.д.;

- развернуть сеть компьютеризованных пунктов поддержки в принятии решений о трудоустройстве, выборе профессии или смене ее, открытии бизнеса, переезде на новое место жительства, жилищном устройстве, выборе способа хранения и приумножения финансовых накоплений и т.п. (в таком пункте клиента будут проводить по всем фазам процесса выработки жизненно важного для него решения и тем самым, делая насущную для клиента работу, повышать рациональность его стиля принятия решений).

Добавить к этому следует процедуры телевизионных и интернетовских рационалистических интеллектуальных игр и конкурсов, которые я придумал в последнее время.

Третий субпроект – процедурно-рациональное консультирование организаций в развитии открытости для самосовершенствования, стратегическом планировании, брендинге и т.д. по методологии, разработанной мной и применяемой в России, США и Израиле. В этом проектном направлении я уже несколько продвинулся в России [8].

В [6] аргументировано предположение о том, что в новейшую историю «двигателем» развития цивилизации является стремление к возрастанию рациональности и свободы принятия решений. Полагаю, после того как выдвинуты **практические** предложения по рационализации демократии и культуры принятия решений, прописанные на уровне конкретных проектов законов, акций, процедур, гипотетический *Некто* вскоре где-то в мире появится и с успехом воспользуется ими. Если это произойдет в обществах, сильно связанных с российским, например, в Украине или Израиле, то в России будут инспирированы силы, способные провести рационалистические реформы и наперекор партии власти. Ей, потчующей публику невдохновляющими перепевами идей «выращивания кокосов и ловли крокодилов», придется тогда уступить место тем, кто возьмется за «отмену понедельника».

Как оценить предпочтительность выдвигаемой идейной платформы преобразований общества

Сформулированные в конце третьего раздела три требования, которым должна соответствовать выдвигаемая идейная платформа, являются главными, но не единственными. Для того, чтобы прогнозировать эффективность той или иной выдвигаемой платформы, необходимо выявить все существенные условия, от выполнения которых зависит политический успех произвольной идейной платформы. Это даст основу для системы критериев, позволяющих оценить предпочтительность проекта выдвижения какой бы то ни было идейной платформы.

Оценка любого проекта зависит от трех факторов: проект тем предпочтительнее, чем 1) лучше его ожидаемый результат и меньше возможные отрицательные последствия, 2) вероятнее как действительное получение позитивного ожидаемого результата, так и избежание негативных последствий, и 3) менее затруднителен сам процесс достижения результата. Каждый из этих крупных факторов в случае оценки проектов выдвижения идейных платформ представляет собой совокупность более мелких условий. Если выразить эти условия в критериях, то, говоря инженерным языком, тем самым будет сформулировано «техническое задание» на построение идейной платформы – установлено, какими свойствами или, по-другому, «параметрами» должен обладать «конструируемый» идейный «аппарат». Тогда по завершении построения идейной платформы можно будет судить о ее оптимальности, а следовательно, обоснованно принимать решение о ее политическом использовании.

Анализ положения в идеологических сферах России и Израиля, социополитических ситуаций в этих странах, а также исторической практики значительных политических побед выдвигаемых идеологий в прошлом столетии (марксизма-ленинизма в России и сионизма на Ближнем Востоке) позволяет заключить: дабы рассчитывать на успех в России и Израиле, желательно, чтобы выдвигаемая идейная платформа обладала 14 свойствами. Некоторые из них я сопровожу ниже кратким обоснованием и по каждому дам оценку предлагаемых мною рационалистических преобразований.

В данном случае целесообразно начать оценивание с третьего фактора. Ведь когда речь идет о преобразованиях, результат которых жизненно важен (а именно таким результатом является выход России и Израиля из дезадаптации), вопрос обычно ставится о том, чтобы затруднительность осуществления преобразований просто не выходила за пределы возможного. Это значит, что **фактор 3) — процесс внедрения идейной платформы в общественное сознание не затруднителен, т.е. не требует большого количества времени, задействования очень значительных людских ресурсов, непомерных финансовых затрат, громоздких и трудно-организуемых мероприятий и т.п.** — выступает в качестве условия, разрешающего дальнейшее рассмотрение предложений. По содержанию описанных в Разделе 5 проектов очевидно, что в отношении предлагаемой мною концепции

это условие выполняется. Забавно, что на осуществление преобразований, которые в случае даже ограниченного промежуточного успеха (сперва хотя бы в какой-то части одной из стран, например, в Алие или одном из субъектов РФ) займет выдающееся место в истории человечества, требуется примерно столько же, во сколько Р. Абрамовичу обходится «Челси».

Остальные два крупных фактора – 1) и 2) – раскладываются на следующие 13 критериев.

1) Идейная платформа полезна для общества и выгодна для политической силы, которая ее примет.

1.1) Полезность для страны:

1.1.1) Направление, в котором будет развиваться страна при реализации идейной платформы, значительно предпочтительнее настоящего для подавляющего большинства граждан, т.е. произойдет существенное увеличение национального объема общественных благ – приращение экономики, безопасности, социального умиротворения, законности и правопорядка, свободы, культуры и т.д.

В [4] предложены методы и средства перехода к политике общенациональной эффективности, обеспечивающей существенное приращение общенационального объема вышеозначенных благ. – приращение экономики, безопасности, социального умиротворения, законности и правопорядка, свободы, культуры и т.д. Рациональное открытое общество намного предпочтительнее настоящего для подавляющего большинства населения потому, что управление государством будет гораздо более ориентированным на нужды народа, поскольку тот станет в одних ситуациях реальным участником процесса принятия управленческих решений, а в других – контролером этого процесса. Таким образом, общество сможет предотвратить злоупотребления и унижения со стороны истеблишмента, обретет механизм достижения социального и политического согласия, жестко направит государственную деятельность на собственное благо. К тому же по мере рационализации общее социальное благополучие будет возрастать и из-за увеличения рациональности решений своих личных жизненных проблем массой простых людей, а также важнейших решений в организациях (см. второй и третий субпроекты в разделе 5).

1.1.2) Продвижение в предлагаемом направлении позволит стране занять уникальное место среди ведущих государств мира.

Обретя уникальную способность к самосовершенствованию или, что эквивалентно, адаптации, в информационную эпоху рациональное открытое общество быстро опередит даже передовые нынешние традиционные демократии, т.к. оставит их далеко позади в эффективности управления. Черчилль отмечал у демократии изрядное количество недостатков (многие из них, а также то, как от них избавиться с помощью рационализации общества, обсуждались выше), но он обосновывал свою приверженность ей тем, что просто ничего лучшего нет. «Рационализация-открытие» обеспечит качественное улучшение участия народа в управлении государством (т.е. демократию в изначальном

понимании этого слова) при всех возможных вариантах участия — непосредственном (выборы и референдумы), косвенном (опосредованный контроль и влияние через институты гражданского общества) и делегированном (управленческой деятельности представителей народа во власти). Это качественное улучшение также определит уникальность первого рационального открытого общества.

1.1.3) Для реализации идейной платформы не понадобятся никакие насильственные действия, наоборот, ожидается сглаживание взрывоопасных противоречий, т.е. продвижение к общественному согласию по жизненно важным для страны вопросам.

Для установления в демократическом государстве условий, определяющих рациональное открытое общество, не требуется ничего, кроме бесспорно общественно-полезной деятельности подлинной элиты и специалистов по принятию решений. Речь вообще не идет о лишении какой-то одной части населения в пользу другой собственности, территорий, прав и т.п., что могло бы послужить объективной причиной какого-либо конфликта. Наоборот, предлагается наделить всех — и простых людей, и элиту — большей рациональностью. Единственной чьей-то потерей будет потеря паразитическим истеблишментом возможностей легко эксплуатировать и дурачить народ, а самому управлять без особого ума и компетентности.

Общество обретет беспрецедентный механизм достижения общественного согласия через рациональные процедуры коллективного принятия решений (3-я статья), которые будут способствовать сглаживанию имеющихся и предотвращению новых конфликтов.

1.2) Политическая выгодность — укрепление, удержание либо обретение того рода власти, к которой стремится данная политическая сила.

Предлагаемая концепция предназначена для подлинной элиты. Ее представителей интересует власть и публичная известность, однако, главным образом та власть, которая может быть употреблена во благо всего общества, и та известность, при которой публика видит в них эффективных государственных деятелей. Люди такого склада часто встречаются в бизнес-менеджменте, где почти уже нет поборников старого стиля управления — руководителей авторитарного типа, называемого в западной литературе «лидер-как-Бог» (“leader-as-God”). Ныне авторитарные менеджеры значительно уступают в эффективности представителям типа «лидер-как-фасилитатор» (“leader-as-facilitator”). Последние находят самовыражение не в том, чтобы властвовать над подчиненными, а в том, чтобы всячески способствовать (фасилитировать) их творческой коллективной работе.

2) Идейная платформа обладает свойствами, делающими вероятным то, что ее реализация принесет ожидаемые результаты.

2.1) Платформа имеет научное (или хотя бы солидно выглядящее концептуальное) обоснование, так что направление, в котором будет развиваться страна при ее реализации, воспринимается не только как нечто привлекательное, но и как закономерное (или хотя бы правомерное) продолжение исторического

процесса.

Например, марксизм-ленинизм был научно обоснован специальной историософской доктриной – историческим материализмом. В соответствии с ним наступление коммунизма детерминировалось законом развития истории человечества, который, по определению, выше любых юридических законов. Таким образом, пролетариев призывали бороться за коммунизм не ради эгоистического стремления добиться выгодного для них общественного строя, этому якобы было высшее обоснование – закон Истории! Какое значение данное обоснование имело для России, можно судить по выводу, который в 20-х годах сделал из своего анализа российской философии Н. Бердяев: «Русская мысль в течение девятнадцатого века была более всего занята проблемами философии истории, на построениях философии истории формировалась наша национальная мысль». Объяснение этому легко обнаруживается в работах некоторых современных российских аналитиков, в разных интерпретациях высказывающих утверждение, что миссия России, ее роль в мировых судьбах – сохранение и поиск Истины. Ну а с прошлого века в России представление об Истине все больше и больше стало связываться с наукой. Поэтому для того, чтобы какая-то Истина была принята Россией в качестве «найденной и взятой на сохранение», очень желательно, чтобы у нее имелось научное обоснование.

Сионизм имел провиденциальное и религиозное обоснования.

Научное обоснование концепции рационального открытого общества в моих вышеупомянутых работах. В [6] аргументировано предположение о том, что в новейшую историю движение к «рационализации-открыванию» является закономерным путем развития цивилизации.

2.2) Привлекательность продвижения в предлагаемом идейной платформой направлении обусловлена тем, что оно отвечает сильным человеческим стремлениям. Анализ же настоящего, содержащийся в платформе, должен вызывать, наоборот, могучие отрицательные эмоции, персонифицированные если не в образе врагов, как раньше, то в образе «вредоносителей», что, с одной стороны, служит толчком к движению в предлагаемом направлении, а с другой – легитимизирует тот способ движения, который предлагает платформа.

Коммунизм, например, был привлекателен для пролетариев, стремившихся к тому, чтобы побольше иметь, но поменьше работать, а также к уравниловке. Но главной мобилизующей силой марксистско-ленинской идеологии было то негодование, которое вызывал основной вывод анализа капитализма – теории прибавочной стоимости: «Пролетарии, капиталисты вас грабят!» А поэтому: «грабь награбленное» – legitimately (враг – капиталисты).

Пропаганда цели **сионизма** – процветающего еврейского государства на Святой Земле – побудила к сионистской деятельности многих идеалистов, но гораздо большее число «приземленных» евреев было вовлечено в эту деятельность благодаря агитации, непрерывно муссировавшей уже имевшие место и грядущие проявления антисемитизма (враг – антисемиты). Заметим, что кризис сионизма в Израиле наступил после того, как в стране выросло поколение евреев, не сталкивавшихся в своем государстве с антисемитизмом. В СССР марксизм-ленинизм по-

терял силу после того, как были уничтожены сначала классово чуждые элементы, а потом «враги народа». В мирной жизни оказалось невозможным возбудить веселые отрицательные эмоции по отношению к потенциальным агрессорам — империалистам. Вообще, по-видимому, не только сила, но и продолжительность эффективного действия выдвигаемой идеологии традиционного образца определяется поддержанием отрицательных эмоций, на которых она играет.

«Реализаторы» рационалистических преобразований легко смогут открыть глаза обществу на то, что современная демократическая система зачастую действует в ущерб народу и является ничем иным, как способом «управленческой» эксплуатации простых людей путем их одурачивания (например, манипулятивными традиционными демократическими процедурами). Таким образом, сообщение, направленное на возбуждение отрицательных эмоций, будет следующим: «Истэблишмент эксплуатирует и держит вас в дураках». А еще А. Шопенгауэр отмечал, что человек внутренне может согласиться с каким угодно своим негативным качеством — трусостью, лживостью, даже подлостью, но только не с глупостью. Это даст толчок к действию по выходу из сего «глупого» положения. Внушительную силу данного толчка обеспечит то, что в будущем, которое будет не нарисовано, а открыто для оптимального вырисовывания самими людьми, они увидят для себя возможность быть «умными», значительными личностями. То есть «злоносители» в данном случае — порядок, при котором «политико-медийный» истэблишмент превращает простого человека в объект унижительного и отвратительного в этическом отношении манипулирования, эксплуатирует его и «держит за дурака», а также сам этот истэблишмент. Будущее удовлетворит стремление к личной значимости и статусу умного человека. Таким будущим и является рациональное открытое общество.

2.3) Идейная платформа апеллирует к основной психологической неудовлетворенности потенциальных приверженцев и предлагает избавление от нее (или загоняет эту неудовлетворенность в подсознание).

В отношении коммунизма это блестяще описано у Фромма в «Бегстве от свободы». Психологическая неудовлетворенность — чувство изолированности, незащищенности, дезориентированности человека в сложном, враждебном, непонятном индивидуалистическом обществе. Это приводит к гнетущей неуверенности в каждом своем серьезном шаге, к ощущению того, что каждый такой шаг очень ответственен, а как правильно его совершить — неясно. Избавление (в данном случае псевдоизбавление) — отдаться во власть сверхидеи или сверхчеловека, обретя в их тоталитарном руководстве снимающий неуверенность ориентир и переложив на них ответственность.

Сионизм апеллировал к избавлению от страха преследований, обещая «национальное убежище».

Насущнейшая нужда репатриантов из экс-СССР и россиян, не осознаваемая ими, — избавиться от тягостной неуверенности, владеющей ими при дезадаптации в условиях сильно возросшей свободы выбора и неопределенности будущего. Конкретными источниками этой неуверенности являются ситуации

принятия решений по важнейшим жизненным проблемам, в которых люди не знают, как найти рациональные решения. В качестве выхода из данного положения они либо передоверяют решение авторитету (аналог тоталитарного пути «бегства от свободы» по Фромму), либо поступают, копируя поведение окружающих в подобных ситуациях (конформистский путь), либо стремятся разрушить окружающий мир, порождающий проблемные ситуации (разрушительный путь). Но эти попытки обрести уверенность «вне себя», на самом деле лишь «бегство» от гнетущей неуверенности, не избавляющее от нее, как показал Фромм, а просто загоняющее ее вглубь. Истинная уверенность может появиться только у человека, который овладел грамотой принятия решений, он компетентен, он «из себя» знает, что решение рациональное, поскольку оно было грамотно им принято. Значит, обеспечение россиян эффективным инструментарием принятия решений и обучение пользованию им является, в частности, важнейшим средством сглаживания тотального стресса, порожденного радикальными реформами.

2.4) В идейной платформе присутствует мотив «кануна» – либо наступающего ожидаемого будущего (которое платформа призывает целенаправленно приближать соответствующей практической деятельностью), либо грядущей катастрофы (конца света, Страшного Суда и тому подобного, к чему надо соответствующим образом подготовиться или предпринять необходимые усилия для предотвращения этого), а еще лучше – комбинация этих «канунов».

Достаточно привести в пример «Манифест коммунистической партии» с его сильнейшим началом: «Призрак бродит по Европе...» Все современные секты, добившиеся массового притока членов, эффективно эксплуатируют идею конца света в разных ее вариациях.

Канун беды в Израиле и России ощущается очень многими, остается лишь убедить людей, что современная теория адаптации истинна, а следовательно, единственной возможностью благополучной адаптации этих стран к происшедшим в них и вокруг них критическим переменам, а значит, избавления от грядущей беды, является рациональность.

Канун, реальность перехода к рациональному открытому обществу определяется тем, что: во-первых, в науке принятия решений на сегодняшний день уже созданы все необходимые для рационализации населения техники, процедуры, методики и т.д.; во-вторых, обоснована и может быть показана интеллигенции и подлинной элите необходимость повышения рациональности культуры принятия решений и политики для выхода страны из кризиса, а затем построения открытого общества грядущей информационной эры; в-третьих, Израиль и Россия имеют основные демократические институты и довольно высоко развиты в области информационных технологий.

2.5) В обществе есть большая и влиятельная социальная группа потенциальных «приверженцев», у которых существует (или им может быть внушена) неудовлетворенная потребность в оригинальной идейной платформе, и выдвигаемая платформа ориентирована на данную группу.

Это прежде всего научная, техническая и менеджерская интеллигенция. Следующим резервом для расширения социальной структуры «приверженцев» в Алии и России является вся остальная интеллигенция и другие высококвалифицированные работники.

2.6) Идейная платформа позволяет ее приверженцам считать себя передовыми людьми, а обществу, ее исповедующему, — передовым обществом.

Хотя в среде интеллектуалов над этим полагалось подтрунивать, что было, например, выражено в известных иронических песенках («зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, и даже в области балета мы впереди планеты всей...», «мы гордимся общественным строем...» и т.п.), однако, поддерживавшееся долгое время у громадного большинства населения убеждение в том, что обладание марксистско-ленинской истиной и воплощение ее в жизнь делает людей и страну мировым авангардом, способствовало сохранению влияния коммунистической идеологии в СССР.

В [2] аргументировано, что рационалисты и рационализм выдвинутся на передний край в грядущем информационном обществе.

2.7) Идейная платформа новая, совершенно незнакомая, в ней не используются избитые уже, «затасканные» политиками идеи и лозунги, дискредитированные теми или иными неудачами известных идеологий. В то же время платформа обращается к непреходящим, абсолютным человеческим ценностям.

Оценка очевидна.

2.8) Идейная платформа такова, что процесс ее внедрения в общественное сознание не выглядит как традиционная идеологическая работа, а представляет собой практическую деятельность, необходимую людям (прежде всего, конечно же, тем, на кого ориентирована платформа, как на потенциальных «приверженцев») и 2.9) Идейная платформа не является тем, что традиционно понимают под словом «идеология», однако способна выполнить обе основных идеологических функции — стратегическую по отношению к партии, которая возьмет ее на вооружение, и консолидирующую по отношению к электорату.

Критерий 2.8 представляет собой комбинацию первого и третьего главных требований, которыми заканчивается Раздел 3, а критерий 2.9 — повторение самого главного, второго, требования из него. Как было показано в том разделе, ныне базовой содержательной проблемой при создании выдвигаемой идейной платформы является обеспечение ее непохожести на идеологию традиционного образа. Дело не только в том, что известные идеологии дискредитированы (см. критерий 2.7). Современное общество полиидеологично и деидеологизировано. Последнее обуславливает также то, что выдвижение любой, даже доселе неизвестной системы социополитических взглядов и установлений будет воспринято с предубеждением, если внедрение этой системы взглядов в общественное сознание будет напоминать традиционную идеологическую пропаганду.

Моя концепция такова, что деятельность по ее реализации, заключающаяся в осуществлении описанных в Разделе 5 проектов, является одновременно и ее пропагандой. Это первый опыт общественно-политической концепции, ко-

торая не является и даже ни в какой своей части не представлена тем или иным «...измом». Она не выдвигает никаких конкретных решений в общепринятом в отношении идеологий понимании этого слова. Дело в том, что в современном, все быстрее и быстрее меняющемся мире любые конкретные решения, которые предписываются традиционными идеологиями, даже будучи верными на данный момент времени, очень быстро устареют. Поэтому появилась объективная необходимость в создании идейной платформы совершенно другого качественного уровня, содержащей не какой-то набор «рецептов», а методологию их грамотного «выписывания». Таким образом, концепция рационального открытого общества – ни «левая», ни «правая», ни «центристская»; она – ни консервативная, ни либеральная; она – ни классовая, ни этническая; она – ни религиозная, ни атеистическая. Она вообще не в плоскости традиционных идеологий.

ОНА – «НАД»!

Литература

1. Savelzon, O. *Russia and Israel in the XXI Century. Prospects of Developing Rational Open Society*. New York: Liberty Publishing House, 2000.
2. Савельзон, О. Развитие открытого общества в России и Израиле как компонент институционального и духовного процесса. *Философские исследования*, 2003, 2, 77-120.
3. Савельзон, О. Культура принятия решений как фактор прогресса России. *Вопросы философии*, 2003, 10, 31-45.
4. Савельзон, О. Политика эффективности – новое решение. *Вопросы философии*, 2004, 10, 3-19.
5. Савельзон, О. Россия и несвобода, Израиль и псевдомир. *Философские исследования*, 2004, 3-4, 83-138.
6. Савельзон, О. Свобода выбора и процедурная рациональность. *Общественные науки и современность*, 2005, 1, 109-121.
7. Степин В.С. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
8. Савельзон, О. и Вайнруб, Р. От концепции открытого общества к практике открытой организации. *Рефлексивные процессы и управление* (в печати).

Текст доклада на Круглом столе «Рефлексивные аспекты постнеклассических концепций управления (12.10.05)», организованном при поддержке РГНФ, исследовательский проект 05-03-03473а

НЕБОКНИГА И ТЕНЕКНИГА
(*Дела управленческие*)

В.Л. Рабинович
(*Российский институт культурологии*)

Сразу же вслед за смертью вождя в поэме «Высокая болезнь» Борис Пастернак напишет:

*Он управлял теченьем мысли
И только потому — страной.*

Это о Ленине. Обратите внимание: *не* мыслью (она не управляема), а ее теченьем. И не одной, а многими в их взаимном окликании. Такое возможно. Но — редко. И тогда, может быть, страной. А для начала — одним человеком, группой людей, сообществом. И далее, чего доброго, и всем человечеством.

Безморально? Едва ли. Без любви? Не знаю... Знаю только, что:

*Надежды маленький оркестрик
Под управление Любви.*

Это Окуджава.

Но здесь, неподалеку, манипулирование: безлюбное, бесчеловечное. Механическое...

Но как этому противостоять?

Только рефлексивным образом. Всегда. Не только когда-то в прошлом, но и сейчас — во времена научной постнеклассики.

Но, чтобы узнать, так ли это, все-таки должно обратиться к истории. Хотя бы столетней давности, дабы выудить, если удастся, *перспективу* из *ретроспективы*.

Открывим себя слабой надеждой, что рефлексивные процессы управления возможны.

Но... как там на берегу неба?

Утопия, о которой пойдет речь, была написана Хлебниковым в Астрахани, в его последний в Астрахань приезд, в августе 1918 — марте 1919 года и первоначально названа им «Лебединя через два года», позже — «Вести из будущего» и окончательно — «Лебединя будущего».

Футуризм уже завершился, а *будетлянин* Хлебников еще жил, пребывая *меж: утопическим предвидением* и *топикой припоминания* в *ухронии* прошлого и *утопии* будущего: в былом бескнижии, зато в земных просторах *Лебедини*, коей «звался в древние времена весь степной край между Доном и Волгой» (*Хлебников*) и в будущем небе как библиотеке множества книг (=одной книги) на весь земной шар (тотальный *топос*), ставший *Творецкой общиной* — южнославянской «задругой» — праобразом «единой общины земного шара».

Конец книги или книга книг как множество мгновенных Библий? Но... забегая вперед.

Вчитаемся в «Лебедию будущего»

Небокниги

«На площадях, около садов, где отдыхали рабочие или творцы, как они стали себя называть, подымались высокие белые стены, похожие на белые книги, развернутые на черном небе. Здесь толпились толпы народа, и здесь творецкая община тенепечатью на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча нужные тенеписьмена. Новинки Земного Шара, дела Соединенных Станов Азии, этого великого союза трудовых общин, стихи, внезапное вдохновение своих членов, научные новинки, извещения родных своих родственников, приказы советов. Некоторые, вдохновленные надписями тенекниг, удалялись на время, записывали свое вдохновение, и через полчаса, брошенное световым стеклом, оно, теньвыми глаголами, показывалось на стене. В туманную погоду пользовались для этого облаками, печатая на них последние новости. Некоторые, умирая, просили, чтобы весть о их смерти была напечатана на облаках.

В праздники устраивалась «живопись пальбой». Снарядами разноцветного дыма стреляли в разные точки неба. Например, глаза – вспышкой синего дыма, губы – выстрелом алого дыма, волосы – серебряного. Среди безоблачной синевы неба знакомое лицо, вдруг выступившее на небе, означало чествование населением своего вождя».

Прочитаем ключевые слова: *творцы (рабочие-творяне), белые стены – белые книги, развернутые на черном небе; творецкая община тенепечатью на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча ... тенеписьма...*

Земшар, Соединенные Станы Азии... Станы...

Но – *глаз-светоч, внезапное вдохновение*. Всех или каждого? *Мы* или *Я*? Или: и то и другое?

Но... «некоторые, вдохновленные надписями тенекниг, удалялись на время, записывали свое вдохновение, и через полчаса брошенное световым стеклом, оно, теньвыми глаголами, показывалось на стене». А облака – страницы (когда туман). И весть о смерти (каждого, кто при смерти) – тоже на облаках. По личной воле. Так сказать, на своем *сайте-файле*.

Но и... вдохновение *самосканируется*. *Сканируется внутренняя речь* ее автором речетворцом. *Самописным (?)* образом.

А небо – на все земшарное (а может быть, вселенское?) пространство и на весь полнобытийственный миг – огромный дисплей для человека-процессора. Компьютер – небо, а человек – процессор... А все люди (человечество?) – пользователи небосети Интернета-Универсума...

Письмена иллюстрировались («живопись пальбой»). А живописцы-колористы персонифицировались частями тела: глазами (синий дым), губами (дым

алый), а волосами — серебряный дым. И... «Лицо вне протяжения». Но лицо вождя...

И тогда сонмы безличных *Я* сбивались в людские массы авторитарной умной властью.

Конец индивидуности. Торжествует массовидность. Стертость *самописьма*. Избывание *самовитости* во имя *общезитости*. *Избытие книги*...

Далее — по тексту: общественное земледелие в «задруге будущего». Что-то вроде *небоколхоза*.

Далее за сим: общественные коммуникации, средства сообщения и средства связи (=массовой информации) с помощью «некрописем» для коллективной «лучистой беседы» (а не *душа в душу* и не *глаза в глаза*).

Не Хлебников-поэт, а Циолковский или Федоров какой-то (сами знаете — какой...).

А что все-таки с книгой?

«В тeneвых читальнях дети сразу читали одну и ту же книгу, страница за страницей перевортываемую перед ними человеком сзади них».

Учились... по одной и той же книге, и учитель тоже был один... Стоящий сзади.

А живое (звери) — для лечения звериными же глазами: *кроткими глазами жабы, каменным взглядом змеи, отважным взглядом льва*... Врач (теперь уже не поэт вовсе) — «сеятель очей».

«Деревня стала научной задругой, управляемой облачным пахарем. Крылатый творец твердо шел к общине людей, но и вообще живых существ всего земного шара.

И он услышал стук в двери своего дома крохотного кулака обезьяны».

Скучно!.. Бедный земной шар!.. Потому что *лечение глазами* все равно, что лечение лечебными *водами*.

Да и небо жалко, потому что теперь оно — дисплей компьютера, с *e-mail'ом* и *Интернетом*...

В заметке «Открытие народного университета» (ноябрь 1918 года) Хлебников видит материализацию своей Лебедии (пусть пока в теории), называя *народный университет* «вечным храмом знания», построив который «рабочая власть открывает доступ к Солнцу Науки». А жизнь на Земле — от пыли небесных камней, каждый из которых — письмо с соседней звезды.

И все это Человек Будущего (рабочий) подчинит себе. И «вести оттуда» («вести из будущего») тоже. (Комиссар Бакрадзе, профессора Усов и Скрынников гарантируют сие.)

А небо Лебедии будет исследовано до миллиметра. Волжско-Астраханская «задруга» приведет к «единой общине земного шара». Калмыки воспрянут. При устье Волги будет построен Храм изучения человеческих пород и законов наследственности, чтобы создать скрещиванием племен новую породу людей. А вот *Астрахань* станет *окном в Индию*. (Как Санкт-Петербург, спрашиваю я, *окном в Европу*?)

Но... самое ужасное: «Думалось о том времени, когда единая для всего земного шара школа-газета будет разносить по радио одни и те же чтения, выслушиваемые через граммофон и составленные собранием лучших умов человечества, верховным советом Воинов Разума».

Отчет об открытии народного университета Хлебников заканчивает так: «Был прочтен привет от будущего от учащихся средней школы».

Ужас, ужас...

Но где они, взлетающие, как *стая легких времирей, саморунные книжицы - ле-Татлиницы* Хлебникова – Крученых: все эти Мирсконцы, Игры в аду, Взорвали и просто звукобуквовидные горлицы Чурлю-журль?..

Их нет и впомине...

Сплошное *почти* Замятинское «Мы»...

Но почему *почти*?

Попробуем разобраться...

«Но храмы все-таки остались. Лучшим храмом считалось священное место пустынного бога, где в отгороженном месте получали право жить, умирать и расти растения, птицы и черепахи. Было поставлено правилом, что ни одно животное не должно исчезнуть». Правда, все они предназначались для лечения глазами, потому что глаза живых зверей «излучают особые токи, целебно действующие на душевно расстроенных людей», которым «врачи предписывали лечение духа простым созерцанием глаз» этих живых зверей.

Живых!..

Люди, львы, орлы и куропатки...

Черепахи ладно...

А птицы? Не *времири* ли они из легкой и свободной стаи Хлебниковского прошлого?!

А место пустынного бога? Не обезбоженное ли небо, ставшее *небокнигой*, ушедшей в тень, и потому обернувшейся *тенекнигой*? Но все-таки небо – *священное небо*, с которого считываются, как с дисплея компьютера (Небоинтернета и земшарного сайта), файлы человеческих самонаведенных писем, а не писем *божественных* (ведь бог – пустынный)?

Кантовский императив как будто остается, но странный какой-то: *звездное небо над головой*, но книжно-человеческое (*не* божественное!) небо, потому что писмена все-таки человеческие, а внутри людей – *нравственный закон* (Но человеческий закон, потому что формируется *человеческой* небокнигой *человеческого* стиля.)

И все же священство (пустыннобожественное) остается, потому что экран-дисплей – все-таки небо, хотя и заполняется сканированными письменами с голоса масс, но и *лично* (божественно?) вдохновенными, потаенными, *внутренне речевыми* мелосами-голосами живых людей, как тех живых зверей-времирей, посылающих из «глаз-светочей» *личные* «тенеписьмена».

И все же, вопрекор только что сказанному, *утопия* (=нигде) стала *везде*, а *ухрония* (=никогда) стала *всегда*. Тотальное пространство и тотальное же время,

и потому О-простратство и О-время. Но не пульсирующий творческий *почти* ноль *будетлянского* (чаящего о будущем) творянина, а ноль абсолютный.

Начальный миг совпал с мигом последним. Слилсь... Книга, распахнувшись, тут же захлопнулась. Пропала. Ушла в тень *небокнига*, хотя и вспыхнула уходя... О-страница вместо всегда *первой*... Утопия свершилась, пригвоздив стрелку *ухронических* часов к циферблату неба. Каждым взглядом глаза-светоча пригвозждая.

Конец книжицы-*времиря*?

Верно, — конец, если бы не имя *Хлебников*, данное Хлебникову-*поэту*, и потому все еще мреющее в его *соц-утопии* — *Лебедии*.

И тогда *Я* еще теплится и здесь, в *небокниге*. Она, хоть и бесстраничная, еще шелестит свою лиственную прапамятью. *Времири* еще *крылышкуют* в человечески священных небесах — храминах «пустынного бога». И тогда получается, что не все пропало...

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Глобальные научные революции: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

В.С.Степин

(Институт философии РАН)

В развитии науки можно выделить такие периоды, когда преобразовывались все компоненты ее оснований. Смена научных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рассматривать как глобальные революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности...

...Три крупные стадии исторического развития науки, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации². Это — *классическая рациональность* (соответствующая классической науке в двух ее состояниях — дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность*. Между ними как этапами развития науки существуют своеобразные «перекрытия», причем появление каждого нового типа рациональности не отбрасывало предшествующего, а только ограничивало сферу его действия, определяя его применимость только к определенным типам проблем и задач.

Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект-средства-объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы

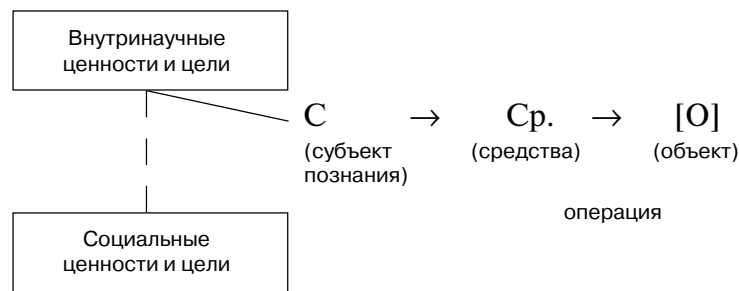
¹ Фрагменты из монографии (С.619-640). Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 744с.

² Еще раз отметим, что типология глобальных научных революций нетождественна выделению тех этапов развития науки, которые характеризуются как классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. В рамках классической науки можно зафиксировать две глобальные научные революции: первая из них связана со становлением самой классической науки (возникновение механики и последующее развитие науки XVII века), вторая - с формированием дисциплинарной организации науки (конец XVII — первая половина XIX столетия). Что же касается последующих радикальных изменений стратегий научного исследования, связанных со становлением неклассической, а затем постнеклассической науки, то эти изменения также являются глобальными научными революциями. Эти революции, определившие переход от классической к неклассической, а затем к постнеклассической науке, одновременно выступают как эпохи становления нового типа научной рациональности.

эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

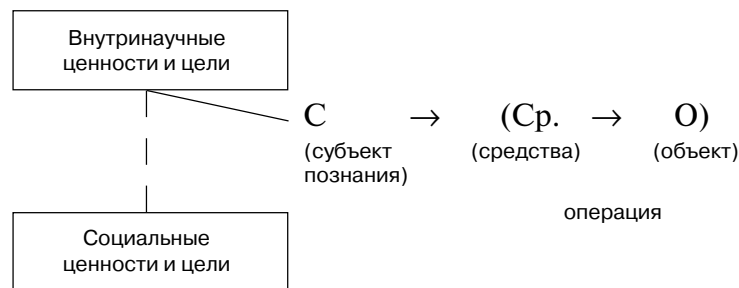
Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций.

Схематично этот тип научной деятельности может быть представлен следующим образом:

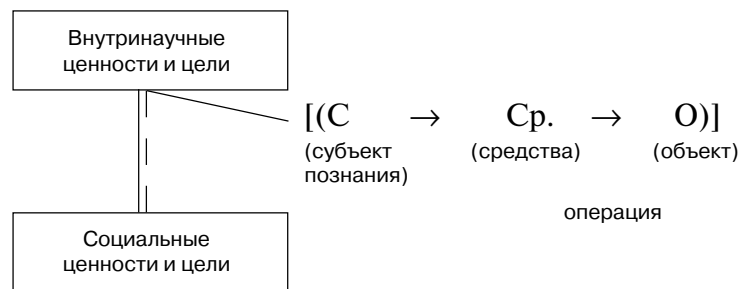
Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире).

Этот тип научной деятельности схематично можно изобразить так:

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями.

Этот тип научного познания можно изобразить посредством следующей схемы:

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность. Неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу ее действия. При решении ряда задач неклассические представления о мире и познании оказывались избыточными, и исследователь мог ориентироваться на традиционно классические образцы (например, при решении ряда задач небесной механики не требовалось привлекать нормы квантово-релятивистского описания, а достаточно было ограничиться классическими нормативами исследования). Точно так же становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они будут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки.

Современная наука — на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки. Есть все основания полагать, что по мере

развития современной науки эти процессы будут усиливаться. Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска.

О САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ И САМОРЕФЛЕКСИВНЫХ СИСТЕМАХ И ИХ ИССЛЕДОВАНИИ¹

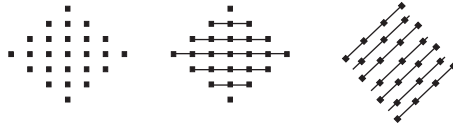
В.А.Лефевр

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

В исходном пункте выделим и различим: а) процесс представления объекта как системы и б) процесс конструирования объекта по некоторому проекту.

1. Представление объекта как системы. Для решения некоторых познавательных задач объект должен быть изображен как расчлененный на элементы. Изображение должно фиксировать связи и отношения, которые превращают «расчлененность» в некоторую «целостность». Элементы, а также связи и отношения могут быть выделены по-разному в зависимости от тех «стандартов», в которых исследователь отражает объект и которые определяют его структуру.

Пусть, например, задан набор точек, которые необходимо пересчитать:

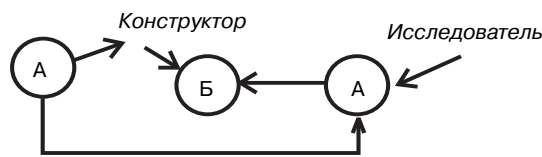
В зависимости от тех математических средств, которые есть у исследователя, объект будет представлен либо как система горизонтальных, либо как система наклонных полос. Очевидно, что эти системные представления различные и что бессмысленно ставить вопрос о том, какое из них более точно отражает данный объект.

2. Конструирование объекта как системы. При решении практических задач строятся специальные объекты. Они строятся из набора деталей по особому «проекту-изображению», которым руководствуется «конструктор». «Конструктор» переносит «изображение» в иную сферу. Он овеществляет его в новом материале. Полученный объект обладает структурой, поскольку она создана.

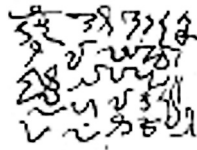
3. Исследование объекта, который сконструирован. Перед исследователем может стоять особая задача — выделить из объекта ту структуру, которой он наделен. Но объект, как объект исследования, приобретает структуру своего изоб-

¹ Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании / Проблемы исследования систем и структур. М. 1965. С.61-68.

ражена (ибо «усмотреть» в объекте структуру - это и значит изобразить его). Следовательно, необходимо выбрать такое системное представление объекта, которое отражает именно приобретенную им структуру. Из этой необходимости вытекает естественный принцип, которым должен руководствоваться исследователь: он должен *заимствовать* «проект», которым руководствовался «конструктор», и использовать его в новой функции – в качестве средства системного представления.

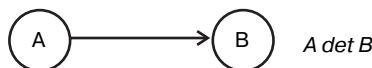
Пусть, например, задан некоторый древний недешифрованный текст, который первоначально выступает как нагромождение линий и точек. Стоит задача его дешифровки.

Лингвист должен расчленить этот текст на вполне определенные элементы, выбор которых определяется объективным стандартом письма некогда существовавшего народа.

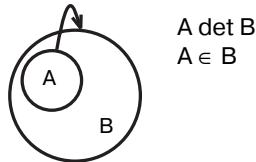
Лингвист должен реконструировать этот стандарт, и с «точки зрения» этого стандарта представить нагромождение линий и точек как систему. Неверно выбранное исходное представление сведет на нет всю последующую работу и лишь одно единственное позволит решить задачу.

4. Различение организованности и системности. Должен ли «конструктор» с необходимостью быть Человеком (или его порождением)? У нас нет оснований для признания такой необходимости. «Конструктором» может считаться любой механизм, который реализует некоторый «проект», структурируя некоторый материал. Это вынуждает нас ввести понятие организованности и организующейся системы, которая, в каком-то смысле, сравнима с исследователем по «совершенству». Организующейся мы будем называть систему двух элементов А и В вместо с особым детерминирующим механизмом, который структурирует В в соответствии с проектом А:

Структуру, приобретенную элементом В в такой системе, будем называть «организованностью». в отличие от той структуры, которой «наделяет» этот элемент исследователь и которую будем называть «системностью». Подобная схема позволяет ввести понятие организованности как характеристику элемента некоторой системы, но не позволяет ввести характеристику организованности как характеристику целого. Для задания такой характеристики «введем понятие самоорганизующейся системы.

5. Самоорганизующаяся система. Самоорганизующейся системой будем называть такую систему, в которой один из элементов выполняет функцию проекта всего целого и особый механизм осуществляет структурирование целого по образцу «проекта».

Организованностью целого является та структура целого, которая порождается реализацией проекта.

6. Принцип заимствования. Самоорганизующиеся системы могут исследоваться так же, как любые другие объекты. В этом случае выбор системного представления полностью диктуется исследователем. Но если стоит задача исследовать самоорганизующуюся систему именно как самоорганизующуюся, то выбор системного представления диктуется самой этой системой. Исследователь должен выделить из системы ее проект, включить его (обычно специально реконструировав) в систему своих изобразительных средств, как средство системного представления, и рассмотреть данную систему как бы с «точки зрения» самой этой системы. Принцип представления системы с помощью средства, извлеченного из нее самой, мы будем называть принципом заимствования.

7. Степень организованности. В качестве меры организованности можно выбрать уклонение структуры всей системы от «проекта» этой структуры (диссонанс системы). Чем более структура уклоняется от «проекта», тем меньше степень организованности. Этот путь позволяет ввести понятие меры организованности, не прибегая к абсолютной «мировой» мере организованности, в функции которой пытаются использовать энтропию.

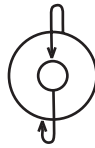
8. Системы - конфигуриды. Рассмотрим процесс создания электронного прибора. Опустив несущественные детали, его можно изобразить так:

В «материале» электронного прибора овеществлены две различные структуры. Он обладает двумя «организованностями», поскольку они в него вложе-

ны. Системы, обладающие подобными «симбиозами» структур, будем называть конфигуроидами. Особый класс составляют конфигуриды с антагонистическими структурами. Для изображения конфигуриды необходимо строить систему системных представлений – конфигуратор.

9. Саморефлексивная система. Систему, один из элементов которой выполняет функцию отображения целого, будем называть рефлексивной системой.

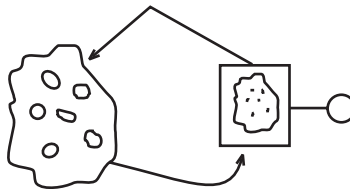
Систему, являющуюся одновременно рефлексивной и самоорганизующейся, будем называть саморефлексивной. Отображение структуры целого в элементе будем называть рефлексией.

10. Коллектив как саморефлексивная система. Использование схемы саморефлексивной системы позволяет объяснить некоторые моменты функционирования и развития простейших и первобытных коллективов. В частности, оказывается возможным построить механизм происхождения индивидуальной рефлексии. Построим модель простейшего первобытного коллектива.

Введем различие «рядового» члена и «лидера». Лидер выполняет функцию «конструктора» ситуативных структур коллектива. Это его единственная функция. Каждый рядовой «владеет» набором отдельных трудовых процедур. Внутренне процедуры никак не связаны. Они соединяются в последовательности лишь посредством сигналов лидера.

Все члены коллектива оперируют с действительностью. Лидер оперирует с особой действительностью – коллективом. Он вытолкнут из него и стоит над ним. Выполнить функцию конструктора он сможет, лишь если он «ассимилирует» эту действительность, отобразив ее на специальный «планшет», затем преобразует это отображение в некоторый проект, а затем реализует его.

На планшет должны быть отображены отдельные «рядовые члены», объекты, ассимилированные ими, а также специальные метки процедур, которые они выполняют.

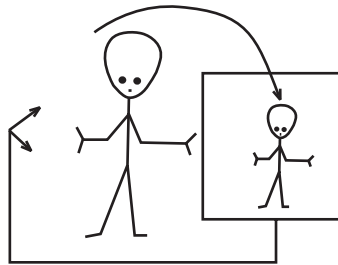

Таким образом, в исходном пункте вводятся два «начала» в коллективе: 1) «трудовые» операции, выполняемые «рядовыми членами», и 2) особая «трудо-

вая операция», по отношению к особому объекту — коллективу, выполняемая лидером в помощью специального знакового средства — планшета. По-видимому, фиксировать возникновение коллектива можно лишь в момент превращения сообщества в саморефлективную систему, т. е. тогда, когда появляются знаковые средства планирования деятельности коллектива как целого.

11. Малочисленный коллектив. Введем ограничение на количество «рядовых» членов в коллективе, оставив объем необходимых трудовых процедур прежним. В малочисленном коллективе «существо», являющиеся лидером, должно выполнять «рядовые функции», наряду со своими лидерскими функциями. В целом ряде задач лидер должен отражать себя на планшете в виде особого материального заместителя наряду с прочими, «рядовыми» членами (например, в задачах распределения). С этого начинается принципиально иная линия. В лидере оказываются совмещенными оба начала — выполнение «рядовых» трудовых операций и специфической организующей деятельности.

Впервые индивидуальная деятельность оказывается организованной. Механизм, который раньше действовал в масштабе коллектива, переходит в индивидуальную деятельность. Лидер превращается в саморефлективную систему.

Система управления коллективом (сигнализация) первоначально должна перейти в его индивидуальную деятельность, но поскольку нет пространственных разрывов, для преодоления которых она возникает, сигналы в индивидуальной деятельности отмирают и устанавливается прямая связь между планшетом и трудовыми процедурами

По-видимому, соединение двух различных видов деятельности в результате отражения «существа» на свой планшет и есть возникновение индивидуальной рефлексии. «Я» возникает как внешний материальный заместитель лидера. Первоначально утеря этого материального заместителя есть утрата рефлексии (самоосознания). Лишь затем, будучи отраженным физиологическим аппаратом, объект-заместитель переходит в «голову».

Индивидуальное сознание не может возникнуть в «голове». Для объяснения процесса его происхождения необходимо исследовать строение деятельности коллектива и процессы эволюции знаковых средств. Проблема происхождения человека, так же как и проблема возникновения первобытного общества — это в значительной мере семиотические проблемы.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НА ПУТИ К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИМ КОНЦЕПЦИЯМ
УПРАВЛЕНИЯ

Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского

Издательство «КОГИТО-ЦЕНТР»
Номер лицензии 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 01.12.05
Формат 60 x 90 1/16. 18 усл. печ. л. Тираж 250
Отпечатано в типографии «Макс-принт»